

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

VI

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

VI

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТОМ
VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1953 ЛЕНИНГРАД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. И. АВДИЕВ (отв. редактор), ***Д. И. ТИХОНОВ***, ***В. И. БЕЛЯЕВ***

Д. И. ТИХОНОВ

ВОСТОЧНЫЕ РУКОПИСИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

I

Фонд восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР давно перестал быть только собранием рукописей и превратился в одно из богатейших хранилищ письменных памятников народов Востока. Наличие в рукописном фонде таких отделов, как фототека, архив востоковедов, отделы ксилографов и литографий уже само по себе говорит о разностороннем характере собранных материалов.

В рукописных фондах Института представлены письменные памятники с далекой древности до середины XX в. Наиболее ранними памятниками являются египетский папирус, представляющий часть списка так называемой „Книги мертвых“, относящийся к X в. до н. э., и бронзовые таблички из Южной Аравии, которые, по определению И. Ю. Крачковского, имеют более чем 2000-летнюю давность. Эти таблички, как полагают, происходят из Харама и, возможно, находились в храме Зу Самавй в городе Бйн и представляют покаянные надписи. Столь же древней является пракритская (древнеиндийская) рукопись на бересте из южной части Синьцзяна. Она содержит большую часть текста „Дхармапада“ — известного буддийского канонического текста.

Если к раннему времени относятся лишь отдельные памятники, то последующие столетия нашей эры (IV—IX вв.) представлены обширными собраниями; таковыми, например, являются многочисленные документы из Синьцзяна на уйгурском, китайском, тибетском, древнеиндийском языках, манихейские рукописи, согдийская и дунь-хуанская коллекции. Но особенно значительны собрания памятников, относящихся к периоду более позднего средневековья и к новому времени.

Комплектование рукописного фонда имеет длительную историю; первые поступления восточных рукописей в книжные собрания Академии Наук начались задолго до образования Азиатского музея (11 ноября 1818 г.). Естественно, что в то время и в первые годы существования Азиатского музея рукописные фонды комплектовались в процессе пополнения востоковедной библиотеки вообще. В основу книжных фондов Азиатского музея легли небольшие коллекции петровской Кунсткамеры. Вскоре вновь созданное учреждение пополнилось другими собраниями, и это пополнение не прекращалось и позднее, когда на базе Азиатского музея был создан Институт востоковедения, оно продолжается и теперь.

Образование Азиатского музея устранило элемент случайности в комплектовании восточных фондов, но собственные средства на пополнение фондов новый Музей получил впервые только в 1835 г. в размере 2000 рублей. Мало изменилось финансовое положение Азиатского музея и в дальнейшем. Достаточно указать, что до 1889 г. сохраняло свое действие расписание расходов, по которому в Музее полагалось всего 2 должности: директор и ученый хранитель, а сумма на пополнение коллекций до 1894 г. составляла всего 600 рублей и лишь после 1894 г. была увеличена еще на 500 рублей. Естественно, что на 600 рублей нельзя было делать больших приобретений. Но как бы ни были скудны собственные средства Азиатского музея, все же рукописные фонды его пополнялись довольно быстро из других источников.

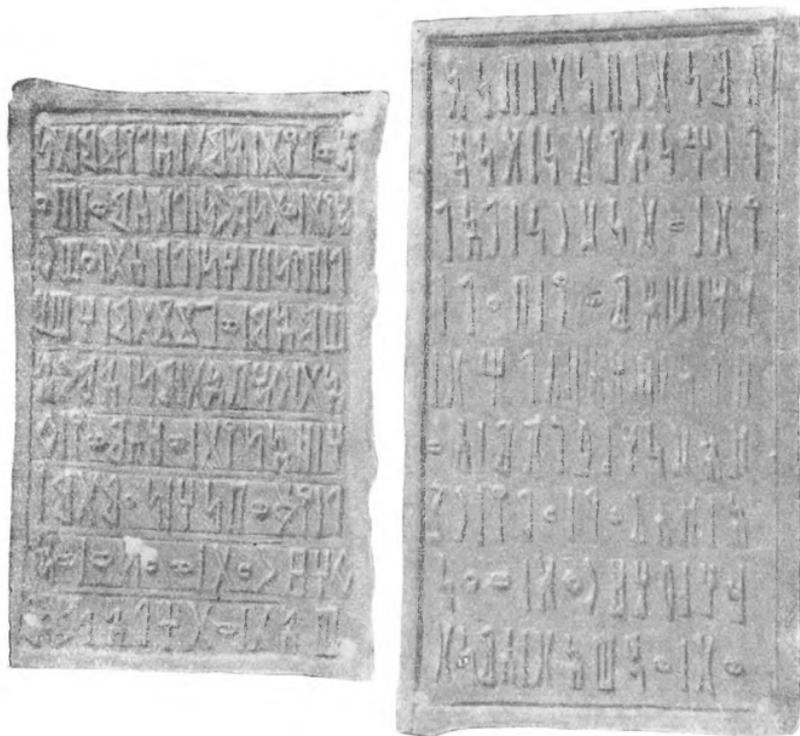
История комплектования рукописных фондов Института неразрывно связана с историей русского и советского востоковедения. Интерес к Востоку находил свое выражение, в частности, и в собирании письменных памятников на восточных языках. Археологические и географические экспедиции на Восток собирали рукописи и документы, посылались и специальные экспедиции с этой целью. Немало имелось и отдельных ученых и практических работников, которые также собирали отдельные памятники и большие коллекции, а затем дарили их Азиатскому музею или передавали их ему, заканчивая свой научный путь.

Не имея возможности в данном обзоре упомянуть о всех поступлениях рукописных фондов, мы ограничиваемся перечислением лишь некоторых наиболее важных коллекций.

Уже в первые годы деятельности Музея его коллекции обогатились великолепным собранием Руссо. С приобретением этой коллекции арабские рукописи Музея с 3—4 десятков

возросли до 851 единицы, а таджикские и персидские — до 700 единиц.

Достоинство коллекции Руссо состояло не только в ее значительном объеме, но главным образом в том, что она содержала весьма редкие и великолепные по оформлению

Сабейские покаянные бронзовые таблички из Южной Аравии.
VI—I в. до н. э.

экземпляры. Коллекция собиралась в арабских странах и в Иране в начале XIX столетия, когда охотники из Европы за восточной стариной и редкими рукописями только начинали по-настоящему развешивать свою деятельность.

Чтобы представить научное значение коллекции Руссо, достаточно указать, что в нее входят прекрасные списки „Шах-намэ“ Фирдоуси, произведения Са'адй, Хāфиза, Джāмй, уникальный автограф „Мансуровской истории“ ал-Хамавй,

копия географии Абӯ-л-Фиды, географический словарь Иа́су́та и много других.

Если собрания рукописных литературных памятников не только народов Ближнего и Среднего Востока, но столь же успешно пополнялись и другие разделы. В 1830 г. поступило собрание японских памятников П. А. Шиллинга, в 1832 г. — собрание китаиста З. Леонтьевского, а в 1833 г. — коллекция китаиста М. В. Ладыженского. В эти же годы начали поступать отдельные памятники китайской культуры известного китаиста Иакинфа Бичурина. Основная часть его коллекции была им отдана на хранение П. А. Шиллингу и, очевидно, в составе собраний Шиллинга потом поступила в собрание Азиатского музея.

В 1835 г. собрание пополнилось тремя коллекциями. Первая в количестве 43 рукописей поступила от Петра Каменского, в которой были сочинения монгольские и тибетские, а вторая — от П. А. Шиллинга в количестве 2600 единиц китайских, монгольских, маньчжурских, тибетских, индийских и японских письменных памятников и третья коллекция санскритских рукописей была куплена в Лондоне в количестве 95 единиц.

Через два года последовали новые поступления. В 1837 г. поступило собрание, в составе которого оказалась копия произведения известного индийского поэта XII в. Чанда Панеди. В этом же году собрание пополнилось новыми памятниками на грузинском и армянском языках. В 1838 г. вновь поступили грузинские рукописи и вторая коллекция П. А. Шиллинга.

Первые десятилетия деятельности Азиатского музея показали, что это вновь созданное научное учреждение Академии Наук стало весьма важным центром собирания и хранения письменных памятников народов Востока.

В 40-х годах собрание Азиатского музея пополнилось целым рядом интересных коллекций и отдельных памятников. В 1840 г. поступило несколько рукописей и ксилографов, собранных в Пекине китаистом В. П. Васильевым, в следующем, 1841, году — грузинские рукописи. Правда, эти пополнения не принесли крупных памятников, но зато в 1847 г. большая коллекция грузинских рукописей Теймураза Багратиони сразу обогатила собрание многими интересными произведениями. Именно в составе этой коллекции были поэтические сборники первой половины XIX столетия. Монгольские рукописи в этом году обогатились коллекциями Шмидта.

Следующее значительное пополнение произошло в 1852 г. —

Х. Д. Френ передал Музею рукописи, собранные им в Казани. В 1855 г. поступила коллекция санскритских рукописей, главным образом ведического характера. В 1858 г. Музей получил рукописи, собранные Н. В. Ханыковым в Иране. Вторая коллекция Ханыкова поступила в 1860 г. В 1859 г. была приобретена хорошая коллекция, собранная в Средней Азии П. И. Лерхом. В составе этой коллекции оказалось такое ценное сочинение, как „Книга генеалогических имен“ ас-Сам‘анй.

В 60-х годах собрание Азиатского музея пополнилось большим количеством памятников. Прежде всего следует назвать большую и разнообразную коллекцию из Азиатского департамента, пополнившую как дальневосточные собрания, так и ближневосточные. В 1865 г. поступили рукописи В. В. Вельяминова-Зернова, главным образом относящиеся к Средней Азии, а в 1867 г. — персидские и арабские рукописи, в числе которых оказалась еще одна рукопись замечательного памятника арабской литературы — „Мақам“ ал-Харйрй (мақамы — рассказы особого жанра арабской литературы авантюрно-приключенческого характера).

В 1874 г. за счет коллекции Кауфмана значительно пополнилось собрание узбекских и таджикских рукописей. Следующим поступлением явилась коллекция, собранная главным образом в Казани.

Наиболее значительные поступления последовали в 1884 г., среди них коллекции П. Кебадзе, Э. Паландишвили и М. И. Броссе. Наиболее ценным было собрание М. И. Броссе, в составе которого имелись также и армянские рукописи. Оно содержало памятники по различным отраслям знания, но наибольшее количество рукописей было исторических. К этому же году относится поступление коллекции Б. А. Дорна, состоящей главным образом из арабских и персидских рукописей.

Последнее десятилетие XIX столетия ознаменовалось новыми значительными поступлениями. Прежде всего следует назвать довольно большую коллекцию А. Л. Куна, собранную в Средней Азии. В 1890 г. получены были рукописи из собрания В. А. Радлова, главным образом на тюркских и монгольском языках, в частности „Шара-туджи“; затем поступили грузинские, арабские и несколько армянских рукописей. Наиболее интересная армянская рукопись содержит притчи, список относится к 1320 г. В это же время было приобретено собрание монгольских рукописей А. М. Позднеева. В 1896 г. поступила коллекция И. Н. Березина, а в 1897 г. — две коллекции, собранные в Средней Азии.

Начало XX в. ознаменовалось еще более значительными поступлениями в количественном отношении и в смысле ценности отдельных памятников и целых коллекций. Собрания Музея пополнились в 1901 г. коллекциями, собранными в Бухаре в 1904 г. — коллекцией В. В. Бартольда, которую он вывез из Средней Азии, и различными рукописями от Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии. Следующая коллекция этого комитета поступила в 1905 г. В 1907 г. пополнились собрания персидских и индийских рукописей, в числе которых были рукописи на языках: пали, сингалезском, сиамском, камбоджском.

Однако наиболее ценные пополнения последовали в 1908 г. и в следующем, 1909, году, среди них — большое собрание (180 единиц) санскритских рукописей и хорошо подобранная коллекция В. Р. Розена. Эта коллекция обогатила собрание арабских рукописей несколькими весьма ценными сочинениями, в том числе первым и вторым томами рукописи „Золотые луга“ (ал-Ма‘судй). Самым ценным пополнением этих лет оказалась корейская коллекция П. А. Дмитриевского. Его коллекция насчитывала в своем составе более 400 различных памятников: история, язык, литература, медицина, энциклопедия и т. д. Чтобы представить ценность этого собрания, достаточно сказать, что в нем оказался рукописный экземпляр большой корейской энциклопедии 1770 г. — Тонгук мунхо биго и медицинская энциклопедия. Вскоре поступила вторая коллекция корейских рукописей и ксилографов. Она была хорошо подобрана и содержала несколько уникальных произведений, особый интерес представляла серия корейской народной литературы.

Затем поступили две коллекции рукописей, собранных в Средней Азии. В составе одной из них оказались туркменские рукописи.

По мере пополнения новыми коллекциями увеличивалось число языков, на которых были написаны рукописи. В 1909 г. поступили уйгурские рукописи из собрания Н. Ф. Петровского и огромная коллекция (около 5000 единиц) тангутских рукописей и ксилографов, найденная П. К. Козловым в Хара-Хото (Монголия). Поступление тангутских памятников, равно как и корейских, обогатило собрания Азиатского музея исключительными коллекциями. В следующем, 1910, году собрание уйгурских рукописей пополнилось новым поступлением от С. Ф. Ольденбурга.

Новое собрание различных рукописей от Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии получено было

Азиатским музеем в 1911 г. В 1912 г. после продолжительного перерыва пополнилось собрание армянских рукописей коллекцией в 79 томов. Пришли новые собрания из Ирана и индийские рукописи на пенджабском языке. В 1913 г. поступила новая коллекция из Ирана и от М. С. Андреева тамильские рукописи на пальмовых листьях.

В 1914 г. вновь пополнились собрания армянских и туркменских рукописей, получена была коллекция турецких рукописей. Пришла новая коллекция из Ирана и небольшое собрание из Средней Азии. Затем Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии передал очередное собрание своих рукописей, а Б. Я. Владимирцов — первую коллекцию монгольских и тибетских рукописей; вторую коллекцию он передал в следующем, 1915, году. В этом же году фонд пополнился коллекциями из Казани, из Северной Африки и большой коллекцией из 1057 рукописей, собранной в Бухаре. Эта коллекция содержала памятники по различным отраслям знаний на узбекском, таджикском, арабском и персидском языках. В ее составе были великолепные рукописи, как, например, „Опыт народов“ Ибн Мискавейха.

В 1916 г. поступили большие коллекции, собранные в Средней Азии, на Кавказе и в Иране. Большая ванская коллекция (1289 рукописей), собранная в районе Вана и Эрзерума, пополнила собрания арабских, персидских и армянских рукописей. Была собрана вторая коллекция в Бухаре, которая дополнялась собранием В. Мельникова и В. В. Бартольда, а также собранием памирских рукописей И. И. Зарубина. В 1917 г. поступили в небольшом количестве индийские и монгольские рукописи.

Советское правительство с первых дней своей деятельности проявляло исключительно большое внимание к собиранию и хранению памятников письменности народов Востока. В 1918 г. было передано Азиатскому музею рукописное собрание Учебного отдела Министерства иностранных дел и, кроме того, поступили коллекции В. В. Радлова, Д. А. Хвольсона и А. А. Семенова; последняя была интересна тем, что состояла из исмаилитских рукописей.

Хорошо подобранная коллекция арабских рукописей была передана Азиатскому музею из библиотеки Зимнего дворца в 1919 г., она обогатила арабские рукописи несколькими великолепными памятниками и стала доступной для научного исследования. Затем поступили армянские рукописи, коллекция персидских рукописей В. А. Жуковского и В. В. Вельминова-Зернова. В 1920 г. были получены три коллекции.

которые вновьполнили собрания армянских, арабских и индийских рукописей. В следующие годы поступили коллекции среднеазиатских рукописей от А. А. Семенова, небольшие собрания армянских, арабских рукописей, а также монгольских и тибетских от Б. Я. Владимирцова. В 1926 г. Полномочное представительство СССР в Персии прислало собрание персидских рукописей, а А. А. Семенов передал свою третью коллекцию среднеазиатских рукописей. В 1927 г. поступило собрание персидских и турецких документов различного характера. В следующем году собрание пополнилось коллекцией В. И. Анучина и монгольскими и тибетскими рукописями Б. Я. Владимирцова; новое пополнение от Б. Я. Владимирцова, которое последовало в 1929 г., дополнилось собранием монголиста К. Ф. Голстунского.

В 1930 г. на базе Азиатского музея был создан Институт востоковедения. Новый Институт имел более широкие научные цели, чем Музей. Наряду с научной работой Институт продолжал собирать рукописей. В первый год своей деятельности он пополнил фонды коллекциями Е. Э. Бертельса из Бухары и другими. В одной из этих коллекций были памятники из Хорезма. В это же время пополнилось индийское собрание за счет рукописей, которые содержали драматические произведения. В 1934 г. поступила небольшая коллекция из Казани, а в 1935 г. коллекция монгольских рукописей от С. Д. Дылыкова. В следующие два года Музею были переданы небольшие коллекции, собранные в Татарской АССР, в Башкирской АССР, в Дагестане, Азербайджане. Наибольший интерес из последних поступлений представляет хорезмийская рукопись, поступившая из Астрахани.

В 1937—1938 гг. поступление коллекций продолжалось, из них наибольшее значение имеет коллекция Института истории Академии Наук СССР из собрания Н. П. Лихачева.

Поступления 1939 г. почти удвоили число памятников Рукописного отдела Института востоковедения. Поступили две небольшие коллекции: одна из них собрана в Иране, а другая на Памире Институтом антропологии и этнографии Академии Наук СССР. Главным образом пополнился тибетский фонд, в который вошло около 30 000 томов рукописей и ксилографов. В 1940 г. были получены три коллекции из Ростова-на-Дону от Н. И. Покровского, из Казахстана и из Ирана.

В годы Великой Отечественной войны рукописное собрание Института продолжало пополняться коллекциями: в 1941 г. из Казахстана, в 1944 г. из Ташкента и из Пятигорска.

В последние годы также имеются поступления. В 1947 г. получена коллекция от Филоненко из Пятигорска, а в 1948 г. — от Д. А. Алексеева собрание монгольских рукописей. В 1949 г. Кашмирское общество друзей Советского Союза в Сринагаре прислало в дар индийскую рукопись. Министерство иностранных дел передало Институту востоковедения арабскую рукопись из Африки. В 1952 г. Ленинградский музей связи передал древнеегипетский папирус, а С. Е. Малов передал в дар три древнеуйгурских юридических документа.

Краткое перечисление далеко не всех коллекций показывает историю пополнения рукописного собрания Института востоковедения Академии Наук СССР. Из приведенных данных видно, что за время Советской власти фонд рукописей Института пополнялся более интенсивно, чем до 1917 г.

Хотя в России собирание рукописных памятников народов Востока началось несколькими десятилетиями позже, чем в западноевропейских странах, тем не менее наши отечественные собрания по многим фондам стали самыми богатыми как по количеству единиц хранения, так и по научному значению собранного материала.

Благодаря заботам нашей партии и правительства о сохранении памятников культуры прошлого фонды восточных рукописей неизменно продолжают расти. После Великой Отечественной войны рукописные собрания Института увеличились еще на 4000 томов.

В настоящее время рукописный фонд Института насчитывает около 70 000 рукописей, ксилографов, литографских изданий и старопечатных книг, ставших большой редкостью. Если же учесть, что многие тома содержат по несколько различных произведений, то общее количество трудов восточных авторов должно составить значительно бóльшую цифру.

Кроме того, в нем имеется большое количество различных документов на восточных языках и 70 фондов архива востоковедов с обширными материалами по истории русского и советского востоковедения, а также большая фото-тека.

Собрание рукописных памятников Института востоковедения Академии Наук СССР выгодно отличается от многих собраний подобного типа тем, что оно имеет в своих коллекциях письменные памятники более чем на 45 языках народов Востока. Вот перечень этих языков:

азербайджанский	сабейский
арабский	санскрит
армянский	сиамский
афганский	сингапурский
батакский	сирийский
бенгали	согдийский
бирманский	таджикский
грузинский	тамильский
джурдженский	тангутский
древнееврейский	татарский
камбоджский	телугу
кашмири	тибетский
киданьский	тохарский
китайский	турецкий
коптский	туркменский
корейский	узбекский
малайский	уйгурский
маньчжурский	хинди
монгольский	хорезмийский
пали	эфиопский (абиссинский)
панджаби	японский
персидский	и другие.
пракрит	

Одно это простое перечисление ясно показывает научное значение рукописного собрания Института. К перечню языков необходимо добавить, что рукописные памятники относятся к разным периодам истории и представляют различные отрасли науки — историю, литературу, язык, филологию, географию, точные науки и т. д.

Среди рукописных коллекций Института востоковедения имеется, как уже отмечалось, много весьма редких сочинений, из которых некоторые являются уникальными памятниками. Часть рукописей представлена автографами или копиями, написанными при жизни авторов. Многие рукописные сочинения украшены прекрасными миниатюрами. Отдельные рукописи представляют редкие образцы искусства каллиграфии, снабжены великолепными заставками и одеты в красивые переплеты. Не ставя себе целью дать полное и подробное описание этих обширнейших фондов, делается попытка лишь кратко охарактеризовать их, чтобы хотя бы в общих чертах дать представление о тех рукописных богатствах, которыми располагает Институт востоковедения Академии Наук СССР.

II

Рукописные фонды Института распадаются на следующие отделы: восточные рукописи, ксилографы и литографские издания на языках народов Востока, фототека, документы и архив востоковедов. В свою очередь каждый из этих отделов делится по языкам, а затем по отраслям науки: история, география, поэзия и т. д.

Порядок описания фондов можно было бы установить самый различный: алфавитный, по языкам, или же в порядке поступления основных коллекций. Но хотелось бы начать с одного из молодых по времени поступления, но старейшего по написанию — согдийского.

Согдийские документы, найденные в замке на горе Муг в Таджикистане на левом берегу Зерафшана в 1932—1933 гг., составляют около 100 единиц хранения. Коллекция этих документов является первой находкой письменных памятников, обнаруженных на территории самой Согдианы. Ранее согдийские документы попадались за пределами Согдианы, в частности при раскопках на территории Синьцзяна.

Написанные на бумаге, коже и дереве, документы с горы Муг относятся к первой четверти VIII в. н. э. По содержанию документы представляют деловую переписку, хозяйственную отчетность, на некоторых из них сохранились печати. Часть документов сохранилась хорошо, часть же настолько пострадала, что уцелели лишь отдельные строки текста. Среди согдийских документов оказались 3 на китайском языке и 1 на арабском. Документы на языках китайском и арабском наглядно свидетельствуют о наличии обширных связей Согдианы с Восточным Туркестаном и Китаем.

Без преувеличения можно сказать, что согдийская коллекция Института востоковедения Академии Наук СССР является единственной в мире по числу документов и по своему содержанию. Она служит важным источником для изучения согдийского языка, культуры Согда и для выяснения некоторых вопросов социальной истории и внешних связей.

Уже расшифровка небольшой части документов позволила установить новые факты и дала исследователям возможность высказать ряд весьма важных положений, относящихся к последнему периоду истории Согдианы. Согдийские документы, как полагает И. Ю. Крачковский, были оставлены в заброшенном замке на горе Муг Дивастичем, одним из владетелей Согдианы, после взятия замка арабским наместником в 722 г. В эти годы народы Средней Азии, а в том

числе и согдийцы, предприняли попытку освободиться от арабского господства и наместника халифа Са'ид ал-Харашӣ, который в 722 г. совершил карательную экспедицию против Согда.

Кроме согдийской коллекции, рукописный фонд располагает также большим собранием других памятников по истории, литературе и культуре народов Средней Азии. Если в составе коллекции Руссо находились только отдельные памятники, то в последующие годы среднеазиатские рукописи стали поступать целыми собраниями. Достаточно назвать коллекцию Лерха (1859), Вельяминова-Зернова (1865), Кауфмана (1874), Куна (1890), Бартольда (1904), Зарубина (1916), Бертельса (1930) и др.

Благодаря этим поступлениям рукописный фонд пополнился памятниками, собранными в Бухаре, Хорезме и в Фергане, т. е. во всех наиболее важных культурных областях Средней Азии.

Несомненно, что среднеазиатские рукописи Института в целом отражают высокое развитие науки (и в частности исторической науки), а также искусства и особенно литературы одной из мировых культурных областей средневековья. Рукописное собрание памятников народов Средней Азии содержит материалы по всем периодам ее истории, начиная с ранних времен нашей эры. Но коллекция отличается достаточной полнотой не только в хронологическом отношении; она также содержит материалы и по различным отраслям знаний, так как в ее составе имеются исторические сочинения, географические описания, поэтические произведения, повествовательная литература, руководства по медицине, трактаты по математике, многочисленные рисале ремесленников и т. д. Имеется несколько списков известной поэмы „Шāх-нāме“ Фердоусӣ.

Это крупнейшее произведение раннефеодального периода получило широкое распространение в Средней Азии и Иране и было переведено на арабский и грузинский языки. Поэма оказала большое влияние на дальнейшее развитие литературы многих народов. Один из ее списков является украшением рукописного собрания Института. Этот список датируется XV веком, он содержит полный текст поэмы. Рукопись иллюстрирована большим количеством миниатюр, характерных для XV столетия. Список Института считается одной из лучших рукописей поэмы „Шāх-нāме“.

В собрании Института хранятся произведения великих среднеазиатских ученых — Авиценны (980—1037) и Бйруни

(около 972—1048). В частности, имеются рукописи медицинских трактатов Авиценны и его переписка с Бирӯни.

Исторические сочинения позднейших авторов дают обширный и интересный материал по истории кыпчакских ханов, истории Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств. В этих сочинениях содержатся данные не только по политической истории ханств, но и материалы социально-экономического характера. Не ставя целью перечислить все рукописи исторического характера в составе фонда Института востоковедения, мы должны отметить наиболее ценные из них, в том числе несколько сочинений по истории Бухарского ханства, как, например, „Абдуллā-нāме“ Хафиза Тāныша, в которых содержатся данные по истории XVI в., особенно второй его половины, сочинение Субхāн Қулй хāна, относящееся к событиям XVII в., труд Муҳаммеда Вефā-и Керминегй, заключающий в себе обширные сведения по истории XVIII в.

История Хивинского ханства подробно изложена в целом ряде источников, прежде всего в историческом труде Абӯлгāзй „Шеджереи тюрк“ — „Родословная тюрков“. Дальнейшие события освещены в хивинских хрониках Мӯниса и Агехй. Названные авторы доводят изложение событий до 1872 г., т. е. до момента превращения ханства в протекторат России. Хивинские хроники Мӯниса и Агехй продолжают одна другую. Так как оба описывали происходившие современные им события, то довольно продолжительный отрезок времени в истории Хивы освещен непосредственными свидетелями прошедшего. Более ранний период истории изложен хронистами по письменным источникам. Несмотря на обширные сведения по истории Хивинского ханства и туркмен XVIII и XIX вв., содержащиеся в хивинских хрониках, они пока мало использованы историками. Переводы, опубликованные в „Материалах по истории Туркмении“, сделали доступной широкому кругу историков лишь часть этих источников и далеко не исчерпывают всех сведений, которые содержатся в ряде других источников.

История Кокандского ханства не имеет памятников, подобных хивинским хроникам. В некоторых сочинениях описывается лишь правление отдельных ханов например правление Худāяр-хāна. Однако наибольший интерес вызывает другой труд — автограф рукописи Аваза-Муҳаммеда. Список Института является уникальным, копий с него не было снято.

Заслуживает упоминания также перевод с арабского на таджикский язык известного исторического сочинения Табарӣ, относящегося к X в.; перевод был сделан в Бухаре Бал'амӣ, в том же веке; рукопись Института относится к XIV в.

Необходимо также отметить наличие значительного числа сочинений, посвященных описанию городов Самарканда, Бухары, Ферганы, Ташкента, Мерва, Герата и других. В таких памятниках обычно содержится немало сведений по истории, географии и культуре городов, приводятся данные о ремесле и торговле, встречаются сведения и о социальной жизни. В этой же серии памятников представляет большой интерес дневник Искандеркульской экспедиции с 25 апреля по 27 июня 1870 г.

Рукопись дневника написана на таджикском языке писателем Самарканда 'Абдуллоӣ Раҳӣмом. В дневнике описывается путь из Пянджикента к берегам Искандер-Куля.

Экспедиция была организована Русским Географическим обществом и районы следования экспедиции описаны по программе, составленной Географическим обществом.

В рукописи содержатся интересные данные об экономическом состоянии районов того времени, о хозяйственной деятельности, по этнографии и о культурных памятниках.

Художественная литература народов Средней Азии представлена в Рукописном фонде отдельными произведениями многих авторов и антологиями узбекских, таджикских и туркменских поэтов. По своему объему это собрание позволяет проследить развитие литературы народов Средней Азии и творческий путь отдельных поэтов и писателей.

Институт имеет списки всех основных произведений 'Алишера Навоӣ — основоположника узбекской литературы и одного из создателей узбекского литературного языка. В собрании Института имеется прекрасный список произведений Джамӣ — „Кулийāt“. Большой интерес представляют мемуары Вақифӣ, составленные в первой половине XVI в. В них автор описывает жизнь различных общественных групп Герата, Самарканда, Бухары, Ташкента. Имеются в фонде также произведения Луғфӣ, единственная копия месневи Бабура, сборник четверостиший 'Атқара, посвященный ремесленникам. Среди рукописей Института востоковедения хранятся также сочинения Фузулӣ, Аҳмеда Даниш, Мушфиқӣ, Маҳтума Қулӣ, имена которых украшают узбекскую, таджикскую, туркменскую литературу нового времени.

Среди антологий следует отметить, во-первых, сборник поэтических и прозаических произведений, охватывающий

период от Навоӣ до XIX в.; во-вторых, сборник туркменских поэтов XIX в. К такому же типу относится сборник, содержащий произведения ученых и писателей Коканда и различные сведения о них. Специфическая ценность таких антологий состоит порой в том, что они позволяют выяснить литературное окружение писателя.

Широко представлена в собрании Института рукописная персидская литература. Коллекция персидских рукописей пополнялась вместе с собраниями письменных памятников по истории и культуре народов Средней Азии, Кавказа и арабских стран. Часто источники пополнения фондов были одни и те же.

История Ирана отражена в фонде рядом сочинений. Многие авторы оставили сведения не только по истории Ирана, но и по истории других народов, прежде всего Средней Азии и Кавказа. Из таких сочинений необходимо назвать список широко известного средневекового исторического труда Рашӣд-ад-дина. Хороший список Института содержит текст Рашӣд-ад-дина и продолжение этой хроники, составленное анонимным автором. Сборник писем Рашӣд-ад-дина, известный под названием „Мунша'ат-и-Рашӣдӣ“, находящийся в собрании Института, включает в себе значительный материал по экономике феодального хозяйства и дает сведения, относящиеся к биографии самого автора.

К XIV же веку относится также рукопись географического труда Ҳамдаллаха Қазвӣнӣ.

Ценные сведения по новой истории и исторической географии содержатся в таких сочинениях, как описание прикаспийских провинций и полное описание Керманской провинции, составленные в XIX и XX вв.

Наряду с персидскими историческими хрониками и сборниками писем, в собрании Института востоковедения можно найти ряд рукописей, являющихся отражением юридических феодальных отношений на Среднем Востоке. Таков, например, сборник официальных документов „Дастур ал-кәтиб“ или копии фирманов о вакуфах в период правления Сефевидов; подлинники этих фирманов, как полагают, не сохранились.

Рукописный фонд Института располагает большим количеством различных диванов, всесторонне характеризующих персидскую поэзию. Диваны Са'дӣ занимают достойное место в богатом собрании памятников раннесредневековой лирики. Широко представлено также творчество другого замечательного лирического поэта Ҳафиза. Можно также

указать на диваны таких поэтов, как, например, Шапур Тиграні, „Шамс Табризі“, Захір Фариябі и др.

Впрочем, этими именами перечень повтических произведений далеко не исчерпывается. Для всякого интересующегося историей персидской поэзии в рукописном фонде Института имеется исключительно богатый материал.

Большую ценность представляет собрание уйгурских рукописей, составленное главным образом из коллекций Н. Ф. Петровского, С. Ф. Ольденбурга, П. К. Козлова, Д. А. Клеменца и других русских ученых. В составе рукописей имеются исторические сочинения, различные рисале и тезкире, литературные произведения в прозе и стихах, работы по географии, медицине, математике и т. д. Собрание уйгурских рукописей Института является непревзойденным как по количеству памятников, так и по отраслям знаний. Наличие рукописей по истории, медицине, математике, астрономии и другим разделам науки позволяет высказать мысль, что даже в условиях господства реакционной идеологии ислама и маньчжурского гнета в Синьцзяне никогда не угасала научная мысль.

Коллекции Козлова, Колоколова, Кохановского, Дьякова, Кроткова, Петровского, Ольденбурга, Клеменца пополнили фонды Института древними документами, найденными на территории Синьцзяна. Памятники эти написаны на языках уйгурском, тибетском, китайском, сирийском, согдийском и на санскрите.

Документы сильно пострадали от времени и представляют собой фрагменты различного размера. Различные рисале позволяют изучить цеховую организацию в городах Синьцзяна, а ряд тезкире дает сведения по географии и кое-что по истории страны. Хотя уйгурская историческая литература развивалась крайне неравномерно и с большими перерывами, особенно в период XVI—XVIII вв., тем не менее Институт располагает несколькими сочинениями по истории этого времени. Более обширно представлен последующий период.

В уйгурском фонде имеется несколько рукописей, посвященных политическим событиям XIX в., когда народные массы, задавленные маньчжурскими и местными чиновниками и феодалами, пытались свергнуть иноземное господство, но, попадая под влияние ходжей, попрежнему оставались бесправными и угнетенными. Рукописи эти составлены в конце XIX и начале XX вв. участниками и современниками событий второй половины XIX в. Поскольку эти сочинения

были написаны в различных городах Синьцзяна, представляется возможным проследить ход событий в отдельных оазисах и более полно отобразить общую историческую картину.

Институт располагает, в частности, рукописным вариантом „Тарих-и-Эмйни“ Мулла Мұсы, первый вариант которой издан Пантусовым в 1905 г. Наш вариант полнее изданного не только в отдельных деталях, но содержит также важные сведения, отсутствующие в изданном тексте. „Тарих-и-Эмйни“ является основным источником по истории Синьцзяна XIX в., причем наиболее полные сведения содержатся по северной части Кашгарии.

Большая рукопись Ходжи Юсуфа содержит много интересных сведений о положении в Кашгарском оазисе, однако главное внимание уделено правлению Я'ауб-бека. Событиям в Кашгаре посвящено также сочинение Махмұд-бека.

Мухаммед 'Алям описывает историю Хотанского оазиса с момента восстания до восстановления вновь господства Цинской империи (1864—1879).

Положение в Чугучаке освещает Мухаммед Салих Яркендй, а событиям в Илийской долине посвящено небольшое сочинение анонимного автора.

В уйгурских рукописях заключены ценные сведения по политической истории XIX в. и общественным отношениям в стране. Рукописи могут также служить источником для изучения истории уйгурского языка, его лексического состава и отдельных диалектов. Для изучения истории литературы и общественной мысли уйгурские рукописные сочинения содержат довольно большой материал.

В фонде Института востоковедения богато представлены арабские рукописи. В этом фонде имеются весьма ценные сочинения по истории, географии, поэзии, математике, астрономии, медицине и т. д. Часть из них уникальна. Собрание арабских рукописей Института по праву занимает первое место среди подобных собраний Советского Союза.¹

Китайский фонд Института состоит из рукописей и ксилографов. В его основе лежат старые коллекции, собранные первыми русскими китаеведами XVIII и XIX вв.: Рассохиним, Леонтьевым, Ладыженским, Бичуриным.

Собрание китайских письменных памятников содержит целые серии и отдельные произведения художественной

¹ Подробный обзор собрания рукописей на арабском языке содержится в статье В. И. Беляева в этом же сборнике.

литературы, энциклопедии, исторические и географические сочинения, биографии, библиографические своды, различные каталоги, словари и т. д. Весь этот разнообразный материал представляет большой интерес для изучения многих вопросов истории и культуры как самого Китая, так и соседних с ним народов Центральной Азии.

В составе китайского фонда прежде всего необходимо указать на довольно значительный материал по истории крестьянских и национально-освободительных движений и тайных обществ. Интересные и новые сведения содержатся в целом ряде документов и источников. Сюда относятся императорские указы, доклады за 1813—1814 гг. о восстании Бай Лянь-цзяо в конце XVII в.

Важные данные о тайпинском восстании содержатся в ряде источников. Много ценных сведений о движении тайпинов содержатся в автобиографических записках Го Сун-тао, бывшего губернатором Гуандуна и Гуанси. Последний период восстания освещается в донесениях Сянь Бао-ганя, в жизнеописании Го Сун-тао, которое составлено его сыном, и в ряде других письменных памятников этого периода.

Сведения по истории тайных обществ имеются в протоколах допроса в 1893—1894 гг. 24 лиц, обвинявшихся в принадлежности к одному из нелегальных обществ.

Один из участников событий 1864 г. Лю Цун-хань в своем докладе приводит сведения о дунганском восстании в Илийской долине. К этому же типу материалов можно отнести биографии революционеров, довольно хорошо представленные в серии биографической литературы.

В отдельных памятниках содержатся сведения о взаимоотношениях Китая с западноевропейскими странами. Политика Англии в конце XVIII и в начале XIX в. отражена в докладе Хэ Шэня, в донесении губернатора Гуандуна и Гуанси о посольстве лорда Макартнея и в ряде других документов.

Заслуживают внимания источники, освещающие вопрос о международных отношениях Китая в разные времена. История сношений с соседними народами сохранена в довольно обширных документах, свидетельствующих об изучении языков в Китае. В фонде находится двуязычная переписка, а также словари, как, например: санскритский, тибетский, бирманский, сиамский, тангутский, уйгурский, монгольский и многие другие.

Исторические памятники китайского фонда не ограничиваются указанным кругом источников; к ним необходимо добавить обширные династийные истории, описания военных

походов, географические труды, сочинения по исторической этнографии. В этом плане следует назвать многотомную официальную историю „Эр-ши-сы-ши“.

Философская литература представлена в основном сочинениями конфуцианской школы, а также некоторыми буддийскими и даосскими философскими произведениями.

Рукописи художественной литературы содержат сочинения многих классических авторов и комментарии к ним. В фонде имеются полные собрания сочинений Тао-Цзянь, Ли-Бо, Хань-Юй, много сборников разных поэтов и прозаиков. Раздел художественной литературы дополняется каллиграфией и живописью. Укажем, например, на замечательно исполненный рукописный экземпляр известных новелл Ляо Чжай, прекрасно иллюстрированный, в великолепном переплете.

В китайском фонде имеется исключительно интересный экземпляр одной из книг китайской энциклопедии „Юн-лэ да-дянь“, этого замечательного собрания, содержащего извлечение из давно утраченных текстов древних сочинений. Список Института относится к 1562—1567 гг.

Оригинал „Юн-лэ да-дянь“, составленный в начале XV в., как полагают, погиб в конце царствования Минской династии, уцелели лишь копии. Однако судьба этих последних оказалась столь же печальной. Значительная часть томов была уничтожена и разграблена в Пекине империалистическими усмирителями народного восстания 1900 г.

В фонде имеется также часть другой энциклопедии „Ту-шу цзи-чэн“, изданной ксилографическим способом.

Особого упоминания заслуживает коллекция, вывезенная С. Ф. Ольденбургом из Дунь-Хуана в 1909—1915 гг. Она содержит буддийские сутры, документы, памятники художественной литературы. Дуньхуанские памятники относятся к VI—XI вв., некоторые из них уникальны, как, например, рукопись начала VIII в., известная под названием „Литературного сборника“, в котором содержатся стихотворения древних китайских поэтов и комментарии к ним. Документы из Дунь-Хуана имеют значение для изучения истории и культуры не только Китая, но и народов Центральной Азии.

В фонде имеется довольно много древних китайских рукописей, которые являются важным источником для изучения буддизма в Китае. Некоторые из них уникальны. В числе древних рукописей находится много памятников даосской и конфуцианской литературы. В этом большом собрании

他鄉遇故
省舅通來
共泛舟昔
奉道伴遇
申流易裝
載與同旋
里擬效冀
皇兩願酬

陳雲棲 第二頁

一日母遠兩人如京氏留數日歸泛舟遇雲眠
攝歸今易道裝偽作姊妹待字成從之見母母見
其違世故代物勞陰思納女姊以掩女冠之名
一日忘事戚代借用謂女曰若得成爲婦無憂
矣女亦早存心聞母言笑對曰新婦設效英皇
如何母許之今姊妹裝香各無悔道與生成夫
姊母善辛無暇爲得成擬作問與女弄夜聽兩
婦彈琴每語入曰兒父在時無此樂也感司出
納母記籍報母母曰作字彈棋誰教之女資告
母亦笑曰初不欲娶道士今得兩矣忽憶童時
所卜今果驗生再試不第母曰窈足食媿我老
可也生從之雲眠生男女各一室棲生女一男
三母八十餘終得管入津長陳雲眠所出已中
鄉遇矣

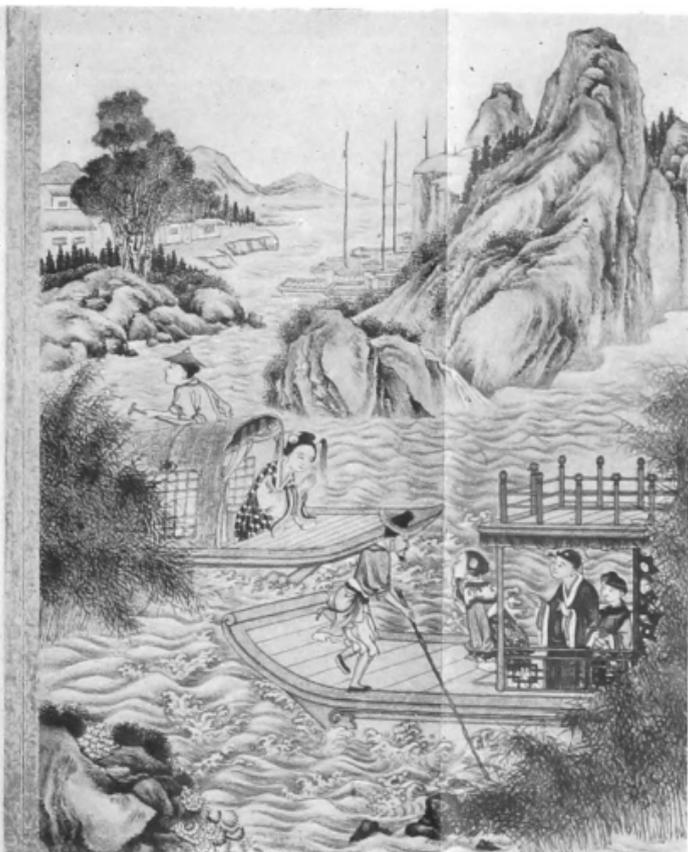

Иллюстрация к сборнику повелл Пу Сун-лина „Ляо-чжай чжи-и“. XIX в.

религиозных сочинений и сборников попутно встречаются и такие любопытные вещи, как рецепты для приготовления лекарств от разных болезней с указанием пропорций веществ, способа приготовления и употребления их.

Свиток из Дуль-хуана. Буддийская сутра на китайском языке VI—VIII в. н. э.

Корейский фонд Института, хотя не велик по количеству единиц хранения, однако по характеру собранных памятников представляет большой интерес. Корейские памятники дают, например, разнообразный материал для истории Кореи, корей-

ского языка, литературоведения, этнографии. Историки корейского языка, лингвисты найдут много ценного материала в собрании народной корейской литературы в 29 книгах. К этой же группе литературных памятников относятся записи народных рассказов и диалогов на корейском разговорном языке, которые производились в 80-х годах прошлого столетия.

Для изучения истории Кореи собрание располагает несколькими многотомными сочинениями, в том числе 5-томным трудом с изложением истории Кореи с древнейших времен, и более полным произведением, состоящим из 56 томов, также излагающим историю Кореи с древнейших времен до династии Ли. Продолжением этих хроник является история династии Ли в 21 томе.

Полезным дополнением к вышеупомянутым сочинениям служат очерки военных экспедиций корейцев против японцев и маньчжур в позднем средневековье, в которых излагается история борьбы корейского народа за свою независимость. Имеются также материалы о вторжении Хидэёси в Корею, а также рукопись, датированная 1658 г. и посвященная корейско-японским отношениям после этого вторжения.

Несомненный интерес представляют описания отдельных городов, в том числе двухтомное описание Пхеньяна. Здесь приводятся данные о планировке городов, описывается быт, культурная жизнь и т. д.

Обширное собрание на китайском языке, посвященное корейской литературе (46 томов), содержит ценные сведения для изучения истории корейской литературы. Оно является не единственным: выше уже упоминалось о 29-томном собрании. Из других значительных коллекций можно, например, указать на коллекцию корейских новелл, а также на библиографический справочник из 5 томов, позволяющий более подробно ознакомиться со старой литературой Кореи.

Особый интерес представляет содержательный и частью уникальный тангутский фонд Института. В основном он состоит из знаменитой коллекции исследователя Центральной Азии П. К. Козлова, открывшего в 1907—1909 гг. мертвый город Хара-Хото. В нем он раскопал субурган, в котором обнаружил богатейший склад письменных памятников на тангутском, китайском, тибетском, монгольском и некоторых других восточных языках. Наибольший интерес представляют, конечно, тангутские материалы. Это богатейшее собрание по количеству памятников и по их научному значению.

Окончательная расшифровка тангутской письменности и изучение различных письменных памятников из Хара-Хото

позволит открыть пока еще мало известные страницы истории тангутского государства и даст значительный материал для изучения его культуры.¹

Для расшифровки тангутской письменности и установления чтения знаков имеет большое значение тангутско-китайский словарь „Чжан-чжун-чжу“, составленный в 1190 г. Другие тангутские словари помогут проследить фонетику языка.

Тангутский фонд рукописей и ксилографов содержит литературу оригинальную, представленную сочинениями тангутских ученых и писателей, а также переводную с китайского и тибетского. С китайского языка переводились военные трактаты, словари, художественные произведения конфуцианских писателей, даосская литература, а с тибетского языка — буддийская литература.

Большой интерес тангутов к китайским военным трактатам — переводы „Сунь-цзы“ с комментариями, „Три тактики“, „Шесть секретов“ — можно объяснить стремлением господствующих слоев Тангутского государства создать свои регулярные вооруженные силы для подавления внутренних восстаний и ведения внешних войн.

Китайская культура, как более развитая, воспринималась Тангутским государством и в области просвещения. По образцу китайской была создана ученая академия, которая перевела очень много книг с китайского на тангутский, составляла словари и т. д. Но наряду с широким распространением китайской литературы и переводов в тангутском государстве развивалась и своя литература, о чем свидетельствуют дошедшие до нас письменные памятники.

Для изучения истории Си-ся, его социальных отношений, законодательства и организации государственного аппарата исключительно большой интерес представляют законы. Одно

¹ Тангутское государство, более известное под китайским названием „Си-ся“, находилось в Центральной Азии; граница его шла на востоке по реке Хуан-хэ, на западе оно граничило с Куку-нором, на севере с районом гор Хо-лань-шань, Хамийским оазисом и рекой Эдзин-гол, а на юге с провинцией Сычуань. По данным источников, Си-ся просуществовало до 1226 г., когда было завоевано монголами. Си-ся было хорошо известно Марко Поло. Тангутская культура достигла высокой степени развития, о чем свидетельствуют различные памятники, найденные на его территории. Столица Си-ся находилась на левом берегу реки Хуан-хэ, где расположен современный китайский город Нинся-фу. Население этого государства было смешанным, на его территории проживали тангуты, китайцы, тибетцы, монголы, джурджени, уйгуры. Государственной религией был буддизм. Основное население — тангуты — говорили на своем языке, имели свою письменность, причем пользовались идеографическими знаками.

из сочинений „Измененный свод законов“ составлено в 1149—1171 гг. В хранилище Института имеется 19 книг этого труда. Второе сочинение называется „Новые законы“, оно составлено в 1212 г. Законы, как исторические источники, дополняются официальными документами и долговыми обязательствами, позволяющими ознакомиться с многими вопросами, которые не находят отражения в исторических сочинениях.

Поэзия представлена тангутскими одами, стихами о нормах поведения, а также народным творчеством — различными изречениями. Имеются сочинения по медицине, тангутские календари, гадательная и религиозная литература. Также заслуживает внимания тангутская энциклопедия „Море значений“.

Собрание маньчжурского фонда Института состоит из рукописей и ксилографов по различным отраслям знаний. Имеются произведения по истории и философии, хорошо представлена художественная литература, словари, переводы с китайского языка, законы, отдельные трактаты по астрономии, медицине, географические описания, энциклопедии.

Некоторые произведения являются довольно редкими и представляют научный интерес. В целом маньчжурский фонд как по объему, так и по содержанию является одним из лучших среди собраний подобных памятников.

Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института охватывает все жанры монгольской литературы. Оно довольно полно характеризует монгольскую письменность в различные ее периоды и дает исчерпывающее представление о составе и содержании монгольской литературы на разных ступенях ее развития.

Часть монгольских рукописей относится к XVII, XVIII и XIX вв., но имеются и более ранние — XVI и даже XIV вв.

Из исторических сочинений прежде всего следует назвать „Эрдэнийн тобчи“, сочинение Саган Сэцэна, и анонимную летопись „Алтан тобчи“. Оба эти сочинения имеются в нескольких списках XVII и XVIII вв. Из более поздних летописей можно указать на „Болор Толи“, написанную в начале XIX в. Авторы названных сочинений приводят весьма ценные сведения по политической истории монголов, а также ряд данных по общественному строю.

К историческим сочинениям примыкают труды и материалы по законодательству, обычному праву и т. п.

Несомненный интерес для историка монгольского народа представляют сочинения биографического характера, например биография Зая-пандита, Нейджа-тойма. Произведения

эпического характера представлены многочисленными списками эпической поэмы о Гэсэре. Особенно интересна рукопись, в которой содержатся те песни о Гэсэре, которые еще не переведены и не опубликованы.

Среди монгольских рукописей и ксилографов имеется много переводов с тибетского и китайского языков.

Следует отметить обширные записи народного творчества, служащие важным источником для изучения монгольского фольклора и лексики монгольского языка. Здесь имеются былины, новеллы, лирические песни, волшебные сказки, пословицы, загадки и т. д.

Наряду с этим можно отметить много рукописей и ксилографов с текстами на двух и более языках, как, например, словари монгольские, тибетские, тибетско-монгольско-китайские, монгольско-маньчжурские и др. Из двуязычных текстов особенно ценен список XIV в., содержащий тибетский текст и монгольский перевод сочинения Сакья Пандита.

Религиозная буддийская литература представлена очень широко: догматическими, философскими, дидактическими и другими сочинениями. Как образец монгольской письменности интересен прекрасно исполненный список XVII в. буддийского философского сочинения „Юм“ в 12 томах.

Самым многочисленным из фондов Института является тибетский. Достаточно сказать, что в нем насчитывается около 30 000 рукописей и ксилографов.

В тибетском фонде представлены все виды литературы, но основную массу его составляют произведения религиозного буддийского характера. Это обстоятельство объясняется тем, что в самом Тибете буддийская литература была распространена больше, чем какая-либо другая. Кроме того, старые фонды подбирались в первую очередь в целях изучения буддизма.

Из обширной буддийской литературы прежде всего необходимо назвать каноническое сочинение „Ганджур“, которое, в частности, включает перевод на тибетский язык изречений, приписываемых Будде. Ксилографические издания „Ганджура“ содержат от 100 до 108 томов. Второе многотомное сочинение в 250 томах называется „Данджур“. Оно представляет больший интерес, чем первое. „Данджур“ содержит комментарий к каноническому собранию „Ганджур“ и обширные сведения по философии, филологии, грамматике. „Данджур“ — своего рода энциклопедия. К этим многотомным ксилографическим изданиям имеется много различных указателей на тибетском языке.

Буддийская литература представлена также многими буддийскими писателями, в том числе произведениями Цзонхавы, Даранаты, Агван Дандара. Имеется значительное число сочинений по буддийской философии, в достаточной мере представлена литература по тибетской медицине и астрономии. Наряду с этим сохранилось довольно много различных грамматик. Менее обильно представлена художественная литература.

Тибетские рукописи из Хара-Хото и Синьцзяна являются довольно ранними образцами тибетской письменности и поэтому они ценны как памятники раннего периода истории Тибета, а также несомненно интересны для изучения тибетской культуры, языка и письменности того времени.

Гораздо менее значительно по численности собрание индийских рукописей Института. Оно пополнялось поступлениями из Индии и Восточного Туркестана. В этом собрании также преобладают памятники буддийской культуры. Однако имеется часть рукописей, не относящихся к буддизму, как, например, большой юридический сборник, составленный на санскритском языке в 1789 г.

Уникальным является отрывок непальской рукописи XV в., содержащий тексты, малоизвестные в индологии. Особенный интерес представляет древнейшая индийская рукопись на березовой коре — из Хотана, написанная на пракрите и содержащая буддийский канонический текст. Рукописи, найденные в юго-восточных районах Синьцзяна писаны на бересте и на бумаге, а многие вывезенные из Индии начертаны на пальмовых листьях. Одна из них содержит дарственные записи, а некоторые являются терминологическими буддийскими словарями и каталогами.

Среди многочисленных отрывков индийских рукописей с текстами на древнеиндийских языках имеется несколько очень редких. Отметим здесь также наличие одной тохарской рукописи.

Несомненный интерес представляют полиглотты с параллельными санскритскими и тибетскими или китайскими текстами. Имеется интересный своими вариантами список буддийской рукописи „Лотос истинного закона“.

Фонды Института располагают значительным собранием рукописей на грузинском языке. Сбирать их начали еще в первой четверти XIX в., и теперь они составляют одну из замечательных коллекций памятников грузинской письменности.

В этом фонде, содержащем памятники средневековья и нового времени, много исторических сочинений, как, напри-

мер, список грузинских летописей, или копия историко-географического сочинения Вахушта. Несомненный интерес представляет также словарь Сулхана Орбелиана, написанный церковным письмом. Поздний вариант „Калилы и Димны“ — Анвари Сухейли, украшенный ценнейшими миниатюрами, представляет прекрасные образцы грузинской живописи для историка искусства и для этнографа. В этой же коллекции мы находим уникальную рукопись стихотворной версии „Висы и Рамина“, список поэтических произведений Саят-Новы и „Астрономические таблицы“ Улуг-бека в переводе на грузинский язык с собственноручными приписками, примечаниями и поправками переводчика и различные другие прозаические, а также и стихотворные произведения.

Собрание армянских рукописей Института востоковедения имеет в своем составе сочинения по различным отраслям науки, написанные авторами раннего средневековья и более позднего времени. Подробный обзор армянских рукописей помещен в статье Р. Р. Орбели в этом же сборнике. Поэтому мы ограничиваемся здесь только некоторыми указаниями, могущими дать общее представление о характере армянского фонда.

Из числа исторических рукописей назовем сделанный в 1698 г. список сочинения Моисея Хоренского, автора раннего средневековья, одного из основоположников древнеармянской историографии. Имеется также история нашествия Тамерлана на Армению, написанная историком первой половины XV в. Фомой Медзопским (списки XVII и XIX вв.). Малахия (Магакия) — автор XIII века — составил историю монголов, представленную в списках XVII и XIX вв.

Из философских сочинений можно указать на труд философа V—VI в. Давида Непобедимого (список начала XVII в.), в котором он, следуя Аристотелю, определяет предмет философии как науку. Из более поздних авторов назовем Ованеса Воротнеци, мыслителя XIV в., составившего толкование сочинений Аристотеля. Список Института датирован 1464 г.

Поэзия, особенно позднего периода, представлена несколькими авторами. Сохранился список (1381 г.) произведений крупнейшего армянского поэта, одного из создателей армянского литературного языка, жившего в XII в., Нерсеса Благодатного. Сборник содержит стихотворную историю Армении. Из более поздних рукописей можно, например, назвать сборник стихов Габриэля Патканян „С новым годом“, являющийся, видимо, автографом 1873 г.

Среди многочисленных словарей и грамматик уместно

упомянуть об анонимном словаре медицинских терминов и названий лекарственных растений (XVIII в.). Этот словарь составлен на языках армянском, персидском, турецком, арабском, латинском, греческом. Армянский фонд располагает рукописями по астрономии, математике и т. д. Довольно широко представлена литература по истории христианства и христианской церкви. Большой научный интерес представляет архив документов на армянском языке по истории Армении.

В заключение необходимо хотя бы коротко указать на наличие других рукописных фондов Института, кроме вышеупомянутых. Прежде всего следует назвать абиссинский фонд, имеющий исключительно важные памятники, среди которых есть уникальные, например довольно редкий хронограф — летопись Абиссинии, доведенная до времени воцарения Менелика. Однако наиболее значительный интерес в этом фонде представляют амхарские рукописи: автографы писем абиссинского императора Менелика, его дочери Ташпу, известного раса Маконена, митрополита Петра и других лиц.

Большая часть этих рукописей, украшенная множеством иллюстраций, заставок и виньеток, может служить источником для изучения абиссинского искусства.

Далее следуют коптские рукописи, сирийские, самаритянские, еврейские, манихейские, караимские. Все эти рукописи имеют значение для исследования языков, литературы, истории и культурной жизни, особенно раннего периода ряда восточных народов.

Фонд Института располагает отдельными памятниками еще не расшифрованной киданьской письменности, принадлежавшей народу, игравшему активную роль на северо-западной окраине Китая до периода монгольского завоевания.

Наряду с рукописями следует отметить хранящиеся в Институте тысячи отдельных документов. Документы эти по своему содержанию носят различный характер. Многие из них представляют деловую переписку и интересны лишь как образцы официального языка и стиля, но имеются документы и другого характера, которые содержат сведения, представляющие интерес для выяснения некоторых вопросов социальной и политической истории. Таковы документы на продажу собственности или вакуфные, весьма расширяющие круг сведений, находимых в нарративных источниках.

В числе таких документов имеются ханские ярлыки среднеазиатским шейхам, по которым можно, в частности, проследить роль в политической жизни некоторых представителей мусульманского духовенства.

Значительная часть документов касается жизни Узбекистана и Таджикистана второй половины XIX в. и написана на узбекском и таджикском языках. Особенно много сведений сохранилось в документах относительно Хивинского ханства; в некоторых из них имеются сведения о землевладении и землепользовании, о налогах и расходах денежных сумм из ханской казны. Наличие казийских документов представляет несомненный интерес, поскольку они содержат конкретные сведения по ряду вопросов быта, правовых отношений и т. д.

Часть документов относится к Крымскому ханству.

Необходимо также указать на наличие арабских папирусов из Египта VII—IX вв. н. э. и арабских документов из Египта на бумаге того же периода.

Помимо фонда рукописей и документов Институт востоковедения располагает фототекой, которая из маленькой вспомогательной коллекции вырастает ныне в большое и ценное собрание. В настоящее время фототека имеет в своем составе негативы, фото- и ротокопии, микрофильмы, фотографии востоковедов, архитектурных памятников и др.

Первоначально для фототеки снимались только копии с рукописей тех памятников, которые отсутствуют в собрании Института, как, например, астрономический трактат Бируни, или же в тех случаях, когда обнаруживался другой список сочинения и требовалась копия для составления критического текста или дополнения недостающих листов.

Однако жизнь заставила расширить фотографирование рукописей и прежде всего уникальных. Многие памятники являются единственными, написанными много столетий тому назад и при частой выдаче их читателям возникает опасность разрушения самого рукописного подлинника. Поэтому для сохранения древних и хрупких рукописей первостепенное значение имеют их фотокопии, сосредоточенные в фототеке Института.

Микрофильмирование сильно облегчает получение копий отсутствующих в хранилище Института памятников и списков наиболее ценных сочинений для установления разночтений.

Фототека располагает довольно большим числом различных портретов. Кроме фотографий русских и советских востоковедов, имеются снимки этнографического характера, иллюстрирующие быт и нравы народов Востока, а также много фотографий, представляющих виды городов и архитектурных памятников. Такие снимки имеются по Индии, Корее, Ирану, Монголии, Японии, Тибету, Средней Азии и другим странам. Они были сделаны путешественниками XIX и начала XX в.

Иллюстрация к грузинскому переводу „Калилы и Димны“. XVIII в.

К этой же группе материалов относятся различные художественные альбомы. Изобразительное искусство лучше всего представлено в них по странам Дальнего Востока. Можно, например, указать на альбомы иллюстраций к новеллам Ляо-Чжэя, а также на прекрасные китайские рисунки к „Биографии бессмертных“.

Одна из важных задач Института востоковедения состоит в том, чтобы хранящееся в нем мировое собрание восточных рукописей не только являлось достоянием широкого круга специалистов и читателей и сохранялось для будущих поколений, но чтобы это огромное собрание было должным образом изучено, описано и возможно полнее введено в научный обиход.

Партия и советское правительство создали все условия для успешного решения этой почетной задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азиатский музей Российской Академии Наук. 1818—1918. Краткая памятка, Пб., 1920.
- Бартольд В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. 1900. [Дорн Б. А.] В. Dorn. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. СПб., 1846.
- Козин С. А. Азиатский архив при Институте востоковедения АН СССР. Библиография Востока, вып. 5—6, изд. 1937.
- Крачковский И. Ю. Две южно-арабские надписи в Ленинграде. Известия Академии Наук СССР, Отдел. обществ. наук, 1931.
- Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями. Изд. Академии Наук СССР, изд. 2-е, 1946.
- Миронов Н. Д. Каталог индийских рукописей, вып. 1. Пгр., 1914. Согдийский сборник, 1934.
- Тихонов Д. И. Рукописные фонды Института востоковедения АН СССР. Вопросы истории, 1951, № 7.
- Тураев Б. А. Эфиопские рукописи в С.-Петербурге. Записки Вост. отдел. Русск. археол. общ., 1906.
- Усманов К. Уйгурские источники о восстании в Сяньцзяне 1864 г. Вопросы истории, 1947, № 2.
- Флуг К. К. По поводу китайских текстов, изданных в Си-Ся. Библиография Востока, вып. 2—4. 1934.
- Флуг К. К. Краткий обзор небуддийской части китайского рукописного фонда Института востоковедения АН СССР. Библиография Востока, вып. 7, 1935.
- Флуг К. К. Краткая опись древних буддийских рукописей на китайском языке из собрания Института востоковедения АН СССР. Библиография Востока, вып. 8—9, 1936.
- Флуг К. К. Две заметки о новых поступлениях в Рукописный отдел Института востоковедения. Библиография Востока, вып. 10, 1936.

Н. П. ЖУРАВЛЕВ и А. М. МУГИНОВ

КРАТКИЙ ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ, ХРАНЯЩИХСЯ В СЕКТОРЕ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Архив, которому посвящена настоящая статья, объединяет научные материалы русских и советских востоковедов. Как известно, до сих пор в печати появилось только несколько заметок и статей, дающих общее описание Архива Института востоковедения,¹ и несколько списков отдельных фондов,² а также и алфавитный указатель этого Архива, составленный акад. С. А. Козиным.³ Поэтому мы сочли необходимым опубликовать такого рода список фондообразователей и описей разрядов с краткой аннотацией, который хотя и не может претендовать на полноту охвата всего состава архивных материалов, содержащихся в этом хранилище, тем не менее позволит нашим специалистам получить известное представление о содержании этого Архива. Эта необходимость вызывается еще и тем обстоятельством, что с момента опубликования упомянутого выше указателя акад. С. А. Козина

¹ Азиатский музей Российской Академии Наук. 1818—1918. Краткая памятка, Пб., 1920, стр. 6—7.

² К. Г. Залемян. Список рукописным трудам доктора Е. Бретшнейдера. Известия имп. Академии Наук, III, XVII, 1902, стр. I, II, III; 1902, стр. 063—069. — И. Ю. Крачковский. Опись бумаг барона В. Р. Розена. Известия Росс. Академии Наук, 1918, стр. 1323—1950. — Записки Коллегии востоковедов, III, 1929, стр. 267—278. — Доклады Академии Наук СССР, 1929, стр. 227—235. — С. А. Козин. О неизданных работах И. Бичурина. Известия Академии Наук СССР, Отдел. гуманит. наук, 1929, стр. 319—412. — Он же. К вопросу о неизданных работах И. Бичурина. Доклады Академии Наук СССР, 1929, стр. 245—256.

³ С. А. Козин. Азиатский архив при Институте востоковедения Академии Наук СССР. Библиография Востока, вып. 5—6, 1934, стр. 56—66.

произошли большие изменения в отношении как обработки, так и систематизации архивных материалов. Сейчас архивные единицы достигают уже нескольких тысяч, в то время как по описи акад. С. А. Козина их было всего лишь около 1037. Необходимо отметить, что это увеличение произошло не только за счет новых поступлений, но и за счет детализации тех материалов, которые, как отмечает акад. С. А. Козин,¹ значились под одним порядковым номером, но содержали в себе по нескольку десятков, а то и сотен единиц хранения.

В настоящее время Архив Института востоковедения имеет 70 фондов² с количеством около 9000 единиц хранения и 3 разряда, содержащих около 1000 единиц хранения. Таким образом, Архив располагает всего около 10 000 единиц хранения. В нашем обзоре публикуется краткое описание 56 фондов, представляющих наибольший научный интерес.

Нижеприведенный список архивных фондов и разрядов, с весьма краткой аннотацией, является попыткой дать специалистам востоковедам представление о содержании того или иного фонда, того или иного разряда. Фонды представлены нами в виде алфавитных списков фондообразователей, а разряды — в виде алфавитных списков, главным образом стран и народов, т. е. в таком виде, в каком эти материалы систематизированы и хранятся в архиве.

Списки как фондов, так и разрядов сопровождаются указаниями шифра, количества единиц хранения³ и хронологических данных.

СПИСОК АРХИВНЫХ ФОНДОВ И РАЗРЯДОВ

Фонды

1. Аделунг Федор Павлович (ф. 1; 4 ед. хр., XVIII—XIX вв.).

Материалы по заселению Киргизской степи, о ханах Киргиз-Кайсацкой Орды, о путях в Индию, о Хиве, о Бухаре, о сношениях России с Бухарой в XVI в., об уральских казаках и башкирах; дневники (на немецком языке) и перевод

¹ Там же, стр. 58.

² Сюда не входят 18 архивных фондов академиков-востоковедов, которые согласно распоряжению Президиума Академии Наук СССР были переданы в 1950 г. в Архив Академии Наук СССР. Эти фонды числились в Институте Востоковедения под следующими номерами: 2, 5, 9, 10, 15, 18, 27, 31, 34, 41, 45, 46, 54, 57, 64, 72, 81 и 82.

³ Количество единиц хранения не указано в тех случаях, когда фонд не разобран.

с персидского языка на французский поэмы Низами „Искандер-наме“ („Книга Александра“).

2. Алимов Абид Ахмедович (ф. 68; 250 ед. хр., XX в.).

Рукописи трудов А. А. Алимова и материалы к ним по истории, экономике и политике Турции. Из имеющихся в фонде рукописей „Турция“ (в фонде имеются только главы III, IV и V) и „Революция 1908 года в Турции“ изданы — первая в сборнике статей „Очерки по истории в эпоху империализма“ (Соцэкгиз, 1934) и вторая — в сборнике статей „Пробуждение Азии“ (Соцэкгиз, 1935). Среди его трудов имеются стенограммы докладов и лекций по истории Турции, по образованию и эволюции турецкого государства, по истории колониальных и зависимых народов, по итогам кемалистского движения, по пантюркизму, о возникновении Османской империи и турецком феодализме, по аграрному вопросу в Турции и т. д.

3. Андреев Михаил Степанович (ф. 3; 10 ед. хр., XIX—XX вв.).

Статья М. С. Андреева „Вахиё“, где описывается жизнь и свадебные обычаи таджиков. Материалы: по язгулемскому, шугнанскому, ишкашимскому, ваханскому, канджутскому языкам, хуфскому и сияхпушскому диалектам и дарвазскому говору; дневник поездки на Памир; материалы по поездке из Индии в Туркестан; песни горных таджиков, записанные С. Д. Масловским; киргизские (т. е. казахские) стихи с упоминанием о высохшей Кизил-Дарье, соединявшей Сыр-Дарью с Аму-Дарьей, и описанием жизни киргизов (т. е. казахов); словарь диалекта долины Хуф, ягнобско-русский словарь и др.

4. Березин Илья Николаевич (ф. 5; 7 ед. хр., втор. полов. XIX в.).

Материалы по татарской народной словесности, по турецкой литературе, по татарскому, башкирскому, киргизскому и другим языкам; разговорник на казахском языке; русская грамматика на татарском языке, „Слова и речения качинских и сагайских татар“; перевод сочинения Рашид-ад-дина („Летопись монголов“); заметки во время путешествия в Константинополь, Палестину, Каир, Александрию; письма Н. И. Ильинского (о подготовке к изданию „Джами ‘ат-Таварих“ и „Джагатайско-турецкого словаря“) и И. Адамова (о поездке в Дербент, знакомстве с дербентскими учеными и о приобретении восточных рукописей).

5. Березовский Михаил Михайлович (ф. 59; 9 ед. хр., XX—XX вв.).

Дневники, записные книжки, альбомы зарисовок, записки и заметки, относящиеся к путешествиям в Восточный Туркестан, Кучу и др. Письма.

6. Берже Адольф Петрович (ф. 6; 5 [ед. [хр., втор. полов. XIX в.).

Официальная переписка, касающаяся службы А. П. Берже и составленного под его руководством сравнительного словаря кавказских языков и наречий, рукописные документы на арабском и персидском языках.

7. Бичурин (Иакинф) Никита Яковлевич (ф. 7; 42 ед. хр., перв. полов. XIX в.).

Летопись китайской империи в 15 томах „Тун-цзяньган-му“, история династии Мин, Четырехкнижие, Описание китайских монет, описание Тибета, китайская хронология, грамматика китайского языка, изложение голосовой системы китайского письма, материалы по посольству Макартнея (англ. посол) в Китай; материалы по вопросу о снятии сана с монаха Иакинфа; словари: 1) китайско-русский; 2) китайско-латинский; 3) краткий фонетический китайско-русский; 4) маньчжурско-китайско-русский; 5) словарь терминов часового производства.

8. Бретшнейдер Эмилий Васильевич (ф. 8; 48 ед. хр., XIX—XX вв.).

Материалы по китайскому и персидскому языкам, по ботанике и медицине Китая, по географии Китая и Туркестана и по истории Персии, Чжунгарии, Китая, Монголии и Индии; альбомы китайских рисунков и др. Список архивных материалов Э. В. Бретшнейдера, составленный акад. К. Г. Залеманом.

9. Бунаков Юрий Владимирович (ф. 84; XX в.).

Материалы по китайскому языку, библиографии и др. 1) Термины родства в китайском языке (диссертация на степень кандидата наук); 2) Картотеки к выполненным им работам, указатели и библиографии.

В этом фонде имеются материалы Г. Н. Румянцева. 1) Переводы с ойратских исторических сочинений. 2) Материалы по командировке в 1936/37 г., относящиеся к „Истории сношений России с ойратами“.

10. Виташевский Николай Алексеевич (ф. 11; 37 ед. хр., XIX—XX вв.).

Материалы по исследованию Якутии: о быте якутов, их экономическом и правовом положении, о результатах подворной переписи в Якутском округе, о землевладении якутов.

о наделении ссыльных землями, материалы по этнографической экспедиции И. М. Сибирякова и др.

11. Владыкин Антон Григорьевич (ф. 88; 10 ед. хр., XX в.).

Рукописные материалы, главным образом по маньчжурской лексикографии — 1) словари: маньчжурско-китайско-русский, маньчжурско-русский, китайско-маньчжурский, русско-маньчжурский; 2) краткая маньчжурская грамматика; 3) переводы: указов древнейших и новейших китайских царей; 4) краткие летописи, выбранные из достоверных китайских историй о китайских царях.

12. Волков Иван Михайлович (ф. 12; XIX—XX вв.).

Материалы по египтологии (истории, религии и языку — египетскому и коптскому).

13. Гинцбург Иона Иосифович (ф. 79; 20 ед. хр., XX в.).

Рукописи трудов и материалы к ним, главным образом по древнееврейской философии: 1) „Система этики Боэция по его сочинению «Утешение философией»“, предназначенная на соискание степени доктора философских наук; 2) „К истории возникновения и развития рационализма в мире Ислама“; 3) хроника Давида Лехно „История Крымского ханства“ и отзывы различных лиц к этим трудам, и др.

14. Голстунский Константин Федорович (ф. 60; 30 ед. хр., XIX в.).

Мунгальские законы; „Опыт к описанию юридического быта некоторых народов в Средней Азии“ (статья); заметки по буддизму, по истории Монголии и по вопросу о родах нойонов; записка о состоянии школ западных монголов; записи монгольских песен; монголо-русский словарь; монголо-ойратские законы 1640 г. (выписки и заметки).

15. Гошкевич Иосиф Антонович (ф. 13; 19 ед. хр., XIX в.).

Материалы по японскому, айнскому, корейскому, монгольскому и маньчжурскому языкам; русско-маньчжурский и маньчжурско-русский словари и материалы к ним.

16. Гребенщиков Александр Васильевич (ф. 75; XX в.).

Материалы по шаманизму, по истории Маньчжурии, географии, этнографии, языку и письменности Маньчжурии, фольклору, материалы по исторической географии народов северо-восточной Азии, библиографические материалы.

17. Григорьев Василий Васильевич (ф. 61; 19 ед. хр., XIX в.).

Материалы об оренбургских киргизах и управлении ими; копия (снята В. Далем) „Рассказа астраханского мещанина Т. И. Рязанова, вышедшего из хивинского плена в 1819 г.“. Напеч. в альманахе „Утренняя заря“ в 1839 г.

18. Гульбин Григорий Григорьевич (ф. 78; 54 ед. хр., XX в.).

Рукописи трудов и материалы к ним—его и жены Е. А. Вознесенской-Гульбиной, в основном по библиографии: 1) „Био-библиографический словарь русских и советских арабистов“; 2) библиографический указатель „Хлопководство Туркестана“; 3) „Библиография Туркестана“ по его истории с древнейших времен до советского периода включительно, по археологии и нумизматике, по торговле и промышленности, по геоморфологии, географии. Материалы по этнографии народов Средней Азии (главным образом таджиков).

19. Гурьев Борис Михайлович (ф. 66; 11 ед. хр.; XIX—XX вв.).

Рукописи трудов Б. М. Гурьева: 1) по экономическим отношениям Монголии, Китая и России; 2) по политическим взаимоотношениям Монголии и Китая.

Среди рукописей имеется карта колонизации восточной части Монголии и схема китайской колонизации юго-восточного участка Монголии. Кроме рукописей, имеются в фонде материалы, представляющие вырезки из русских и иностранных газет и выписки из архивных материалов Министерства финансов, Министерства иностранных дел и Министерства торговли и промышленности; материалы систематизированы и охватывают вопросы: 1) экономического и политического положения Ирана (до начала взаимоотношений с СССР); 2) революционного движения в Иране (1909 г.); 3) политического отношения к Монголии Китая и России (1854, 1861, 1900—1910 гг.); 4) торговли России с Монголией и Китаем (1892—1909 гг.); 5) промышленности и торговли на Дальнем Востоке (1908—1910 гг.); 6) железнодорожного строительства в Малой Азии; 7) упорядочения китайского рыбоводства и др. Среди материалов имеется работа В. Ладыгина „Некоторые данные о положении торговли в Ганьсу, Тибете и Монголии, собранные во время экспедиции 1899—1902 гг., снаряженной Русским Географическим обществом в Центральную Азию“ (тетрадь большого формата 136 стр.).

20. Давлетшин Абдель-Азис-Абдулич (ф. 70; 30 ед. хр., XIX—XX вв.).

Записки А. А. Давлетшина: 1) по истории тюрко-татарских народностей; 2) по формированию и реформированию башкирских эскадронов и об отбывании воинской повинности башкирами Оренбургского края; 3) по верованию бабидов; 4) по вопросу о преобразовании курсов восточных языков при Министерстве иностранных дел. Кроме того, в фонде имеются выписки из газет о русско-персидских и персидско-турецких отношениях XIX в. (на перс. яз.), выписки об арабских военачальниках VII и VIII вв., об укреплениях Кокандского ханства, дневники его путешествия в Мекку в 1899 г. и др.; отчеты о командировке в Хиджаз (неполные; напечатаны полностью: СПб., 1899, в военной типографии) и Туркестанский край; докладная записка по обследованию условий работы и существования местного населения Туркестана, мобилизованного для работ в военном ведомстве; проект инженера Ризенкампа об орошении 500 тыс. десятин Голодной степи — на русском языке и, отдельно, на турецком языке, с приложением русско-турецкого терминологического словарика.

21. Дмитриевский Павел Андреевич (ф. 14; 11 ед. хр., втор. полов. XIX в.).

Материалы по истории Китая, по экономическим и другим вопросам Приамурского края, по Ханькоусской концессии; коллекции китайских газет, личная корреспонденция и др.

22. Жуковский Валентин Алексеевич (ф. 17; 332 ед. хр., XIX—XX в.).

Рукописи трудов и материалы к ним: по вопросам народного творчества и истории Персии (Ирана), по персидскому языку и литературе, по персидским диалектам, по персидскому фольклору, по истории испанских мусульман, по вопросу происхождения афганцев, и др.; письма. Кроме того, в фонде имеются материалы Ф. А. Бакулина: „Заметка о туркменах, кочующих на границе Астерабадской провинции“, „Краткая биография Баба“, „О туркменских набегах“, „Ходячие музыканты и плясуны-скоморохи в Персии“, „Список товаров, привозимых в Мазандеран и Шахруд“, „Предметы вывоза из Азербайджана“ и др.

23. Ивановский Алексей Осипович (ф. 20; 36 ед. хр., XIX—XX вв.).

Дневники поездки в Китай. Материалы по истории и языку Китая, по географии и народонаселению Маньчжурии, лекции по грамматике маньчжурского языка и др. Словари: айно-

русский, русско-самоедский, китайский тонический, русско-соложский и русско-дахурский.

24. Иериг Иоганн (ф. 21; 6 ед. хр., XVIII в.).

Материалы по первоначальной монгольской, эвлетской и тибетской грамматике и шрифту (на немецком языке).

25. Ионов Всеволод Михайлович (ф. 22; 2 ед. хр., конец XIX в.).

Материалы по изучению быта, верований, языка и письменности якутов, выписки из сочинений, касающихся Якутии. Письмо В. М. Ионова к Э. К. Пекарскому (о суффиксах в якутском языке). Часть материалов находится у вдовы фондообразователя М. Н. Ионовой.

26. Иохельсон Владимир Ильич (ф. 23; 23 ед. хр., XIX—XX вв.).

Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора; записи юкагирских сказок, бывальщин и поверий; антропологические материалы по юкагирам, ламутам, якутам и тунгусам; чукотская грамматика; русско-коряцкий и юкагирско-русский словари и др.

27. Каменский (Петр) Павел Иванович (ф. 24; 17 ед. хр., XIX в.).

Материалы по изданию пятиязычного словаря Каменского, дневники его, записи богословского содержания; большой русско-китайский и маньчжурско-китайско-русский словари.

28. Кантемир Дмитрий Константинович (ф. 25; 9 ед. хр., XVIII в.).

Материалы по истории Оттоманской империи и описанию Молдавии.

29. Кер Георг-Якоб (ф. 26; 7 ед. хр., XVIII в.).

Переводы произведений: Абуль-Гази-Бахадур-хана („История турок“, содержащая в себе историю Чингизидов — на немецком языке), Бабура („Бабур-намэ“ — на латинском языке). Две статьи: по мусульманской нумизматике (на немецком языке) и эпиграфике (на латинском языке); письма и др.

30. Клеменц Дмитрий Александрович (ф. 28; 445 ед. хр., XIX—XX вв.).

Материалы и путевые дневники экспедиции в восточную часть Алтая и западную часть Минусинского округа; материалы по Турфанской экспедиции, путешествию в Монголию и по экспедициям в Сибирь; материалы о Японии, Китае и бурятах; очерк об экономическом положении приисковых рабочих Томской и Енисейской губ.; черновик статьи о дикой

лошади Пржевальского; „Заметки о кочевом быте“; письма и др.

31. Ковалевский Осип Михайлович (ф. 29; 7 ед. хр., XIX в.).

Рукопись труда „История монголов“. Материалы по монгольскому языку и по организации войсковой бурятской школы в Троицкосавске, и др.

32. Комаров Александр Виссарионович (ф. 71; 26 ед. хр., XIX в.).

Материалы по Дербенту: 1) план города Дербента; 2) чертежи дербентских стен; 3) надписи, находящиеся на воротах и стенах дербентских укреплений, и переводы их на русский язык; 4) рисунки монет из Дербента.

Материалы по Кавказу и южному побережью Каспийского моря: 1) таблицы к атласу путешествия Б. А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря; 2) таблицы, не вошедшие в атлас Б. А. Дорна; 3) фотокопия фрагмента надписи на камне на грузинском языке полууставным письмом; 4) фотокопия надписи на арамейском языке, на камне, найденном Байерном около 1870 г. в местности Мцхета (изд.: Д. А. Хвольсон. Сборник еврейских надписей... тип. Академии Наук, СПб., 1884, стр. 129).

33. Косаговы Владимир Андреевич (ф. 30; 19 ед. хр., XIX—XX вв.).

Дневники В. А. Косаговы за 1896—1903 гг., касающиеся экономических вопросов и политических событий в Иране (продовольствия, финансов, чеканки монеты, организации армии, бюджета полиции, роли и значения духовенства, движения бабидов, убийства Насыр ад-дин-шаха, казни убийцы шаха, воцарения Музаффар ад-дин-шаха, отставки Садр А'зама, деятельности дипломатических представителей царской России в Иране, убийства А. С. Грибоедова и др.) — в объеме около 4500 листов. Материалы по административно-хозяйственным вопросам персидской казачьей бригады, по дислокации персидской армии, записка о вооруженных силах Персии, о походе в Персию и др.; письма.

34. Костылев Василий Яковлевич (ф. 65; 59 ед. хр., XIX—XX вв.).

Рукописи трудов и материалы к ним: 1) Очерк истории Японии; 2) „Кодзики“; 3) „Нихон-гайен“ (перевод текста, словарь и комментарии); 4) записка о Синто; о преобразовании земских учреждений в Японии; 6) японская грамматика; 7) японское стихосложение; 8) японско-русский словарь;

9) русско-японский разговорник; 10) очерк истории Кореи; 11) записки по поездке в Корею и осмотре корейских храмов; 12) записки по корейскому вопросу; 13) „Степень достоверности древней китайской истории“; 14) „Translation of Chinese classics“; 15) сведения из японских газет о японско-китайской кампании 1894—1895 гг. (составлены на русском языке в виде дневника).

35. Кротков Николай Николаевич (ф. 32; 16 ед. хр., XX в.).

Исторические, этнографические и статистические материалы о сибо, живущих в Илийской области в Тарбагатае; краткие заметки о современном состоянии шаманства у сибо; материалы по маньчжурскому языку. Описание поездки к городу Мачецзы и прямого пути от Манса до г. Зайсана — В. А. Строковского. Письма и др.

36. Кузьмин Иван Платонович (ф. 80; 25 ед. хр., XX в.).

Материалы по арабистике, в основном по арабской филологии, и лингвистические материалы по арабским диалектам. Переводы с различных арабских сочинений, в том числе Ибн Туфейля „Живой сын бодрствующего“. Материалы по мусульманскому праву, библиографические заметки об арабских авторах.

37. Кун Александр Людвигович (ф. 33; 25 ед. хр., XIX в.).

Очерки по истории Коканда с 1841 по 1864 г., по описанию Кокандского ханства, Шахрисябзского бекства, истории заселения хивинского ханства. Материалы: „К описанию самаркандских древностей“, по изучению ягнобского языка, по вопросам управления и народного образования в Туркестанском крае (о постановке школьного дела, о распространении русского образования), о преобразовании управления Туркестанского края; по таджикскому и узбекскому фольклору; по 3-му международному съезду ориенталистов в Петербурге и др.; письма. Материалы на восточных языках: копия сочинения Нершахи „История Бухары“, дневник Мирзы Абдурахмана, веденный им во время Хивинского похода в 1873 г. (на узбекском языке), дневник Искандеркульской экспедиции (на таджикском языке), дневник муллы Абдурахмана, веденный им во время Шахрисябзской экспедиции в 1870 г. (на таджикском языке), песни, пословицы и загадки на татарском и узбекском языках, материалы для таджикского и персидского словарей и др.

38. Лемм Оскар Эдуардович (ф. 35; 83 ед. хр., XIX—XX вв.).

Материалы к его опубликованным и неопубликованным трудам: „Сказание о царе Зеноне и двух его дочерях“, „Триадон“, „Мученичество св. Виктора“, „К коптской легенде о нахождении гроба Господня“ и др. Копии коптских и эфиопских текстов; словарные и библиографические материалы; письма.

39. Лерх Петр Иванович (ф. 36; 19 ед. хр., XIX в.).

Труды: „Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году“ (авторский экземпляр с пометками), *Vocabularium Turco-tatarium* (на карточках). Материалы по истории, географии, этнографии киргизов; по истории Хивы, Бухары, по этнографии курдских народностей; заметки лингвистического, археологического и библиографического характера, относящиеся к трудам Лерха; черновики писем Лерха к разным лицам и письма к нему. Бумаги о деятельности Лерха в Академии Наук: отчеты, описи рукописей переданных им Академии Наук. Дневники. Материалы по нумизматике. Рукописи на арабском, персидском и узбекском языках. Печатные материалы, географические карты, таблицы.

40. Медников Николай Александрович (ф. 37; 6 ед. хр., XIX в.).

Рукопись труда „Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам“ и другие исследования и переводы; черновики писем.

41. Миллер Всеволод Федорович (ф. 38; 11 ед. хр., XIX—XX вв.).

Рукопись статьи „К исторической этнографии восточного побережья Черного моря“. Лекции по истории Древнего Востока (по Египту, Месопотамии, Вавилонии, Ассирии и др.). Материалы по фонетике славянского и санскритского языков. Осетинско-русский и дигорско-русский словари.

42. Минаев Иван Павлович (ф. 39; 124 ед. хр., XIX в.).

Труды и материалы по буддизму в Индии; заметки по Тибету, Туркмении, Афганистану и Бухаре; черновики статей: „По поводу столкновения британских и русских интересов у Герата“, „Об урало-алтайских верованиях и шаманизме“, „Катастрофа в Судане“, „О войне с Китаем“ и др.; дневники и записные книжки. Воспоминания о И. П. Минаеве, написанные В. и А. Шнейдер по поводу столетия со дня рождения. Письма.

43. Пекинская миссия (ф. 42; 15 ед. хр., XVIII—XIX вв.).

Работы студентов-учеников Пекинской миссии (переводы китайских классиков). Сборник материалов, относящихся

к Чжеримскому сейму. Копии переводов китайских газетных и журнальных статей и документов: об административном делении и управлении страны, финансовых мероприятиях, государственных реформах, революционном движении в Китае и др.

44. Петровский Николай Федорович (ф. 43; 10 ед. хр., XIX—XX вв.).

Материалы по вопросам археологии Кашгарии и по вопросам торговли, промышленности и финансов Туркестанского края. Документы на ново-уйгурском языке различного содержания. Вырезки из „Туркестанских ведомостей“ со статьями Н. Ф. Петровского.

45. Позднеев Алексей Матвеевич (ф. 44; 182 ед. хр., XIX—XX вв.).

Рукописи трудов и материалов: 1) по литературе, языку, истории, географии, этнографии, экономике, политическому устройству Монголии; 2) по религиозному быту, по языку и истории народов западной Монголии; 3) по истории, религии и вопросам народного образования народностей Дальнего Востока.

46. Розенберг Оттон Оттонович (ф. 47; 28 ед. хр., XX в.).

Материалы по китайской и японской лексикографии и по изучению буддизма.

47. Розенберг Федор Александрович (ф. 48; 10 ед. хр., XX в.).

Переводы 50 газелей персидского поэта Ягмы; материалы о задачах комиссии по изучению миниатюры; письма и др.

48. Руденко Борис Тихонович (ф. 76; 42 ед. хр., XX в.).

Рукописи трудов, докладов и лекций по грузинскому языку и литературе и материалы к ним: 1) грамматика грузинского языка; 2) доклад „К вопросу о типологии картвельских языков“; 3) „Бахрам Гуриани“ — грузинская стихотворная версия поэмы Низами „Семь портретов“ в обработке Нодра Унцишвили (XVII в.) и др.

49. Рудов Леонид Николаевич (ф. 77; 7 ед. хр., XX в.).

Рукописные и машинописные материалы по изучению киданьской письменности. Доклады и тезисы по этому вопросу; китайские песенки, прибаутки и загадки; рецепты китайских кушаний, записанных в Пекине на Сухуа, и др.

50. Рычков Константин Михайлович (ф. 49; 7 ед. хр., XX в.).

Этнографический очерк „Туруханско-Газовский край Ени-

сейской губернии". Материалы по изучению тунгусского языка, фольклора и этнологии, по изучению лимпейского и хойонского наречий тунгусов Туруханского края, гербарий Туруханского края с тунгусскими названиями; долганско-русский (лимпейского и других наречий) словарь (на карточках); письма.

51. Смирнов Василий Дмитриевич (ф. 50; 93 ед. хр., XIX—XX вв.).

Рукописи трудов: 1) „Что такое Тархан?“ (о происхождении слова „тархан“); 2) „Мнимый турецкий султан, именуемый у европейских писателей XVI века *Caleripus Cyriscelebes* (о происхождении и значении слова چلبی, челеби, напечат.: Записки Вост. отд. Русск. археолог. общ., т. XVIII, СПб., 1907); 3) „Грамота султана Османа II семейству иудейки Киры“; 4) „Древнейшая датированная турецкая рукопись XIV в.“ (напечат.: Записки Вост. отд. Русск. археолог. общ., т. XXII, СПб., 1913—1914); 5) „Что такое Тмутаракань?“; 6) „О турецкой новеллистике“; 7) „Васийет-намэ“; 8) „Татарские претензии“; 9) „Жизнь Эзопа“ (рукопись на турецком языке, написана греческими буквами); 10) „Варианты сочинения Кочубея Гомюрджинского и некоторые особенности в словах, фразах и строении речи в его сочинении“; 11) „Предисловие“ к „Сборнику некоторых важных известий и официальных документов, касающихся Турции, России и Крыма“ (изд. СПб., 1881); 12) „О русско-татарско-монгольском взаимодействии“; 13) „Очерк истории литературы“ под ред. В. Ф. Корша и А. Кирпичникова (СПб., 1889); 14) „Так называемые сельджукские стихотворения и турецкий христианизм“; 15) „Еще о «турецких легендах»“; 16) заметки, касающиеся языка, орфографии и неясностей в турецком сочинении Роммаль Ходжа „*Tavarihe vakiate sahib Girei-han*“ („История событий в управлении Сахиб Гирей-хана“) и перевод этого сочинения; 17) „Об османских народных сказках“; 18) „Глава румских стран, т. е. другое подробное изложение о сельджуках, царствовавших в столице Конии“; 19) „Описание путешествия Ходжи Исмаил Бека Мухаммад Оглу“ (перевод); 20) из книги „История Дженнаби Мустафа Эфенди“ (перевод с арабского); список татарских печатных произведений.

Материалы по археологической поездке в Крым: 1) план поездки; 2) записи об археологических раскопках в Крыму; 3) переводы турецких надписей на мраморных плитах; 4) выписки из материалов Симферопольского архива по истории Крыма, копии с ярлыков и другие материалы по Крыму.

Материалы по деятельности в Университете. Материалы по деятельности Комиссии по народному образованию в Петербурге: Обращение Городского училищного совета к забастовавшим учителям и др. Материалы по деятельности в Цензурном комитете. Материалы биографического содержания. Письма к В. Д. Смирнову от различных русских ученых.

52. Тизенгаузен Владимир Густавович (ф. 52; 33 ед. хр., XIX в.).

Материалы по мусульманской нумизматике, истории Золотой Орды, археологии Ближнего Востока и библиографии. Письма. Копия персидской рукописи „Дастур-ал-катиб“.

53. Флуг Константин Константинович (ф. 73; 20 ед. хр., XX в.).

1) Докторская диссертация К. К. Флуга „Сунская книга“ (исследование книжного дела в сунский период) и материалы к ней. 2) Материалы: к статье о сельском хозяйстве в Китае, об аграрном строе в Китае, о раскопках в Дунь-Хуане, к библиографии по истории крестьянских и национальных восстаний в Китае, к работе над китайско-русским словарем, к библиографии по буддизму рукописного фонда. 3) Статья о Чао Гу-у и его библиографии. 4) Разные библиографические материалы, главным образом по истории тайпинского восстания.

Большой интерес представляют различные материалы по истории тангутского языка и культуры: библиографические материалы по изучению тангутской письменности, каталог ксилографов тангутского государства на китайском языке, библиографическая характеристика труда по истории тангутского государства. Другая группа материалов представляет переводы с китайского языка: Новеллы Пу Син-лина, Юн лэ да дьянь и некоторые другие памятники. Имеются материалы по Синьцзяну.

54. Шиллинг-Канштедт Павел Львович (ф. 56; 28 ед. хр., XIX в.).

Материалы по китайской и японской нумизматике, кяхтинской торговле, статистике и политике Китая, по тибетскому, монгольскому и санскритскому языкам, по буддизму, по китайской и, отчасти, маньчжурской, монгольской и тибетской библиографии. Письма и др.

55. Эзов Герасим Артемьевич (ф. 58; 84 ед. хр., XIX в.).

Рукописи трудов и материалы по истории Древней Армении, о деятельности Петра I по укреплению государственных границ, по „сношениям Петра Великого с армянским народом“, материалы по народному образованию на Кавказе и

учреждению в Москве училища Лазаревых — ныне Институт востоковедения, по деятельности армянского духовенства и армянским церковным делам в России, по правовым и религиозным вопросам евреев, о мероприятиях по ограничению влияния мусульманского духовенства на татар, о крещении татар, о порядке избрания оренбургского муфтия, об управлении закавказского мусульманского духовенства и др. Описание землетрясения в Армении и обвала горы Арарат. Письма.

56. Якимов Василий Дмитриевич (ф. 83; 30 ед. хр., XX в.).

Рукописи трудов и материалы к ним, стенограммы лекций, прочитанных студентам Ленинградского Государственного университета и Ленинградского восточного института по новой истории Монголии. Материалы по ламству. Национально-освободительное движение (1911 г.) в Монголии. Материалы: „Зарождение и развитие буддийской церкви в Монголии“. Материалы по истории Монголии, в том числе о „Причинах распада Монгольской империи“, и др.¹

Разряды

1. Арабы (р. I, оп. 8; 10 ед. хр., XVIII—XX вв.).

Труды Я. С. Виленчика: „Систематизированная библиографическая картотека по арабистике“ (по вопросам языка, литературы, истории, техники, естественных наук и т. д. около 50 000 карточек) и „Зоологические термины арабских диалектов Переднего Востока“ (около 4500 карточек; №№ 12, 13). Рукопись статьи А. Д. Седельникова „Арабская книга в казне у Ивана Грозного“, где под этим заглавием он имеет в виду арабскую рукопись „Аджа'иб ал-махлу'а'т“ и пытается выяснить, как она попала туда (№ 4/20). Материалы по истории, литературе, поэзии, языку, эпиграфике, нумизматике, преданиям. Перевод И. И. Бьернсталя с арабского на латинский язык 2-й части „Истории“ Абū-л-Фиды (р. III, оп. 2, № 52). Каталог Эрскина „Arabian Historians“ (продолжение, р. III, оп. 3, № 49). Словари: арабско-итальянский, арабско-персидско-армянско-китайско-латинский.

2. Бурят-монголы (р. II, оп. 1; 38 ед. хр., XIX—XX вв.).

Материалы по истории, религии, быту и фольклору, языку (Гуляева и др.), землеустройству, животноводству, общественным работам и повинностям, по описанию бурят-монголь-

ской юрты, по церковным и школьным вопросам и материалы, критикующие деятельность миссионеров.

3. Индия и Индонезия (р. I, оп. 5; 16 ед. хр., XIX—XX вв.).

Материалы по философии, этнографии, литературе, языку, арифметике, крестьянскому движению. Некоторые соответствующие материалы могут быть также найдены и в III разряде (отдельные поступления): по сравнительному языкознанию, санскритской грамматике (Д. Н. Овсяннико-Куликовский, р. III, оп. 1, № 7), „*Bibliotheca Buddhica*“ (р. III, оп. 3, № 13), „Жизнь и деятельность Д. Н. Кудрявского“ (Я. В. Лоя, р. III, оп. 1, № 24). Дневник буддийского паломника о жизни в тангутском монастыре (р. I, оп. 5, № 7). Русско-салайский словарь (р. I, оп. 5, № 11).

4. Иран и Афганистан (р. I, оп. 6; 31 ед. хр., XIX—XX вв.).

Материалы по истории (Н. И. Симонича), экономике (Н. Бороздина), литературе, языку (А. Ахундова, М. Искандерова, П. Шармуа), исмаилитству, „генеалогии афганских шахов“, путешествиям — в частности генерала Ермолова 1816 г. (№ 5), „Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими со времен царя Ивана Васильевича и донныне“ Броневского (1806).

Следующие материалы имеются также в III разряде: доклад полковника Гродекова об исследовании пути на Герат (р. III, оп. 3, № 48); посольство в Персию в 1817—1819 гг. (А. П. Ермолов, р. III, оп. 3, № 30); отчет штабс-капитана Марьямбея о поездке в Персию в 1910 г. (р. III, оп. 3, № 44); словари: русско-персидский, персидско-русский (А. Константинова), персидско-немецкий, курдско-французско-русский и французско-курдско-русский (А. Жаба, р. I, оп. 6, №№ 33 и 34), курдско-персидский (Фахрул-мула, 22 л., р. I, оп. 6, № 36). Материалы Ю. Н. Марра: 1) автобиографии и биографии персидских поэтов XIX и XX вв. Шу'а' ал-Малика, Мирза Абдул Ваххаба, Гульшен Иранпура, Афсара, 'Бади' аз-Замана, Решид Ясими, Мирзы Абул Касима Каем Макама и редактора журнала „Унқā“ Гулпайгани; 2) стихи современных поэтов — Мирзы Кашамшама и Хусейна Тиряки; 3) автографы поэтов, участвующих в объединении „Данешкада“; 4) письмо Мухэн-деси в стихах к Ю. Н. Марру; 5) работа К. А. Батманова „Литература Хузистана“ (р. III, оп. 1, № 4). Биографические материалы шейха Ханбани, 144 л. (р. I, оп. 6, № 35).

5. Кавказские народы (р. II, оп. 2; 21 ед. хр., XIX—XX вв.).

Материалы по истории, мифологии, эпиграфике, статистике, топографии, этнографии (Р. Р. Штакельберг, № 35), языку (Р. Эркерт), музыке.

Следующие материалы, относящиеся к этим народам, имеются также в III разряде: о заговоре шемахинских мюридов в 1863 г. (р. III, оп. 2, № 25), по описанию восточного берега Черного моря и населяющих его народностей (Н. Каргоф, р. III, оп. 2, № 37); записка командующего Кавказским военным округом по военному правлению (р. III, оп. 3, №№ 41 и 42); древности г. Баку и Апшеронского полуострова (М. С. Саяпина, р. III, оп. 2, № 6); надписи Дербента (р. III, оп. 2, № 8); Моисей Каганкатуаци, армянский писатель VII века (Миансаров, р. III, оп. 3, № 24). Словари и грамматики: русско-тушинский словарь (р. II, оп. 2, № 19), русско-черкесский словарь (р. II, оп. 2, № 22), „Краткая тушино-цовская грамматика“ (р. II, оп. 2, № 20).“

6. Китай (р. I, оп. 1; 139 ед. хр., XIX—XX вв.).

Материалы по истории (штабс-капитана Александровича, А. Г. Владыкина, графа Рагузинского (= С. Л. Владиславича), Г. Розова, географии (В. Т. Богородского), русско-китайским отношениям (Н. Н. Бантыша-Каменского), восстаниям, революции (А. Мелналксниса — корректура листов), философии (Н. Зюмер), языку (С. Георгиевского и А. Д. Романова), литературе (Ю. В. Бунакова), фольклору (Б. И. Панкратова, Л. Н. Рудова), нумизматике, быту (Л. Н. Рудова), торговле, экспедициям (О. Стейна), по истории и экономике Западного Китая, по научной переписке СПб. Академии Наук с иезуитами, проживавшими в Пекине в XVIII в. (В. П. Тарановича). Письмо Д. Д. Покотилова к отцу из Китая (р. III, оп. 1, № 33). Словари: китайско-русский (Палладия Кафарова), французско-китайский, китайско-португальский, русско-маньчжурско-китайский (Ж. Н. Вознесенского), маньчжурско-китайско-русский (С. Липовцова), китайско-латинский, латинско-китайский (С. Липовцова) и китайско-маньчжурский (А. Г. Владыкина).

7. Маньчжурия (р. I, оп. 2; 35 ед. хр., XIX—XX вв.).

Материалы по географии, этнографии, языку (А. Г. Владыкин), религии; словари: русско-маньчжурский (А. Г. Владыкина и А. Габаева), маньчжурско-русский (А. П. Протасьева), маньчжурско-русско-французский и маньчжурско-монгольско-русский (Хашкиева).

8. Монголия и Тибет (р. I, оп. 3; 41 ед. хр., XVIII—XX вв.).

Материалы по истории (Палладия Кафарова, Т. Б. Шармуа), статистике, генеалогии хоринцев, эпиграфике, медицине (Н. Н. Бадмаева), быту, обрядам (А. Д. Корсакова), литературе (Пуссель), языку.

Следующие материалы имеются в III разряде: путешествие Н. М. Ядринцева в Монголию 1891 г. (р. III, оп. 1, № 20); рукопись М. Мардарьева „Могилы Чингис-хана“ (р. III, оп. 2, № 14); дневник скотопромышленника А. Д. Васенева (р. III, оп. 1, № 18); словари: русско-монгольский (Ф. Минина), тибетско-монгольский, монгольско-русский (Ф. Минина, 1891 г.) и др.

9. Северные народы (р. II, оп. 3; 16 ед. хр., XIX—XX вв.).

Материалы: по фольклору айнов и гиляков (Б. Пилсудского и П. Глена), по языку гиляков, гольдов и тунгусов (П. Глена, И. Добровольского и Ф. В. Муромского), по быту остяков (А. Емельянова), повинностям и податям тунгусов. Дела „Баргузинской инородной управы“. Материалы: о тунгусах и бурятах, ревизские сказки. Словари: латинско-тунгусский и русско-чукотский, русско-манский словари.

10. Средняя Азия (таджики и узбеки) (р. III, оп. 1—3).

Материалы по экспедициям и путешествиям в Среднюю Азию (Н. М. Чернышевский, р. III, оп. 1, № 27 и Ф. Р. Остен-Сакен, р. III, оп. 1, № 38). Воспоминания об Ахал-Текинской кампании 1877—1878 гг. (р. III, оп. 2, № 23); записки по истории Хивы (А. Амерханьянц и Н. И. Веселовский, р. III, оп. 2, № 34); по Хивинскому походу 1839 г. (р. III, оп. 2, № 22); материалы по истории Бухары и по деятельности Сеид-Абдул-Ахад-хана, эмира Бухарского (р. III, оп. 2, № 55), по обследованию верховьев Аму-Дарьи в 1893 г. (Капитан Феврелев, р. III, оп. 3, № 46), по занятию Сыр-Дарьи и учреждению Сыр-Дарьинской линии (полковник В. Дандевиль, р. III, оп. 3, № 47); записка о среднеазиатской железной дороге (б. вел. кн. Николая Константиновича, р. III, оп. 3, № 35); сведения о самаркандском астрономе Омаре Ходжа (р. III, оп. 2, № 2); материалы по крестьянскому восстанию в Фергане в 1898 г. (Алиев, р. III, оп. 2, № 4) и по расследованию обстоятельств этого восстания (р. III, оп. 3, № 43); проекты по устройству управления Туркестанского края и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства (р. III, оп. 2, № 26 и р. III, оп. 3, № 40). Очерки внутреннего устройства кочевых

империй (А. М. Никольского, р. III, оп. 1, № 48). Краткая характеристика ходженского говора таджикского языка (Е. Д. Поливанов и Б. С. Виноградов, р. II, оп. 4, № 35).

11. Турция (р. I, оп. 7; 38 ед. хр., XVIII—XX вв.).

Материалы по истории, литературе, языку, фольклору (Х. Ксенофонтос, № 19), восстаниям (№ 37).

В III разряде имеются материалы: по истории Сельджуков (р. III, оп. 3, № 25), об албанцах Коссовского вилайета (С. Н. Чахотин, р. III, оп. 2, № 47), по строительству железных дорог в Турции (А. Д. Новичев, р. I, оп. 7, № 36), дневник Х. Ф. Менше об участии Карла Вюртембергского в турецкой войне 1789—1791 гг. (р. III, оп. 2, № 20), перевод указа Петра I на турецкий язык с немецким переводом (р. I, оп. 7, № 23), фирманы (р. I, оп. 7, №№ 33—35); турецко-русские словари (р. I, оп. 7, № 18).

12. Тюркские народы (р. II, оп. 4; 44 ед. хр., XIX—XX вв.).

Материалы: по генеалогии каракалпаков (И. А. Беляев, № 38), киргизов и туркменов (А. Г. Туманский, № 2); по фольклору каракалпаков: поэмы Едигей, Коблан и Бабараушан (№ 38), киргизов (А. Г. Белинский, № 3), татар и якутов (В. Н. Васильев); по литературе татар (С. Г. Вахидов); по этнографии татар и якутов; по описанию монет волжских булгар (Н. Абрамов); материалы Э. К. Пекарского для составления словаря якутского языка. Ногайское сказание об Едигее (П. А. Фалев, № 34); копии ханских грамот; список ханских грамот к царю Алексею Михайловичу и список его грамот к ханам (№№ 41, 42). Словари: русско-татарский (р. II, оп. 4, № 4—10 неизвестного автора, но, по косвенным данным, некоего Пашкова и Сагита Халфина 1785 г., р. II, оп. 4, №№ 14, 15) и русско-тунгусско-якутский (Иван Кожевин, р. III, оп. 3, № 23), крымско-татарско-азербайджанско-русский словарь на карточках (р. I, оп. 9, № 3), тюркско-арабско-персидско-русский — в обработке Н. Ф. Кафтанова, словарь аз-Замашарй „Музаддимат ал-адаб“ (р. I, оп. 3, № 7); хроника событий в Туркестане за 1914—1918 гг. (р. II, оп. 4, № 44).

13. Финно-угорские народы (р. II, оп. 3; 21 ед. хр., XIX—XX вв.).

Материалы: по религии и языку мордвы, по фольклору мордвы и чувашей, по этнографии и языку мокши и эрзи. Народное творчество чуваш (И. Н. Юркин, р. II, оп. 4, № 21). Словари: русско-зырянский (Н. И. Попов), русско-карельский, мордовско-мокшанский и черемисско-русский (П. П. Ерусланова).

14. Япония и Корея (р. I, оп. 4; 34 ед. хр., XVIII—XX вв.).

Материалы по философии, литературе (Н. И. Фельдман), языку (В. А. Завадского, Краснопольского и Н. Резанова), нумизматике; материалы по экспедициям в Японию в 1796 г. (А. Успенский, р. III, оп. 2, № 13). Словари: русско-японский, японско-русский и голландско-японский.

15. Различные материалы, не вошедшие в вышеуказанные разделы (7 ед. хр., XX в.).

Материалы Н. Н. Шедевра об абиссинских владениях в Палестине (р. III, оп. 1, № 34). Отчеты поручика Колусовского о летней поездке в город Малой Азии Бруссу (р. III, оп. 3, № 45). Переводы „Абиссинских хроник“ Б. А. Тураева (р. III, оп. 1, № 1). Материалы по геологической экскурсии в верховья реки Томи и по описанию экспедиции в Усинский край (А. М. Зайцев, р. III, оп. 1, № 22 и Ф. Кон, р. III, оп. 1, № 23). „Дело Главного управления Восточной Сибири с выписками из статейного списка о бытности на китайской границе великих полномочных послов Головина и Власова в 1855—56 гг.“ (р. III, оп. 3, № 37).

В. И. БЕЛЯЕВ

АРАБСКИЕ РУКОПИСИ В СОБРАНИИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

I

Арабские рукописи Института востоковедения составляют самый большой и самый значительный фонд его рукописного собрания. Можно с уверенностью сказать, что наше собрание является одним из первых в мире, не уступая по ценности своих материалов ни одному из самых старых в Европе, насчитывающих свыше трех столетий. В фонде арабских рукописей, объединенных по признаку языка, заключаются как сочинения, написанные авторами-арабами, так и сочинения авторов не арабов, но писавших по-арабски в различных странах Востока, в том числе и многочисленные произведения представителей народов Советского Союза, в частности Средней Азии.

Образование фонда арабских рукописей связано с основанием Азиатского музея Академии Наук в 1818 г., возникшего на базе уже значительных к тому времени коллекций ближне- и дальневосточных материалов Академии Наук, нуждавшихся в специальном хранении и обработке. При создании Азиатского музея, среди всех прочих материалов в него были переданы также и немногочисленные рукописи, среди которых были и арабские.

С основанием Азиатского музея началось уже более систематическое пополнение его собраний. Арабское собрание рукописей сразу возрастает в несколько десятков раз благодаря приобретению большой коллекции рукописей — на арабском, персидском и турецком языках — у французского дипломата Ж. Л. Руссо. Незадолго до того Ж. Л. Руссо, тогдашний генеральный консул Франции в Багдаде, а прежде в Алеппо, по происхождению левантинец, предложил для

продажи свою коллекцию из 500 рукописей французскому правительству. Королевское правительство, испытывавшее сильные финансовые затруднения после реставрации, отклонило предложение Руссо, и он продал свои рукописи русскому правительству при посредстве известного коллекционера П. П. Дубровского, долго жившего в Париже и обогатившего своими ценными приношениями рукописей фонды Публичной библиотеки. В 1825 г. от того же Руссо, занимавшего в ту пору пост французского генерального консула в Триполи в Африке, была приобретена вторая коллекция рукописей, состоявшая из 200 номеров. Важность этих двух приобретенных была чрезвычайно велика. Собранные ученым, знатоком и ценителем восточных рукописей в важнейших ученых центрах арабского Востока, — главным образом Алеппо и Багдаде, — „в ту эпоху, — по словам И. Ю. Крачковского, — когда арабские страны не подвергались еще систематическому выкачиванию литературных сокровищ и когда редкие с научной точки зрения труды не представляли редкости на местах“,¹ они сразу поставили рукописное собрание Азиатского музея в первые ряды европейских хранилищ рукописей. Эти две коллекции доставили целый ряд арабских рукописей первоклассного научного значения, зачастую уникальных, послуживших позднее для важных исследований и изданий текстов как русских, так и зарубежных ученых. В последующее время, несмотря на поступление больших и интересных коллекций, заключававших отдельные экземпляры чрезвычайной ценности, этот первоначальный фонд никогда не был превзойден ни по великолепию подбору ценных и редких рукописей, сосредоточенных в одной коллекции, ни по высокому значению, которое представляет для науки вся коллекция Руссо.

На это значение поступивших коллекций обращал внимание русского общества первый директор Азиатского музея академик Х. Д. Френ своими популярными статьями в петербургской прессе, служившими также своеобразными научными отчетами о состоянии нового хранилища восточных рукописей.

Благодаря энергии и научному энтузиазму Френа Азиатский музей с самого начала своей деятельности становится центром, привлекающим рукописные сокровища с разных концов России. Собрание Музея пополнялось то отдельными рукописями, то целыми коллекциями. Последние связаны по большей части с именами русских ориенталистов и поступали

¹ И. Ю. Крачковский. Арабский отдел. Азиатский музей Российской Академии Наук. 1818—1918. Краткая памятка, Пб., 1920, стр. 9.

в Музей иногда как дар, чаще же как наследство после их смерти. Френом же, первоначально единолично, осуществлялась и обработка рукописных поступлений, начиная с их шифровки и инвентаризации и кончая описанием. Им был подготовлен краткий инвентарный каталог, очевидно предназначенный к печати, но, к сожалению, не увидевший света: рукопись его хранилась в Архиве востоковедов (бывшем Азиатском архиве) Института востоковедения в фонде Френа до 1950 г., когда этот фонд был передан в Архив Академии Наук СССР в числе прочих архивных фондов академиков и членов-корреспондентов Академии Наук СССР. Им же была введена хорошая традиция — сообщать о новых поступлениях за год в печати как академической, так и более широкой, благодаря чему ученый мир и широкая публика своевременно узнавали о расширении научной базы отечественного востоковедения. И в настоящее время эти публикации не потеряли своего значения, являясь иногда даже для специалистов единственным источником для суждения о составе рукописных сокровищ этого величайшего в стране хранилища восточных рукописей.

Из первых поступлений в Азиатский музей после собрания Руссо нужно отметить небольшое собрание рукописей Френа, поступившее после его смерти и несколько арабских рукописей О. И. Сенковского.

Значительные, хотя и немногочисленные пополнения принесла деятельность Н. В. Ханыкова, приславшего из Ирана и с Кавказа как рукописи, так и монеты и встампажи эпиграфических памятников. Ему Азиатский музей обязан несколькими рукописями арабских географических произведений. Имея в виду важность старейших списков для критического издания Йақұта, Н. В. Ханыков заказал копию со старой мешхедской рукописи его географического словаря, который, в рукописи Азиатского музея, дал несколькими десятилетиями раньше материал для знаменитой работы Френа об Ибн Фадлане, положившей начало систематическому изучению арабских материалов для средневековой истории нашей страны. Б. А. Дорн также вывез из своей поездки по Кавказу и Северному Ирану в 1860—1861 гг. ряд рукописей, хранящихся теперь в нашем собрании. Среди них интересна старая рукопись астрологического трактата Аполлония Тианского.

Этот период характеризуется поступлением мусульманских рукописей главным образом из-за рубежа. Следующий период, — до середины первого десятилетия XX в., — дает прирост наших собраний по этой линии уже за счет поступ-

лений отдельных рукописей и целых коллекций, зачастую очень больших, из наших пределов, и только отдельные коллекции являются зарубежными по происхождению. В дальнейшем я касаюсь только тех коллекций, которые в своем составе доставляли хотя бы несколько арабских рукописей, имея в виду, что полный перечень коллекций собрания будет дан впоследствии.

В составе коллекции П. И. Лерха из 45 рукописей в 1859 г. в Азиатский музей поступила только одна арабская, но по значению принадлежащая к ценнейшим, — рукопись „Книги генеалогических имен“ ас-Сам’ани. Коллекция Графа, собранная в Иране и поступившая в Азиатский музей в 1867 г., принесла три арабских рукописи: „Введение в историю“ Ибн Халдуна, биографический словарь Ибн Халликанана и „Мақамы“ ал-Харирй. В 1871 г. была приобретена из наследства В. Ф. Диттеля (ум. в 1848 г.) одна рукопись с двумя географическими сочинениями. Коллекция Кауфмана, поступившая из Средней Азии и собранная при посредстве Я. Я. Любша, важная в своей таджикской, персидской и тюркской частях, принесла только одну, но также хорошую рукопись сочинения, приписывавшегося Ибн Кутейбе, — „Книги имамата и государственного управления“. Несколько важных арабских рукописей поступило из Египта через Рудольфа Френа и из его наследия в 1882 г. Приобретенная от А. Л. Куна в 1890 г. коллекция из 134 рукописей доставила также несколько арабских рукописей, среди которых интересны старая (VIII/XIV в.) копия словаря ал-Джаухарй, список биографического словаря Ибн Халликанана, старая копия космографии Ибн ал-Вардй и комментарий ал-Бурйни на диван Ибн ал-Фарида в списке 1052/1642-1643 г.

Поездка К. Г. Залемана летом 1897 г. в Самарканд и Бухару оказалась плодотворной. Она позволила ему ориентироваться на месте в состоянии книжного рынка, результатом чего появилась идея специальных экспедиций в поисках рукописей. В первую поездку Залеман привез 96 рукописей, из которых 25 было арабских. К. Г. Залеман продолжил традицию немедленных публикаций сведений о новых поступлениях в виде предварительных инвентарных списков. Ценнейшими рукописями в его первой коллекции явилось сочинение ал-Газмйни, доставившее нам неоценимые материалы по хорезмийскому языку и две рукописи философской энциклопедии X—XI вв., — „Посланий чистых друзей“, в старых списках. Из этих же экспедиций К. Г. Залеман вывез первую из двух рукописей исторических „Добавлений“ к словарю

„Ясный“ Джемāля Қаршї, сделавшую известным это, важное для истории Средней Азии, сочинение. Несколько малозначительных арабских рукописей приобрел Азиатский музей из Бухары через В. И. Игнатьева в 1901 г. Зато маленькая коллекция (19 номеров), купленная у бухарского книготорговца Мир-Салиха Миракбаева, кроме одной персидской, вся состоит из арабских рукописей. Среди них особенно выдаются очень старый (V/XI в.) список безыменного сочинения „Свойства животных“ (А 277), уникальный пятый том громадного трактата по ашаритской догматике Ибн ал-Бақыллāнї (ум. 403/1012 г.), „Руководство для ищущих правого пути“, старый список прославленного словаря „Океан“ ал-Фирӯзāбādї и старая рукопись филологического трактата Са'лаба. По значению отдельных экземпляров эта коллекция не уступает специальной арабской коллекции В. Р. Розена.

В 1904 г. в Азиатский музей поступило две коллекции: одна — консула д-ра Франка и другая — В. В. Бартольда, собранная в Средней Азии во время научной экспедиции. Последняя среди 14 рукописей персидских и тюркских принесла второй, более новый, но лучший, полный список „Добавлений“ Джемāля Қаршї.¹

Поступившая после смерти В. Р. Розена в 1908 г. его коллекция рукописей² дала очень существенный прирост арабской части собрания Азиатского музея: из 48 рукописей — только 6 персидских (бабидских) и тюркских. Особенно важны: медицинский трактат Ибн ал-Бейтāра, рукопись I и II томов „Золотых лугов“ ал-Мас'удї, два тома известной антологии „Ожерелье“ Ибн Абдраббихи, „Дивāн Абӯ Теммāма“, известная антология ан-Невādжї, уникальная рукопись истории Египта Ахмеда ал-Махаллї, комментарий ат-Тибрїзї на сборник стихов Абӯ л-'Алā' ал-Ма'аррї и другие, меньшего значения. После этого поступления до 1915 г. не было большого увеличения арабской части собраний Музея.

К. Г. Залеман во время второй своей поездки в Среднюю Азию в 1908 г. приобрел для Азиатского музея небольшую коллекцию рукописей, среди которых было несколько и арабских.

¹ Коллекция В. В. Бартольда была кратко описана К. Г. Залеманом, но это описание, которое, очевидно, предназначалось для очередного, IX, выпуска „Notitiae Musei Asiatici“, по какой-то причине не увидело света, как и сам выпуск. В Рукописном отделе оно сохранилось в корректурном экземпляре (в гранке) с типографской пометкой 10 | 1906 г.

² К. Г. Залеман. Новые поступления в Азиатский музей. I. Список рукописей из наследства академика барона В. Р. Розена. ИАН, VI серия, т. VI, 1908, стр. 1297—1300.

Вместе с 24 еврейскими рукописями у Д. А. Хвольсона в 1909 г. было приобретено 4 арабских, являющихся копиями Кельзи и муллы Хусейна Фейзаханова с лейденских рукописей сочинений Ибн Вахшийи — „Книги набатейского земледелия“ и „Книги ядов“, „Книги Танкелуши (Тевкра) Вавилонского об изображениях градусов сферы“ и выдержек из „Книги о земледелии“ Мухаммеда ибн Ибрахима ал-Вафвата.¹ Копии эти были сделаны для подготавливавшегося Д. А. Хвольсоном критического издания этих сочинений: они были сличены им самим, В. Райтом и Фейзахановым с другими лейденскими, парижскими, uppsальскими, оксфордскими и лондонскими; копия „Книги Танкелуши“, не имевшая параллели, была прочитана и снабжена поправками самим Флейшером. Эти рукописи являются документом товарищеского сотрудничества выдающихся ориенталистов различных национальностей. К сожалению для нашей отечественной науки, издание не осуществилось; зато мы имеем в нашем распоряжении критически выверенный рукописный текст четырех интереснейших произведений передневозосточного научного синкретизма в арабской обработке.

Большая коллекция (127 рукописей) русского генерального консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского, собранная им в Восточном Туркестане и приобретенная после его смерти у его вдовы для Азиатского музея в 1909 г., при очень большом интересе ее турецкой и персидской частей, почти ничего не дала для пополнения арабского фонда. Единственная старая дефектная рукопись сборника преданий „Восхождения светил“ ас-Сабгани более интересна старым персидским переводом между строками.² Также ничего не принесла для арабистики и коллекция С. Ф. Ольденбурга³ из 88 турецких и персидских рукописей: среди персидских, присланных им из Восточного Туркестана, наиболее интересна рукопись космографии Ахмеда Туси „Чудеса творений“,⁴ вторая в нашем собрании. Зато арабские рукописи преобладают в небольшой, но интересной коллекции из 16 рукописей, приобретенной у Ф. Ф. Поспелова в г. Катта-Кургане.⁵ По преимуществу это

¹ Список рукописей, приобретенных для Азиатского музея у проф. Д. А. Хвольсона. ИАН, VI серия, т. VII, 1909, стр. 815—816, № 25—28.

² К. Г. Залеман. Мусульманские рукописи, вновь поступившие в Азиатский музей в 1909—1910 гг. ИАН, VI серия, т. IX, 1911, стр. 251—260.

³ Там же, стр. 260—263.

⁴ Как установил Н. Д. Миклухо-Маклай, настоящим автором ее является Неджиб Хамадани, писавший в VI/XII в.

⁵ Там же, стр. 264—265.

все — богословские и правовые сочинения. Среди них наиболее интересны: комментарий ал-Джамй на „Геммы мудрых изречений“ Ибн ал-‘Арабй, „Фетвы“ Қадйхана и „Наставления для мухтесиба“ ас-Суннамй.

Сплошь персидская по составу вторая коллекция 1912 г. Л. Ф. Богданова (Тегеран) принесла среди 39 рукописей единственную арабскую исключительного научного значения — „Хронологию“ ал-Бйрунй 616/1219 г., восполняющую некоторые лакуны издания Захау.¹ Третья и четвертая его коллекции, привезенные им в 1913² и 1914 гг., также состояли почти исключительно из персидских рукописей и значительно обогатили персидский фонд собрания. Две арабские рукописи находились и в коллекции, собранной по поручению В. В. Бартольда в б. Бухарском ханстве в 1914 г.:³ это были — старая рукопись IV тома истории Мекки ал-Фасй и Коран с древним тюркским среднеазиатским комментарием, ценнейшим памятником старо-узбекского языка.

Большое увеличение получил арабский фонд в 1915 г. в результате экспедиции в Бухару летом и осенью этого года, организованной К. Г. Залеманом со специальной целью собирания рукописей. Согласно инструкциям К. Г. Залемана приобреталось „все более или менее ценное, что попадалось на глаза“. Собранная коллекция содержала, таким образом, громадное количество интересных рукописей арабских, персидских, таджикских и тюркских. На 1057 томов арабских рукописей оказалось 1157 произведений. Среди них — рукописные памятники в различных областях литературы и науки. Достаточно указать хотя бы на великолепные старые рукописи: „Опыты народов“ Ибн Мискавейха, анонимная история Омейядов и Аббасидов, диван Зур-Руммы, „Ниспровержение философов“ и „Оживление религиозных наук“ ал-Газалй, комментарий на Коран аз-Земахшарй, редкое сочинение по логике „Весы мыслей“ ас-Самарқандй, комментарий на грамматический трактат Ибн Джиннй и целый ряд других. Наиболее выдающиеся рукописи были тогда же описаны И. Ю. Крачковским, выяснившим при описании их научное значение. Вся же арабская часть коллекции была зарегистрирована позже в виде алфавитного списка, причем во вводной статье была дана

¹ Отчет о деятельности Азиатского музея Академия Наук за 1912 г., СПб., 1912, стр. 1.

² То же за 1913 г., СПб., 1914, стр. 2.

³ То же за 1914 г., СПб., 1915, стр. 2; ЗВО, XXIII, 1916, стр. 259, прим. 1, и стр. 249, прим. 1.

جمله ما حمل از بعه القلوب قمتی و ثلثا به زاویه زین فلما حمل كل ما نذر عليه
رجل الي بلكه و دخل جعفر بن زر و جماعة المنز من الاعداد فنقدم
المقدر بالله الي مؤنس بالحرج الي الكوفة لما نذر الفير مطي واضطرب اهل
بغداد اضطربا شديدا و اسفل اهل الجبال العتيبي الي الجبال الشري و دخل
مؤنس الكوفة و قد دخل ابوطاهر الجبالي عنهما فاستخف مؤنس بانثوا و سار هو

يا و اسطاد لم يتم الحج الا بحده

و كذبت سنة ثلث عشرة

و ثلثا به

و فيها ورد الخبر بصير علي بن عيسى الي مكة جلا هذه السنة من صدر ردد
سلامه عليه بعد اذ وقع شفاخ بمائة الف و سبعة و اربعين الف دينار و اثار
و اسند زان ازها و ان الخصمي قد اقر علي بن عيسى علي ما كان عليه من الاشرا و علي مصر
و الشام و فيها فتح ابراهيم المسمي باجيه القصر باسمهم خمسة الف
انسان و حملهم الي اقاتره و هذه السنة كثرت الارطاب بغداد حتى
يحمل منها الثور و حملت الي مصر فكتبوا الي النخعي و فيها كتبت ثلاث
الروم الي اهل القوز و رسمهم ادا الخراج اليه و يقولان فغلتهم ذلك

характеристика ее своеобразных черт, позволявших смотреть на нее как на типичное явление, отражавшее умственную жизнь Бухары за целый ряд веков.¹

В начале этого же года, была приобретена коллекция из 41 персидских и арабских рукописей, собранная в Иране и Белуджистане, — в Бирдженде, Исфахане, Ширазе и Мультане.² Арабские рукописи в этой коллекции — богословского, правового и философского содержания. Среди них выделяются сочинения деятелей секты шейхй, предшественницы в XVIII — начале XIX в. бабидского движения в Иране, и одно бехитское. У А. и С. Москалевых было приобретено несколько магрибинских рукописей незначительного содержания, которые заслуживают упоминания только ввиду редкости рукописей магрибинского происхождения в наших собраниях.

Следующим крупным событием в жизни Азиатского музея и его арабского фонда было поступление в 1916 г. большого количества рукописей арабской графики, собранных на кавказском фронте в районе озера Ван, в Эрзеруме, Эрзинджане и др. Спасение рукописей, гибнувших в покинутых населением и разоренных военными операциями местах, взяла на себя Академия Наук, возложив непосредственное выполнение этой задачи на старшего хранителя Кавказского музея С. В. Тер-Аветисьяна. Благодаря стараниям последнего с осени 1916 г. по конец марта 1917 г. было переслано 1239 томов рукописей, которые составили так называемую Ванскую коллекцию. В арабской части ее насчитывается свыше 1060 номеров; помимо целого ряда прекрасных старых рукописей она сохранила значительную часть библиотеки малоазийского рода ал-Халидй, игравшего роль в истории литературы позднейшего периода жизни Малой Азии. Ванская коллекция тогда же была зарегистрирована И. Ю. Крачковским в виде печатного списка со вводной статьей, в которой давалась научная оценка и краткая история приобретения.³ Персидская ее часть (178 номеров) была обработана А. А. Ромаскевичем, а турецкая (51 номер) — П. А. Фалевым.

В 1916 г. была приобретена в Бухаре для Азиатского музея коллекция из 68 рукописей. Среди арабских рукописей

¹ В. И. Беляев. Арабские рукописи Бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения Академии Наук СССР. Труды Инст. востоков. Акад. Наук СССР, II, Л., 1932.

² Отчет о деятельности Азиатского музея Академии Наук за 1916 г., Пгр., 1916, стр. 2.

³ И. Ю. Крачковский. Арабские рукописи, поступившие в Азиатский музей Российской Академии Наук с кавказского фронта. ИАН, 1917, стр. 913—949.

этой коллекции следует отметить медицинское сочинение, написанное в Бухаре при Шейбанидах в 942 г. х. В этом же году несколько арабских рукописей было приобретено от В. Мельникова вместе с турецкими в составе коллекции из 27 рукописей.

Таким образом, если в 1914 г. состав бывшего мусульманского фонда достиг цифры около 2800 рукописей, то за три года до революции (1915—1917) фонд вырос почти вдвое — на 2515 томов, — достигнув цифры 5315 томов. Соответственно арабский фонд за эти три года увеличился на 2247 номеров.

Новый период наступает в жизни Азиатского музея после Великой Октябрьской революции. За 34 года, истекших с октября 1917 г., фонд рукописей арабской графики вырос больше, чем вдвое, достигнув 12 000 томов с лишним. В первые же революционные годы различными органами Советского правительства Азиатскому музею был передан ряд коллекций, принадлежавших до революции как государственным учреждениям, так и частным лицам. Благодаря этому Азиатский музей еще раз обогатился коллекциями, имеющими первоклассное научное значение. В позднейшие годы, используя специальные средства на покупку рукописей, Азиатскому музею, реорганизованному в 1930 г. в Институт востоковедения, удавалось приобретать большие коллекции, насчитывавшие по несколько сот томов рукописей, не говоря уже об отдельных экземплярах и небольших собраниях, поступавших едва ли не каждый год.

В 1919 г. Азиатскому музею была передана замечательная коллекция из 42 томов арабских, по преимуществу христианских, рукописей, принадлежавшая б. императорской библиотеке Зимнего Дворца. Коллекция эта была принесена в дар патриархом антиохийским Григорием IV в 1913 г. и до революции была трудно доступна для изучения. В составе ее насчитывается немало прекрасных и ценных рукописей, как, например, древний сборник трактатов по окулистике половины VI в. х., очень важная рукопись „Путешествия патриарха Макария Антиохийского“ Павла Алеппского 1700 г., трехтомная Библия 1236 г., ряд автографов Макария и Павла Алеппского, и др. Коллекция была описана И. Ю. Крачковским и во вводной статье им была дана оценка большого научного значения этих рукописей.¹

¹ И. Ю. Крачковский. Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха антиохийского. ИКИАИ, II (1917—1925), 1927, стр. 1—20 (также: Христианский Восток, VII; том не вышел, но были отпечатаны отдельные оттиски с пагинацией 1—20, Л., 1924).

В этом же году Отдел Востока Комиссариата иностранных дел передал Азиатскому музею собрание рукописей, принадлежавших до революции бывшему Учебному отделению Министерства иностранных дел. Однако, ввиду затруднений с транспортом, не позволявших переправить рукописи в Петроград из Москвы, где они хранились в Архиве бывшего Министерства иностранных дел, рукописи были приняты, упакованы и оставлены в Москве до прибытия туда вагона с рукописями Академии Наук из Саратова, где они находились в эвакуации с конца 1917 г. Собрание Учебного отделения фактически поступило в Азиатский музей только в 1921 г. и принесло увеличение состава бывшего мусульманского фонда еще на 600 томов. По качеству рукописей, тщательному их подбору и научному значению это собрание можно поставить рядом только с обеими коллекциями Руссо. Основное ядро из лучших рукописей составилось в нем из коллекций А. Я. Италинского (116 томов) и П. К. Сухтелена (63 тома); оно обросло в позднейшие десятилетия более мелкими поступлениями, чаще дарениями, чем покупками, среди которых главное место занимали рукописи, подаренные преподавателями и бывшими питомцами Учебного отделения. Арабские рукописи в нем были описаны В. Р. Розеном и Д. Г. Гинцбургом.¹

Остальные поступления 1919 г. (коллекция В. А. Жуковского, II коллекция В. В. Вельяминова-Зернова, коллекция А. А. Половцева) и последующих шести лет (II коллекция А. А. Семенова, 1921 г., А. А. Базилевского, 1924 г.) принесли часто важные персидские и таджикские материалы, вроде совершенно исключительного по значению кодекса Туманского „Границы мира“ (1924) или истории Нāдир-шāха Мухаммеда Кāзима (1919), недостающий первый том которой поступил в наше собрание только после Великой Отечественной войны в 1948 г., пополнив прекрасный трехтомный экземпляр. Арабская часть за эти годы остается без увеличения. Только с 1926 г. снова начинается приток арабских рукописей.

В числе 26 рукописей арабской графики III среднеазиатской коллекции А. А. Семенова, поступившей в 1926 г., было 4 арабских. В том же году в составе собрания из 25 рукописей, переданных в дар Азиатскому музею Полномочным

¹ Collections scientifiques de l'Institut des Langues Orientales du Ministère des Affaires Etrangères. I. Les manuscrits arabes de l'Institut des Langues Orientales décrits par le Baron Victor Rosen. St.-Petersbourg, 1877; то же, VI. Par le Bⁿ V. Rosen, D. Günzburg. . . St.-Petersbourg, 1896.

представительством СССР в Персии, вместе с персидскими рукописями, поступило и 5 арабских. Среди них заслуживают внимания рукописи двух медицинских сочинений — 'Али ибн ал-'Аббаса ал-Маджуси и ал-Кумри. Это собрание описано Е. Э. Бертельсом в том же году.¹ Пожертвованная в 1928 г. В. И. Анучиным (Казань) коллекция из 20 почти исключительно арабских рукописей обычного учебного содержания интересна только тем, что отражает в какой-то степени ту средневековую учебную традицию, которая до революции продолжала свое существование даже в татарском Поволжье.

С 1928 г. начинают поступать в большом количестве рукописи от путешественника Пасхина, доставляемые им из его поездок по Средней Азии. За три года (1928—1930) им было продано и принесено в дар несколько сот арабских, таджикских, персидских и тюркских рукописей. Общий уровень собрания невысок, так как при отсутствии знания восточных языков рукописи приобретались Пасхиным без всякого разбора. Однако в массе малоценного материала встречаются одиночные экземпляры, заслуживающие внимания. В подавляющем же большинстве — это все общераспространенная традиционно-схоластическая литература.

Десятилетие с 1930-го года вплоть до Великой Отечественной войны характеризуется массовым притоком рукописей из национальных республик — Татарской, Башкирской, Казахской, Азербайджанской, Дагестанской и Нижнего Поволжья. В 1934 г. Академией Наук направляется археографическая экспедиция в Татарскую и Башкирскую республики с целью собирания рукописей. Результаты экспедиции оказываются успешными: собрано было несколько сот рукописей, которые были переданы в Институт востоковедения Академии Наук. Экспедиция в меньшем объеме была повторена в пределы Татарской АССР в 1936 г. В самой Казани была приобретена большая коллекция рукописей в 1000 с лишним томов. В ней преобладают арабские и татарские рукописи. Из арабских встречаются хорошие и древние экземпляры по большей части известных юридических, богословских, грамматических и других сочинений. Коллекция представляет большой инте-

¹ Е. Э. Бертельс. Описание собрания персидских рукописей, пожертвованных в Азиатский музей в 1926 г. Полномочным Представительством СССР в Персии. ДАН В, 1926, стр. 89—92; см. также описание собрания арабских рукописей, пожертвованных в Азиатский музей в 1926 г. Полномочным Представительством СССР в Персии. ИАН, 1927, стр. 315—324.

рес как целое, отражающее круг научной литературы, обращавшейся в татарских ученых кругах.

Значительную ценность представили также материалы, присланные в 1936 г. жителем Уфы И. М. Бикчентеевым. Собранные им по собственной инициативе для Академии Наук в Чкаловской области и Башкирской АССР, они состоят из рукописей и исторических документов краеведческого характера. Среди доставленных арабских рукописей одна имеет большое научное значение: она содержит старый, лучший, чем парижский, список „Минералогии“ псевдо-Аристотеля и также старый список очень редкого философско-медицинского трактата „Веселящее душу“, который, кажется, решает вопрос об авторе. Рукопись происходит из Месопотамии или Сирии. В этом же году бакинским жителем А. И. Тамаевым (Тамаи) Институту востоковедения была продана его первая коллекция рукописей, целиком состоящая из арабских рукописей дагестанского, по преимуществу, происхождения. Эта коллекция, не принеся каких-либо особенно ценных отдельных экземпляров, имела известное значение, так как впервые давала представление о тех интеллектуальных интересах, которыми жили образованные слои дагестанского общества различных национальностей, пользовавшиеся арабским языком как средством образования, научного и литературного творчества, культурного общения, религиозного обихода, а также деловых сношений. Первая коллекция Тамаева, так же как и две последующих в 1938 и 1948 гг., познакомила не только с широко распространенной обиходной и научной литературой традиционного характера, но и показала целый ряд местных дагестанских научных деятелей, писавших по-арабски и зачастую приобретавших широкую известность далеко за пределами своей родины в самих арабских странах.

С этого же года начались регулярные присылки рукописей из Астрахани местным жителем С. А. Алимовым. Эти поступления продолжались до начала Отечественной войны и обогатили собрание Института востоковедения еще на 1200 с лишним томов арабских, персидских и тюркских сочинений. Как и другие аналогичные коллекции, собранная Алимовым принесла массу произведений обычного традиционного типа в виде местных и зарубежных рукописей. Благодаря географической близости в Астрахань попадали в значительном количестве рукописи из Дагестана. Однако среди этого моря мало примечательных рукописей оказалось несколько арабских манускриптов выдающегося интереса. К таким относится

юридическое сочинение хорезмского ученого XIII в. аз-Захидй ал-Газмийнй „Приобретение желаемого для пополнения достаточного“, содержащее многочисленные правовые формулы, бытовые фразы и отдельные слова на хорезмийском языке. Эта рукопись оказалась лучшей из существующих, и приобретение ее послужило толчком к изучению хорезмийского языка. Заслуга изучения принадлежит советскому ученому А. А. Фрейману.¹ С. Л. Волиным упомянутый источник был подвергнут предварительной филологической обработке, выделившей весь материал по хорезмийскому языку из написанного по-арабски сочинения.² Другая рукопись является анонимным биографическим словарем хорезмского происхождения XII в., содержащим важный материал о местных хорезмских и многих других деятелях. Третья — представляет небольшое, но редкое астрономическое произведение.

Наряду с массовыми поступлениями продолжались также приобретения небольших коллекций, доставлявших иногда манускрипты первоклассного значения. При этом, бывало, приходилось встречаться с жалкими остатками хороших когда-то коллекций, связанных с именами известных в истории востоковедения лиц. Так, в конце 1936 г. от М. М. Чарова было приобретено 4 хороших арабских рукописи, показывавших тщательный подбор их владельцем. Три рукописи были сирийского происхождения, четвертая оказалась прекрасным древним пергаменным манускриптом куфического Корана. Рукописи оказались принадлежащими наследникам И. Г. Нофала, профессора Учебного отделения Министерства иностранных дел.³

В 1938 г. жителем г. Баку И. М. Мамедовым была привезена в Ленинград коллекция из 50 арабских и персидских рукописей. Она была приобретена Институтом востоковедения и вместе с двумя другими, поступившими от Мамедова в 1939 (21 рукопись) и 1940 (21 рукопись) гг. составила своеоб-

¹ А. А. Фрейман. Хорезмийский язык. ЗИВ, VII, 1939, стр. 65—78; он же. Хорезмийские глоссы в сочинении Кынйат ал-мунйа („Приобретение желанного...“) хорезмийского законоведа XIII в. Наджм-ад-дин Абу-р-Раджа Мухтар ибн-Махмуд аз-Захиди ал-Газмийнй. Советское востоковедение, VI, 1949, стр. 63—88, где указана литература; он же. Хорезмийский язык. Материалы и исследования, I, Изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1951, 118 стр.

² С. Л. Волин. Новый источник для изучения хорезмийского языка. ЗИВ, VII, 1939, стр. 79—91.

³ И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями. 3-е изд., М.—Л., 1948, стр. 154—158, очерк „Куфический Коран и бабушка-арабка“.

разный фонд, в котором преобладали, как в арабской, так и в персидской части, шиитские рукописи с большим количеством произведений секты шейхй.

При слиянии Института книги, документа, письма Академии Наук СССР с Институтом истории Академии Наук СССР, происшедшем в 1938 г., Институту востоковедения были переданы некоторые рукописи, документы и архивные материалы. Среди них были две южно-арабские бронзовые покаянные таблички, исследованные и опубликованные И. Ю. Крачковским,¹ несколько арабских рукописей мало интересного содержания, среди которых, однако, встречается листок магрибинского Корана XII в. с художественной заставкой и фрагмент литературного сочинения с ранней миниатюрой X—XI вв., пергаменные листки коранов VIII—IX вв.² и значительная коллекция арабских папирусов VII—IX вв. и старых писем и документов на бумаге XI—XIX вв.³ Все переданные материалы, кроме бронзовых табличек, составляли прежде часть громадного археографического, палеографического и эпиграфического частного собрания-музея, некогда принадлежавшего Н. П. Лихачеву и подаренного им Академии Наук.

В 1939 г., кроме II коллекции Мамедова в Институт востоковедения поступила переданная из Института антропологии и этнографии Академии Наук СССР в Ленинграде коллекция рукописей из 40 томов. Коллекция эта была собрана в Кала-и-Хумбе в горной части Таджикистана, Дарвазе, в 1936 г. экспедицией Института антропологии и этнографии. Состоит она из арабских и персидских рукописей традиционного содержания и каких-либо особенно выдающихся редкостей не содержит.

В следующем, 1940, году, кроме III коллекции Мамедова из Баку и продолжавших поступать из Астрахани посылки Алимова, Институт востоковедения получил коллекцию фотографий и подлинных документов и писем, относящихся к истории Дагестана в середине XIX в., в дар от профессора Н. И. Покровского в Ростове-на-Дону и приобрел две

¹ И. Ю. Крачковский. Две южно-арабские надписи в Ленинграде. ИАН ООН, 1931, стр. 427—453; он же. Над арабскими рукописями, стр. 138—146, очерк „Бронзовые таблички из страны царницы Савской“.

² В. И. Беляев. Арабская рукописная книга в собрании Института книги, документа, письма Академии Наук СССР. М.—Л., 1936.

³ В. И. Беляев. Собрания арабских папирусов в Москве и Ленинграде. Труды Второй сессии Ассоциации арабистов 19—23 октября 1937 г., М.—Л., 1941, стр. 71—80. (Труды Института востоковедения, вып. XXXVI).

небольшие коллекции рукописей: одну из 15 рукописей от Маргулана из Алма-Ата, другую из 21 рукописей от М. З. Зарифова из Башкирской АССР.

За последнее предвоенное полугодие продолжали поступать рукописи из Астрахани от вдовы Алимова, скончавшегося в 1940 г. Последняя (25-я) посылка прибыла 16 мая 1941 г. Кроме того, от Маргулана приобретена была II коллекция из 11 рукописей.

Великая Отечественная война, потребовавшая от страны всех сил для борьбы с врагом, ограничила возможности приобретения рукописей. Рукописное собрание Института пополнилось только случайными приобретениями или рукописями из наследия умерших востоковедов, как сотрудников Института востоковедения, так и посторонних. В 1944 г. в Ташкенте Институту востоковедения удалось приобрести коллекцию персидских, таджикских и узбекских рукописей из 16 томов. Эта коллекция была перевезена в Ленинград при реэвакуации Института в начале мая 1945 г. В нее входило несколько арабских рукописей. За послевоенный период поступления рукописей были незначительны. В 1947 г. профессор В. И. Филоненко (Пятигорск) принес в дар Институту 11 арабских рукописей, собранных им в Крыму. По характеру своему они принадлежат к средневековой школьно-традиционной литературе. И в 1948 г. А. И. Тамаев продал Институту свою III коллекцию, состоящую на этот раз из малозначительных рукописей, интересных только с палеографической стороны и еще тем, что некоторые являлись автографами известных литературных деятелей Дагестана XIX в. Наконец, в заключение следует упомянуть одиночное поступление 1950 г.: в этом году Министерством иностранных дел СССР Институту востоковедения была передана рукопись III тома рыцарского „Романа о Зу л-Химме“. Это приобретение интересно тем, что в дополнение к рукописям арабской полународной литературы, „Тысячи одной ночи“ и „Романа об Антаре“, мы получаем образец еще одного такого романа, а также тем, что эта рукопись происходит из Северной Африки и написана магрибинским письмом, образцы которого в нашем собрании не часты.

II

Переходя к характеристике наиболее интересных рукописей нашего собрания, мы будем группировать их по тематическим разделам, не придерживаясь в расположении разделов строгой

энциклопедической последовательности: в начале идут историко-географические и литературные рукописи, за ними — рукописи научного содержания, — математика, астрономия, медицина и т. д. Внутри отделов сохраняется более или менее строгий хронологический порядок возникновения литературных памятников.

1

Отдел исторических рукописей содержит ряд редких, иногда уникальных экземпляров, зачастую значительной древности.

Редкое сочинение Абū Ханифы ад-Дйнаверī (ум. 282/895 г.) „Книга долгих повестей“, впервые открытое для науки В. Р. Розеном и им описанное, имеется в рукописи 1061/1651 г. (В 1052). Эта рукопись легла в основу издания В. Ф. Гиргаса, выполненного по двум рукописям. Позже была обнаружена в Лейдене третья, давшая ряд более удачных вариантов к тексту.¹ Рукопись принадлежит к коллекции А. Я. Италинского и поступила в Азиатский музей после революции вместе со всем рукописным собранием Учебного отделения Министерства иностранных дел.²

В составе коллекции, собранной в 1915 г. в Бухаре, поступил том анонимной истории четырех „правоверных“, омейядских и первых аббасидских халифов, написанной между 408—422/1017—1031 гг. (С 1911); рукопись по палеографическим признакам относится к XIII в. Сочинение это приносит новые сведения для истории периода падения Омейядов и прихода к власти Аббасидов.³

Знаменитое произведение ал-Утбī (ум. 427/1036 г.) „Книга десницы династии“, биография султана Махмūда Газневидского, важная для истории Средней Азии и Хорасана, представлена двумя рукописями: 663/1264-1265 г., коллекции Руссо (С 342),⁴ и 1152/1739-1740 г., — коллекции Италинского (С 729).⁵ Кроме того, из последней же коллекции происходит рукопись комментария, составленного в 1144—

¹ Abū Hanīfa ad-Dīnawerī. Kitāb al-aḥbār at-tīwāl. Publié par Vladimir Guirgass. Leide, 1888. — То же: Préface, variantes et index publiés par Ignace Kratchkovsky. Leide, 1912.

² Collections scientifiques, № 29.

³ В. Беляев. Анонимная историческая рукопись коллекции В. А. Иванова в Азиатском музее. ЗКВ, V, 1930, 15—37; Беляев. Арабские рукописи, № 145 и стр. X.

⁴ Notices sommaires, № 157; Catalogue, 49, № 461; Dorn, стр. 203.

⁵ Collections scientifiques, № 34.

1147/1732—1735 гг. ал-Манйин на это сочинение, представляющая копию с автографа автора 1147 г. (В 1034).¹

Из сочинений XI в. исключительную ценность представляют два. Одно из них — труд ал-Бирўни (ум. 440/1048 г.) по сравнительной хронологии древних народов: „Следы, оставшиеся от минувших поколений“ в рукописи 616/1219 г. (D 58). Помимо высокого качества самой рукописи, она важна тем, что восполняет целый ряд лакун, находящихся в рукописях, легших в основу издания Захау. Некоторые из них касаются народов нашей Средней Азии — согдийцев и хорезмийцев. Для нового критического издания сочинения ал-Бирўни наша рукопись доставит важнейший материал.²

Другое сочинение — пятый том всемирной истории Ибн Мискавейха (ум. 421/1030г.), обнимающий период 284—326/897—938 гг., — в списке половины VI/XII в. (D 345).³ Этот том является частью экземпляра, рассеянного по различным городам Советского Союза: I том находится в Казани и носит следы чтения его географом XII в. Йақўтом,⁴ III и часть VI тома — в Ташкенте.⁵ Экземпляр этот принадлежал библиотеке известного бухарского ученого и религиозного деятеля Мухаммеда Пārса (ум. 822/1419 г.), а до того, вероятно, находился в какой-нибудь библиотеке Багдада или другого города Ирака или Месопотамии; там его и читал Йақўт в 600/1203-1204 г. Так как до сих пор еще нет полного издания текста сочинения Ибн Мискавейха, то такая прекрасная рукопись, как наш том, вместе с другими томами, заняла бы при подготовке издания главное место. Обе рукописи принадлежат к позднейшим поступлениям: первая происходит из коллекции

¹ Там же, № 35.

² С. Salemann. Zur handschriftenkunde. I. Al-Birūnī's al-Ātār al-bāqiyah. ИАН, VI серия, т. X, 1912, стр. 861—870. — Ср.: Отчет о деятельности Азиатского музея Академии Наук за 1912 г. СПб. 1912, стр. 1.

³ И. Ю. Крачковский. Новая рукопись пятого тома истории Ибн-Мискавейха. ИАН, VI серия, т. XIV, 1916, стр. 539—546; он же. Над арабскими рукописями. 3-е изд., М.—Л., 1948, стр. 71, очерк „Введение к легенде“. — Ср.: Беляев. Арабские рукописи, № 166 и стр. X, XIII.

⁴ А. Хури. Рукопись истории Ибн-Мискавейха в Казани. ДАН В, 1924, стр. 184—186; И. Ю. Крачковский. Собрание арабских рукописей в Казани. ДАН В, 1924, стр. 171.

⁵ А. Э. Шмидт. Рукопись III тома всемирной истории Ибн-Мискавейха. Труды Государственной Публичной библиотеки УзССР, т. I, Ташкент, 1936, стр. 118—132; В. В. Бартольд. Занятия в Туркестанских библиотеках и музеях летом 1925 г. ИАН, 1926, стр. 223—224.

Л. Ф. Богданова 1912 г., вторая поступила в Азиатский музей в составе Бухарской коллекции в 1915 г.

Из старых рукописей сочинений XII—XIII вв. надо отметить значительное количество касающихся истории Сирии, Ливана и Палестины в период Крестовых походов. К таким принадлежат: История завоевания Сирии и Палестины *Ṣalāḥ-ad-dīn* (Саладином (Саладином средневековых латинских хроник) *Imādad-dīna al-Kātibā al-Isfahānī* (ум. 597/1201 г.) в списке, выполненном в Амиде еще при жизни автора, в 595/1199 г. (С 345); „Мансӯрова хроника“ *Muḥammada al-Ḥamawī*, сочиненная в 631/1233 г. (В 614); рукопись, очевидно, является автографом автора; наша рукопись уникальна; сочинение, с особенною подробностью излагающее события 500—631/1106—1234 гг., представляет важный источник для истории Крестовых походов. Обе эти рукописи происходят из коллекции Руссо.¹ В 1905 г. при содействии Я. Я. Лютша Азиатский музей получил великолепную рукопись III тома летописи *Ibn al-Aṣīra* (ум. 630/1233 г.) „Совершенный в истории“ (D 373).² Рукопись выполнена каллиграфически в 686/1287 г. для библиотеки какого-то владетельного лица, *Jalāl-ad-dīna Maḥmūda ibn Sherif ad-daule* и заключает 364—622/974—1225 годы, являясь, таким образом, последним томом сочинения. С точки зрения надежности текста она еще не подвергалась изучению, хотя безусловно заслуживает этого, имея в виду значительный срок, протекший со времени опубликования этого труда Торнбергом (1851—1876).

Важное для периода нашествия монголов сочинение *an-Nesewī* „Жизнеописание султана *Jalāl-ad-dīna Menku-birtī*“, описывающее борьбу последнего хорезмшаха с Чингизханом, имеется в копии с парижской рукописи, сделанной в 1259/1843 г. шейхом *Tantavi* (С 811).³ Несмотря на наличие издания *Uda* (*Houdas*), мы не можем считать, что имеем надежный текст: рецензия Розена хорошо это показала.⁴ Издатель не мог справиться с плохой парижской рукописью. *Tantavi*, обладавший более глубокой ученостью и серьезным критическим чутьем, лучше прочел ту же рукопись и внес верные чтения в свою копию. Поэтому при пользовании изданием необходимо систематическое привлечение копии *Tantavi*.

¹ Notices sommaires, №№ 158—159; Dorn, стр. 203.

² ИАН, V серия, т. XXII, 1905, стр. 0XIX—0XX.

³ Collections scientifiques, № 36; И. Ю. Крачковский. Шейх *Tantavi* профессор С.-Петербургского университета (1810—1861). Л. 1929, стр. 110—111, № 27.

⁴ ЗВО, VI, 1892, стр. 384—388.

تسس اعام واليوم الخامس والعشرون منه اول كرم خواره آياخ الدم الماح
 منه اخر كرم خواره فروع لم يصل نافع شي ساقوع لهم فيه عيد من اليوم
 الخامس منه الى اليوم الخامس عشر ثم يقوم للمسلمين سوق بالفتح سبعة ايام
 ثم يبرح اليوم الرابع والعشرون منه ما دام اكمال جشوم في اخر هذا الشهر
 سكي اهل السغد على موتاهم القداما وينجون عليه ويقطعون وجوههم
 ويقعون لهم بالطعمة والاشربة فقل الرضى في الفروز خان وذلك
 لان الحكمة الايام المستزقة لاهل السغد انما هي في اخير هذا الشهر كما قدم
 ذكره ولهم قاهر اسواق في الري في الايام التي اسماها في كل شهر واحدة تستعمل
 في رمايتي بخارا والسغد

القول على اهل خوارزم

ررم في سهونهم من مثل ذلك

واهل خوارزم موافقون لاهل السغد في اويل السنين والسهور ومخالفون
 للفرس فيها والعلية في ذلك في عينها ما ومنفد لاهل السغد ورمومهم فيها كانت
 شبيهة بمرهم واول القيتف عندهم كان اول تاو سا رعي ولهم اعياد
 فيها كانوا يعطونها قبل الاسلام ويحجون لمن المعبود جمل وعن امرهم يعطونها
 ويستعملون اياما اخر ما خودة من انا دستدمهم والآن لم يبق من مجموعهم الا
 بقية لم يبق في دينها وانصرفت معرفة طواهره دون العنصر عن حقا بقية
 ومعانيه حتى انما استعملت الاعياد معرفة الوباد دون واضعها
 المنسوبة الى السهور فاما ايامهم واعياهم التي استعملت بامردهم

Пятнадцатый век представлен несколькими важнейшими сочинениями. Так, в нашем собрании есть полная рукопись знаменитого труда ал-Мақрībī (ум. 845/1442 г.) „Увещания и назидания в перечислении кварталов и памятников“ (D 158), из коллекции Италинского, прекрасно выполненная для библиотеки Месйх-пāши, губернатора Египта в 982—988/1574—1581 гг.¹ Большую ценность имеет трехтомная рукопись редкой истории ал-‘Айнī (ум. 855/1451 г.) „Жемчужное ожерелье относительно истории этого времени“, доведенной до 850/1447 г. Рукопись эта (С 350), датированная 1169—1171/1755—1758 гг., была приобретена в Каире в 1838 г. Рудольфом Френом.² Отдельные томы этого произведения находятся в различных библиотеках, причем наша рукопись, несмотря на отсутствие первого тома и значительные лакуны, является наиболее полной. Другое сочинение — биография главного противника крестоносцев в XII в., султана-зенгида Нўраддйна, Ибн Қадї Шухбы (ум. 874/1469 г.) „Драгоценная жемчужина о подвигах Нўраддйна“, — представлено в рукописи прижизненной автору, 842/1438 г. (В 622), из коллекции Руссо.³ Наконец, следует отметить хорошую рукопись истории Египта при исламе Абў л-Махāсина Ибн Тагрїбердї (ум. 874/1469 г.) „Сверкающие звезды относительно царей Египта и Каира“, — сочинения, важного для позднего средневековья в арабских странах. Наш список — сверенная с автографом автора копия 883/1478-1479 г., всего на 9 лет моложе даты смерти Ибн Тагрїбердї (С 351), из коллекции А. Жабы.⁴

В нашем собрании находится уникальный предпоследний том истории Египта Ибн Ийāса (ум. 930/1524 г.) „Диковинки цветов в событиях веков“ в рукописи 1127/1715 г. из коллекции Италинского (С 728).⁵ Есть у нас также хороший список второй части известной истории Андалусии ал-Маққарї (ум. 1041/1632 г.), содержащей биографию везира Ибн ал-Хатыба. Список выполнен в (1101/1689-1690 г. и принадлежит к коллекции Италинского D 169).⁶

Интересна рукопись истории Византии и Турции (ар-Рўм), описывающая события со времен Константина Великого до султана Мурāда, из собрания Руссо (С 358).⁷ Это — сочине-

¹ Collections scientifiques, № 41.

² Notices sommaires, № 177; Dorn, стр. 83, 745—750.

³ Notices sommaires, № 175; Dorn, стр. 284.

⁴ Notices sommaires, № 178.

⁵ Collections scientifiques, № 46.

⁶ Там же, № 57.

Notices sommaires, № 175; Catalogue, 48, № 451; Dorn, стр. 204.

ние Матфея Цигала в арабском переводе 1648 г., выполненном по поручению патриарха антиохийского Макария иереем Иосифом (ум. ок. 1667 г.) с помощью сына Макария, архидиакона Павла Алеппского. Иосиф иллюстрировал рукопись портретами-миниатюрами императоров и султанов: эти миниатюры характеризуют его как выдающегося художника. В нашем собрании, в той же коллекции Руссо, есть рукопись псалтиря с его же миниатюрами (А 187), выполненная в 1058/1650 г. и показывающая то же высокое мастерство.¹

С собранием Учебного отделения к Институту востоковедения перешла также и прекрасная трехтомная рукопись истории Египта ал-Джаберти (ум. 1241/1826 г.), доведенной в III томе до 1220/1805-1806 г.² Это сочинение представляет исключительный интерес для истории Египта периода XVIII—начала XIX в. Наш экземпляр дополняется четвертым томом, принадлежащим библиотеке Ленинградского Государственного университета. Рукопись переписана в 1259—1262/1843—1846 гг. и представляет тем большее значение, что издания этого труда не существует, а его французский перевод не точен и не удовлетворяет современным запросам.

Среди рукописей фонда имеются такие, которые связаны с кавказскими событиями в половине прошлого века. Помимо подлинных документов и писем, принадлежащих Шамилю, мы находим в собрании Института востоковедения несколько мемуарных и летописных произведений близких к Шамилю лиц. Некоторые из рукописей освещают, в частности, реакционную роль султанской Турции в ходе событий на Кавказе.

К историческим в строгом смысле примыкают произведения биографические, также представленные у нас в собрании замечательными в каком-либо отношении списками. Сюда же мы относим и истории городов, которые являются не столько топографическими описаниями городов, сколько сборниками биографий выдающихся граждан, обычно в хронологическом порядке. Нет нужды говорить, какие обильные материалы бытового и культурно-исторического характера они содержат. Исключение по плану и характеру составляют только некоторые, дающие историческую топографию города. К таким относится „История Мекки“ ал-Азракй (ум. ок. 244/858 г.), имеющаяся в нашем собрании в рукописи начала VII/XIII в. из коллекции Руссо (В 607).³ Эта рукопись привле-

¹ Notices sommaires, № 1; Catalogue, 40, № 382.

² Collections scientifiques, № 60.

³ Notices sommaires, № 152; D o r n, стр. 203; Catalogue, 4, № 10.

чена при издании Вюстенфельда¹ и дает даже при наличии его критического текста некоторые более удачные чтения, восходя к авторитетной традиции.

Важными для нас представляются рукописи двух среднеазиатских биографических сочинений XII в. Одно из них — „Книга генеалогических имен“ известного мервского ученого-араба Абӯ Са'да 'Абдалкерима ас-Сам'ани (ум. 562/1167 г.), род которого насчитывал несколько поколений ученых-традиционалистов, знатоков Корана и права, и владел несколькими библиотеками в Мерве, открытыми для публичных занятий. Наша рукопись (С 361) привезена Лерхом из Средней Азии и, восходя к одной редакции с рукописью Британского музея, оказывается более удобочитаемой. Время ее переписки — IX/XV в.² Это сочинение — важнейший источник для истории культуры и науки Средней Азии. Оно явилось одним из главных источников для географического словаря Йақӯта (XIII в.).

Другое сочинение — дефектный анонимный сборник биографий различных ученых. Автор был младшим современником знаменитого хорезмского филолога и экзегета аз-Замахшарӣ (ум. 538/1144 г.) и, очевидно, как и последний, был жителем Хорезма и приверженцем му'тазилитства. Его труд дает много новых сведений о разных лицах и, в частности, о хорезмских ученых. Рукопись наша (С 1210) относится, очевидно, ко времени жизни автора, если не является его автографом. Приобретена она С. А. Алимовым в Астрахани для Института востоковедения в 1938 г. К этому же веку относится „История Дамаска“ Ибн 'Асәкира (ум. 571/1176 г.), которой у нас имеется 37-й том в рукописи 652/1254-1255 г. из коллекции Руссо (С 343).³

Биографический словарь Ибн Халлиқана „Кончины знаменитых людей“ представлен четырьмя полными списками, — 988/1580-1581 г., сверенным с авторским автографом (D 161), 1061/1650-1651 г., — оба списка из коллекции Италинского;⁴ 1064/1653-1654 из коллекции Руссо (С 365),⁵ и более новым, каллиграфическим, поступившим из наследия Графа (С 366).⁶

¹ Die Chroniken der Stadt Mekka, hrsg. v. F. Wüstenfeld, I. Bd., Geschichte und Beschreibung der Stadt Mekka vom al Azraki. Leipzig, 1858.

² Notices sommaires, № 196; Mélanges Asiatiques, X, 1892, стр. 287, № 25.

³ Notices sommaires, № 202; Catalogue, 49, № 454.

⁴ Collections scientifiques, №№ 38—39.

⁵ Notices sommaires, № 198; Catalogue, 9—10, № 44; Dorn, стр. 204.

⁶ Notices sommaires, № 199; Mélanges Asiatiques, VI, 1869, 116, № 6.

Наше собрание обладает двумя единственными списками исторического добавления к персидской обработке известного словаря ал-Джаухарй, сделанной уроженцем Алмалыга (около Кульджи) Джемаладдином ал-Каршй (в просторечии — Джемал Каршй, род. в 628/1231 г.) под названием „Ясный“ в 681/1282 г. в Кашгаре. „Добавления к Ясному“ были составлены уже в начале VIII/XIV в. и содержат ценный исторический и биографический материал по истории некоторых среднеазиатских династий и мусульманской науки в Восточном Туркестане. Одна из рукописей, датированная 1066/1655-1656 г. (В 514), была найдена в Средней Азии М. С. Андреевым и подарена В. П. Наливкиным в Азиатский музей в 1897 г.¹ Другая, лучшая, датированная 1247/1831-1832 г. (С 286), куплена в 1902 г. В. В. Бартольдом во время его поездки в Среднюю Азию и передана в Азиатский музей в том же году.² Текст в извлечениях был издан В. В. Бартольдом уже в 1898 г.³

Важна восходящая к авторскому оригиналу рукопись сочинения Ибн ал-Адйма (ум. 660/1262 г.) „Молочные сливки с истории Халеба (Алеппо)“, переписанная в 863/1459 г. и представляющая, очевидно, копию парижской рукописи (С 348);⁴ происходит она также из коллекции Руссо. Это сочинение является одним из основных восточных источников для истории Крестовых походов.⁵

Биографии юристов шафи'итского толка представлены двумя сочинениями — рукописью последнего тома труда Таджаддина ас-Субкй (ум. 771/1370 г.) „Классы шафи'итов“ в средней редакции, исполненной в 858/1454 г. х. и сверенной с авторским оригиналом (С 360)⁶ и рукописью сочинения Ибн Кадй Шухбы (ум. 851/1377 г.) „Классы юристов“, исполненной при жизни автора в 846/1442-1443 г. (В 630).⁷ Обе рукописи происходят из коллекции Руссо.

Интересно отметить наличие в нашем собрании рукописи, к сожалению дефектной, сочинения Йусуфа ибн Шахйна, внука знаменитого палестинско-египетского ученого Ибн Ха-

¹ В. Бартольд. Мулхакат-ас-Сурах. ЗВО, XI, 1899, стр. 283—287. — Ср.: ЗВО, VIII, 1894, стр. 353.

² В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. ЗВО, XV, 1904, стр. 271—272.

³ В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, I. Тексты. СПб., 1898, стр. 128—152.

⁴ Notices sommaires, № 160; Catalogue, 3, № 4; Dogn, стр. 203.

⁵ Ср.: Brockelmann, GAL, I, 332, D₂; SB, I, 569.

⁶ Notices sommaires, № 208; Catalogue, 7, № 31.

⁷ Там же, № 209; Catalogue, 7, № 29.

джара ал-'Асқалāнī (ум. 852/1449 г.). Ибн Шāхйн (род. 828/1425 г.) переработал ок. 871—877 гг. сочинение своего деда, — сборник биографий египетских судей, — сократив его и продолжив до 871/1466 г. Повидимому, рукопись (С 1910) представляет ту самую переработку, которая в известных науке рукописях носит название „Сияющие звезды с сокращением истории судей Египта и Каира“.¹ Рукопись поступила в Азиатский музей в 1908 г. в составе коллекции, собранной К. Г. Залеманом во время его второй научной поездки в Среднюю Азию в 1908 г.

Важное для истории науки раннего османского периода сочинение турецкого ученого Тāшкупрй-зāде (ум. 968/1560 г.) „Анемоны относительно ученых османской династии“ представлено ранней рукописью 980/1572-1573 г., отделенной от даты смерти автора всего 12 годами, происходящей из коллекции Руссо (В 639), другой, списанной с авторского оригинала и сличенной с ним рукописью 982/1574-1575 г. из коллекции Вельяминова-Зернова (А 216) и хорошей недатированной копией также из коллекции Руссо (В 638).² Для того же времени надо отметить рукопись труда йеменского ученого 'Абдаррахмāна Ибн ад-Дейба' (ум. 944/1537 г.) по истории его родного города Зебида: „Предел желаний ищущего пользы в истории города Зебида“, доведенной до 924/1518 г. (В 1035).³ Рукопись, видимо, современна жизни автора и поступила из коллекции Италинского. Рукописи из Южной Аравии чрезвычайно редки в собраниях Советского Союза. Тем большего внимания заслуживает список произведения авторитетного йеменского историка, оказавшийся в нашем хранилище.

2

Отдел географии представлен не так богато, как отдел истории, но и в нем мы можем отметить наличие ряда примечательных рукописей.

Четырьмя рукописями представлено известное историко-географическое сочинение ал-Мас'ūdī (ум. 345/956 г.) „Промывальни золота и рудники драгоценных камней“. Три из них происходят из коллекции Италинского; D 175 — лучшая в смысле правильности текста, переписана в 1123/1711-1712 г., D 157 — переписана в 1148/1735-1736 г. и D 176 — не имеет

¹ С. Brockelmann, GAL, II, 70, № 1343.

² Notices sommaires, №№ 204—206; Catalogue, 7, № 27.

³ Collections scientifiques, № 47.

даты.¹ Четвертая, совсем новая (В 600—601), переписана в 1253/1837-1838 г. с рукописи в ал-Азахаре в Каире по специальному заказу сына Френа для Азиатского музея,² и является памятником заботы знаменитого ученого о пополнении собрания этого хранилища наиболее выдающимися и интересными произведениями литературы Востока, особенно имеющими отношение к прошлому нашей страны.

Наша рукопись египетского космографического сочинения „Большая книга чудес“ Ибра̄хима ибн Ва̄сыф-шāха (С 613), переписанная в 606/1209-1210 г., дает относительную датировку как для названного произведения, так и для времени жизни автора, до сих пор остающегося загадочной фигурой.³ Рукопись географического „Словаря стран“ Йāкūта (ум. 626/1229 г.) из коллекции Руссо (С 588),⁴ переписанная в 1124/1712 г. и послужившая Френу основой для изучения „Послания“ Ибн Фадлāна, не осталась одинокой. Во время своих поездок по Востоку Н. В. Ханыков заказал копии с мешхедской (I том) и мосульской (последний том) рукописей этого сочинения и принес их в дар Азиатскому музею, сознавая всю важность этого памятника в первую очередь для географии и истории России (D 128, С 590, С 589).⁵ Наши рукописи Йāкūта, так же как и рукописи ал-Мас'ūdī, не теряют своего значения и при наличии европейских изданий Барбье де Менара и Вюстенфелда: последние были выполнены по своему времени добросовестно, однако теперь они уже не удовлетворяют более строгим требованиям современной текстологической критики, не могут считаться окончательными, и при научной работе в поисках лучших вариантов приходится прибегать ко всем наличным рукописям и восточным изданиям, сделанным обычно по какой-нибудь одной рукописи.

Оценка географического сочинения Ибн Са'йда ал-Магрибī (ум. 673/1274 г.) была дана с большою полнотой В. В. Бартольдом в 1899 г.⁶ Бартольд с особенным вниманием анализировал сведения Ибн Са'йда, относящиеся к географии нашей страны, и показал, что его труд „рядом с трудами Идриси и Абу-л-Фиды представляет самостоятельный интерес“. При

¹ Там же, №№ 31—33.

² Notices sommaires, № 219; Dorn, стр. 539—541.

³ Notices sommaires, № 220; Catalogue, 44, № 417; Dorn, 204.

⁴ Notices sommaires, № 229; Catalogue, 45, №№ 424—425.

⁵ Notices sommaires, №№ 230—232.

⁶ В. Бартольд. География Ибн-Са'йда. — Recueil des travaux rēdigēs en mēmoire du Jubilē Scientifique de M. Daniel Chwolson. Berlin, 1899, стр. 226—241.

анализе Бартольд опирался на издание географии Абул-Фиды Рено и Де Слена (1840 г.) с примечаниями издателей по парижской рукописи Ибн Са'йда, на рукопись географии Ибн Са'йда в Британском музее и на нашу (С 591), представляющую сокращение упомянутого сочинения, которое в колофоне называется просто „Книга географии“. Наша рукопись переписана в 1097/1686 г. лицом, близким к известному сирийскому литератору и автору биографий современных ему литераторов дамаскинцу ал-Муhibбй (ум. 1111/1699 г.).¹ Использована она была также Дорном в его труде „Каспий“.²

Серия сочинений по космографии XII—XVI вв. в собрании Института востоковедения открывается рукописью произведения „Подарок смышленным и выборка чудес“ Абу Хамида ал-Андалусй ал-Гарна'тй (ум. 565/1169 г.) в сокращенной обработке (В 782). Рукопись датирована 973/1565-1566 г. и находится в сборнике вместе с извлечением из географической части энциклопедии Ибн Фадлаллаха ал-'Омарй (ум. 748/1348 г.).³ Сборник получен от В. Ф. Диттеля, который приобред его во время своей поездки на Восток. По этой рукописи Б. А. Дорном были впервые даны подробные сведения о сочинении ал-Гарна'тй, в части, касающейся прикаспийских стран и Поволжья. Дорн хорошо показал важность для исторической географии упомянутых стран этого источника, доставляющего действительно значительные и интересные материалы. Позднейшие космографы вплоть до XVI в. пользовались сведениями ал-Гарна'тй, эксцерпируя его труд для своих произведений. Наша рукопись привлечена при издании этого памятника французским арабистом-географом Ферраном.⁴

Знаменитая космография Закариййи ал-Казвйнй (ум. 682/1283 г.), современника последнего аббасидского халифа, оказалась не менее популярна, чем на Востоке, также среди ученых Запада: она послужила им источником для ряда разнообразных работ, — по географии, картографии, этнографии, минералогии, медицине, психологии и другим областям. У нас она представлена в обеих своих частях: собственно космографическая, „Чудеса творений и диковинки существующих

¹ Notices sommaires, № 233; Catalogue, 43, № 406.

² Б. Дорн. Каспий. СПб., 1875, стр. 591 (указатель), № 21.

³ Notices sommaires, № 228; В. Dorn. Über zwei für das Asiatische Museum erworbene Arabische Werke. Mélanges Asiatiques, VI, 1873, стр. 671—677, 685—716.

⁴ Le Tuhfat al-albab de Abū Hāmid al-Andalusī al-Garnā'ī edité... par Gabriel Ferrand. Journal Asiatique, CCVII, 1925, Juillet—Septembre, стр. 1—304. (Отд. отд., Paris, 1925). О нашей рукописи — стр. 15—16. К оценке издания ср.: Советское востоковедение, IV, 1947, стр. 66—67.

вещей“,— двумя роскошно выполненными рукописями: VIII/XIV в. из коллекции Италинского (Е 7)¹ и 988/1580-1581 г., поступившей в Азиатский музей в 1914 г. (D 370)² (обе рукописи иллюстрированы миниатюрами)— и двумя рукописями, качеством похуже, 1146/1733-1734 (С 594)³ и недатированной из Ванской коллекции (В 1723);⁴ географическая, „Памятники стран и рассказы о рабах Аллаха“, представлена хорошим списком 730/1330 г. из коллекции Италинского, не использованным издателем труда, Вюстенфельдом. Этот список сделан тем же переписчиком, что и одна из рукописей, привлеченных при издании. Наша рукопись является копией с автографа автора (D 174).⁵ Для нас космография ал-Қазвини особенно интересна тем, что в ней автор использовал „послания“ о путешествиях Ибн Фадлана, Абӯ Дулефа и Ибраһима ибн Йақуба. В нашем собрании есть также рукопись другой космографии— „Выборка этого времени о чудесах суши и моря“ ад-Димишқий (ум. 727/1327 г.) из коллекции Руссо, выполненная в 1098/1686-1687 г. (В 781).⁶ По ней подготавливалось издание этого памятника Френ в 1819 г., но издание было приостановлено, так как пожар уничтожил часть листов, и не было возобновлено. Только в 1866 г. датский ученый Мерен подготовил критическое издание текста, используя рукопись Руссо и материалы Френа, которые все же были изданы Академией Наук в том же 1866 г. небольшим тиражом. Академия приняла на себя также издание труда своего члена-корреспондента Мерена.⁷ Более старая, переписанная в 816/1413 г. рукопись (А 251),⁸ связанная с произведением ад-Димишқий, является только безыменным его сокращением.

Известная географическая компиляция сирийского эмира Абӯл-Фиды (ум. 732/1331 г.) „Распределение стран“— одно из тех поздних произведений, с которых началось знакомство

¹ Collections scientifiques, № 64.

² Протоколы Историко-филологического отделения Академии Наук, VIII, 1914, § 223.

³ Notices sommaires, № 221.

⁴ И. Ю. Крачковский. Арабские рукописи, поступившие в Азиатский музей Российской Академии Наук с Кавказского фронта. ИАН, 1917, стр. 935.

⁵ Collections scientifiques, 34, № 65.

⁶ Notices sommaires, № 222; Catalogue, 45, № 427; Dorn, стр. 205.

⁷ Cosmographie de Chems ed-din Abou Abdalla Mohammed ed-Dimichqi. Texte arabe publié d'après l'édition commencée par M. Frähn... par A. F. Mehren. St.-Petersbourg, 1866.

⁸ Notices sommaires № 223.

европейской науки с кругом арабских географических представлений, в том числе и с вопросами о славянах и русах в арабской литературе. В нашем собрании имеются два его списка: один, сделанный при жизни автора (С 592), и другой, позднейший, начала XII/XVII в. (С 593), — оба происходят из коллекции Руссо.¹

Поздняя и мало значительная компиляция Ибн ал-Вардй (около половины IX/XV в.), пользовавшаяся широким распространением, встречается и в собрании Института востоковедения в большом количестве списков: В 787, С 599 — принадлежат к коллекции Руссо, В 788 — приобретен от Аббаскули Бакиханова,² В 1053, А 1033 — из коллекций Италинского и Сухтелена,³ и ряд рукописей более позднего поступления.

Ряд космографий завершается рукописью географо-космографического произведения упоминавшегося уже Ибн Ийаса (или Айаса, ум. ок. 930/1524 г.) „Аромат цветов в диковинках стран“, переписанной с авторского автографа (В 1033).⁴

Хотя значительная часть наших интереснейших рукописей по географии и космографии представляет компиляции периода обобщения накопленных сведений в период позднего средневековья, для нас они не теряют своего значения и теперь. О них, расширяя применение, можно выразиться словами И. Ю. Крачковского, сказанными им о сочинениях ал-Қазвинй, Абӯ-л-Фиды и ад-Димишқй: „В европейской науке... они с конца XIX века стали отступать на второй план, благодаря открытию более ранних произведений, но за то современное исследование обнаруживает в них такие стороны, которых не замечали предшествующие ученые, и в этом смысле сообщаемый ими материал нельзя считать вполне изученным и в настоящее время“. Для нас эти рукописи приобретают особый интерес в связи с начавшимся осуществлением идеи и плана В. В. Бартольда и И. Ю. Крачковского о создании свода арабских источников по истории народов СССР.

Особое по значению место занимает наша рукопись (В 992), содержащая три стихотворных описания морских маршрутов по Индийскому океану и Красному морю, составленных лодманом Васко да Гамы на переходе его из Африки в Индию

¹ Notices sommaires, №№ 234, 235; Catalogue, 52, № 492; 43, № 404; Dorn, стр. 205.

² Notices sommaires, №№ 225—227; Catalogue, 44, №№ 408—410; Dorn, стр. 205.

³ Collections scientifiques, №№ 66, 67.

⁴ Там же, № 68.

в 1498 г. Ахмедом ибн Маджидом.¹ Отожествление наших лоций стало возможным после работ Габриэля Феррана, посвященных морской географии арабов. Он же издал другие лоции Ибн Маджида по рукописи Национальной библиотеки в Париже. Все три наши лоции являются уникальными.² Рукопись — 920/1514-1515 г., из коллекции Руссо.

Распространенный некогда жанр литературно-географических сочинений („фада'ил“ и „маха́син“ — „достоинства“ и „красоты“ городов и стран) представлен у нас рукописью, содержащей два сочинения (В 610),³ посвященные описанию достоинств и красот Дамаска. Авторы их — Ахмед ал-Босра́вий (писал в 1003/1594-1595 г.) и ал-Бедри́ (жил в первой половине X/XVI в.). Рукопись переписана в 1060—1061/1650—1651 гг., из коллекции Руссо.

Описания путешествий также по большей части имеют местное значение, так как принадлежат жителям Сирии и относятся к позднему времени. Цель поездок — Стамбул, как у ал-Газзй ал-Амири́ (ум. 984/1577 г.; рукопись В 799—1066/1655-1656 г.) и Ибн Сукейкира (ум. 987/1579 г.; рукопись В 801 — автограф ок. 976/1568-1569 г.), или Мекка, как у Худждейджа ал-Вахйди, путешествовавшего в 992/1584 г. (В 800—1130/1717-1718 г.).⁴ Одна рукопись (А 255) дает описание путешествия во Францию отца Са'йд-паши в 1132—1133/1721 г.⁵ Выдающееся значение имеет наша рукопись описания путешествия патриарха Макария Антиохийского, сделанного его сыном архидиаконом Павлом Алеппским (В 1230). Она переписана в Дамаске в 1700 г. и является оригиналом всех трех рукописей, находящихся в Советском Союзе.⁶ Рукопись 1700 г. попала к нам в составе коллекции антиохийского патриарха Григория IV в 1919 г.⁷

¹ Catalogue, 50, № 472.

² И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями [1-е изд.]. М.—Л., 1945, стр. 50—54 (с воспроизведением одной страницы нашей рукописи); изд. 2-е, М.—Л., 1946, стр. 75—79; 3-е изд., М.—Л., 1948, стр. 88—94. — О н ж е. Арабские географы и путешественники. Известия Государственного Географического Общества, LXIX, 1937, стр. 758—760.

³ Notices sommaires, № 239; D o g n, стр. 285.

⁴ Notices sommaires, №№ 240—242; Catalogue, 45, № 423; 44, № 415.

⁵ Notices sommaires, № 243.

⁶ И. Ю. Крачковский. Описание путешествия Макария Антиохийского как памятник арабской географической литературы и как источник для истории России в XVII веке. Советское востоковедение, VI, 1949, стр. 195.

⁷ И. Ю. Крачковский. Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха антиохийского. ИКИАН, II, 1917—1925, стр. 17, № 33.

В заключение необходимо упомянуть наличие в нашем собрании фотографии мешхедского рукописного сборника, содержащего большую часть полной редакции „Известий о странах“ географа X в. Ибн ал-Фақыха ал-Хамадані, „Послание“ Ибн Фадлана и оба „Послания“ Абӯ Дулефа. Этот сборник уже дал материал для пяти русских работ об Ибн Фадлане, — двух переводов, большого исследования и статей, — четырех работ об Абӯ Дулефе и одной о сведениях Ибн ал-Фақыха для исторической географии нашей страны.¹ Фотография сборника была прислана в дар от Ирана к Третьему конгрессу иранского искусства в 1935 г.

3

Богаче всего представлен хорошими рукописями отдел поэзии и художественной прозы, видимо, вследствие того, что при собирании на эти сочинения было обращено особое внимание. Как и в других случаях, выделяется первоначальный, старый фонд Азиатского музея, именно обе коллекции Руссо; позже поступали только отдельные экземпляры, часто чрезвычайно ценные в научном отношении.

Сборники стихов, диваны отдельных поэтов или их групп, хронологически относятся к различным периодам арабской поэзии от древнейших времен до позднего времени.

Сборники му'аллақ представлены в нескольких рукописях, чаще с комментарием аз-Заузені (ум. 486/1071 г.; В 9, В 10—1187/1773-1774 г., А 1—VIII/XIV в., — все три из коллекции Руссо;² В 1133 и С 780 — коллекции Учебного отделения Министерства иностранных дел³) или один только текст (С 1298) в рукописи 729/1328-1329 г. из Бухарской коллекции В. А. Иванова.⁴ В одной рукописи с му'аллаками (С 780) и другими поэтическими пьесами, — ан-Набиги, Шанфары, Ка'ба ибн Зухейра, ат-Тугра'и, — находятся 18 коротких стихотворений ал-Хансы.⁵ Собрание наше имеет также диван 'Алкамы с кратким комментарием в хорошей каллиграфической рукописи 788/1386 г. из II коллекции Руссо (С 5).⁶ Встречаем

¹ И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 234.

² Notices sommaires, №№ 254—256; Catalogue, 26, №№ 211—214; **D o r n**, стр. 206.

³ Collections scientifiques, №№ 71—72.

⁴ Беляев. Арабские рукописи, № 958 и стр. XI.

⁵ Collections scientifiques, № 72.

⁶ Notices sommaires, № 257; **D o r n**, стр. 287.

мы также диван поэта Мухаммеда, — Хассана ибн Сабита (В 13)¹ из той же коллекции и вторую рукопись „Поэмы плаща“ Ка'ба ибн Зухейра с комментарием 'Али ал-Қари' (ум. 1014/1605 г.)² из коллекции Френа и в его же копии (В 11).³

Из поэтов омейядского времени представлены как крупнейшие, так и второстепенные. Старейшей рукописью нашего собрания является диван Джерйра (ум. 110/728 г.) в списке IV/X в. из коллекции Руссо (С 6).⁴ В великолепной рукописи VI/XII в. находим мы и диван ал-Ахтала (D 164); рукопись происходит из коллекции Италинского. Она положила начало изучению и публикации дивана этого поэта.⁵ Наконец, уже в позднейшее время в Институт востоковедения поступила из Бухары рукопись дивана „последнего бедуинского поэта“ Зӯ-р-Руммы, умершего в начале II/VIII в. (В 2279).⁶ Она осталась неизвестной английскому издателю дивана — Макартни. Ее описание и сверку с изданием, выяснившие ее важное научное значение, произвел в двух работах И. Ю. Крачковский.⁷

Диван знаменитого полубогородного Меджнӯна, повесть о несчастной любви которого к Лейле породила длинную вереницу поэм на этот сюжет, находится в собрании Института в двух рукописях, представляющих различные редакции (В 90 и В 91).⁸ Обе рукописи происходят из коллекции Руссо. Их место в литературной традиции выяснено И. Ю. Крачковским в работе, посвященной этой повести.⁹

Поэты аббасидского периода представлены также в лице крупнейших представителей. Диван Абӯ Нуваса (ум. в конце II/начале IX в.) находится в редакции Хамзы ал-Исфакхāнī (ум. ок. 360/970 г.), в нестарой посредственной рукописи (С 7) из коллекции Руссо.¹⁰ Рукопись не изучена и при отсутствии

¹ Notices sommaires, № 258; Dorn, стр. 287.

² Notices sommaires, № 259.

³ Там же, № 262; Catalogue, 17, № 125; Dorn, стр. 206.

⁴ Collections scientifiques, I, № 74.

⁵ И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями. Изд. 3-е; М.—Л., 1948, стр. 179—185.

⁶ Беляев. Арабские рукописи, № 431 и стр. XI.

⁷ Новая рукопись стихотворений Зӯ-р-Руммы. ИАН, VI серия, т. XII, 1918, стр. 369—380; Диван Зӯ-р-Руммы и петроградская рукопись. ИАН, VI серия, т. XVII, 1923, стр. 149—156.

⁸ Notices sommaires, №№ 260—261; Catalogue, 21, № 172.

⁹ Ранняя история повести о Меджнӯне и Лейле в арабской литературе. Алишер Навои. Сборник статей. . ., М.—Л., 1946, стр. 31—67.

¹⁰ Notices sommaires, № 263; Dorn, стр. 287.

критического издания имеет важное значение. В хорошей редакции V/XI в. встречаем мы и диван современника Абū Нуваса Абū л-Атахийи (ум. 211 или 210/826 г.) в рукописи 987/1579-1580 г. из коллекции Руссо (В 14).¹ Диван Абū Теммāма имеется у нас в двух редакциях: редакция ас-Сулй (ум. 335/946 г.) с его же комментарием в рукописи 616/1219 г. (С 8)² и другая анонимная в рукописях 1034/1624-1625 г. (С 9)³ и без даты (В 17); первые две принадлежат к коллекции Руссо, последняя — из коллекции Розена (1908 г.).⁴ „Хамāса“ Абū Теммāма также представлена тремя рукописями различных редакций: списком одного текста в редакции багдадского филолога ал-Джевāлийи (ум. 539/1145 г.), датированным 625/1227-1228 г. из коллекции Учебного отделения (С 770),⁵ списком текста из той же коллекции с комментарием ат-Тибрийи (ум. 502/1109 г.), сделанным учеником того же ал-Джевāлийи в 562/1166-1167 г. в Багдаде (С 769);⁶ приписки в этой рукописи дают интереснейший материал для традиции этого сборника стихов. Наконец, третий список, также только одного текста „Хамāсы“, в рукописи 729/1328-1329 г., пришел к нам из Бухары (С 1298).⁷

Из произведений поэтов хамданидского круга в Алеппо мы встречаем в нашем собрании прежде всего несколько рукописей дивана ал-Мутенаббй (ум. 354/965 г.) в разных редакциях, указанных в описаниях Розена: список 592/1195-1196 г. из коллекции Италинского (С 771);⁸ хороший список 1012/1603-1604 г. из II коллекции Руссо (С 11),⁹ восходящий, через Ибн Джиннй к самому поэту; список 1038/1628-

¹ Notices sommaires, № 264; Dorn, стр. 287.

² Notices sommaires, № 265; Dorn, стр. 287. Наличие авторитетного старого списка в нашем собрании важно как по отсутствию надежного издания текста, так и в связи с особым интересом к поэзии Абū Теммāма, который она, как и поэзия его современника ал-Бухтурй, представляет как исторический источник для прошлого стран Советского Союза. См.: И. Ю. Крачковский. К вопросу об анализе поэтических цитат в географическом словаре Якута. Доклады Академии наук Азербайджанской ССР, V, 1949, стр. 281—287.

³ Notices sommaires, № 266; Dorn, стр. 287.

⁴ К. Г. Залеман. Новые поступления в Азиатский музей, I—IV. ИАН, VI серия, т. II, 1908, стр. 1298, № 27.

⁵ Collections scientifiques, № 75.

⁶ Там же, № 76.

⁷ Беляев. Арабские рукописи, № 411 и стр. XI.

⁸ Collections scientifiques, № 78.

⁹ Notices sommaires, № 273; Dorn, стр. 288.

1629 г. х. из II коллекции Руссо (С 12),¹ являющийся копией списка с собственноручного списка известных литераторов, братьев ал-Халидй, бывших библиотекарями самого эмира Сейф ад-дауле в Алеппо: последовательная датировка списков — наш список 1038 г., Алеппо — 597 г., Мосул 355 г., Йусуф ибн Ибраһим ал-Халидй; список из коллекции Италинского, не старый (В 1102),² с алфавитным порядком пьес; список ок. 1101/1689-1690 г. из той же коллекции (В 1103),³ с хронологическим расположением стихотворений. Среди комментариев на диван ал-Мутенаббй мы находим рукопись комментария филолога Ибн Джиннй (ум. 392/1001 г.), важного тем, что он слушал объяснение дивана от самого поэта;⁴ эта рукопись — не раньше X/XVI в., из II коллекции Руссо (С 14).⁵ Другой комментарий принадлежит знаменитому поэту Абӯ л-'Ала' ал-Ма'аррй (ум. 449/1057 г.), проявившему меру своего восхищения перед поэзией своего недавнего предшественника в кощунственном для мусульманина названии комментария — „Чудо Ахмеда“. Кощунство заключается в двусмысленной игре именем Ахмед и в возникающем из этой игры намеке: это, с одной стороны, имя поэта, с другой же — частая замена имени пророка Мухаммеда; как Коран является чудом, открытым Аллахом Мухаммеду, так стихи ал-Мутенаббй являются чудом, созданным им самим. Наша рукопись переписана в 1062/1651-1652 г. и принадлежит ко II коллекции Руссо (В 20).⁶ Она изучена И. Ю. Крачковским, которым даны из нее образцы комментария к трем пьесам ал-Мутенаббй.⁷ Комментарий ал-Вахидй (ум. 468/1075 г.), наиболее распространенный, и у нас в собрании представлен тремя списками: 738/1337-1338 г., из коллекции Италинского (С 766),⁸ 1057/1647 г., в двух томах, из коллекции Руссо (В 19)⁹ и 1080/1669-1670 г., из той же коллекции (С 13).¹⁰

Диван царственного хамданидского поэта Абӯ Фираса (ум. 357/968 г.) имеется у нас в трех списках из I и II коллекций

¹ Notices sommaires, № 274; Dorn, стр. 288.

² Collections scientifiques, № 80.

³ Там же, № 81.

⁴ Notices sommaires, № 273, стр. 225.

⁵ Там же, № 275; Dorn, стр. 288.

⁶ Notices sommaires, № 276; Dorn, стр. 288.

⁷ И. Ю. Крачковский. Мутенаббй и Абӯ-л-'Ала'. ЭВО, XIX, 1909, стр. 23—52.

⁸ Collections scientifiques, № 79.

⁹ Notices sommaires, № 277; Catalogue, 49, №№ 459—460; Dorn, стр. 206.

¹⁰ Notices sommaires, № 278; Catalogue, 21, № 170; Dorn, стр. 206.

Руссо: список 1035/1625-1626 г. (В 23) и новый (В 25) представляют одну редакцию с алфавитным порядком пьес;¹ список 1165/1751-1752 г. (В 24) содержит редакцию филолога Ибн Халавейха (ум. 370/980 г.) и принадлежит ко II коллекции Руссо.² Сборник стихов ал-Ва'ва Дамасского, легший в основу издания и исследования И. Ю. Крачковского,³ находится в нашем собрании в двух рукописях: 1061/1650-1651 г. в сборнике из II коллекции Руссо (В 30)⁴ и нестарой из I коллекции Руссо (В 78).⁵

Из ранних западных поэтов в нашем собрании представлен Ибн Ханий ал-Андалуси (ум. 362/973 г.), две рукописи дивана которого 1020/1611-1612 г. (С 33) и 1109/1697-1698 г. (В 77) принадлежат к коллекции Руссо.⁶

Среди рукописей есть два сборника стихов Абӯ л-'Ала' ал-Ма'арри „Обязательность того, что не обязательно“, с алфавитным расположением рифм, в списке 1200/1785-1786 г. из II коллекции Руссо (В 33);⁷ диван „Искры огнива“ имеется с комментарием Йусуфа ибн Тахира, озаглавленным „Свет искр огнива“ в рукописи VII/XIII в. из II коллекции Руссо (В 32)⁸ и с другим комментарием „Пыление искр в толковании Искр“ ал-Хувәризми (ум. 617/1220 г.) в двух рукописях 1128/1715-1716 г. (С 17) и новой (В 31) из коллекций Руссо⁹ и одной старой из Бухарской коллекции 1915 г. (D 328),¹⁰ а также с комментарием ат-Тибризи (ум. 502/1109 г.) в рукописи 985/1577-1578 г. из коллекции Розена (А 4).¹¹

В хорошей рукописи имеется в собрании диван сицилийского поэта Ибн Хамдйса. Еще в молодости Ибн Хамдйс сделался известным поэтом. Когда его родина, Сицилия, была завоевана в 471/1078 г. норманнами, он бежал в Испанию, ко двору Му'тамида, правителя Севильи, и оставался

¹ Notices sommaires, №№ 270—271; Catalogue, 51, № 476; Dorn, стр. 206.

² Notices sommaires, № 272; Dorn, стр. 288.

³ И. Ю. Крачковский, Абӯ-л-Фарадж ал-Ва'ва Дамасский. Материалы для характеристики поэтического творчества, Пгр., 1914.

⁴ Там же, стр. 2—3.

⁵ Notices sommaires, № 282; Catalogue, 22, № 184; И. Ю. Крачковский, ук. соч., стр. 3—4.

⁶ Notices sommaires, №№ 280—281; Dorn, стр. 287; Catalogue, 22, № 182.

⁷ Notices sommaires, № 286; Dorn, стр. 287.

⁸ Notices sommaires, № 283.

⁹ Там же, №№ 284—285; Catalogue, 19, № 140; Dorn, стр. 206.

¹⁰ Беляев. Арабские рукописи, № 581 и стр. XI.

¹¹ К. Г. Залеман. Новые поступления в Азиатский музей, I—IV. ИАН, VI серия, 1908, стр. 1299, № 37.

с ним до самой смерти последнего, разделив с ним его плен, ссылку и заключение в крепости в Марокко. Позже он жил в Северной Африке, в Алжире, и умер на о. Майорка. Наша рукопись (С 30) переписана, очевидно, в Дамаске в 1006/1597-1598 г. и принадлежит ко II коллекции Руссо.¹ Она была привлечена при издании дивана поэта, выполненном Скиапарелли в 1897 г., и подробно описана им в предисловии.²

До сих пор единственной остается наша рукопись дивана испанского поэта Ибн Кузмана (ум. 555/1160 г.), писавшего свои стихи на испанско-арабском диалекте и впервые введшего форму народной песенной поэзии *зеджел* в литературный обиход.

Прекрасная и четкая рукопись (В 86) каллиграфически переписана в Сафате, к северу от Мертвого моря в 604/1207-1208 г. (?); происходит она из II коллекции Руссо.³ Переписчик, далекий от Испании, конечно не понимал диалектических особенностей языка поэта и искажал непонятные слова. Эти графические неправильности чрезвычайно затрудняют изучение его стихов, особенно если искажения касались романско-кастильских слов и фраз, встречающихся часто в арабской графике в стихах поэта, отражая двуязычие смешанного арабско-романского населения мусульманской Испании.

Есть в нашем собрании и рукопись дивана испанского поэта „Садовника“ Ибн Хафаджи (ум. в 533/1138 г.) в рукописи, переписанной в 1099/1687-1688 г. в Дамаске, также из коллекции Руссо (В 68).⁴

4

Если отдел поэзии был хорошо освещен, благодаря описанию В. Р. Розена, как в каталогах старого фонда Азиатского музея, так и в собраниях Учебного отделения, то отдел художественной прозы старого фонда остался совсем неопианным, так как „Notices sommaires“ дальше первого выпуска Розеном продолжены не были. Отдел художе-

¹ Notices sommaires, № 294.

² Il Canzoniere di Ibn Hamdis pubblicato di Celestino Schiaparelli. Roma, 1897, стр. X—XII.

³ Notices sommaires, № 296; И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями. Изд. 3-е, М.—Л., 1948, стр. 77—83, очерк „Единственная рукопись и ученые «дванадцать языков»“.

⁴ Notices sommaires, № 295; Catalogue, 16—17, № 114. — О поэзии Ибн Хафаджи: И. Ю. Крачковский. Черты андалусской природы в стихах арабского поэта „Садовника“ XI—XII в. Известия Гос. Географ. общ., LXXI, 1939, стр. 1466—1479.

ственной прозы включает первоклассные образцы как по содержанию, так и с палеографической точки зрения.

Первое по времени произведение, имеющееся в нашем собрании, — сборник анекдотов и занимательных рассказов из жизни под названием „Радость после трудности“ багдадского судьи ат-Тенūхй (ум. 384/994 г.) в хорошей рукописи XVIII в. из II коллекции Руссо (С 680).¹ Ат-Тенūхй, прекрасный наблюдатель жизни и умелый рассказчик, был автором еще двух аналогичных сборников, из которых один под заглавием „Почитаемое отличным из поступков великодушных“ также есть в двух хороших рукописях из II коллекции Руссо: старой, начала IX/XV в. (А 324), и XI/XVII в. (В 968).² При издании они не были привлечены, хотя сведения о них попали к Брокельману.

Антология кайруванского литератора ал-Хусрй (ум. 413/1022 г.) „Цветы литературы и плоды разумных“, получившая большое распространение, имеется в рукописи X/XVI в. из I коллекции Руссо (С 675).³ Встречается среди наших рукописей также антология в прозе и стихах „Книга рассеянного жемчуга в собеседованиях“ буйдского везира ал-Āбй (ум. 421/1030 г.). У нас есть только два тома антологии — II и VI в прекрасной рукописи VIII/XIV в. из I коллекции Руссо (С 911).⁴ Знаменитые „Мақāмы“ ал-Харйрй (ум. 516/1122 г.) встречаются в нескольких рукописях. На первое место надо поставить великолепную рукопись VII/XIII в. из коллекции Руссо (С 23),⁵ иллюстрированную прекрасными миниатюрами месопотамской школы, аналогичную современной ей парижской рукописи „Мақāм“. Рукопись эта имеет очень важное значение как источник для изучения арабской миниатюрной живописи и материальной культуры XII—XIII вв. Из той же коллекции происходит вторая, также довольно старая, рукопись (В 61).⁶ Из собрания Учебного отделения в Институт востоковедения перешли три списка: хороший 1004/1595-1596 г. из коллекции Сухтелена (В 1093), 1241/1825-1826 (D 163) и недатированный новый (В 1116).⁷ Наконец, имеются две прекрасные рукописи и в Бухарской коллекции (А 835

¹ Dorn, стр. 291—292.

² Там же, стр. 292.

³ Catalogue, 35—36, № 322; Dorn, стр. 207.

⁴ Catalogue, 14, №№ 94—95; Dorn, стр. 207.

⁵ Catalogue, 13, 14, №№ 90—91; Dorn, стр. 206.

⁶ Catalogue, 13—14, №№ 90—91; Dorn, стр. 206.

⁷ Collections scientifiques, №№ 115—117.

لَمْ وَكَيْتَ الْمَسْرَانَ مَنْ عُدَّتْ بِهِ الْأَعْمَالُ أَعْلَقَتْ بِهِ الْأَمَانُ وَمَنْ رَفَعَتْ لَهُ الرِّجَالُ

لَمَعَتْ إِلَيْهِ الْحَاجَاتُ وَإِنْ السَّعِيدَ مَنْ إِذَا قَدَّرَ وَوَأَنَّهُ الْبُشْرَى إِذَا زَكَاهُ الْبَغْمُ كَمَا يُودَى زَكَاهُ
 نِعْمَ وَالزُّرْمُ لَأَمْرٍ الْحُرْمِ كَمَا يَلْتَمِزُهُ لَأَمْرٍ وَالْحُرْمِ وَقَدْ أَسْجَعَتْ بِحَمْدِ اللَّهِ عَمِيدَ مَهْضَمِك
 عَمَادَ عَصْرِكِ شُرَاجِي الرُّكَابِ يَلَا حُرْمِكِ وَتُرُجِي الرُّغَائِبِ مِنْ كُرْمِكِ وَتُنْزِلُ

и В 60),¹ из которых одна (В 60) — 517/1123 г., к сожалению, дефектна в начале. Встречаются и комментарии на „Мақāмы“: в коллекции Италинского есть известный комментарий испанского филолога аш-Шерйши, умершего в 619/1222 г. (С 775),² и комментарий неизвестного автора — в Бухарской коллекции (С 1590).

К XII же веку относится важная литературная антология крупного багдадского филолога, литератора и чиновника Ибн Хамдūна (ум. 562/1167 г.), трактующая разные филологические и исторические сюжеты. В нашем собрании она представлена двумя томами из двенадцати, — I и V, в рукописи VIII/XIV в. из коллекции Руссо (С 677).³ Получившая еще большее распространение по всему мусульманскому миру антология хорезмского филолога и богослова-мутазиита аз-Замахшарй (ум. 538/1144 г.) „Весна благочестивых“ имеется в нашем собрании в двух старых рукописях из коллекции Руссо (С 676 — 739/1338-1339 г. и В 958)⁴ и в новом списке из коллекции Италинского (С 713),⁵ а также в различных обработках, свидетельствующих о ее популярности.

Популярная антология ал-Абшйхй (ум. ок. 850/1446 г.) „То, что находят новым в каждой разновидности изящного“ встречается в трех рукописях, — старой (В 966) из коллекции Руссо,⁶ в копии 998/1589-1590 г., из коллекции Италинского (D 199)⁷ и не датированной (D 299). Современник ал-Абшйхй, биограф Тимūra Ибн ‘Арабшāх (ум. 854/1450 г.), был автором художественно-дидактического сочинения типа „княжого зеркала“, написанного в форме апологов и басен рифмованной прозой. Это произведение под названием „Приятный плод для халифов и веселое собеседование ценителей изящного“ является обработкой персидской книги „Марзбāн-нāме“; заканчивается оно рассказом о Чингиз-хане и его потомках. Оно представлено каллиграфическим шедевром, рукописью, переписанной с оригинала автора при его жизни, в 852/1448 г., и просмотренной им самим, о чем свидетельствует приписка Ибн ‘Арабшāха на рукописи. Рукопись принадлежала везиру одного из мамлюкских султанов в Египте, Абū л-Хайру

¹ Беляев. Арабские рукописи, № 1002 и стр. XI.

² Collections scientifiques, № 118.

³ Catalogue, 10, № 59—60; Dorn, стр. 207.

⁴ Catalogue, 11, № 65; Dorn, стр. 207.

⁵ Collections scientifiques, № 104.

⁶ Catalogue, 13, № 89; Dorn, стр. 207.

⁷ Collections Scientifiques, № 109.

Мухаммеду аз-Захири. К нам она попала в составе I коллекции Руссо (С 651).¹

Мировые памятники литературы представлены у нас „Повестью о Хидаре“ в новом списке (В 1121) из коллекции Италинского,² „Калилой и Димной“ в редакции с некоторыми особенностями (В 1123) в списке 1140/1727-1728 г. из той же коллекции³ и знаменитым сборником сказок „Тысяча одна ночь“ в рукописи XIX в., также из коллекции Италинского (В 1114).⁴ Эта рукопись была подвергнута специальному изучению М. А. Салье.⁵ Библиотека же Учебного отделения (коллекции Италинского и Сухтелена) доставила нашему собранию ряд анонимных рукописных сборников с полународными произведениями — баснями, сказками, легендами, повестями и анекдотами (А 448, В 1117—В 1119, В 1121, В 1122, В 1135).⁶ Некоторые из повестей примыкают к „Тысяче одной ночи“. Сборники эти не ранее XVII в., один из них, самый старый, — ок. 1055/1645-1646 г. (А 448), иллюстрирован миниатюрами.

Из больших полународных арабских рыцарских романов XV в. у нас есть полный список „Романа об 'Антаре“ в 7 томах, сделанный в Египте в 1230/1814-1815 г. вероятно по заказу Италинского (С 774).⁷ В 1950 г. собрание Института востоковедения обогатилось третьим томом такого же „Романа о Зу л-Химме“, переданным Министерством иностранных дел (D 709). Это приобретение интересно тем более, что рукопись происходит из Северной Африки и написана магрибинским почерком.

5

Рукописи по математике встречаются в нашем собрании в довольно большом количестве, но из них сравнительно немногие имеют значительный научный интерес. Среди таких в первую очередь надо назвать прекрасный экземпляр „Элементов“ Эвклида в неизвестном переводе (С 2145). Рукопись, переписанная в 584/1182 г., представляет первоначальную редакцию, до обработки Нафыраддина ат-Туси 646/1248 г.,

¹ Catalogue, 12, № 76; Dorn, стр. 208.

² Collections scientifiques, № 125.

³ Там же, № 119.

⁴ Там же, № 120.

⁵ М. А. Салье. Ленинградская рукопись „Тысяча и одной ночи“. ИАН, Отдел. гуманит. наук, 1928, стр. 185—196.

⁶ Collections scientifiques, №№ 122—128.

⁷ Там же, № 114.

вытеснившей все предшествовавшие обработки. Прислана рукопись в 1934 г. в дар Институту востоковедения жителем г. Мясоева С. С. Башировым. Редакция аҗ-Тўси имеется в рукописи 1011/1602-1603 г. из I коллекции Руссо (А 258).¹ Большую ценность представляет сборник трактатов по математике и астрономии (В 1030) арабского ученого Ибн ал-Хайсама, известного в средневековой Европе под именем Alhazen (ум. 430/1038 г.).² Рукопись не датирована, но может быть отнесена к началу VI/XII в.; она почти полностью лишена диакритических точек. Тому же Ибн ал-Хайсаму принадлежит сочинение по основам геометрии — „Книга геометрии“, — списки которого чрезвычайно редки. В нашем собрании находится рукопись этого сочинения VIII/XIV в., присланная из Бухары в 1915 г. (В 2139).³ В этом же сборнике находится более часто встречающийся трактат по арифметике „Достаточный в науке счета“ ал-Кереджй (писал не позже 407/1016 г.).⁴

Из более поздних произведений интересно отметить очень редкий комментарий на учебный версифицированный трактат по алгебре Ибн ал-Хайма (ум. 815/1512 г.) известного месопотамского математика и астронома Сибт ал-Майрийдйни (ум. в конце IX/XV в.). Наша рукопись датирована 1108/1696-1697 г.

Отдел астрономии также дает ряд выдающихся рукописей. Важная „Книга неподвижных звезд“ ‘Абдаррахманна ибн ‘Омара аҗ-Сўфй (ум. 376/986 г.) восходит в нашей рукописи (С 724) к оригиналу автора во втором и третьем поколении; она принадлежала придворному османскому астроному Тады-аддйну Мисрй (ум. 993/1585 г.).⁵ Она осталась неизвестной Шельрупу, издавшему свой перевод этого сочинения в Петербурге в 1874 г.

Несколькими рукописями представлен популярный домонгольский среднеазиатский „Компендий по астрономии“ уроженца Хорезма ал-Джагмйни (ум. после 618/1221 г.). Из них старейшая в нашем собрании переписана в 893/1487-1488 г. (А 645) и поступила в составе Ванской коллекции.⁶ Много-

¹ Catalogue, 45, № 420; Dorn, стр. 208.

² Collections scientifiques, № 192.

³⁻⁴ Беляев. Арабские рукописи, стр. XI; стр. 33, № 863; стр. 36, № 940.

⁵ Collections scientifiques, № 185.

⁶ И. Ю. Крачковский. Арабские рукописи, поступившие в Азиатский музей Российской Академии Наук с Кавказского фронта. ИАН, 1917, стр. 943.

численны также рукописи комментариев и супракомментариев к нему, — главным образом, Хадйзаде ар-Румй (ум. 815/1412 г.) с супракомментарием 'Али ал-Бирджендй и упомянутого уже ал-Джурджанй. Рукописи эти принадлежат к различным коллекциям и происходят из разных мусульманских стран, — из Средней Азии, Турции и др., — свидетельствуя о популярности этого пособия.

Есть несколько рукописей „Альмагеста“ Птолемея в редакции Насыраддина ат-Тусй (ум. 672/1274 г.), почти вытеснившей все предшествующие обработки: одна — из I коллекции Руссо, вероятно, современная автору (С 614);¹ другая (А 1256) 891/1486 г., принесена в дар С. С. Башировым вместе с великолепной рукописью „Элементов“ Эвклида; третья, датированная 1006/1597-1598 г., прислана Н. В. Ханьковым в 1858 г. из Мешхеда (В 810);² четвертая совсем нова, 1242/1826-1827 г., из коллекции Учебного отделения (D 172).³

Рукопись другого сочинения ат-Тусй, астрономической „Насыровской памяти“ (А 437) переписана через год после смерти автора, в 673/1275 г.⁴ Надо отметить уникальный комментарий к ней 'Абдал'али ал-Бирджендй (ум. 932/1525 г.) в рукописи 1005/1596-1597 г. (С 1286) из коллекции В. А. Иванова (Бухара)⁵ и другой, более известный, ал-Джурджанй (ум. 816/1413 г.) в рукописи 864/1459-1460 г. из I коллекции Руссо (С 615).⁶

Из астрономических таблиц (зйджей) имеется только „Зйдж“ („Уток“) Ибн аш-Шатыра, муваккыта (астронома) Омейядской мечети в Дамаске (ум. 777/1375 г.) в списке 854/1450-1451 г., сделанном также муваккытом мечети в Сафаде и в 1063/1652-1653 г. принадлежавшем муваккыту мечети Ибн Тулуна (С 723).⁷ Зато богато представлены сочинения о различных астрономических инструментах, — астролябии, синус-квадрант и др., — редкий ранний трактат о пользовании астролябией Абӯ л-Касима ал-Багдәдй (писал около 310/922 г.) в списке 1162/1748-1749 г. (В 815), аналогичный трактат 'Абдаррахман ас-Суфй (В 1029),⁸ трактат

¹ Catalogue, 43. № 403; Dorn, стр. 208.

² В. Dorn. Bericht über eine vom... Chanikov dem asiatischen Museum aus Meshched zugekommene Sendung. Mélanges Asiatiques, III, 1859, стр. 493.

³ Collections scientifiques, № 188.

⁴ Там же, № 187.

⁵ Беляев. Арабские рукописи, № 185 и стр. XI.

⁶ Catalogue, 44, № 416; Dorn, стр. 208.

⁷ Collections scientifiques, № 189.

⁸ Там же, № 190.

Ибн Шатъра (В 1029),¹ Ахмеда Ибн ал-Медждй, ум. 850/1446 г. (В 1029),² его ученика, Мухаммеда Сибта ал-Мәридинй, ум. после 891/1486 г. (А 629, В 814, В 1296, В 1450), Джемәл-аддйна ал-Мәридинй (В 1880 — безыменное сокращение), 'Али ибн Мухаммеда ан-Накқаша (В 1029),³ Хайдера ибн 'Абдаррахманна ал-Джезерй (В 1616) — рукопись 1094/1682-1683 г., более полная, чем берлинская,⁴ Бех'аддйна ал-'Амулй (ум. 1030/1621 г.) — рукопись 1094/1682-1683 г. (В 1616),⁵ и несколько безыменных (В 1450, А 629, А 686 — в рукописи 877/1472-1473 г. из коллекции Розена).⁶ Встречаем мы также три различных по типу календаря (В 816, В 996 и С 257). Один из них (В 816) — мусульманская обработка 1151/1738-1739 г. сирийско-христианского календаря, другой (В 996) — небольшая стихотворная пьеса о греческом календаре.

6

Среди медицинских рукописей на первое место надо поставить очень старый сборник трактатов по глазным болезням (С 875), составленный иерусалимским врачом для собственного употребления в 551/1155 г. Он содержит 9 трактатов, в числе которых есть несколько очень редких и даже уникальных, принадлежащих Галену, Сабиту ибн Курре (ум. 288/901 г.), Иахйе ибн Масавейху (ум. 243/857 г.), Хунейну ибн Исхәку (ум. 260/873 г.), 'Али ибн 'Ысе (ум. после 400/1010 г.), 'Аммәру ибн 'Али ал-Маусылй (ок. 400/1010 г.), 'Али ибн Ибрәхиму ибн Бохтйешу 'ал-Кефертабй (во второй половине V/XI в.).⁷

До М. Мейерхофа, опубликовавшего ряд арабских медицинских трудов и нашедшего в Египте второй аналогичный сборник, наш считался единственным. Наличие в обоих сборниках списков одинаковых сочинений, позволявшее выбирать для установления текста лучшие варианты, сделало

¹ Collections scientifiques, № 190.

² Там же.

³ Там же.

⁴ W. Ahlwardt. Verzeichniss der arabischen Handschriften der königl. Bibliothek zu Berlin, Bd. V. Berlin, 1893, № 5802. — Рукопись из Ванской коллекции; сочинение не упомянуто И. Ю. Крачковским.

⁵ Не упомянуто И. Ю. Крачковским.

⁶ К. Г. Залеман. Новые поступления. ИАН, 1908, стр. 1299, № 35 м.

⁷ И. Ю. Крачковский. Арабские рукописи из собрания Григория IV, стр. 19—20, № 42.

возможным научное издание некоторых до тех пор неизвестных офтальмологических трактатов.¹

В рукописи, датированной 674/1275-1276 г. из коллекции Руссо (С 631)² мы встречаемся с двумя сочинениями Гипократа. Одно из них — „Основы медицины“ в переводе Хунейна ибн Исхāка. Другое его сочинение „Разделения слабостей и болезней, причин, симптомов и признаков, начал и концов“ также в переводе Хунейна ибн Исхāка, не известно вообще и, может быть, является псевдо-эпиграфом. Его идентификация — еще дело будущего.

Произведения крупнейшего врача и ученого X в. ар-Рāзй (ум. 313/925 г.) представлены четырьмя сочинениями: „Мансуровской книгой по медицине“ (В 863—740/1339-1340 г. из I коллекции Руссо³ и В 864) и тремя другими, более мелкими трактатами, — „Антидотарием“, „Исцелением за час“ (В 863) и „Малым введением в медицину“ (А 325) — 1169/1755-1756 г.

Важно своим научным значением и редкостью сочинение палестинско-египетского врача ат-Темйми (ум. 370/980 г.) „Путеводитель к субстанциям питательных веществ и силам простых лекарств“. К сожалению, рукопись из коллекции Италинского (С 721),⁴ как и парижская, представляет фрагмент.

Есть в нашем собрании три рукописи сочинения „Совершенный по врачебному искусству“ придворного буйдского врача ‘Али ибн ал-‘Аббаса ал-Маджусй (ум. 384/994 г.), знаменитого предшественника Авиценны, не менее, чем на Востоке, известного и в средневековой Европе, под именем Гали сына Аббаса: его труд был вытеснен только „Каноном“ Авиценны. Рукопись В 2313 (651/1253-1254 г.) является одной из переданных в дар нашим полномочным представительством в Иране,⁵ С 632 (940/1533-1534 г.) — старого фонда, из III коллекции Л. Ф. Богданова 1913 г. и С 1615 (1045/1635-1636 г.) — из коллекции В. А. Иванова.⁶

¹ The Book of the Ten Treatises on the Eye ascribed to Hunain ibn Is-haq, the earliest existing Systematic Textbook of Ophtalmology ed. with an English translation M. Meyerhof. Cairo, 1928.

² Catalogue, 52, № 488; Dorn, стр. 208.

³ Catalogue, 52—53, № 493; Dorn, стр. 208.

⁴ Collections scientifiques, № 182.

⁵ В. А. Эберман. Описание собрания арабских рукописей, пожертвованных в Азиатский музей в 1926 г. Полномочным Представительством СССР в Персии. ИАН, 1927, стр. 318—319, № 2.

⁶ Беляев. Арабские рукописи, № 888.

Интересно отметить, что в нашем собрании представлен ряд сочинений круга Авиценны, — его учителей и учеников. Так, рукопись С 722, датируемая приблизительно 1065/1654-1655 г., из библиотеки Италинского¹ содержит первую часть „Ста книг по врачебному искусству“, труда учителя Авиценны, врача-христианина Абӯ Сахля ал-Мейси́хи (ум. ок. 390/1000 г.), с которым Авиценна бежал в Хорасан после приказа султана Махмұда прибыть к его двору в Газну: ал-Бйрұнй, как известно, подчинился этому приказу. Встречается также труд другого учителя Авиценны, придворного саманидского врача бухарца ал-Қумрй (ум. вскоре после 380/990 г.) „Книга достатка и желания“ в старой рукописи (В 2314) из упомянутой коллекции из Ирана.² Это сочинение пользовалось достаточным распространением. Зато совершенно неизвестно науке другое небольшое сочинение этого автора „Книга озарения“, имеющееся у нас в рукописи 740/1339-1340 г. из I коллекции Руссо (В 863), в том же сборнике, в котором находятся и сочинения ар-Разй.

Из медицинского руководства знаменитого Абульказиса средневековья, — Абӯ л-Қасима аз-Захрāvй (ум. в 404/1013 г.), — „Уступка тому, кто бессилен в составлениях“, у нас в новой рукописи XII/XVIII в. (D 169) есть только большая вторая глава „О разделении болезней“ и третья — „О качествах целебных смесей“.³ Рукопись происходит из коллекции Италинского.

Медицинские сочинения Авиценны представлены в нашем собрании двумя рукописями „Канона по медицине“, — I часть в каллиграфическом виде (В 865),⁴ раньше 570/1174-1175 г., принадлежала какому-то врачу-христианину в Сирии, — из I коллекции Руссо, и полная (D 179a) — 1078/1667-1668 г., из коллекции Италинского.⁵ Есть в собрании рукописи двух его медицинских *урджұз*⁶ (В 866 — 1103/1691-1692 г. и С 688 — 867/1462-1463 г.) и трактата о сердечных лекарствах (В 1045 — не позже 1022/1613-1614 г. из коллекции Сухтеленa).⁷ Из обработок „Канона“ надо отметить извлечение из первой части этого труда ученика Авиценны, ал-Илāдй (ум.

¹ Collections scientifiques, № 165.

² В. А. Эберман, ук. соч., стр. 322, № 4.

³ Collections scientifiques, № 173.

⁴ Catalogue, 46, № 433; Dorn, стр. 208.

⁵ Collections scientifiques, № 166.

⁶ Урджуза — стихотворная пьеса, написанная размером реджез, т. е. диямбом.

⁷ Collections scientifiques, № 171.

عضل بالحق المحلطة فيتمرق بها والمعاصرة لها من ناحية الحالت تظهره الى الخاصرتين وعضل اطراف
 عربي ومخندة لاسمها المخرجه من ناحية الذمين ويصير من اجزاها جزعظم الي عضل الالبطن وما في من هذه
 نافي الخلد يفرغ فيه فروع وشعب واحد منها يتم في العضل الذي علي مقدم العمد واخرى في عضل اسفل العمد
 وانسيه متعقدا وشعب اخرى كثيرة متفرقة في عروق الخلد وما في بعد ذلك كله يتم كما يحل عضل الركبة قليلا
 الي شعب ثلثه فالوحي منها بمعد علي القصه الصغرى الي عضل القبه والاورسط يمتد في شتي الركبة مخدرا
 ومنه شعبي في عضل اطراف الساق وشعب شعبتين يعب احدها فيما دخل من اجزا الساق والباقي الي سا
 من القصتين يمتد الي مقدم الرجل ويصلطبعه من الوحي المذكوره والثالث وهو الاضيق يمتد الي موضع
 المعرق من الساق ثم عند الي الكعب والى الطرف الجذب من القصبه العظمي ويصل الي الشئ القدر وهو
 الصافه وقد صارت هذه الثلثه اربعة اشان وحشيان ياخذان الي القدر من ناحية القصبه الصغرى
 واثنان لسان فالوحشيان احدها يعلو القدم ويتفرق في اعالي باخيه الخضره والثاني هو الذي يحاط الشعبة
 الوحيه من القسم الاضيق المذكوره وتفرقان في الاجزا السفليه هذه هي عدد الاوتد ه وتدابعا علي
 تنوع الاعضاء المتشابهه الاخره واما الايه فتذكر تنوع كل واحد منها في المئات المستند علي احواله
 وتعلقه وبخلافه في القوى **البغلة السالمة** وهو حمله فصل **الحديد القوي**
 وهي سه وصول **الفصل الأول في اجناس القوي** يقول كليل ان القوي والاضيق
 يعرف بعضها من بعضها كان كل نوع بمدة فعل ما وكل فعل فاما ما صدق عن نوع فلهذا اجماها
 في تمييز واحد اجناس القوي واجناس الاضيق الصادرة عنها عند الاطباء لثه جنس القوي القوي القوي
 وجنس القوي الطبيعي وجنس القوي الحيواني وكثير من الفلاسفة وعامة الاطباء وحظوا جانيه من
 ان كل واحد من القوي عضواً طبيعياً هو معد بها وعنه تصيدتها فيوزان القوي النفسانية مسكنها
 ومصدرها في الدماغ وان القوي الطبيعي لها وعان نوع غايته حفظ الشخص وتديمه وهو المنصرف
 في امر الغذاء والبدن الذي يهايم عمره ومسكن هذا النوع ومصدر فعله هو الكبد ونوع غايته حفظ
 النوع وهو المنصرف في امر التناسل لفصل من امتزاج البدن جوهره التي ثم تصوره يادون خالقه ومسكن
 هذا النوع ومصدر فعله هو الانسان والعزة الحيوانية وهي التي تبرز المراد فيج الذي هو مركب الحس والمركبة
 ويبيح للقول ايها اذا حصل في الدماغ وحفظه بحيث يعطي ما ينشأ فيه الحياه ومسكن هذه القوي ومصدر
 فعلها هو القلب واما عظيم الفلاسفة وهو ارسطوطاليس فيرى ان سدا جمع هذه القوي هو القلب الا ان
 لظهورها الاولي هذه المبادي لان مبدأ الحس عند الاطباء هو الدماغ لكل حاشه عضو مفرد منه

485/1092 г.) (В 1059) 1103/1691-1692 г., из коллекции Сухтеленa, и (В 1060),¹ „Сокращение Канона“ Ибн ан-Нефйса ал-Курашй (ум. 682/1288 г.), первого, давшего правильное описание кровообращения в легких, в рукописи (А 278), переданной в вакф мечети в 'Акке Ахмедом-пашой ал-Джеззээрoм в 1192/1778 г. и приобретенной и присланной в Азиатский музей Н. И. Ильминским² и другой (В 2255) из Бухары.³ Имеются также рукописи комментариев к этому сокращению ал-Казерунй (ок. 745/1344 г.; С 718—886/1481-1482 г. х. и D 168—1085/1674-1675 г.,—обе рукописи из коллекции Итaлинского,⁴ и С 634—старого фонда), и ал-Ахсерай (В 869, С 1405, С 1579, С 1599, С 1616) и безымянный (В 868) в рукописи 968/1560-1561 г. Второе сокращение, „Маленький Канон“, принадлежит хорезмийцу ал-Джагмйнй (ум. 745/1344 г.) (В 2101, С 1439) с неизвестным к нему комментарием в одной рукописи (С 633).

„Установление здоровья“—таблицы по гигиене—христианского врача в Багдаде Ибн Бутла́на (ум. после 460/1068 г.) имеется в дефектной старой рукописи магрибинского письма (С 643) из коллекции Руссо.⁵ Встречается также сочинение его современника, представителя знаменитой семьи врачей бену́ Бохтйешу́, 'Убейдалла́ха ибн Джибрийля (ум. после 450/1058 г.),— „Врачебный сад“ (А 307). Есть и оба медицинские сочинения Ибн Джезлы (ум. 493/1100 г.)— „Упорядочение телес в устройении человека“—таблицы болезней, пользовавшиеся большой известностью и распространением (В 1028),—в рукописи 1146/1733-1734 г. из коллекции Учебного отделения,⁶ и словарь простых и составных лекарств под названием „Путь изъяснения относительно того, что следует употреблять человеку“—в полной старой рукописи 587/1191 г. из коллекции Руссо (В 876),⁷—и другой, фрагментарной,—в сборнике медицинских трактатов из коллекции Итaлинского (С 721).⁸ Сочинение багдадского придворного врача того же времени Са́йда ибн Хибеталла́ха (ум. 495/1101 г.) „Достаточный в распределении болезней и распознавании при-

¹ Collections scientifiques, №№ 167—168.

² С. Salemann. Das Asiatische Museum im Jahre 1890. Mélanges Asiatiques, X, 1892, 292, № 37.

³ Беляев. Арабские рукописи, № 1076.

⁴ Collections scientifiques, №№ 169—170.

⁵ Catalogue, 46, № 430; Dorn, стр. 208.

⁶ Collections scientifiques, № 183₁.

⁷ Catalogue, 53, № 497; Dorn, стр. 208.

⁸ Collections scientifiques, № 182₂.

чин и симптомов“ имеется в хорошей старой рукописи (В 870) и другой—989/1581 г., из коллекции Италинского (С 746).¹ В виде таблиц же составлено и сочинение Ибра́хима ал-‘Ала́й ал-Магрибй, для данишмендида Зулкарнейна (правил в Малатье в 546—557/1151—1161 гг.), — „Упорядочение простых лекарств“ в алфавитном порядке, имеющееся у нас в сборной рукописи 1146/1733-1734 г. Учебного отделения (В 1028).² Эта же система таблиц для болезней и лекарств, характерная для XI—XII вв. х. и удобная практически, сохраняется и в дальнейшем. В составе коллекции патриарха Григория IV Антиохийского попала к нам рукопись сочинения архидиакона Са’ыда ибн Абӯ л-Ҳайра (ум. 589/1193 г.), придворного врача халифа ан-Насыра, „Сокращение в вопросах и ответах“ в анонимном извлечении (В 1235).³ Имеется также сочинение „Находки полезных вещей в медицине“ знаменитого полигистора Ибн ал-Джаузй (ум. 597/1200 г.) в хорошей рукописи из коллекции Руссо (С 635).⁴

Из сочинений авторов VII в. у нас встречаются как широко распространенные трактаты, так и уникальные.

Сочинение Неджйбаддйна ас-Самарқандй (погибшего при взятии Герата монголами в 619/1222 г.) „Причины и признаки“ есть только в комментарии Нефйса ибн Ёвада ал-Кирманй (ум. 853/1449 г.), придворного врача Улуг-бека, в двух рукописях из Бухары (В 877 и С 1439).⁵ Из сочинений знаменитого арабского ботаника и врача Ибн ал-Бейтара (ум. 646/1248 г.) в нашем собрании представлены два главных — „Достаточный в простых лекарствах“ в списке 860/1455-1456 г., переписанном с автографа автора и сличенном с ним, из коллекции Италинского (С 719)⁶ и „Сборник простых лекарств и питательных средств“ в двух рукописях: старый список I тома из II коллекции Руссо (В 878)⁷ и также I том из коллекции Розена (С 641).⁸

Значительный интерес представляет редкое философско-медицинское сочинение „Веселящее душу“, приписываемое

¹ Там же, № 172.

² Там же, № 183.

³ И. Ю. Крачковский. Арабские рукописи из собрания Григория IV, 19, № 41.

⁴ Catalogue, 46, № 434.

⁵ [К. Г. Залеман]. Список рукописей, приобретенных Азиатским музеем от бухарского торговца Мир-Салих-Миракбаева. ИАН, V серия, т. XIX, 1901, стр. XXII—XXIII; Беляев. Арабские рукописи, № 93.

⁶ Collections scientifiques, № 174.

⁷ Dorn, стр. 291.

⁸ К. Г. Залеман. Новые поступления, стр. 1297, № 6.

в нашей рукописи Бедраддйну ал-Музаффару ибн Қадй Ба'лабекк (ум. после 670/1252 г.), из коллекции Бикчентеева (Уфа) (А 1517). Рукопись датирована: Тарабулус 747/1347 г. Другая рукопись есть в Дамаске; в ней сочинение приписано Шерефаддйну Мухаммеду ибн 'Омару ибн ал-Футуҳу ал-Багдидй, о котором ничего не известно. Данные предисловия нашей рукописи совпадают с данными Ибн абў-Усайби'и, лично знавшего Бедраддйна и с ним переписывавшегося. Поэтому его свидетельству следует отдать предпочтение.

Из сочинений VII—IX/XIV—XV вв. в нашем собрании встречаем комментарий ал-Мунāvй (IX в. х.) на офтальмологический компендий ал-Акфāнй (ум. 749/1348 г.) в уникальной рукописи 977/1569-1570 г. из коллекции Италинского (В 1044).¹ Другой офтальмологический трактат „Опора врачей офтальмологов в глазных болезнях“ Сада си ибн Ибрāхима аш-Шāзилй (II половина VIII-XIV в.) — в рукописи IX/XV в. также из коллекции Италинского (С 720) детально analyzed В. Р. Розеном в его мастерском описании.² Часть редкого фармакологического труда местного врача Дā'ўда ибн Нāсыра ал-Агбарй мы находим в авторитетном списке 827/1423 г., выполненном братом автора. Очевидно, наша рукопись является частью парижской, выполненной тем же переписчиком в 826/1422 г.

В Бухаре под властью Шейбанидов в 942/1535-1536 г. неким Мухаммедом Бā'зыром ибн Мухаммедом 'Алй написано было объемистое медицинское сочинение под названием „Книга исцеления“, очевидно, не получившее широкого распространения. Рукопись его, может быть автограф (С 1098), попала в наше собрание в составе коллекции Иванова, приобретенной им в 1916 г.³

В двух новых рукописях (В 1063, В 1064) под названием „Книга новой алхимической медицины“ представлен перевод сочинения по иатрохимии Парацельса (1493—1541 гг.). Распространен этот трактат был, очевидно, главным образом в Турции. Наши рукописи относятся к собранию Учебного отделения, вторая из них — из коллекции Италинского, переписана в 1146/1733-1734 г. в Эрзеруме.⁴

К XI/XVI веку относятся также два произведения Дā'ўда ибн 'Омара ал-Анфākй (ум 1008/1599 г.) „Памятка для

¹ Collections scientifiques, № 176.

² Там же, № 175.

³ Беляев. Арабские рукописи, № 490 и стр. XI.

⁴ Collections scientifiques, №№ 177—178.

разумных и сборник великих чудес" (D 156) и „Веселящая улада в оттачивании умов и уравнивании темпераментов“ в рукописи 1061/1650-1651 г. (B 1027). Обе рукописи также происходят из собрания Учебного отделения.¹

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Беляев. Арабские рукописи — В. И. Беляев. Арабские рукописи Бухарской коллекции Азиатского музея Института востоковедения Академии Наук СССР. Л., 1932 (Труды Института востоковедения Академии Наук СССР, II).
- ДАН В — Доклады Академии Наук, серия В.
ЗВО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
- ЗИВ — Записки Института востоковедения Академии Наук СССР.
- ЭКВ — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии Наук.
- ИАН — Известия Академии Наук.
ИАН ООИ — Известия Академии Наук СССР, Отделение общественных наук.
- ИКИАИ — Известия Кавказского историко-археологического института.
- Brockelmann, GAL — С. Brockelmann, Geschichte der Arabischen Litteratur, Bd. I—II. Weimar, 1898 — Berlin, 1900.
- Brockelmann, SB — С. Brockelmann. Geschichte der arabischen Litteratur, Supplementbände I—III. Leiden, 1937.
- Catalogue — [J. L. Rousseau]. Catalogue d'une collection de 500 manuscrits orientaux. Paris, 1817.
- Collections scientifiques — Collections scientifiques de l'Institut des Langues Orientales du Ministère des Affaires Étrangères, I. Les Manuscrits Arabes de l'Institut des Langues Orientales décrits par le Baron Victor Rosen. St.-P., 1877.
- Dorn — В. Dorn. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften von St.-Petersburg. St.-P., 1846.
- Notices sommaires — V. Rosen. Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique. Première livraison, St.-P., 1881.

¹ Там же, №№ 179—180.

Р. Р. ОРБЕЛИ

СОБРАНИЕ АРМЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

I

Собрание армянских рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР создавалось на протяжении почти столетия. Начало его образования близко к году основания самого Азиатского музея (1818). Первое приобретение армянской рукописи отмечено в протоколах Академии Наук еще в 1828 г., последнее обширное поступление состоялось в 1919 г., а отдельные рукописи и небольшие коллекции поступали вплоть до 1939 г.

Однако за этот достаточно длительный промежуток времени собрание не стало значительным по объему, и к настоящему моменту насчитывает лишь 325 рукописей (единиц хранения) и 2232 документа.

По своему составу, в сравнении с другими более богатыми коллекциями армянских рукописей, собрание Института востоковедения занимает довольно скромное место. Тем не менее, оно содержит ряд рукописных материалов, представляющих несомненный научный интерес. Некоторые из них уже легли в основу исследований по арменоведению, но многие еще не изучены и при специальных разысканиях могли бы оказаться ценными для современного исследователя.

Источники, из которых собрание пополнялось, разнообразны; оно состоит из нескольких частных коллекций, быть может не во всей их полноте, но со следами известного подбора, и из отдельных поступлений. Над изучением и описанием некоторых списков работали в свое время ведущие ученые. Их занятия оставили след и в научной литературе, и на страницах наших рукописей.

Пополнение собрания с самого момента его образования шло как за счет покупок рукописей у владельцев, так и за

счет дарственных поступлений. Некоторые тома имеют печать библиотеки Учебного отделения восточных языков Министерства иностранных дел. Эти экземпляры поступали в Академию Наук через посредство Азиатского департамента, куда они попадали первоначально. Кроме того, ряд рукописей был приобретен Академией Наук в итоге специальной экспедиции, отправленной для спасения памятников от гибели (Ванская коллекция).

История собрания армянских рукописей Азиатского музея восходит к имени первого его директора академика Х. Д. Френа (1782—1851). Интерес этого ученого к памятникам культуры Востока распространялся и на армянские письменные источники. Многие армянские рукописи, приобретенные Музеем в период деятельности Френа, хранят на себе его автографы — перевод заглавий сочинений, регистрационные номера и другие записи. В 1844 г. Френ составил каталог армянских рукописей Азиатского музея, содержащий краткий перечень 22 рукописей. В 1846 г. каталог Френа был напечатан в сборнике академика Б. А. Дорна „Das Asiatische Museum“ по автографу, хранящемуся и поныне в нашем фонде.

Но наиболее последовательным и многолетним собирателем армянских рукописей для Азиатского музея был академик М. И. Броссе (1802—1880), прежде всего грузиновед, но также и арменист, кавказовед в широком смысле слова.

Действительный член С.-Петербургской Академии Наук — М. И. Броссе стремился создать в ней центр русского научного кавказоведения и поставить его на должную высоту.

Поддерживая живую связь с учеными и собирателями древностей в Армении и Грузии, зная ценнейшие хранилища и частные коллекции рукописей Востока, Закавказья и Западной Европы, М. И. Броссе за время своих путешествий и с помощью местных деятелей неустанно приобретал материалы для собраний Азиатского музея. То были как оригиналы, так и копии, снятые по заказу М. И. Броссе с интересовавших его списков.

Трудами М. И. Броссе собрание армянских рукописей не только пополнялось на протяжении многих лет, но и закреплялось в его исследованиях как целостное собрание источников.

После смерти М. И. Броссе армянское и первоклассное грузинское собрания пополнились (1884) рукописями его личной коллекции, тогда же в Азиатский музей был передан и его научный архив.

Затем, после довольно длительного перерыва, с 1893 г., собрание снова начало пополняться, работа над ним возобновилась и стала находить свое отражение в исследовательской литературе. Этим собрание было обязано нашим ученым кавказоведам. Отдельные экземпляры и обширные коллекции приобретались Азиатским музеем при деятельном участии и по их представлению.

Многое в пополнении собрания было сделано археологом кавказоведом С. В. Тер-Аветисяном. Ценные приобретения 1912 и 1916 гг. неразрывно связаны с его именем.

Собрание армянских рукописей комплектовалось на протяжении десятков лет. Но работа по описанию его велась главным образом в плане интереса отдельных ученых к тем или иным сочинениям. Единственный каталог 1844 г., даже вскоре после его составления, мог иметь лишь историческую ценность.

Только в 1934 г. С. В. Тер-Аветисян предпринял составление карточного каталога армянских рукописей нашего собрания. Полное отсутствие каталога до тех пор вынуждало составителя сосредоточить свое внимание в первую очередь на регистрации томов, иногда лишь по названию первого сочинения или по обобщенному заглавию, например, „Книга проповедей“. Кроме того, в каталоге регистрировались краткие сведения палеографического характера. К сожалению, дело, начатое С. В. Тер-Аветисяном, знатоком армянских письменных источников, не было доведено до конца им лично, а продолжено и закончено лицами недостаточно подготовленными. Материалы же, оставленные С. В. Тер-Аветисяном, в виде кратких записей на листочках, вложенных в рукописи, очевидно, в большей части были утеряны.

Было положено начало и научным описаниям отдельных коллекций. Так, с большой подробностью были описаны рукописи Н. Н. Муравьева-Карского. Однако эта работа осталась незаконченной. Позднее, в 1935 г., Р. Шаумян осуществил очень сложную работу — описание пергаменных фрагментов из коллекции К. А. Костянина.

Если отдельные списки получили освещение в ряде специальных исследований и некоторые упоминаются с краткой их характеристикой в протоколах заседаний Историко-филологического отделения Академии Наук, то о фонде в целом в печати было опубликовано очень мало.¹

¹ Можно назвать: сборник Б. А. Дорна „Das Asiatische Museum, der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg“, SPb.,

Каждое поступление, каждая из коллекций собрания имеют свою историю и свои особые черты. За последние два года материалы по истории образования коллекций и биографические данные о собирателях рукописей в значительной мере уже подобраны. Но вопросы, связанные с комплектованием, так же как палеографическое описание рукописей не входят в задачи настоящего очерка. По существу он является первой попыткой дать обобщенный обзор армянских рукописей Института востоковедения и, хотя бы схематично, наметить основные вехи истории этого собрания. Основная цель статьи — осветить фонд со стороны его содержания.

Собрание армянских рукописей состоит из девяти неравных по объему коллекций и ряда отдельных экземпляров, поступавших разновременно и из различных источников.

Часть нашего собрания, сложившаяся при жизни Х. Д. Френа и М. И. Броссе, как старейшая названа „основным фондом“. Создание рук М. И. Броссе — эта часть носит на себе в известной мере отпечаток и его личных научных интересов: в ней преобладают сочинения исторического характера. В состав „основного фонда“, помимо отдельных поступлений, входят две коллекции: П. П. Сухтелена — 1837 г. (11 томов) и М. И. Броссе — 1884 г. (17 томов), а в целом „основной фонд“ содержит 67 экземпляров. Эта часть сложилась за время с 1828 по 1884 г.

Дальнейшие поступления коллекций хронологически распределяются следующим образом: Н. Я. Марра — 1893 г. (5 томов), Г. Аганяна — 1912 г. (79 томов), К. А. Абрамяна — 1914 г. (13 томов), Ванская коллекция — 1916 г. (26 томов), К. И. Костаняна — 1919 г. (2304 единицы),¹ И. А. Орбели — 1923 г. (6 томов), Н. Н. Муравьева-Карсского — 1905—1917 гг. (15 томов). Кроме того, 27 единиц поступили из неустановленного источника, но есть основания думать, что они вывезены из Вана. Таким образом, „Ванская коллекция“, видимо, состоит из 53 рукописей. Помимо коллекций, с 1884 и по 1939 г. собрание армянских рукописей пополнялось отдельными экземплярами; их насчитывается шестнадцать.

1846, с каталогом Френа и несколькими краткими сообщениями о поступлениях рукописей; К. П. Патканова „Библиографический очерк армянской исторической литературы“, со сведениями об объеме фонда армянских рукописей Азиатского музея — 1880 г., и, наконец, краткий очерк Н. Я. Марра „Кавказ“, в сборнике „Азиатский музей Российской Академии Наук, 1818—1918. Краткая памятка“ (Пгр., 1920), где характеристике армянских рукописей посвящен один абзац.

¹ Рукописи и документы — 78 рукописей и 2226 документов.

Не останавливаясь подробно на всех особенностях каждой коллекции в отдельности, следует сказать несколько слов о их содержании.

Коллекция П. П. Сухтелена содержит единственный в нашем собрании список „Истории Армении“ Мосеса Хоренаци и в том же томе „Всеобщую географию“ Вардана, два списка „Трактата о степенях родства“ Акопа Кримеци, философско-богословский сборник с трудами Давида Непобедимого, Ованеса Воротнеци и других авторов, список Шестоднева Василия Кесарийского, три списка первого тома проповедей Григора Татеваци, толкование книги Иова вардапета Ванакана и ряд других сочинений.

Для коллекции М. И. Броссе характерны копии XIX в. сочинений историографического содержания.

Из четырех томов коллекции Н. Я. Марра замечательны: рукописи 1320 г. с притчами и автобиографическими записями Вардана Айгекци, Четьи-Минеи 1384 г., неизвестный ранее список труда Агафангела — „Житие и история Григория Просветителя“, космографический трактат Ованеса Ерзнкаци, „Соборное послание“ и „История Армении“ Нерсеса Шнорали, и др.

Собрание Г. Аганяна отмечено подбором сочинений главным образом богословского характера и содержит ряд поэтических сборников. Но из общего числа сочинений следует выделить в первую очередь: сборник писем Григора Магистроса — „Гамагакан“ от 1244 г., „Двадцатидвухглавое поучение“ Вардана Айгекци, „Историю Грузии“ анонима и несколько списков церковно-юридических законов („Канонагирк“).

Из коллекции К. А. Абрамяна наиболее замечательны списки Библии (1326 г.) и Евангелия (1429 г.) и словарь персидско-турецко-армянско-арабский начала XIX в. Кроме того, в состав коллекции входят сочинения богословские и одно — по магии.

В числе рукописей, вывезенных из Вана, замечательны: повтиский сборник 1584 г., многоязычный словарь лекарственных растений и веществ (XVIII в.), два списка библейских книг, из них один 1315 г., три сборника духовно-дидактических сочинений, апокрифических сказаний и занимательных рассказов, список Синаксария, сборник Григора Татеваци „Воскепорик“, список поэмы Нерсеса Шнорали „Иисус-сын“.

Большая коллекция К. И. Костяняна состоит из трех частей: фрагментов пергаменных рукописей, полных рукописей — томов, и документов. Сорок девять фрагментов

представляют части главным образом евангельских текстов и нескольких богословских и светских сочинений, среди них „Истории Вардана“ Егише и математической рукописи. Содержание томов разнообразно: представлены художественная литература, философия, медицина, богословие, литургика. Следует отметить: сборник 1381 г., Нерсеса Шнорали и Степаноса Орбелиана, обширный философский сборник XVI—XVII в. с трудами Давида Непобедимого, Ованеса Воротнеци, Аристотеля и других авторов, два списка „Судебника“ Мхитара Гоша, десять списков духовных песнопений-шараканов XV—XVII вв., сочинения Габриэля и Рафаэля Патканяна, ряд лечебников. Собрание документов содержит деловую и личную переписку армянских католикосов и кондаки.

Из шести рукописей коллекции И. А. Орбели особенно ценны: исторический сборник, который содержит труды Евсевия, Иосифа Флавия, Мосеса Каганкатваци, Малахии, затем, список „Истории Александра Македонского“ Хачатура Кечареци. Кроме того, коллекция содержит „Толкование Прокла“ Симеона Гарнеци, два сборника шараканов и святцы.

Коллекция Н. Н. Муравьева-Карского содержит пять списков Евангелия от 1298 г. по 1670 г. (в том 1298 г. входит также и Библия), Четы-Минеи в двух списках — XV—XVII вв., два списка требников, сборник шараканов XV в., „Судебник“ Мхитара Гоша, Грамматику, сборник XIII—XIV в. со стихотворениями Нерсеса Шнорали.

II

Памятники, входящие в состав собрания, представляют следующие отрасли знаний: историю, эпиграфику, палеографию, географию, путешествия, философию, логику, законодательную литературу, художественную литературу, биографическую литературу, грамматику, лексикографию, математику, космографию и астрономию, медицину, педагогику (детские учебники), богословие, церковную литературу, историю церкви, летосчисление (календари), магию (астрология, талисманы).

1

История представлена главным образом трудами крупнейших армянских историографов раннего и позднего средневековья. Но большинство наших списков относится к XIX в. Это именно та часть собрания, которая положила

ему основание: копии, снятые по заказу Броссе, с оригиналов, принадлежавших Эчмиадзинскому хранилищу, Румянцевскому музею, Венецианской конгрегации мхитаристов, Парижской национальной библиотеке и некоторым частным лицам. Даты их переписки падают в основном на 40-е годы XIX в., но некоторые переписаны еще в конце 20-х годов и позднее, в 60-х. Тексты отдельных списков послужили М. И. Броссе материалами для переводов и исследований; что отражено в ряде его больших работ и статей.

К этой группе копий XIX в. относятся списки трудов: Себеоса (VII в., С 9), Гевонда (VIII в., В 131, колл. Броссе), Ухтанеса (X в., С 10), Мосеса Каганкатваца (X в.,¹ В 56), католикоса Ованеса (X в., С 11), Аристакаса Ластивертци (XI в., В 66), Степаноса Таронечи, Асохика (XI в., В 129, колл. Броссе), Маттеоса Урхаеци (XII в., В 55), анонимного автора „Истории Грузии“ (XII в., В 133, колл. Броссе), писателей XIII в. — Смбата Спарапета (В 40), Вардана Бардзарберци (В 65), Мхитара Айриванеци (С 13), Киракоса Гандзакваеци (С 16), Малахии (С 23), далее, Томы Медзопеди (XV в., С 85, колл. Броссе) и Минаса Хамдеци (XVII в., С 8).

Большинство копий снято переписчиком Иваном Назаровым, скорописью.

Некоторые из сочинений перечисленных авторов имеются и в других, более ранних списках. Так, „История Грузии“ анонимного автора, помимо копии 1840 г., имеется в списке XVIII—XIX в. (С 41, колл. Аганяна), „История албан“ Мосеса Каганкатваца и „История народа стрелков“ (монголов) Малахии — в датированном сборнике 1678 г. (С 59, колл. Орбели), „История Тамерлана“ Томы Медзопеди — в сборнике не датированном, но относящемся, по видимому, к XVII в. (А 18, колл. Костаняна).

Но помимо копий XIX в. „основной фонд“ пополнялся и оригиналами. Список XVI—XVII в. (В 42) содержит „Хронологические таблицы“ Самуэла Анеци (XII в.) и „Всеобщую историю“ Микаэла Асори (XII в.); последняя есть и в отдельном списке (В 93, дар Гана, датированном приблизительно XVI—XVII в. „История Армении“ Мосеса Хоренаци (V—VI в., по некоторым авторам VII, VIII, начало IX в.) входит в состав сборника 1698 г. (В 62, колл. Сухтелена).

¹ Часть труда написана ранее, в VII в., но весь состав сочинения приписывается имени М. Каганкатваца. Автором которой именно из частей был он — еще не установлено.

Эти рукописи также изучены акад. Броссе. Описания их, исследования и переводы текста опубликованы за время с 1837 по 1871 г.

В последующие годы собрание пополнялось лишь единичными рукописями историографического содержания. Из них следует отметить: „Историю Александра Македонского“ Хачатура Кечареци (XIII в.), в двух списках, с разночтениями: от 1722 г. (А 9, колл. Костяняна) и без даты — XVI—XVII в. (А 76, колл. Орбели); сборник, содержащий „Историю области Тарон“ Зеноба Глака (IV в.) и анонимный исторический рассказ о Давид беке (события 1722—1728 гг. в Карабахе) — „История войны Давид бека“, том переписан в 1759 г. в Амстердаме (В 29, 1915 г.); сборник, в состав которого входят „Житие и история Григория Просветителя“ Агафангела (V в.) и „История Армении“ (в стихах) Нерсеса Шнорали (XII в.),¹ рукопись переписана в 1689—1690 гг. (В 85, колл. Марра); сборник 1678 г. (С 59, колл. Орбели), уже упоминавшийся. Помимо сочинений Евсевия, Мосеса Каганкатваци и Малахии, содержит „Историю иудейской войны“ Иосифа Флавия и исторический текст, который требует определения.

В числе недатированных пергаменных фрагментов из коллекции Костяняна, имеется фрагмент „Истории Вардана и его сподвижников“ Егише (V в., С 44). Копия XIX в. содержит „Историю города Харберда“ Или (В 35, колл. Костяняна).

В собрании армянских рукописей Института востоковедения история представлена не только в трудах собственно историографического содержания, но и в нескольких поэтических произведениях на исторические темы. Наряду с этим, сборники многочисленных житий, душеполезных рассказов, апокрифических сказаний и легенд в качестве литературных источников историографии содержат тексты, еще ожидающие дальнейшего изучения.

2

Интерес к вопросам истории первых собирателей „основного фонда“ выразился и в пополнении его текстами эпиграфического происхождения. Переписка их датируется 40-ми годами XIX в.

¹ „История Армении“ Нерсеса есть также в списке 1381 г. (А 12, колл. Костяняна).

Труды армянских ученых — Ованеса Шахатуниана, Ованеса Кримици и Аристакаеса Ерзнкянца — посвящены изучению архитектурных памятников Армении — древних монастырей и церквей. Надписи Ахпата, Санаина и Мармашена, Кечариского, Хорвирапского, Севанского и многих других знаменитых армянских монастырей, представлены в копиях, тщательно переписанных. За исключением автографа А. Ерзнкянца (В 41), все остальные рукописи (С 45, С 46, С 47, С 63) представляют копии с автографов, заверенные в Эчмиадзине Ф. Коргановым, состоявшим в научной переписке с Академией Наук, в лице М. И. Броссе.

Помимо трудов местных деятелей Армении, в фонде есть материалы, собранные П. Л. Шиллингом (С 84, колл. Броссе) и Ю. Кестнером (С 87, колл. Броссе). Однако сомнительно, были ли сняты копии надписей Ахпата и Санаина самим Шиллингом (как это указано в рукописи), так как идентичный список в 1828 г. был передан Азиатскому музею К. Х. Бенкендорфом (С 48).¹ По всей вероятности, и Шиллинг и Бенкендорф привезли из Армении рукописи, содержавшие труды армянских ученых, переписанные, к тому же, одним копиистом.

Материалы Ю. Кестнера представляют копии надписей и астампы архитектурных украшений, снятых в Ани.²

3

Собрание армянских рукописей содержит описание одного путешествия, точнее, дневник путешествия, которое в сентябре, октябре и ноябре 1866 г. совершил по Армении вардапет Гевонд Пиргалемян (В 80). Целью его было изучение армянских древностей, монастырей и церквей. Пиргалемян переезжал из селения в селение, посетил Ван и ряд других пунктов. Дневник отражает все его живые и непосредственные впечатления и наблюдения.

Такие поездки совершались вардапетом Пиргалемяном не раз и сопровождались сбором научных материалов. Так, в 80-х годах им были сняты копии надписей, произведены извлечения из рукописей — колофонов и житий с историческими данными, и сделаны записи, касающиеся школ, мона-

¹ Первое поступление армянской рукописи в Азиатский музей.

² Следует оговорить, что только копии Кестнера представляют графическое повторение надписей, остальные же материалы передают лишь их содержание.

стырей и церкви Ванской епархии. Данные этих материалов охватывают исторический период за время с 552 по 1533 г. Начало этого обширного труда, подобранного в хронологическом порядке, было издано в Константинополе в 80-х же годах.

Помимо дневника 1866 г., в Институте востоковедения хранятся также и названные материалы, представляющие часть, не появлявшуюся в печати.¹ От дневника их отделяет время не менее пятнадцати лет, но они органически связаны с ним. Дневник, отражающий ранний период деятельности армянского ученого, приобретает особый интерес именно в связи с содержанием его труда позднейших лет. Все рукописи Пиргалемяна переписаны им собственноручно.²

При представлении дневника — рукописи Пиргалемяна Академии Наук, эти материалы характеризовались как ценный исторический источник, богатый сведениями о завоеваниях Армении арабами, монголами и другими народами, а также описаниями армянских колоний, среди них — колоний в малоазиатских частях Турции.

4

Армянская рукописная книга как памятник, как исторический и литературный источник получает научную оценку и привлекает к себе интерес армянских и европейских ученых начиная с XVIII в. Рукописная книга еще бытует и искусство ее оформления не угасает, хотя печатная книга и вытесняет ее все более. Но изучение рукописных памятников прошедших веков к концу XVIII в. приобретает для армян-ученых первостепенное значение.

Некоторое отражение эта деятельность нашла и в собрании армянских рукописей Института востоковедения.

В состав „основного фонда“ входят материалы палеографического характера, собранные армянским ученым Ованесом Зохрабяном (Зохрабом). Все они представлены в копиях 40-х годов XIX в., снятых копистом Т. Овсепяном со списков, хранящихся в Парижской Национальной библиотеке. Два наших списка содержат каталоги армянских руко-

¹ Собрание армянских рукописей — В 120 и Архив востоковедов — разряд 2, оп. 2, № 28.

² Протокол заседания Историко-филологического отделения Академии Наук (1915, § 263) дневника не упоминает, так что он, вероятно, был приобретен не в 1915 г., а в другое время.

писей, принадлежавших Венецианской конгрегации мхитаристов (С 14) и армянским монастырям во Львове и Триесте (С 15, копия с автографа 1791—1792 гг.). Третий труд Зохраба содержит копии колофонов к евангелиям по спискам библиотеки Венецианской конгрегации (С 21).

В позднейшие годы эти материалы были дополнены автографами: Мосеса Зохрабяна, от 1873 г. (В 22, coll. Костяняна) и Гевонда Пиргалемяна. Извлечения из рукописей — колофоны и приписки — составляют содержание этих трудов.

5

Из географических сочинений в собрании армянских рукописей хранятся три списка „Всеобщей географии“ Вардана (XIII в.) и одно маленькое анонимное сочинение или фрагмент из труда неизвестного автора, помещенное непосредственно после текста Вардана.

Рукопись А 1 (поступившая из неустановленного источника) — сборник, в состав которого вошли два труда по грамматике, один по логике и два по географии, не датирован и по всем данным представляет список XVII в.

Датированный сборник 1693 г. (В 62, coll. Сухтелена), помимо „Географии“ Вардана, содержит „Историю“ Мосеса Хоренаци и отрывок астрологического сочинения.

Наконец, третий список „Географии“ Вардана (В 134, coll. Броссе) представляет, как указано в колофоне, копию с древнего эзерумского (феодосиопольского) текста, снятую в 1840 г. в Тифлисе. Переписчик Аристакес Ерзкянц — автор „Описания древностей Ахпатского монастыря“ (В 41).

Тексты всех трех списков представляют разночтения, но списки А 1 и В 62 расходятся незначительно и в основном следуют тексту, изданному в 1819 г. Сен-Мартеном.¹ Копия же 1840 г. снята с оригинала, не имевшего начала, и в последующем тексте расходится с предыдущими списками, даже в расположении частей. Так, к началу отнесен текст из середины сочинения.

Фрагмент, помещенный в сборнике А 1, отделен от текста Вардана пропуском нескольких строк. Он занимает 11 страниц рукописи маленького формата. В начале рассказывается о занятии Константинополя франками, далее о судьбах христианских реликвий и их местонахождении (повидимому,

¹ *Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie*. Par M. J. Saint-Martin, t. II, Paris, 1819.

события 1204 г.), а затем следуют историко-географические сведения о народах древнего Востока, об Иране, о славянах и особо о русских, с упоминанием, как и у Вардана, Москвы. В конце — перечень областей и городов Армении и Малой Азии. На этом текст обрывается.

6

Философские трактаты составляют значительную часть собрания. Здесь представлены как оригинальные труды армянских авторов, так и переводы. Давид Непобедимый, (V—VI в.), Ованес Воротнеци (XIV в.), Григор Татеваци (конец XIV—первая половина XV в.) — три армянских мыслителя, сочинения которых представлены наибольшим числом списков.

Давид Непобедимый, основоположник школы армянских философов, восходя в своем учении к материалистическим сторонам учения Аристотеля, трактуется армянскими авторами как с материалистических позиций, так и с позиций средневековой теологии. Философские труды, представленные в нашем собрании, характеризуют главным образом именно материалистическую трактовку Аристотеля и Давида его последователями, авторами XIV—XV вв. — Ованесом Воротнеци и Григором Татеваци, школой Татева эпохи ее основания и расцвета.

Трактаты по вопросам философии в списках нашего собрания чаще всего переписаны в виде отдельной книги или составляют специальные сборники. Из числа последних обилием материалов выделяются — недатированный, повидимому XVI в. (В 27, coll. Костяняна), 1356 г. (В 116, из неизвестного источника) и 1464 г. (В 86, coll. Сухтелена).

„Определения философии“ Давида представлены в трех списках (В 27, В 116 и А 48, без даты, видимо XVIII в., coll. Аганяна), „Пролегомены“ к „Определениям“ — в одном (В 86). „Истолкование Введения Порфирия к Категориям Аристотеля“ представлено в одном списке (А 69, без даты, предположительно XVIII в., coll. Аганяна). Из сочинений, приписываемых Давиду, трактат „Пять правил“ помещен в сборнике В 27, „Против Пиррона“ — там же и в А 43, В 116.

Философские труды Ованеса Воротнеци — „Комментарии к Категориям“, „Комментарии к «Об истолковании»“ Аристотеля и „Философская антология“ — входят в состав сборника В 27. „Комментарии к Категориям“ имеются также

в сборнике В 86, там же „Истолкование Введения Порфирия“.

Труды Григора Татеваци — „Комментарии к «О добродетели»“ (В 27) и „Комментарии к «Об истолковании»“ Аристотеля (В 119, без даты, XVII в., из неизвестного источника) — содержатся в двух сборниках. „Комментарии к теории Давида“ помещены в сборнике В 27.

Четыре тома „Книги вопросов“ представлены пятью списками (В 47—XVI в., В 73—1687 г., В 79—XVIII в., колл. Агаяна, В 21—1609 г., колл. Костянина, и В 84—1687 г., колл. Марра).

Трактаты Аристотеля — две первые книги Органона, „О добродетели“, схемы „Древо философии“ — входят в состав трех сборников (В 27, В 116, А 48). „Категории“ представлены в двух списках, „О добродетели“ — в трех.

Из остальных философских сочинений следует назвать: „Гамагтакан“ Григора Магистроса (XI в.), сборник писем на философские, исторические и политические темы. Список 1244 г. (А 96, колл. Агаяна) содержит 37 писем, в сборнике В 116 — четыре письма.

„Введение к Категориям Аристотеля“ Порфирия (В 27, В 116, А 48).

„Элементы теологии“ Прокла, в двух списках из коллекции Агаяна (А 27—1757 г., А 77, также XVIII в., без даты).

„Комментарии к Проклу“ Симеона Гарнеци, в списке 1664 г. (А 35, колл. Орбели).

Философские сборники, помимо озаглавленных трактатов, содержат в некоторых случаях краткие комментарии, маленькие сочинения и пр. Эти анонимные тексты требуют дальнейшего исследования.

Логика, сравнительно с философией, представлена в фонде очень скупо — только одним трактатом Симеона Джугаеци (XVII в.), автора „Грамматики армянского языка“ и „Комментариев к Книге о причинах Прокла“.

Небольшое по объему сочинение помещено в четырех сборниках. Из них один датирован 1693 г. (А 13, колл. Костянина), другой имеет приписку 1688 г. (А 81, колл. Муравьева-Карского), третий (А 1, из неизвестного источника), без даты, относится к XVII в. предположительно, и четвертый (А 68, колл. Агаяна); с припиской 1711 года, переписан, вероятно, в начале XVIII в. Тексты трех списков полные, в А 1 не хватает последнего листа; разночтений не имеют.

Литература юридического содержания, представленная в собрании рядом списков, по своему характеру разделяется на три рода памятников.

Судебник Мхитара Гоша (XII в.) — свод гражданских и церковных законов, имевший действие вплоть до XIX столетия. Четыре списка, из которых три (А 19, С 55 — колл. Костяняна, и В 92 — колл. Муравьева-Карского) относятся к XVI—XVII столетиям, а четвертый (С 12, „основной фонд“, копия вчмядзинской рукописи) датирован 1849 г. Экземпляр С 55 не имеет начала и конца, остальные тексты полные.

Сборники канонов — церковно-юридических законов, объединенные общим заглавием „Канонагирк“. Четыре списка различного содержания. Из них три — XIV—XV столетий, не датированы (А 47, В 74, В 103, колл. Аганяна), один (В 9, колл. Костяняна) датирован 1645 г. Содержание книг канонов требуют специального описания в каждом отдельном случае.

К памятникам юридического характера относится также „Трактат о степенях родства“ Акопа Кримици (XV в.) Из трех списков собрания особую ценность имеет автограф от 1415—1416 гг. (А 88, из неизвестного источника). Помимо Трактата, рукопись содержит проповеди Григора Татеваци и анонимное сочинение по вопросам летосчисления. Весь том переписан Акопом Кримици в монастыре Медзоп; имеет приписки его рукой. Рукопись сильно истлела в начале и конце. Два других списка датированы 1580 и 1632—1633 гг. (В 54 и В 46, колл. Сухтелена) и сравнительно с автографом имеют незначительные разночтения.

Художественная литература занимает в собрании относительно небольшое место.

Богатая поэзия средневековья отражена очень скупо. Но имена замечательных авторов — Григора Нарекаци (X в.), Нерсеса Шнорали, Степаноса Орбелиана, украшают наше собрание поэтических произведений.

Историческим темам посвящены три сочинения. Сборник 1381 г. (А 12, колл. Костяняна) содержит эпос „История Армении“ Нерсеса Шнорали¹ и „Плач о разрушении Армении“ Степаноса Орбелиана. События 1453 г. лежат в основе

¹ Есть также в списке 1689 г. (В 85, колл. Марра). ..

„Элегии на взятие Стамбула“ Абраама Анкюраци (XV в.), в списке не позднее 1653 г. (А 108, coll. Броссе).

„Песнь о царе Иоасафе, сыне индийского царя Абенера“, поэма в двадцати четырех главах Аракела Багишеци (XV в.) представляет поэтическую обработку легенды о Варлааме и Иоасафе армянским автором. Наш список — копия 1877 г. с автографа 1434 г. (Е 16), о чем сообщает переписчик.

Лирика средневековья, преимущественно духовного содержания, представлена прежде всего сборником Григора Нарекаци — „Нарек“, в состав которого входит 95 элегий. Наш список (А 15, coll. Костянина) не полон и содержит элегии от двадцать первой по девяносто третью. Его можно отнести к XV—XVI столетиям.

Поэзия Нерсеса Шнорали представлена наибольшим числом произведений. Отдельные стихотворения встречаются в сборнике 1381 г. (А 12) и недатированном, видимо XIII—XIV в. (А 37, coll. Муравьева-Карского), а одна рукопись посвящена только лирике Нерсеса (А 87, coll. Аганяна, XVII в.). Поэма „Иисус-сын“, излагающая содержание Библии, в нашем списке, отдельном томе XV—XVI столетия, не имеет конца (А 43, Ванская коллекция).

Стихотворения и молитвы Григора Нарекаци и Нерсеса Шнорали можно встретить также и в составе текстов магического свойства — в талисманах.

Ряд поэтических сборников — „Песенников“, в списках от 1584 (С 27, Ванская коллекция) по 1836 г. содержит духовную лирику анонимных поэтов и авторов преимущественно XVIII—XIX вв. — Григора Трупа, Симеона Ереванци, Акопа Багишеци и других (А 57, coll. Аганяна; В 69, coll. Аганяна; В 77, Ванская коллекция; В 78, coll. Аганяна).

Особое место занимает собрание загадок (около 150 номеров), изложенных в стихах, четверостишиями. Параллельно следуют отгадки. Автор не указан, язык разговорный (А 81, coll. Муравьева-Карского). Рукопись, видимо, XVII столетия; приписки 1688 г.

Отдельные лирические стихотворения встречаются в рукописях самого разнообразного содержания. Так, в списке „Толкований книг Библии“ Вардана, от 1384 г., помещено стихотворение неизвестного автора (В 28, coll. Аганяна).

Следует отметить также стихотворные приписки, среди них частушки любовного содержания.

Поэзия позднейшего времени представлена стихотворением Габриэля Патканяна „С новым годом!“, автографом

1873 г. (А 30, coll. Костяняна). Сто шестнадцать строф тщательно переписаны в отдельной тетрадошке.

Перу того же автора принадлежит исторический рассказ из быта Армении эпохи марзпанства, под заглавием „История“. Автограф, не датирован (С 51, coll. Костяняна).

Но проза отражена в нашем собрании и более ранними произведениями.

Интересен сборник 1663 г., который содержит три сочинения: „Легенду о Варлааме и Иоасафе“, „Историю Медного города“ и армянский перевод французского романа „Histoire du très vaillant chevalier Paris et de la belle Vienne, fille du Daufin“, сделанный в 1587 г. в Марселе (А 75, рукопись Варагского монастыря, поступила в 1916 г. из Эчмиадзина). Текст легенды не имеет конца. Роман заключается памятной записью переводчиков — Ованеса Тэрзнци и его сына Хачатура. Запись изложена в стихотворной форме, в виде акrostиха; конец записи оборван. „История Медного города“ представлена полностью.

Притчи и басни, авторы которых не установлены, входят в состав сборника дидактического содержания 1676 г. (А 44, coll. Аганяна) и составляют содержание отдельного списка (А 66, „основной фонд“), повидимому также XVII столетия.

Притчи и басни Вардана Айгекци (XIII в.) в числе трех представлены в сборнике 1320 г. (А 28, coll. Марра) и, повидимому, в рукописи XVIII в. (А 20, coll. Костяняна), что еще требует подтверждения. Кроме того, отдельные тексты притч этого автора встречаются в сборниках житий, апокрифов, занимательных рассказов и духовно-дидактических сочинений. Из них можно назвать „Златочрев“, список 1564 г. (С 17, Ванская коллекция).

Рукопись 1320 г. (А 28) по своему характеру приближается к типу названных сборников. Помимо нескольких сочинений Вардана, она содержит ряд слов и поучений других авторов и апокрифические сказания, среди них „Видение вардапета Ованеса, прозванного Козерном“. Она всесторонне освещена в ряде исследований и принесла ценные биографические данные для выяснения личности Вардана Айгекци. Вариант „Сказания о католикосе Петре и ученом Ованесе Козерне“ имеется также и в списке „Златочрева“ (С 17).

Биографическая литература в нашем собрании представлена сборниками многочисленных житий, апокрифов, занимательных рассказов и духовно-дидактических сочинений.

Собрание содержит десять таких рукописей, из которых отдельные сильно пострадали от времени и требуют реставрации, а, кроме того, три пергаменных фрагмента из коллекции Костяняна (С 44).

Состав этих сборников требует исследования и описания. Время их переписки, судя по датам и на основании палеографических особенностей, относится к периоду от XIV до первой половины XVIII в.

Два экземпляра Четьи-Минеи не датированы (С 2 и С 38, Ванской коллекции), шесть — датируются от 1384 до 1685 (1722?) года (С 3, С 5, колл. Муравьева-Карского; С 1, Ванской коллекции; С 4, колл. Марра; С 40, колл. Аганяна; С 39, колл. Костяняна).

„Златочрев“, в одном экземпляре, датирован 1564 г. (С 17, Ванская коллекция).

10

Грамматика армянского языка представлена в собрании трудами трех авторов. Кроме того, есть еще один грамматический трактат общего характера и затем рукопись, озаглавленная по-русски, „Начальные основания грамматики на Агванском языке“.

„Грамматика армянского языка“ Симеона Джугаеци (XVII в.) отражена в шести списках, из которых датирован только один (А 13). Но, помимо списка 1693 г., остальные предположительно относятся также к XVII в. и лишь один (В 106) к концу XVIII и даже началу XIX в.

Таким образом, можно считать, что большинство наших списков переписано в годы, близкие ко времени жизни автора, а может быть, и в его время.

Четыре экземпляра сохранили полный текст грамматики (А 68 и В 106, колл. Аганяна; А 81, колл. Муравьева-Карского и А 78, Ванской коллекции), в двух же не хватает начала (А 1 — источник не известен; А 13, колл. Костяняна). Разночтения не обнаружены.

Две анонимные грамматики армянских авторов (А 48, колл. Аганяна и А 81, колл. Муравьева-Карского) также излагают основы морфологии древнеармянского языка и с трактатом Симеона существенно не расходятся. Время их переписки, надо полагать, XVII век.

„Толкование грамматики“ Аракела Сюнеци (XV в.), посвященное определению предмета и толкованию отдельных понятий и терминов, помещено в сборнике (А 1),

содержащем труды Симеона Джугаеци и „Географию“ Вардана.

Грамматические труды, представленные в нашем фонде, входят в состав сборников разнообразного содержания, философского в частности, но труд Симеона Джугаеци почти всегда сопровождается его же трактатом по логике, текст которого обычно следует непосредственно за текстом грамматики.

Здесь же уместно упомянуть перечень титулов и различных знаков сокращений, принятых в армянском письме. Перечень помещен в конце тома, содержащего „Двадцатидвухглавое поучение“ Вардана Айгеки (В 30, колл. Аганяна), в качестве самостоятельного труда, принадлежащего, вероятно, перу переписчика. Тщательно разграфленные и переписанные таблицы содержат сокращения 393 слов. Рукопись не датирована, но относится, повидимому, к XVII в.

Особое место занимают две рукописи — „Начальные основания грамматики на Агванском языке, писанной армянскими буквами“, и „Алфавит Агванского народа, изобретенный св. Месропом“ (С 7 и С 47, „основной фонд“). Обе рукописи датированы 1842 г. и на обеих после заглавия значится: „Для императорской С.-Петербургской Академии Наук от прокурора Эчмиадзинского Армяно-Грегорианского Синода коллежского ассесора Ф. Корганова“. Рукописи были присланы для М. И. Броссе и в том же 1842 г. нашли свое отражение в научной печати.

Из материалов по лексикографии в состав фонда входит семь словарей. Содержание их очень разнообразно и только два из них (в трех списках) тематически связаны между собой.

Эта группа списков представляет толковые словари к текстам Ветхого и Нового завета. Все три не датированы и время их переписки лишь приблизительно определяется по позднейшим припискам: словарь, составленный Иеремией Мегреди (список А 21, колл. Костяняна), не позднее 1706 г., список В 61 „основного фонда“ — не позднее 1784 г., анонимный словарь (А 26, колл. Костяняна) — не позднее 1795 г.

Толкования слов распределены соответственно текстам книг Библии и Евангелия, о чем говорят заглавия отдельных частей лексиконов. У Иеремии расположение толкуемых слов алфавиту не соответствует, аноним придерживается алфавита.

В сборнике 1693 г. (А 13, колл. Костяняна) в качестве приложения к трактату по логике Симеона Джугаеци помещен небольшой словарь логических и философских терминов.

В числе словарей находится также и медицинское сочинение — обширный „Словарь различных лекарств“ (С 28, Ванская коллекция). Датированы начало и конец переписки — 1781—1782 гг. В самом конце рукописи проставлены инициалы —

И. р. 4. — переписчика или составителя. Словарь содержит названия различных лекарственных растений и веществ на языках армянском, грузинском, арабском, персидском, турецком, греческом, латинском и других, но непоследовательно, так как не на всех языках, очевидно, названия были известны автору словаря. Следует отметить, что рукопись четко и красиво переписана и прекрасно сохранилась.

Далее следуют три словаря, время составления которых относится к XIX в.

Словарь Мейремулиана. Персидско-турецко-армянско-арабский, не датированный (В 5, колл. Абрамяна).

Словарь Сен-Мартена. Армяно-латинский, 1814—1815 гг., ч. I, от А до М (С 24, источник не известен, возможно, что поступил при посредстве М. И. Броссе — ученика Сен-Мартена). Озаглавлен: „Dictionarium Armeno-Latinum sive Glossarium linguae Haicanae antiquae et modernae. Ex variis illustrissimis Armeniae authoribus. Dictionario a Patribus Mekhitaristis Venetiae in Armeno concinnato, atque aliis Lexicis a Ioanne Sancto Martino conflatum. Tomus primus“. Многие слова оставлены без перевода.

Последний из словарей — Русско-армянский (А 34, поступил из Пушкинского Дома, инвентарь 1924 г.). Переписан на датированной бумаге с водяными знаками 1830 г. Содержит словарь и разговорник. Слова расположены тематически — явления природы, предметы домашнего обихода и т. д.

11

Математика представлена всего лишь одним фрагментом (С 44, колл. Костяняна), состоящим из двух листов пергамента (10 × 14), пострадавшего от времени. Текст местами дефектный (пропуски), написан четким и изящным болоргиром. Ни автор, ни заглавие сочинения, ни время написания рукописи не известны.

Фрагмент содержит решение трех арифметических задач. Основная тема — купля и продажа, перевод денежных знаков (драхм и рублей) из одной стоимости в другую. Числа начертаны арабскими цифрами и входят до четырехзначных, вычисляются и простые дроби. Задачи изложены сухо и сюжетного элемента не содержат. Язык разговорный.

Повидимому, данный фрагмент — часть учебника, так как текст содержит указания, как следует производить вычисления.

Естественно-научная литература на армянском языке представлена в нашем собрании двумя сочинениями. Автор космографического трактата „О движении неба“ — Ованес Ерзнкаци (Цордореци, Плуз) точно датировал свой труд 1284 г. Наш список помещен в сборнике (В 84) философского содержания, в состав которого входят „Богословие“ псевдо-Дионисия Ареопагита, „Книга вопросов“ Григора Татеваци и ряд других сочинений. Сборник переписан в 1687 г. Текст трактата полный, с предисловием автора. Второе сочинение — анонимный астрономический трактат „О вращении земли и об измерении ее“, помещен также в сборнике философского содержания (А 69, колл. Аганяна), не датированном, но, по всем данным, переписанном не ранее конца XVIII в.

12

Медицинские сочинения, представленные в нашем фонде, распадаются на три рода: анатомию и физиологию („Об устройстве человека“), лечебники и словарь.

Четыре сочинения по анатомии и физиологии помещены в двух сборниках. Первый из них, озаглавленный „Книга, называемая «Устройство человека», собранная из [трудов] мудрых врачей и соединенная в одно“ (А 86, колл. Аганяна) содержит: „Анатомию“, приписываемую Григорию Нисскому (IV в.), „Анатомию“ Абусаида (XII в.) и анонимное сочинение о влиянии тепла на деятельность человеческого организма.

Судя по бумаге, сборник переписан в начале XIX в. и возможно, что составлен переписчиком. Колофона нет, и имени переписчика мы не знаем.

Четвертое сочинение, отрывок из „Анатомии“ Бусаида (XI в.), входит в состав сборника (В 27, колл. Костаняна), переписанного не позднее 1682 г. Трактат Бусаида замыкает сборник чисто философского содержания, что встречается не в единственном случае и, очевидно, имело свою закономерность.¹ В сборник В 27 входят сочинения Аристотеля, Порфирия,

¹ См., например: Ачарян. Каталог армянских рукописей Тавриза. Вена, 1910, стр. 52, № 9. (На армянском языке). Фрагмент из труда Бусаида также соединен с сочинениями по философии.

Давида Непобедимого, Григора Татеваци и других авторов, последним стоит Бусаид.

Наиболее древним из перечисленных трудов по анатомии и физиологии можно считать маленькое сочинение, автором которого назван Григорий Нисский. По мнению историка медицины Л. А. Оганесяна, оно принадлежит перу неизвестного армянского автора, врача VI—VIII в.¹

Анонимное сочинение о влиянии тепла на человеческий организм по своему характеру примыкает к трудам названных авторов, трактуя вопрос в духе средневековых представлений.

Лечебники в нашем собрании представлены тремя списками, но два из них несомненно одно и то же сочинение, разделенное механически на две части. Таким образом, можно говорить лишь о двух лечебниках.

Первый из них (В 24, колл. Костяняна) является частью сборника, датированного 1715 г. Два сочинения магического свойства дополняют медицинское, так что рукопись в целом являла, очевидно, назначение восстанавливать и охранять здоровье больных как средствами медицины, так и магическими воздействиями на болезнь. Лечебник содержит 256 врачебных, гигиенических и даже бытовых советов, к которым присоединяются и магические, среди них есть криптограмма. В тексте встречаются ссылки на Галена. Лечебник изложен народным языком. Орфография переписчика местами безграмотна.

Лечебник (С 53—С 54, колл. Костяняна) переписан не ранее 1829 г., так как эта дата обозначена водяными знаками на бумаге обеих частей. Он содержит врачебные и гигиенические советы больным и женщинам, толкования лечебных свойств различных трав, молитвы и выдержки из Евангелия, с текстами о больных. Встречаются ссылки на Гиппократ, Галена. Содержание изложено народным языком, а рукопись переписана почерком малограмотного человека. Повидимому, в свое время оба лечебника принадлежали одному и тому же лицу (переписчику или составителю лечебника С 53—С 54), так как в середине тома В 24 на двух листах имеется вставка его рукой.

К числу медицинских сочинений относится также большой „Словарь различных лекарств“ (С 28, Ванская коллекция). О нем сказано в описании словарей.

¹ Л. А. Оганесян. История медицины в Армении, т. I. Ереван, 1946, стр. 163—172.

Среди армянских рукописей собрания есть две, которые можно объединить в одну группу — учебников для детей. Между собой их разделяет время почти в два столетия, но они характерны как образцы армянских учебных книг для детей — школьников. Оба учебника составлены вне пределов Армении — один в Львове, другой в С.-Петербурге.

Первый (В 76, дар И. А. Линниченко, 1915 г.) — список 1692 г., анонимный, состоит из пяти частей и содержит главным образом молитвы, выдержки из текстов священных книг, стихи духовного содержания и т. п.

Второй (В 17, колл. Костяняна), 1859 г., представляет автограф армянского поэта Рафаэля Патканяна, хотя имя его и выскоблено с титульного листа рукописи. Учебник оформлен в виде книги с иллюстрациями, которые вырезаны из какой-то рукописи. Содержание учебника: букварь, отрывки из „священной истории“ и маленькая литературная хрестоматия.

Так, первый — типичный образец армянских детских учебников, которые печатались, начиная с 20-х годов XVII в.; второй — труд армянского поэта XIX в., созданный под влиянием европейской детской литературы.

Сочинения богословского содержания также входят в состав собрания.

Вопросы догматики, сыгравшие большую роль в истории армянской церкви, освещаются в изложениях вероучения, толкованиях, проповедях и полемике. Экзегетика представлена толкованиями главным образом книг Ветхого и Нового завета, небольшим числом комментариев к сочинениям отдельных деятелей церкви и двумя толкованиями церковных книг. Гомилии — проповеди, слова, наставления — соединены в единые сборники и рассеяны в томах разнообразного содержания.

Оригинальные сочинения армянских авторов раннего и позднего средневековья, переводы теоретических сочинений деятелей церкви первых веков христианства и переводы нескольких трактатов католических авторов ярко отражают теологические основы религиозной жизни армян, борьбу ее течений в эпоху средних веков. Важнейшее из этих течений — борьба за независимость армянской церкви.

Сочинения, трактующие именно это направление, представлены в собрании наибольшим числом списков. Так, среди них оба тома проповедей Григора Татеваци, врага католицизма, проникшего в Армению с усилением латинских связей киликийского царства, содержится во многих списках, время переписки которых относится к XV и до XVIII в. включительно (А 39, колл. Аганяна; В 43, основной фонд, и др.).

Авторы более ранние, жившие в XII в., Нерсес Шнорали и Нерсес Ламбронати, из которых первый занимает большое место в истории армянской церкви как поборник присоединения ее к церкви греческой, представлены также рядом сочинений.

К числу сочинений богословских относится также „Двадцатидвухглавое поучение“, сборник слов и наставлений, принадлежащий, как это было установлено,¹ перу Вардана Айгекци, автора притч. Наш список (В 30, колл. Аганяна) не датирован, но относится, по видимому, к XVII в. Текст полный, с письмами князя Балвина и Вардана и с его заключительной записью. С текстом, опубликованным Н. Я. Марром по эчмиадзинской рукописи № 719,² расходится незначительно, что можно отнести за счет правописания.

Авторство многих сочинений еще требует дальнейшего выяснения. Помимо названных имен крупных армянских писателей средневековья, можно было бы перечислить и ряд других авторов, сочинения которых представлены в нашем фонде, среди них и позднейших, вплоть до XIX в.

Из переводов можно отметить: сочинения псевдо-Дионисия Ареопагита (VI в.), в двух списках—1788 г. (С 19, колл. Аганяна) и недатированном (В 114, основной фонд); произведение Фомы Кемпийского 1696 г. (А 74, колл. Аганяна) и анонимное богословское сочинение, переведенное с латинского языка. Список не датирован, предположительно его можно отнести к XIV в. (С 60, инв. 1935 г.)

Следует упомянуть также четыре пергаменных фрагмента из коллекции Костаняна, без дат.

Наряду с сочинениями богословского характера собрание содержит также тексты Ветхого и Нового завета и богослужебных книг.

¹ Н. Я. Марр. Сборники притч Вардана, ч. I. СПб, 1891, гл. VI, § 317, стр. 302—307.

² Там же.

Характеристика собрания этих памятников требует, по существу, полного описания каждого списка в отдельности. Канонический характер подбора текстов в составе Библии и Евангелия и ряда церковных книг определяет исходные данные для выяснения индивидуальных особенностей каждого из этих памятников. Следование тому или иному канону, каноническая полнота или неполнота, последовательность в расположении частей, наличие постороннего текста — важны для выяснения содержания книги, ее типа или своеобразных особенностей. Поэтому перечень заглавий, сведения обобщенные не могут исключить интереса специалиста к тексту каждого списка в отдельности. Красота и богатство художественного оформления, искусство художника и писца ярко проявлялись в создании списков Евангелия и имеют свое особое значение при их описании. Но задача раскрыть содержание всего собрания рукописей в небольшом обзоре ограничивает количество сведений, которые возможно в нем поместить.

Памятники религиозной литературы, представленные в собрании, могут быть освещены только в самых общих чертах.

Собрание содержит следующие памятники: Библия (коллекции Абрамяна, Муравьева-Карсского, Ванская) — четыре списка XIII, XIV и XVII вв., все четыре различного состава. Кроме них, три пергаменных фрагмента без дат.

Евангелие представлено тремя группами:

Четвероевангелие (коллекции Сухтелена, Аганяна, Муравьева-Карсского, Абрамяна, Ванская, отдельные приобретения от Н. Я. Марра, Башинджагяна, Шавердовой, Курбатова и из неизвестных источников), 22 списка, 18 экземпляров XII—XIII, XV, XVII—XVIII вв., четыре экземпляра без дат (XIII—XVII вв.).

Деяния и послания апостолов (основной фонд, коллекции Абрамяна и Ванская) XVI, XVII и XVIII вв., один список не датирован (XVI—XVII в.).

Пергаменные фрагменты (из коллекции Костаняна), без дат, среди них один 1231 г., 30 экземпляров.

Из всего числа этих памятников следует сказать несколько слов о самом раннем из всех датированных рукописей фонда, Четвероевангелии, переписанном в 1186 г. в Анапате (с 65, приобретена в 1939 г. от Курбатова). Колофон сохранился. Без канона. Все четыре Евангелия в наличии, но отдельные листы утрачены. Письмо лапидарное. Богатая орнаментация, хорошо сохранившаяся. Имеет позднейшую приписку о ре-

ставрации, произведенной в 1519 г. в Татеве. Пергамен с дефектами — покороблен, местами оборван, переплета нет, лагины распадаются. Размер 34 × 24. 212 листов. В 1950 г. рукопись прошла первую стадию реставрации.

Псалтырь и литургика по датам переписки охватывают период с XIII по XVIII в.

16

История церкви отражена в источниках двух родов: литературных произведениях и документах. Из числа первых собственно истории посвящено только одно сочинение — „История церкви“ Евсевия Кесарийского (IV в.), которое входит в состав сборника 1678 г. (С 59, колл. Орбели). Событиям 1441 г. посвящены три небольших сочинения армянского историка Томи Медзопеци (XV в.). Два из них представлены в двух списках. Сборник А 18, без даты, содержит также и „Историю Тамерлана“, того же автора. Время его переписки предположительно относится к XVI в. В сборнике 1883 г. (А 31) помещены все три сочинения. Обе рукописи из коллекции Костяна.

Остальная часть сочинений примыкает, по существу, к литературе богословской, трактуя вопросы догматики, но уже не в отвлеченном смысле, а в применении к определенным установлениям и обрядам армянской церкви.

Кроме того, есть отдельные сочинения, имеющие непосредственное отношение к истории церкви как сыгравшие в ней роль на известных ее этапах. К таким относится „Соборное послание“ Нерсеса Шнорали и его же „Ответ императору Мануилу Комнени“ (А 37, колл. Муравьева-Карского, без даты, XVI—XVII в.).

Документы, связанные с историей армянской церкви, в большей своей части объединены в одно собрание, озаглавленное собирателем Костяном „Архив национальной и церковной истории“ (С 66—С 82). Действительно, документы эти нельзя рассматривать в узком смысле и собрание их в целом выходит за пределы истории церкви, хотя формально и связано с деятельностью армянских католиков. Материалы охватывают период с 1634 по 1847 г. Служебная и частная переписка и кондаки¹ составляют основную массу документов.

Помимо „Архива“ из коллекции Костяна, в фонде хранятся кондаки и из других источников, 6 единиц, за время с 1777 по 1850 г.

¹ Грамоты католиков.

Календари представлены в нашем собрании шестью списками, которые содержат таблицы, толкования и рассуждения в вопросах и ответах, связанные с летосчислением гражданским, церковным и астрологическим. Большая часть списков относится к литературе по магии. Авторы этих трудов не известны.

Время переписки календарей колеблется между вторым десятилетием XV и теми же годами XIX столетия. Самый ранний из датированных списков переписан в 1416 г., самый поздний — в 1814 г. (А 88, из неизвестного источника, А 48, А 56, В 115, колл. Аганяна; В 32 и С 57, 1915 г.; А 81, колл. Муравьева-Карсского).

Литература по магии, кабалистические и астрологические трактаты, гороскопы, талисманы, гадательные книги — представлены рядом поздних списков от 1618 по 1824 г. Часть рукописей в свитках. Миниатюры, криптографы, астрологические таблицы дополняют текст. Всего двенадцать сочинений.

Собрание армянских рукописей Института востоковедения не богато памятниками большой давности. Наиболее ранним из датированных оказывается Четвероевангелие 1186 г. Пергаменные фрагменты требуют еще дальнейших исследований, а остальные недатированные рукописи, повидимому, не дают основания для того, чтобы относить их ко времени ранее XII в. Наибольшим же числом списков представлено XVII столетие. Собрание содержит также и рукописные материалы XIX в., среди них автографы некоторых армянских ученых и писателей, не имеющие уже никакой связи с рукописной книгой предшествующих столетий. Таким образом, рукописи небольшого собрания, тем не менее, по времени их переписки охватывают период в 700 лет (1186—1880 гг.).

Литература, представленная в собрании, освещает как историю, так и многие стороны развития общественной жизни и культуры армянского народа с времен древности и вплоть до новейшего времени. Некоторые виды литературы отражены достаточно характерно для того, чтобы можно было судить о ряде особенностей, свойственных мысли отдельных армянских авторов и целым направлениям в науке или общественной жизни армян. Также и со стороны внешних признаков некоторые памятники могут демонстрировать особенности создания рукописной книги армянскими переписчиками и художниками.

Наконец, история собрания тесно связана с историей научного учреждения, в стенах которого это собрание хранится уже более ста лет. Тем самым история собрания армянских рукописей Института востоковедения занимает свое место на одной из страниц истории русского кавказоведения, собственно арменистики.

Настоящий обзор безусловно не полон. В нем отсутствуют многие сведения, которые могли бы быть ценны для специалиста. Это вызвано не только небольшим объемом статьи, но и непосредственной ее целью.

Собрание армянских рукописей Института востоковедения требует полного научного описания. То, что сделано автором данной статьи за последние два года, можно считать лишь началом большой работы, необходимой в будущем. К настоящему времени заново составлен карточный каталог. Большой помощью при его составлении послужили описания предшествующих лет. Были проверены, использованы и исправлены данные каталога 1934—1936 гг., учтены описания отдельных списков в изданных исследованиях и незаконченные описания коллекций, а также использованы сведения протоколов Академии Наук. В итоге работы над каталогом по возможности выявлены не раскрытые ранее составы сборников, определены авторы некоторых анонимных сочинений, установлены точные датировки ряда списков, считавшихся недатированными. Зарегистрированы основные палеографические данные и подобраны материалы для последующего, более детального описания. Определены коллекции и собираются сведения из истории их образования. Составляется библиография.

Но только дальнейшее, углубленное изучение собрания в целом может выявить его настоящее содержание и все индивидуальные особенности списков, входящих в его состав. Исследования текстов колофонов и многочисленных приписок, разночтений и литературных вариантов отдельных сочинений, документов, миниатюр и различных украшений рукописей могут в будущем открыть новые интересные данные.

Л. С. ПУЧКОВСКИЙ

МОНГОЛЬСКАЯ ФЕОДАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XIII—XVII вв.

Интерес к истории монголов побуждает нас обращаться к обширным и разнообразным материалам, среди которых особого внимания заслуживают источники, составленные самими монголами и, прежде всего, монгольские летописи.

Некоторые сведения о возникновении монгольской феодальной историографии имеются у Рашид-ад-дина — крупнейшего персидского историка начала XIV в., автора „Сборника летописей“. Этот памятник представляет собой „огромную историческую энциклопедию“,¹ в которой „Рашид-ад-дину удалось дать замечательную по своим подробностям картину кочевого быта монгольских племен...“²

Говоря о племенах, ведущих свое происхождение от легендарной прародительницы Алан Гоа, персидский историк отмечает, что „у всех [этих племен] четкое и ясное родословное древо [шаджарэ], ибо обычай монголов таков, что они хранят родословие [своих] предков и учат и наставляют в [знании] родословия [насаб] каждого появившегося на свет ребенка... и по этой причине среди них нет ни одного человека, который бы не знал своего племени [қабилэ] и происхождения“.³

На основе этого древнего обычая в кругах того высшего сословия, на наличие которого у монголов в XIII в. указал

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 47.

² Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 6.

³ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М.—Л., 1952, стр. 13. (В дальнейшем цитируется: Рашид-ад-дин).

уже К. Маркс,¹ появился интерес к своему прошлому, и притом более всего — к возникновению и развитию различных родов и племен, а также и к происхождению и судьбам тех ханов, которые стояли во главе их. Вопросу о своем происхождении монгольские ханы с давних пор придавали очень большое значение, причем старались показать, что они происходят от наиболее авторитетных предков, для того, чтобы идеологически обосновать свою власть. Как, например, было отмечено В. В. Бартольд, „по монгольскому преданию, отец Темучина, Есугай-бахадур, был племянником Хутулакаана; очень возможно, что это родство было придумано Темучином только теперь с целью большего обоснования своих прав“.²

Сведения о происхождении и составе целого ряда монгольских родов и племен, родословные их ханов и повествования о них составляют содержание 1-й книги I тома труда Рашид-ад-дина.³ Для написания этой книги „Сборника летописей“ персидский историк использовал наряду с другими источниками (например архивами Хулагидов)⁴ также и монгольские сочинения, которые до нас не дошли. На основании монгольских источников автор сообщает сведения (иногда очень подробные) о происхождении племен татар, меркит, тайджиут⁵ и т. п.

В качестве источника для второго раздела 2-й книги I тома „Сборника летописей“ Рашид-ад-дин использовал то, что „приводится в монгольских списках и летописях по годам“⁶ и содержится в истории, которая „была записана на монгольском языке и монгольским письмом, но не была собрана и приведена в порядок...“.⁷

В другом месте своего труда персидский историк называет эту летопись „Золотой свиток“ („Алтан дафтар“⁸ — монгольское „Алтан дэбтэр“). Она хранилась в ханской сокровищнице.⁹ На этом основании Н. И. Березин считал ее „государствен-

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, ч. V. М., 1938, стр. 220.

² В. В. Бартольд. Образование империи Чингиз-хана. Записки Восточного отделения Русского археологического общества (ВОРАО), ч. X, СПб., 1897, стр. 110.

³ Рашид-ад-дин, т. I, кн. 1.

⁴ Там же, стр. 48.

⁵ Там же, стр. 101—114, 114—117, 180—183.

⁶ Там же, т. I, кн. 2, стр. 73; ср.: там же, стр. 246; ср. еще: т. I, кн. 1, стр. 180.

⁷ Там же, т. I, кн. 1, стр. 67.

⁸ Там же, 180; ср.: т. I, кн. 2, стр. 16.

⁹ Там же, стр. 67, 180; ср.: т. I, кн. 2, стр. 16.

ной летописью⁴, а все остальные „частными хрониками и генеалогиями“.¹ Такие хроники и родословные, по всей вероятности, имелись в отдельных аристократических родах. Первоначально они существовали в виде устной традиции, а затем записывались и тем самым в дальнейшем стали письменными источниками.

Рашид-ад-дин использовал не только письменные, но также и устные источники. По сообщению персидского историка, Газан-хан указал ему на то, что „есть люди, помнящие происшествя, которые не описаны. Потому ко мне представили до шести человек из монголов, знающих древний монгольский язык“, во главе с Булад Чинсанг Бегадиром [Болод-чинсангом], которого Газан-хан считал лучшим знатоком „первоначальных событий в монгольском племени“.² Автор „Сборника летописей“ упоминает также о сведениях, полученных им „из сказаний умудренных опытом старцев“.³

„Сборник летописей“, как сообщает Рашид-ад-дин, был написан им по поручению Газан-хана, который выразил желание „чтобы все эти записи собрали и привели в порядок“.⁴ Во всем этом на рубеже XIII—XIV вв. выразился интерес аристократии монгольского феодального общества к своему прошлому, в особенности к происхождению отдельных родов и племен и их глав.

В „Сборнике летописей“ получили выражение и стремления этой аристократии. Например, происхождение рода Чингис-хана представлено как необычайное и чудесное⁵ для того, чтобы прославить и увековечить авторитет не только Чингис-хана, но и „наилучшего представителя его знаменитого уруга, государя убежища мира“,⁶ как персидский историк называет Газан-хана.

Вместе с тем, „Сборник летописей“ содержит богатый материал о социальных отношениях в монгольском обществе XII—XIII вв. и, что особенно важно, о положении и быте простого народа — рядовых кочевников-монголов. Эти сведения и составляют главную ценность труда персидского историка.

¹ Записки ВОРАО, ч. V, стр. 8.

² Библиотека восточных историков, издаваемая Н. Березиним... т. III, ч. I. История Абуль-Гази. Казань, 1854, стр. 34. (В дальнейшем цитируется: Абуль-Гази). Ср.: Рашид-ад-дин, т. I, кн. I, стр. 67.

³ Там же, т. I, кн. 2, стр. 8.

⁴ Там же, кн. 1, стр. 67.

⁵ Там же, кн. 2, стр. 12—13.

⁶ Там же, стр. 13.

Все сказанное выше об использовании Рашид-ад-дином различных монгольских источников свидетельствует о том, что в среде правящего класса монголов того времени существовала обширная устная традиция и возникшие на ее основе письменные источники.

Наиболее ранним дошедшим до нас историческим памятником, написанным на монгольском языке, является „Сокровенное сказание“. Из содержания этого произведения видно, что оно было составлено главным образом на основе передававшихся из поколения в поколение родословных, родовых преданий и связанных с ними эпических сказаний, которые получили в этом памятнике яркое отражение в виде ряда эпических пассажей в стихотворной форме. Возможно, что при этом и были использованы также и родословные записи, записи родовых событий и т. п., которые могли вестись в отдельных аристократических родах, ввиду того, что письменность, введенная при Чингис-хане для нужд государственного управления (о чем сообщается в „Сокровенном сказании“),¹ распространилась и в среде монгольской аристократии того времени. Так, например, А. М. Позднеев приводит следующее сообщение из „Юань-ши-лэй-бянь“: „... Чингис-хан поручил Тататунге двух своих сыновей обучить уйгурскому письму...“.² Также и В. В. Бартольд, ссылаясь на Абель-Ремюза, отмечает, что „он [Чингис-хан]... велел ему [Тататунге] обучать уйгурской письменности знатных монгольских юношей, между прочим сыновей самого Чингис-хана...“.³ Об этом же сообщает и Джувейни.⁴

В начале „Сокровенного сказания“ даны родословные нескольких аристократических родов, в том числе и рода Чингис-хана, которому уделено главное внимание. Затем следует подробная история Чингис-хана и его сподвижников — представителей этих родов. Несколько менее подробно изложена история Угэдея (в конце памятника).

¹ По сообщению этого памятника, Чингис-хан „повелел: «Пусть записывают в Синюю роспись „Коко Дефтер Бичик“... росписи по разворачиванию на части всеязычных подданных „гур-ирген“, а равным образом и судебные решения»...“. И далее: „... да не подлежит никакому изменению то, что... заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом на белой бумаге“ (С. А. Козин. Сокровенное сказание, т. I. М.—Л., 1941, § 203, стр. 160).

² А. Н. Позднеев. Лекции по истории монгольской литературы... читанные в 1895/96 акад. году. СПб., 1896, стр. 16.

³ В. В. Бартольд. Образование империи Чингис-хана, стр. 114—115.

⁴ Там же, стр. 115. Ср. „Алтан тобчи“ [сочинение уратского Мэргэн-гэгэна]. — А. М. Позднеев. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1900, стр. 145.

Содержание „Сокровенного сказания“ и его основная идея — восхваление Чингис-хана и его сподвижников — показывают, что оно было составлено среди высшего слоя раннего монгольского феодального общества. Интересы и стремления этого слоя получили выражение в „Сокровенном сказании“.

Уже И. Н. Березин обратил внимание на обилие исторических сведений, имеющих в этом памятнике, и назвал его „монголо-китайской летописью“.¹ В. В. Бартольд считал такое определение неудачным, полагая, что „Сокровенное сказание“ „отличается от всякой летописи уже тем, что повествование не ведется по годам; хронология событий крайне неопределенна и запутана“.²

Первое из этих суждений справедливо опроверг Б. Я. Владимирцов, указавший, что „вопреки утверждению В. В. Бартольда, в «Юань чао би ши» повествование ведется по годам, начиная с 1201 г., что и было отмечено Палладием Кафаровым...“.³ Относительно же второго следует заметить, что недостаток хронологии „Сокровенного сказания“, отмеченные В. В. Бартольдом, свойственны также монгольским летописям XVII в. и даже наиболее последовательно изложенному историческому труду Саган Сэцэна.

Таким образом, приведенные выше суждения В. В. Бартольда не дают никаких оснований относить „Сокровенное сказание“ к произведениям богатырского эпоса⁴ или же считать его поэмой.⁵

Совершенно ошибочным является также суждение о том, что „Сокровенное сказание“, при всем синкретизме его содержания, все же можно назвать эпическим произведением (со многими, конечно, оговорками) и именно эпической поэмой о Чингис-хане“.⁶

Нельзя согласиться и с мнением Б. Я. Владимирцова, который определил этот памятник как „историю-хронику,

¹ Труды ВОРАО, ч. XIII, стр. 1.

² В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I. СПб., 1900, стр. 43.

³ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 7.

⁴ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 43; он же. Образование империи Чингис-хана, стр. 107, 110, 112, 113.

⁵ Там же, стр. 44. Исходя из такого определения „Сокровенного сказания“, В. В. Бартольд называет автора этого произведения „монгольским певцом“ (там же, стр. 53).

⁶ С. А. Козин, ук. соч., стр. 51.

переданную эпическим стилем¹. Хотя в „Сокровенном сказании“ имеется значительное количество эпических мотивов, выраженных в стихотворной форме, следует, однако, указать на то, что многочисленные эпические элементы содержатся в большинстве монгольских исторических сочинений даже значительно более позднего времени, например в летописях XVII в. В них имеются пространные эпические части, как, например, „плачи“ Тогон Тэмуря при изгнании его из Пекина,² Килугэн-багатура на погребальном шествии Чингис-хана³ и ряд других, а также много эпических образов, сравнений и т. п. Не подлежит, однако, сомнению, что летописи XVII в. являются именно историческими сочинениями. Хотя в „Сокровенном сказании“ имеется большее количество эпических мест, чем в летописях XVII в., но это обстоятельство следует объяснить тем, что „Сокровенное сказание“ является памятником более раннего этапа развития монгольской феодальной историографии.

Как видно из всего сказанного выше, „Сокровенное сказание“ содержит очень ценные и разнообразные сведения „доставляя обильнейший материал для суждений о разных сторонах монгольской жизни XII—XIII вв.“⁴ Для истории развития общественного строя монголов этого времени „Сокровенное сказание“ является одним из „важнейших источников“, по определению Б. Я. Владимирцова, который в большей мере использовал его в своем труде „Общественный строй монголов“.

„Сокровенное сказание“ представляет очень большую ценность еще и потому, что оно является единственным дошедшим до нас памятником монгольской феодальной историографии XIII в. Вместе с тем „Сокровенное сказание“ один из основных источников монгольских летописей XVII в.⁵

Несомненно, что в XIII в. существовали, кроме „Сокровенного сказания“, и другие исторические сочинения, записи

¹ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 8.

² I. J. Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus. St.-Petersburg, 1829, стр. 136. (В дальнейшем цитируется: Саган Сэцэн).

³ Там же, стр. 106, 108.

⁴ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 7—8.

⁵ Полный перевод его был дан акад. С. А. Козинным: Сокровенное сказание, т. I. М.—Л., 1941. — Весьма ценным источником для истории монголов XII—XIII вв. является также сокращенная китайская версия этого памятника — „Юань чао би ши“. Перевод ее см: П. Кафаров. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Труды членов российской духовной миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1844, стр. 1—258.

рассказов, сборники бесед и изречений и т. п. Все эти материалы, представляющие большой интерес, в подлинниках не сохранились.

Имеется указание, что неизвестный автор сочинения, озаглавленного „Книга, прославляющая генеалогии в родословном древе монгольских султанов“ (1426 г.), в числе других источников ссылается на „монгольских историков и историков ханского рода (урук)“.¹

О происхождении рода монгольских племен и ханов подробно говорится и в сочинении Абуль-Гази „Книга родословия тюркского“, где дан „Перечень тюркских и монгольских поколений“ и отдельно рассмотрены „Монгольские поколения“ после чего следует родословная Чингис-хана и его история.²

Однако в труде этого автора нет ни прямых, ни косвенных указаний на использование им монгольских источников. Поэтому у нас нет никаких оснований считать, что этот автор располагал монгольскими летописями и они находились в числе семнадцати исторических сочинений о Чингис-хане, из которых Абуль-Гази делал выписки.³

За время с XIV по XVII в. сведений о памятниках монгольской историографии не имеется. Падение юаньской династии было одним из последних этапов распада империи Чингис-хана, созданной путем захватнических войн и жестокого порабощения покоренных народов. Затем наступил длительный период феодальных междоусобных войн и борьбы за гегемонию между феодалами восточных и западных монголов.

Вопрос об уровне монгольской культуры в этот период, очень неблагоприятный для ее развития, уже привлекал внимание исследователей. Для решения этого вопроса А. М. Позднеев ссылался на биографию проповедника буддизма в Монголии XVI в. — Найджи-тойна,⁴ где указывается, что „литературное образование князей и даже лиц, почитавшихся учителями народа, не простиралось на севере Монголии далее простого знания букв“.⁵ Относительно этого сообщения А. М. Позднеев заметил, что „очень может быть, конечно,

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 56, ср. стр. 45.

² Абуль-Гази, стр. 33—48, 49—64, 65—128.

³ Там же, стр. 34; ср. там же, стр. 1, где Абуль-Гази говорит об „осемнадцати сочинениях“.

⁴ В литературе общепринятыми являются неправильные написания „Найджи-тойн“, „Нэйчи-тойн“ и т. п.

⁵ А. М. Позднеев. Новооткрытый памятник монгольской письменности времен династии Мин. Восточные заметки, СПб., 1895, стр. 371.

что такой отзыв об умственном состоянии Халхи до некоторой степени и преувеличен биографией...¹ Тем не менее А. М. Позднеев полагает, что „мы должны признать вышеприведенное заявление стоящим весьма недалеко от истины“.² Для подтверждения своего мнения этот же автор, ссылаясь на другой монгольский источник, указывает, что когда в конце XVI в. возникла необходимость „издать в переводе на монгольский язык несколько основных ламайских сочинений“, то „для исполнения этого предприятия в Халхе не нашлось ни одного достойного деятеля“.³ Указание на причину такого состояния образованности у монголов А. М. Позднеев находит в той же биографии Найджи-тойна: „... когда он [Найджитойн] явился в Халху, последняя представилась ему в религиозном отношении решительно поглощенную шаманством“.⁴ По замечанию А. М. Позднеева, шаманство, „как известно, нигде и никогда не имело и не создавало никакой литературы“. „Читать халхасам повтому было нечего...“.⁵ Исходя из своего толкования данных монгольских источников и замечаний о них, А. М. Позднеев приходит к весьма крайним выводам о том, что „навыка писать и облекать свою мысль в литературные формы здешние (халхаские) интеллигенты не имели никакого...“,⁶ и далее, что „Халха... представляется как бы уснувшею для умственной жизни“.⁷ Что же касается южных монголов (чахаров и др.), то, по замечанию того же автора, „подобно халхасам они не сберегли в своих книгохранилищах ничего из совершенного в литературном отношении Юанями и это в свою очередь ясно говорит о таком же падении интересов к литературе на юге Монголии, которое мы можем с достаточным основанием предполагать на севере“.⁸

А. М. Позднееву уже возражал Б. Я. Владимирцов, который отметил, что „монголы за темный период их истории... сумели сохранить многое из своего культурного достояния...“ и что „литература и письменность у них не прерывалась, как не прерывалась и литературная традиция Юаньской династии“.⁹

¹ А. М. Позднеев, ук. соч., стр. 371—372.

² Там же, стр. 372.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 371.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 373.

⁹ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 15. Там же (прим. 3) приведена литература, относящаяся к этому вопросу и отмечено: „Китай-

К этому можно добавить, что данные монгольских источников, приведенных А. М. Позднеевым, следует отнести только к уровню знаний монголов в области буддийской религиозной литературы. Следовательно, из этих сведений никак нельзя делать столь категорического и обобщающего вывода, какой делает А. М. Позднеев. Нельзя также согласиться с мнением этого автора относительно того, что шаманство явилось причиной отсутствия у монголов какой-либо литературы. Это утверждение справедливо только в отношении шаманства — оно не оставило никаких литературных памятников. Что же касается исторической литературы, то и в буддийский период в высших слоях монгольского общества XIII—XV вв. были составлены те письменные источники, о которых было сказано выше.

Принять мнение А. М. Позднеева нельзя и потому, что, согласившись с ним, пришлось бы признать отсутствие каких-либо материалов и сведений по истории монголов за предшествующий период и, следовательно, оказалось бы невозможно объяснить появление более поздних исторических сочинений, т. е. летописей XVII в. Напротив, надо полагать, что в течение всего этого периода в среде монгольской феодальной аристократии делались родословные записи, записывались рассказы об отдельных событиях и лицах и, по всей вероятности, даже появлялись летописи. Эти письменные источники составлялись на основе главным образом устной традиции — передававшихся из поколения в поколение родословных отдельных представителей аристократических родов, родовых преданий о них и о некоторых событиях в их родах, а также связанных с ними эпических сказаний. Записывались, по всей вероятности, также рассказы о событиях и лицах современных рассказчикам и т. п. Всеми этими материалами в дальнейшем пользовались авторы исторических трудов XVII в.

Летописи XVII в. появились как одно из следствий попытки политического объединения восточных монголов, которые предпринимались более значительными ханами, например чхарским Лэгдэн-ханом. Появлению таких сочинений способствовала также борьба за гегемонию между феодалами восточных и западных монголов, что отразилось в летописях XVII в.

ские источники сохранили указания на то, что монголы в XV и XVI вв. присылали грамоты Минскому двору, написанные на монгольском языке, по-монгольски писали послания и монеты, обращаясь к монгольским предводителям“.

Во всех этих событиях принимал непосредственное участие высший класс монгольского общества.

В связи с этим возникла необходимость в систематизации исторических материалов, о которых говорилось выше. Она объяснялась интересом монгольских феодалов к вопросам происхождения ханских родов, что, в конечном счете, привело к составлению летописей XVII в.

Указывая на значительное развитие монгольской феодальной историографии, а также на появление переводов на монгольский язык (главным образом с тибетского) большого числа буддийских канонических и других сочинений, отдельные исследователи пришли к тому выводу, что это время являлось „эпохой возрождения“.¹ Вместе с тем эта эпоха называлась по имени ее главного деятеля „веком Лэгдэн-хана“ и иногда в литературе указывалось, что она, так же как и эпоха Чингиса и его преемников, была периодом политического и духовного подъема монголов.

Не говоря уже о неправильности применения термина „эпоха возрождения“ для характеристики уровня культурного развития монгольского общества XVII в., приведенные выше суждения являются совершенно неприемлемыми. Они исходят из в корне порочного представления об эпохе Чингис-хана как о периоде наивысшего расцвета материальной и духовной культуры монгольского народа и идеализации империи Чингис-хана, образованной в результате грабительских походов и беспощадного угнетения завоеванных народов. Однако ни захватнические войны Чингис-хана, ни владычество юаньских императоров в Китае не способствовали развитию производительных сил Монголии и расцвету ее культуры.²

Необходимо также решительно возразить против возвеличивания Лэгдэ-хана как объединителя монгольского народа.

Феодальная раздробленность монголов, обусловленная рядом факторов их внутренней и международной истории, являлась одной из основных причин, препятствовавших социально-экономическому и культурному развитию монгольского общества в течение ряда веков. Однако попытки Лэгдэн-хана объединить раздробленные феодальные владения предпринимались им вовсе не в интересах монгольского народа. Та ожесточенная борьба, которую Лэгдэн-хан вел с феодалами

¹ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 15.

² Ср.: Замечание В. В. Бартольда об образовании империи Чингис-хана: „Самому монгольскому народу эти завоевания совершенно не были нужны, и он не извлек из них никаких выгод“ (История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 17).

Южной Монголии, преследовала единственную цель: подчинить их своей власти и создать государство наподобие Чингисова. Свои подлинные стремления он выразил тем, что принял титул „Чингис-хана“.¹

Та политическая обстановка в Монголии, о которой было сказано выше, вызвала появление исторических сочинений XVII в. Однако длительные феодальные междоусобные войны создавали очень неблагоприятные условия для хранения памятников феодальной историографии. Так же неблагоприятны были и другие условия — кочевой образ жизни, отсутствие или очень незначительное развитие оседлой культуры и т. п. Некоторые ценные рукописи и даже целые собрания их были уничтожены в семидесятых годах XIX в. По всем этим причинам до нас дошло очень незначительное количество памятников монгольской феодальной историографии XVII в.

Несколько летописей этого времени имеется в Монгольском фонде Института востоковедения Академии Наук СССР, где в настоящее время ведется работа над полным научным описанием всех исторических памятников этого фонда. Некоторые летописи XVII в. неоднократно были использованы различными авторами трудов по монголоведению, однако сведения об этих сочинениях в монголоведной литературе являются все же совершенно недостаточными.

Поэтому представляется необходимым еще более полно раскрыть содержание этих произведений, указать их главные особенности и дать их оценку как памятников монгольской феодальной историографии XVII в.

Одним из наиболее ценных монгольских исторических сочинений XVII в. является летопись „Эрдэнийн тобчи“,² более известная в монголоведной литературе под именем ее автора Санан Сэцэна. В настоящее время, когда выяснена ошибочность такого написания имени автора и установлено более правильное — Саган Сэцэн, следует придерживаться последнего наименования. Сочинение начинается со слов

¹ В. Горский. Начало и первые дела маньчжурского дома. Труды членов российской духовной миссии в Пекине, т. I, СПб., 1852, стр. 102—103; Б. Я. Владимиров. Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи. Известия Академии Наук СССР, 1927, стр. 232.

² Это заглавие установлено по лучшему из всех имеющихся списков — рукописи Комитета наук Монгольской Народной Республики (фотокопия Института востоковедения Академии Наук СССР, Ф. В 90). Оно имеется также в колофоне (тетр. IV, л. 566) одного из списков (F 188) этого сочинения в Секторе восточных рукописей ИВАН. На титульных листах II, III и IV тетрадей этого списка дано заглавие „Монгол хад-ун туджи“ („История монгольских ханов“).

его автора о том, что он намерен на основании сопоставления прежних летописей изложить в кратком виде историю Индии, Тибета и Монголии. После этого говорится о возникновении и строении вселенной и о появлении первых живых существ, а затем людей на земле; далее — о первом „всемирном монархе“ — Махасамади-хане и об индийских царях, происходивших из его рода; затем излагается биография будды Шакьямуни и история царей — покровителей буддизма в Индии. Непосредственно за этим следует история царей Тибета, причем устанавливается их происхождение от царей Индии. Вместе с тем излагается история буддизма в Тибете.

История монголов начинается с рассказа о приходе к народу „Бэдэ ~ Бада“ (кит. „бай-да“? ‘белые татары’) тибетского царевича Буртэ Чино, потомка индийского Махасамади-хана. Далее автор говорит о предках Чингис-хана, после чего отводит большое место его истории. Затем даны краткие сведения о четырех сыновьях Чингис-хана и его ближайших преемниках. Более подробно автор останавливается на правлении Хубилая, причем главное внимание здесь уделено вопросу о принятии им буддизма. Далее перечисляются его сыновья и внуки и очень кратко излагается история юаньских императоров — указываются только даты их рождения, вступления на престол и смерти и отмечается, что они управляли государством, в равной мере руководствуясь светскими и духовными законами, а также всемерно покровительствовали буддизму.

Такого же рода сведения сообщаются о Тогон Тэмуре, после чего следует очень подробный рассказ о заговоре Джугэ-нойона, предшествовавшем падению юаньской династии. В описании этого события содержится „плач“ Тогон Тэмуре при бегстве его из Пекина. Этот эпизод дан в стихотворной форме и отличается ярко выраженным эпическим характером.

После краткого упоминания о ближайших преемниках Тогон-Тэмуре со многими подробностями рассказывается о взаимоотношениях и войнах между феодалами восточных монголов. Вместе с тем большое внимание уделяется описанию борьбы за гегемонию между ханами восточных и западных монголов. Отмечается, что междоусобия прекратились при Даян-хане, о котором говорится очень подробно. Затем со многими подробностями излагается история сыновей Даян-хана и их потомков. Большое место отведено истории проникновения буддизма к восточным монголам и повествованиям о содействии ему со стороны тумэтского Алтан-хана, а также

чахарских, харачинских, халхаских и других ханов. Вместе с тем излагается история монгольских ханов. После этого следует история возвышения маньчжурских ханов, в связи с чем производится краткое перечисление императоров Минской династии (сообщаются только даты рождения, вступления на престол и смерти). Летопись доведена до середины XVII в. Один из ее списков (Монгольский фонд, F 188) заканчивается повествованиями о покорении императором Эйбэр Дзасагчи [кит. Шунь Чжи] Китая, Монголии, Тибета и других стран, а также рассказом о прибытии в Пекин пятого далай-ламы [Агван] Лобсан Джамцо в [1652] г. В конце другого списка (F 254) говорится о вступлении на престол имп. Энгэ Амугулан [кит. Кан Си] в [1662] г. и о смерти в том же году первого банчэнь-эрдэни [Лобсан Чойджи Джалцана]. Другие списки представляют меньший интерес.¹ Первый из указанных выше списков был издан И. Я. Шмидтом.² Для своего времени это издание являлось значительным научным достижением нашего отечественного монголоведения, но современным требованиям, предъявляемым к такого рода изданиям, оно не отвечает. Вполне справедливо и замечание Б. Я. Владимирцова о том, что „перевод «старого Исаака Якоба» теперь безнадежно устарел“.³

Ввиду большой научной ценности, которую представляет труд Саган Сэцэна совершенно необходимым является его новое издание — сводный текст по нескольким спискам и точный перевод с примечаниями и комментариями. Такое научное издание может дать много новых данных по истории монголов, в особенности их истории XV—XVI вв. Сводный текст этого памятника составлен Г. Н. Румянцевым и хранится в Секторе восточных рукописей Института востоковедения АН СССР.

Главная ценность труда Саган-Сэцэна заключается в сведениях, относящихся к XV—XVI вв. — о монгольских ханах, их происхождении, взаимоотношениях с другими ханами и феодалами, феодальных войнах и т. п. Данные обо всем этом представлены в „Эрдэнийн тобчи“ наиболее полно и последовательно, ввиду того, что Саган Сэцэн „как принадлежавший к роду чингисидов, сам владетельный князь, мог слышать о многом от старших родовичей — хранителей старинных пре-

¹ Монгольский фонд Сектора восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР, рукописи I 42, F 212. (В дальнейшем сокращенно: Монгольский фонд).

² См. стр. 136, сн. 2.

³ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 17.

даний „золотого рода“¹ (рода Чингис-хана), а также от предстательей других феодальных родов. По этой же причине он имел большие возможности в отношении использования родословных, родовых записей и других письменных источников. Всеми этими причинами объясняется то, что „именно XV и XVI вв. посвящены лучшие страницы *Sanang Secen'a*...“²

Данные же предшествующих отделов „Эрдэнийн тобчи“ (так же как и других летописей XVII в.) не имеют большой ценности.

Много сведений по истории развития общественного строя монголов обнаружил в труде Саган Сэцэна Б. Я. Владимирцов, который в большой степени использовал этот памятник в своей работе „Общественный строй монголов“. По всем этим причинам Б. Я. Владимирцов отводит среди монгольских исторических сочинений XVII в. первое место труду Саган Сэцэна, „не прибегая к [его] излишнему прославлению“.³ Необходимо еще указать, что этому памятнику как одному из наиболее богатых по содержанию и типичных произведений монгольской исторической литературы XVII в. в особенно сильной степени свойственны отличительные черты летописей этого века, о которых будет сказано ниже.

Другая летопись XVII в. — „Алтан тобчи“ является анонимной и в научном обиходе известна по имени ее издателя — Г. Гомбоева.⁴ Сочинение начинается с краткой истории царей Индии и Тибета. Затем следует история монгольских императоров, от Чингис-хана до падения Юаньской династии. После краткого перечисления императоров династии Мин излагается история монгольских ханов до вступления на престол чахарского Лэгдэн-хана. В этой истории большое внимание уделено описанию борьбы за гегемонию между восточно-монгольскими и ойратскими ханами, причем в нескольких местах подведены краткие итоги отдельных этапов этой борьбы.

По своему содержанию „Алтан тобчи“ имеет много общего с „Эрдэнийн тобчи“⁵, но отличается от последней краткостью

¹ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 16.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Алтан тобчи, монгольская летопись... Перевод Г. Гомбоева. (Предисловие П. С. Савельева). Труды ВОРАО, ч. VI, СПб., 1858. (В дальнейшем цитируется: Алтан тобчи).

⁵ Это было отмечено еще П. С. Савельевым (Алтан тобчи, стр. VI). Более того, он считал, что „Алтан тобчи“ тождественно с „Эрдэнийн тобчи“. В основе такого утверждения лежат издание текста и перевод И. Я. Шмидта (ук. соч., стр. 288—289), согласно которым „Эрдэнийн

изложения. Некоторые сведения, имеющиеся в труде Саган Сэцэна, в „Алтан тобчи“ совсем отсутствуют (например повествование о возникновении вселенной, истории проникновения буддизма к монголам при тумэтском Алтан-хане), другие же изложены более кратко (например история юаньских императоров).

Однако в „Алтан тобчи“ содержатся данные, которых нет в „Эрдэнийн тобчи“, например рассказ о том, что имп. Хун У, изгнавший из Пекина Тогон Тэмур, взял в плен его беременную жену, которая родила сына — впоследствии имп. Юн Лэ. Эта легенда имела целью доказать, что императоры династии Мин ведут свое происхождение от монгольских императоров и являются их преемниками. Вследствие того, что сочинение заканчивается сообщением о вступлении на престол чахарского Лэгдэн-хана в год дракона (1604 г.), общепринятым являлось мнение, что „Алтан тобчи“ была написана около этого времени. Однако новейшие исследователи установили, что перечисление императоров минской династии доведено до имп. Тянь Ци (1621—1627 гг.), что является ценным указанием на время написания данного сочинения. По этому поводу Б. Я. Владимирцов справедливо заметил: „Вот образчик того, как до сих пор плохо изучены и обследованы памятники монгольской исторической литера-

тобчи“ является первым из источников сочинения Саган Сэцэна. Исходя из этих данных, П. С. Савельев утверждает относительно „Алтан тобчи“, что „хотя эта рукопись и не представляет заглавия „Эрдэнийн тобчи“, а озаглавлена „Алтан тобчи“. . . , но эта небольшая разность в наименовании не может возбудить сомнения относительно тождества этой летописи с упоминаемой Санан Сэцэном“. Кроме того, П. С. Савельев приводит еще следующие доводы в пользу такого тождества: 1) „Заглавия обеих [рукописей] однозначны [?], и в числе семи хроник, указанных монгольским историком, только одна эта имеет заглавие Тобчи «Сокращение»“; 2) „что многие места и выражения в «Алтан тобчи» повторяются буквально в Санан Сэцэне, который, следовательно, пользовался именно этим («Алтан Тобчи») и о нем упомянул в своем послесловии“ (Алтан тобчи, стр. V—VI). См. монгольский текст колофона (там же, стр. 23—24). Как было показано выше (стр. 141), „Эрдэнийн тобчи“ представляет собою заглавие самого сочинения Саган Сэцэна, но отнюдь не заглавие одного из его источников; далее, совершенно необоснованным и произвольным является признание „однозначными“ заглавий двух различных сочинений — „Эрдэнийн тобчи“ и „Алтан тобчи“; что же касается дословного повторения многих мест и выражений в этих двух летописях, то это явление следует объяснить тем, что как одна, так и другая летопись заимствовали их из одного источника — „Сокровенного сказания“. На основании всего сказанного можно видеть ошибочность утверждений П. С. Савельева относительно тождественности двух названных летописей.

туры и как легко без проверки повторяются старые неправильные утверждения".¹

Один из списков этой летописи был издан Г. Гомбоевым. Эта, ценная для того времени, работа теперь не удовлетворяет требованиям научного издания текста и точного филологического перевода. Например, приведенная выше ошибка в определении даты написания „Алтан тобчи“ и является следствием некритического отношения к тексту и неправильного перевода Г. Гомбоева.²

Б. Я. Владимирцов отметил, что в издании Г. Гомбоева „текст «Алтан тобси» оказывается совершенно искаженным... перевод же Галсана Гомбоева никогда не был точным“.³

Два других списка „Алтан тобчи“ являются только копиями.⁴ Имеются еще две рукописи, которые представляют выписки из начала этого сочинения.⁵

При всей краткости изложения „Алтан тобчи“ и значительной общности по содержанию с „Эрдэнийн тобчи“, в ней все же встречаются данные, которых не имеется в труде Саган Сэцэна, а также целый ряд небольших, но весьма ценных сведений о феодальных отношениях, феодальных войнах и т. п. так называемой „эпохи малых ханов“. Необходимо еще отметить, что хронологические данные в „Алтан Тобчи“ являются значительно более точными, чем у Саган Сэцэна. По всем этим причинам „Алтан тобчи“ несомненно представляет определенную научную ценность. Как уже было отмечено Б. Я. Владимирцовым, этому памятнику, наряду с Саган Сэцэном, принадлежит первое место среди монгольских исторических сочинений XVII в.⁶

Еще одно историческое сочинение того же времени — „Шара-туджи“ начинается со сведений об образовании вселенной, после чего изложена история индийских и тибетских царей в виде краткого их перечисления. Далее следует история монгольских ханов, изложенная очень кратко.

¹ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 17.

² В рукописи (Монгольский фонд, G 26, л. 296) имеется очень не совершенное написание (в транскрипции — „Даймин чу дянди хаган сагуба“), которое без каких-либо исправлений или примечаний воспроизведено в издании Г. Гомбоева (Алтан тобчи, стр. 54) и переведено: „... а потом царствовали Тэймэн-Чу и Дэнзи“ (там же, стр. 156). Это место должно быть переведено следующим образом: „На престол вступил Тянь-Цзи [1621—1627] [фамилии] Джу великой Минской [династии]“.

³ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 15.

⁴ Монгольский фонд, F 12, F 25.

⁵ Там же, F 24, F 125.

⁶ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 15.

Изложение делается значительно более подробным, когда автор говорит о сыновьях Даян-хана, причем главное внимание автора обращено на историю ханов Халхи, в отличие от Саган Сэцэна, который более всего повествует о южно-монгольских ханах. Поэтому в „Шара туджи“ очень подробно говорится о сыновьях Гэрэсэндээ (младшего сына Даян-хана), получившего в удел Халху. На этом заканчивается как бы первая — летописная часть сочинения, что в тексте отмечено несколькими знаками препинания.

Далее следуют несколько отделов сочинения, написанных другим почерком: о народах, составляющих уделы Джочи и Чагадая; о племенах, данных в уделы братьям Чингис-хана; о племенах, входящих в состав каждого из шести монгольских тумэнов и четырех ойратских, и т. п. Большой отдел посвящен Гэрэсэндээ, его сыновьям и их потомкам. В последнем отделе сочинения указываются племена, образующие четыре ойратских тумэна, объясняется происхождение некоторых из них и приводится родословная их князей.

Многие данные первой части „Шара туджи“ имеются в труде Саган Сэцэна, который в одних случаях изложил их более подробно или же уточнил их, а в других — сокращенно. Иногда эти данные воспроизведены в „Эрдэнийн тобчи“ почти без изменений. Поэтому несомненно, что Саган Сэцэн в больших размерах использовал сочинение „Шара туджи“. Оно указано в числе источников его труда. Ряд мест в „Шара туджи“ является сокращенными пересказами из „Сокровенного сказания“ и выдержками из анонимной „Алтан тобчи“. Однако ссылок на эти сочинения в тексте рукописи не имеется. Отделы, составляющие вторую часть сочинения, несомненно являются позднейшими добавлениями: они написаны другим почерком и содержат сведения, относящиеся к более позднему времени. Например, в перечислении имен ойратских ханов из рода Чорос упоминается Галдан Бошокту (1671—1697) и Цэвэн Рабдан (1697—1727). В числе сыновей тушэту-хана Гомбо указан Джэбдзун Дамба-хутухта (1635—1723).

В основном же (в своей летописной части) „Шара туджи“ является памятником монгольской феодальной историографии XVII в. и притом несколько более ранним, чем труд Саган Сэцэна, или же современным ему.

В виду краткости сведений, содержащихся в летописной части, в нескольких местах ее между строк вписаны (другим почерком) более подробные рассказы из „Сокровенного сказания“ и анонимной „Алтан тобчи“ (без ссылок на них) и

также из „различных летописей“,¹ из которых названа только „Хухэ дэбтэр“.² Как можно видеть из сказанного выше, летописная часть „Шара туджи“ не содержит существенно новых сведений по сравнению с другими летописями XVII в. Все же некоторые данные, имеющиеся в этом памятнике, могут способствовать выяснению отдельных вопросов, возникающих при изучении труда Саган Сэцэна и анонимной „Алтан тобчи“.

Наиболее ценными в „Шара туджи“ являются сведения о монгольских и ойратских племенах и их ханах, начиная со времен Чингис-хана до конца XVII в., возможно, даже и первой четверти XVIII в., судя по упоминанию имен некоторых лиц.

Весьма подробно и тщательно составленные генеалогические таблицы ряда монгольских и ойратских родов могут быть использованы для исследования некоторых вопросов истории общественного строя монголов.

Текст и перевод „Шара туджи“ до настоящего времени не изданы.

К летописям XVII в. относится также „Алтан тобчи“, сочинение Лубсан Дандзана.³ Эта летопись, как и другие исторические сочинения XVII в., составлена по схеме: история индийских царей—история тибетских царей—история монгольских ханов. Последняя заканчивается повествованием о гибели Лэгдэн-хана и его ханства, а также о переходе харачинов в маньчжурское подданство.

Этот памятник замечателен тем, что он содержит значительную часть „Сокровенного сказания“ в виде переложения на монгольскую письменность той китайской иероглифической транскрипции, в которой „Сокровенное сказание“ дошло до нас. Следует отметить, что это переложение не дословно воспроизводит текст „Сокровенного сказания“, а является его пересказом, очень близким к оригиналу. Однако в некоторых случаях (например л. 11) „Алтан тобчи“ содержит сведения, отсутствующие в „Сокровенном сказании“. Все же в отдельных местах китайская транскрипция монгольских слов осталась непонятной для автора переложения, и он дал такие монгольские написания слов, которые нельзя понять.

¹ „Шара туджи“, Монгольский фонд, В 200, стр. 12—13, 15—16, 16—17, 30—33, 39—41, 41—43, 43—50.

² Там же, стр. 17.

³ Подлинник этой летописи хранится в Комитете наук Монгольской Народной Республики.

Иногда они сопровождаются пояснениями (между строк текста).

В таком виде в „Алтан тобчи“ даны §§ 1—176, 208—264, и 268 „Сокровенного сказания“. Транскрипция этих параграфов по тексту „Алтан тобчи“ дана С. А. Козиным.¹ Однако главная ценность этой „Алтан тобчи“ заключается не столько в монгольском тексте „Юань чао би ши“, сколько в других фрагментах неизвестных нам древних монгольских хроник, которые по всем данным восходят к XIII в. Особо следует отметить, что в этой летописи имеется несколько мест, которые подтверждают сведения Рашид-ад-дина (например лл. 11—12). Описания некоторых событий даны по „Эрдэнийн тобчи“ и анонимной „Алтан тобчи“ (например лл. 37а—37б).

Все сказанное делает „Алтан тобчи“ весьма интересным и ценным источником. Вместе с тем, труду Лубсан Дандзана в полной мере свойственны те особенности произведений монгольской феодальной историографии XVII в., которые будут указаны в дальнейшем.

Переходя к рассмотрению главнейших особенностей этих сочинений, прежде всего следует отметить, что в некоторых летописях имеются краткие указания на то, в чем, по мнению авторов этих трудов, заключались их цели и задачи. Так, например, Саган Сэцэн видел цель своего произведения в том, чтобы читатели „Эрдэнийн тобчи“ нашли в ней „хотя бы немного достойного для своего просвещения“.² Таким образом, по словам самого автора этого сочинения, он ставил себе задачу общего дидактического характера. По мнению автора „Шара туджи“, цель его труда состояла в ознакомлении с прошлым предков. Необходимость изучения прошлого своих предков доказывается несколькими сопоставлениями, заимствованными из сочинения одного из далай-лам (имя которого не приводится). Например сказано, что „человек, не знающий своего происхождения, подобен обезьяне, заблудившейся в лесу“³ и т. п.

Большой интерес представляет вопрос об источниках летописей XVII в. и характере их использования. Источниками этих сочинений, как отчасти уже было отмечено выше, являлись передававшиеся путем устной традиции родословные представители аристократических родов, родовые предания

¹ С. А. Козин, ук. соч., стр. 321—397; ср. соответствующие параграфы в транскрипции „Сокровенного сказания“ (там же, стр. 399—519).

² Саган Сэцэн, стр. 296.

³ „Шара туджи“, стр. 2 (добавочная).

о них и связанных с ними событиях; относящиеся к ним эпические сказания и фольклорные произведения; рассказы, современные этим событиям и лицам, и т. п. Такого рода обширный и разнообразный материал несомненно собирался авторами летописей. В особенно благоприятном положении в этом отношении находился Саган Сэцэн. Определить время, когда данные устной традиции стали записываться, представляет большие трудности. По вопросу о времени составления первых записей монгольской устной исторической традиции можно привести замечание В. В. Бартольда (сделанное им относительно времени появления записей преданий о Чингис-хане): "... трудно решить когда впервые стали записывать эти сказания".¹ Записывались также разного рода сведения и рассказы о событиях и лицах, современных летописцу. Особенно много такого рода данных сообщает Саган Сэцэн, который в нескольких местах своего труда говорит не только о своих современниках, но и о самом себе (в третьем лице).² Авторы летописей пользовались также письменными источниками, относящимися к очень отдаленным временам. Так, например, в „Алтан тобчи“ Лубсан Дандзана содержится целый ряд рассказов, которые, по всем данным, восходят к XIII в., и имеются прямые указания на то, что некоторые беседы, наставления, изречения и т. п. были записаны при жизни их авторов во времена Чингис-хана („Алтан тобчи“, лл. 856, 1026—110а). Эти записи или же сочинения, в которых они содержались, не сохранились, так же как и сочинения, в которых имеются данные, подтверждающие сведения Рашид-ад-дина.

Однако можно указать на дошедшие до нас памятники XIII в., которые в большой мере были использованы авторами летописей XVII в. Прежде всего — это „Сокровенное сказание“, целый ряд следов которого имеется во всех летописях XVII в. В труде Лубсан Дандзана дано переложение значительной части этого произведения. Другим памятником XIII в., который Саган Сэцэн указывает в числе источников своего труда, является историко-юридическое сочинение „Цаган тухэ“, составленное, повидимому, в основном во времена Хубилая.

Ввиду того, что исторические сочинения XV—XVI вв. не дошли до нас, нет возможности проследить использование их в качестве источников для летописей XVII в. Авторы этих сочинений широко пользовались современными им истори-

¹ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 43.

² Саган Сэцэн, стр. 264, 269, 281, 283, 299.

ческими трудами, чему можно привести ряд примеров: анонимная „Алтан тобчи“ послужила одним из источников „Шара туджи“. Это сочинение в значительной степени было использовано Саган Сэцэном. Трудом последнего и анонимной „Алтан тобчи“ пользовался Лубсан Дандзан.

Однако, используя в такой значительной степени различные источники, авторы летописей XVII в. очень мало говорят об этом. Ни один из них не упоминает об использовании „Сокровенного сказания“, хотя во всех летописях XVII в. имеется много примеров этого. Умалчивает об этом даже Саган Сэцэн, который называет несколько источников своего труда. Из них только некоторые можно отождествить с известными нам сочинениями: „Шара туджи“, „Цаган тухэ“, а также „Чихула хэрэглэгчи“ — буддийское сочинение энциклопедического характера,¹ в котором дано краткое перечисление имен монгольских императоров от Чингис-хана до Тогон Тэмюра. Определить остальные сочинения, указанные Саган Сэцэном, пока не представляется возможным.

Кроме источников, указанных в колофоне, Саган Сэцэн привлекает еще несколько сочинений в качестве источников для написания истории индийских и тибетских царей, а также истории буддизма в Индии. Из этих сочинений отождествить можно только „Алтан гэрэл“ (сутра „Золотой блеск“). В анонимной „Алтан тобчи“ об ее источниках ничего не сказано. Автор „Шара туджи“ также ничего не говорит об источниках своего труда. Однако в добавлениях, сделанных между строк, в нескольких местах имеются ссылки на „различные исторические сочинения“. Из них названа только „Хухэ дэбтэр“. В колофоне „Алтан тобчи“ Лубсан Дандзана кратко указывается, что сочинение написано на основании „нескольких летописей“. Даже в тех случаях, когда авторы указывают использованные ими источники, они не дают точных ссылок, не приводят цитат и т. п. В общем источники используются авторами совершенно не критически, а только путем более или менее полного их пересказа, в отдельных случаях даже почти дословного воспроизведения их текста.

¹ Буддийская космология, изложенная Осипом Ковалевским. Казань, 1837, стр. 13; „Алтан тобчи“ в издании Г. Гомбоева. Предисловие П. С. Савельева, стр. X—XIII; Б. Я. Владимирцов. Надписи на скалах халхаского Цокту-гайджи, стр. 228; Л. С. Пучковский. Некоторые вопросы научного описания монгольских рукописей. Советское востоковедение, II, М.—Л., 1941, стр. 261—264.

В связи с этим следует сказать, что все авторы летописей XVII в. не отличают легенды от исторического факта, но добросовестно приводят в своей книге и то и другое, хотя бы один рассказ опровергал другой.

Еще В. В. Бартольд заметил, что „различие между историей и легендой было... мало понятно монголам...“.¹ Однако его мнение о том, что „сведения об истории монголов, заимствованные из монгольских и уйгурских источников, имеют чисто легендарный характер...“, является значительным преувеличением.

Для подтверждения своего мнения В. В. Бартольд ссылается на рассказ о смерти Тулуя, предложившего себя духам в качестве искупительной жертвы за своего брата Угэдэя.² При всей легендарности как этого, так и некоторых других рассказов, в „Сокровенном сказании“ описываются исторические факты, которые подтверждаются китайскими и другими источниками. При рассмотрении содержания летописей XVII в. следует отметить следующие их особенности.

В начале летописей XVII в. помещалась история царей Индии и Тибета. В дальнейшем изложении авторы летописей стремились показать, что преемниками индийских царей якобы являлись тибетские цари, затем юаньские императоры и, наконец, монгольские ханы и владетельные феодалы XVII века.

В большинстве летописей история индийских и тибетских царей представляет только перечисление их имен, монгольские написания которых являются дословными переводами или транслитерацией санскритских и тибетских имен. В истории этих царей, наряду с некоторыми историческими лицами (например: Срон Дзан Гамбо, VII в.; Тисрон Дэбдзан, VIII в.; Ландарма, IX в., и др.), указываются мифические лица, например семь царей с прозвищем „Чанда“, такое же число царей с прозвищем „Бала“ и т. п.

Наиболее подробно история древних царей изложена в „Эрдэнийн тобчи“, где кроме перечисления имен этих царей о некоторых из них сообщается, что они весьма содействовали распространению буддизма, в связи с чем приводятся отдельные данные из истории этой религии в Индии и Тибете, причем эти сведения имеют большею частью легендарный характер.

¹ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 43.

² Там же, стр. 53.

По всем этим причинам история Индии и Тибета, представленная в монгольских летописях XVII в. в виде истории царей этих стран, не имеет значительной ценности. Для изучения истории этих государств необходимо использовать первоисточники — индийские (например „Пураны“ „Манджушри мулатантра“) и тибетские (например „Джал-раб салви ме-лон“).

Необходимо отметить, что излагая эту историю, авторы летописей XVII в. представляли многих индийских и тибетских царей (мифического Махасамади-хана, Срон Дзан Гамбо и др.) как „ханов-чакравартинов“, т. е. „всемирных монархов“, и использовали этот титул для создания авторитета монгольских хаганов и ханов. Так, например, Саган Сэцэн присваивает Хубилаю эпитет „царь-чакравартин“ (вращающий золотое колесо, которое символизировало вселенную)¹ и сообщает о том, что такой же эпитет был пожалован третьим далай-ламой (Соднам Джамцо) тумэтскому Алтан-хану² и четвертым далай-ламой (Иондан Джамцо) — ордосскому Бошокту-джинону.³ Сын последнего Ринчэн Сэцэн-джинон сам принял этот титул и стал именоваться „Чакравартин Сэцэн-джинон“.⁴

Вместе с тем летописцы XVII в. присваивали царям Индии и Тибета особое, „божественное“ происхождение. Так, например, в анонимной „Алтан тобчи“ указывается, что древние цари происходили из рода боддисатв.⁵ Согласно Саган Сэцэну, тибетский Тисрон Дэбдзан был „перерожденцем“ боддисатвы Манджушри⁶ и т. п.

Эту „божественность“ авторы летописей XVII в. стремились перенести на Чингис-хана и членов его рода и далее — на юаньских императоров и монгольских ханов, объявляя их „перерожденцами“ боддисатв, буддийских божеств и „божественных“ царей Индии и Тибета.

Саган Сэцэн, например, неоднократно отмечает, что „перерожденцем“ боддисатвы был Годан-хаган (младший сын Угэдэя).⁷ По сообщению того же автора, третий далай-лама в [1578] г. объяснил тумэтскому Алтан-хану (1532—1585), что этот последний является „перерожденцем“ Хубилая (1260—

¹ Саган Сэцэн, стр. 118.

² Там же, стр. 236.

³ Там же, стр. 264.

⁴ Там же, стр. 282.

⁵ Алтан тобчи, стр. 1 (текст) и стр. 117 (перевод).

⁶ Саган Сэцэн, стр. 46.

⁷ Там же, стр. 112—232.

1294), а Хутухтай Сэцэн-хунтайджи и его брат Сэцэн Дайчин — „перерожденцами“ царей государств Магадхи и Кошалы в Индии, живших во времена Шакьямуни.¹ При этом последним двум были пожалованы титулы, которые они якобы некогда носили в Индии.² Таким образом, не только ханы, но и владетельные феодалы представлены как „перерожденцы“ древних царей.

Другой историк XVII в. — Лубсан Дандзан также рассматривал историю монгольских ханов как историю „удивительных и великих царей-перерожденцев“ и указывал на Чингис-хана, Хубилая, Лэгдэн-хана и других как на „перерожденцев“ древних царей Индии и Тибета.³ То же видно из содержания других летописей XVII в.

Говоря об этом, летописцы XVII в. следовали традиции, согласно которой проповедники буддизма среди монголов в XIII—XIV вв., а затем в XVI—XVII вв., возводились к буддийским божествам, духовным лицам времен Шакьямуни и т. п. Многочисленные примеры этого имеются в монгольских сочинениях XVII в. по истории буддизма в Монголии. Также и в „Эрдэнийн тобчи“ имеется очень подробный рассказ о том, что первый банчэнь-эрдэни [Лобсан Чойджи Джалцан, 1570—1663] путем длинного ряда „перерождений“ восходит к одному из учеников Шакьямуни.⁴ Таким же образом авторы летописей XVII в. возводили юаньских императоров и монгольских ханов к индийским и тибетским царям.

Необходимо еще отметить, что до настоящего времени остается неизвестным сочинение, в котором впервые был обоснован „авторитет“ древних царей Индии и Тибета и было положено начало традиции о „преемственности“ их происхождения и власти. Можно, однако, полагать, что такого рода сочинения существовали с самого возникновения монгольской феодальной историографии. Об этом свидетельствует дошедшее до нас сочинение „Цаган тухэ“, которое, повидимому, относится ко временам Хубилая. В другой редакции этого сочинения, принадлежащей Хутухтай Сэцэн-хунтайджи (1540—1586) — прадеду Саган Сэцэна, отмечено, что оно было составлено путем сличения „Цаган тухэ“ времен Хубилая с древними списками, имевшимися у уйгурского Бранашири Уйдзунгуши.⁵

¹ Саган Сэцэн, стр. 230.

² Там же, стр. 236.

³ „Алтан тобчи“ Лубсан Дандзана, л. 1766.

⁴ Саган Сэцэн, стр. 270, 272, 274.

⁵ Монгольский фонд, G 91.

Как отмечено в тексте этого сочинения, оно является „кратким изложением того, как на равных основаниях и правильно проводить в жизнь оба закона“ — светский и духовный. Таким образом, „Цаган тухэ“ представляет собою трактат о принципах управления государством. В нем указывается, что монгольские хаганы от Чингис-хана до Хубилая применяли в делах управления государством оба „закона“. При этом отмечается, что эти „законы“ были установлены в Индии первым „чакравартином“ Махасамати-ханом и осуществлялись царями Тибета, начиная со Срон Цзан Гамбо (VII в.). В дальнейшем снова говорится о том, что осуществление этих двух, издревле установленных, „законов“ началось у монголов со времен Чингис-хана. Затем излагается указ Хубилая, в котором всем народам его державы разъясняется преемственность обоих „законов“, установленных в Индии и Тибете. После этого перечисляются гражданские и духовные чины, определяются их обязанности и т. п. Таким образом, согласно этому сочинению, Хубилай осуществлял свою внутреннюю политику — управление государством — на основе союза светской и духовной власти, начало чему было положено древними царями Индии и Тибета.

Положения „Цаган тухэ“ об управлении государством путем объединения светской и духовной власти представляли большой интерес для правящего класса феодальной Монголии. Об этом можно судить по тому, что Саган Сэцэн использовал это сочинение в качестве одного из источников для истории монгольских ханов. Взгляды, высказанные в „Цаган тухэ“, оказали большое влияние на автора „Эрдэнийн тобчи“. В особенности это заметно в отделе, посвященном истории юаньских императоров. При всей краткости ее изложения, об императорах Ульдэйтү, Хулук-хане, Гэгэн-хане, Дзаягату-хане и Тогон Тэмуре сообщается, что они „в равной мере осуществляли оба (вида) правления“, „одинаково проводили оба закона“ и т. п.¹ Такие же сведения даны о монгольских ханах, например о чахарском Лэгдэн-хане² и тумэтском Алтан-хане.³ Интерес правящего класса к „Цаган тухэ“ проявился также в том, что была составлена другая редакция этого сочинения. Этот интерес не ослабевал и в значительно более позднее время, о чем свидетельствует одна копия (списка более поздней редакции), которая относится

¹ Саган Сэцэн, стр. 120, 122.

² Там же, стр. 202.

³ Там же, стр. 234.

к третьему году правления Бадарагулту Туру [кит. Гуан Сюй], т. е. к 1877 г.¹ Несомненно, что в „Цаган тухэ“ и в приведенных здесь сообщениях Саган Сэцэна об юаньских императорах и ханах конца XVI в. в очень большой степени отразилось влияние буддизма.

Далее в летописях XVII в. сообщается о том, что монгольские ханы являются потомками тибетских царей. Рассказывается, что сын одного из них Буртэ Чино („Пегий Волк“) пришел к монголам и, взяв в жены Гоа Марал („Прекрасную Лань“)², положил начало роду Чингис-хана, от которого ведут свое происхождение юаньские императоры и монгольские ханы. В перечислении предков Чингис-хана и изложении его истории летописцы XVII в. следуют „Сокровенному сказанию“. Значительная часть его воспроизведена в „Алтан тобчи“ Лубсан Дандзана. В других летописях заимствованы только главнейшие данные и основная идея этого памятника — восхваление Чингис-хана и его рода. Однако в летописях XVII в. содержится целый ряд повествований о Чингис-хане (большею частью легендарного характера), которых в памятнике XIII в. не имеется. Некоторые из них представляют несомненный интерес как образцы литературного творчества. Таковы, например, предсмертная беседа Чингис-хана и „плач“ Килугэн-багатура на похоронах Чингиса. Наиболее значительное число рассказов о Чингис-хане, по всем данным восходящих к XIII в. и потому наиболее достоверных, имеется в „Алтан тобчи“ Лубсан Дандзана. Все же для изучения истории Чингис-хана следует прежде всего обращаться к „Сокровенному сказанию“ и „Сборнику летописей“.

После краткого перечисления ближайших преемников Чингис-хана следует история юаньских императоров. О некоторых из них сообщаются только относящиеся к ним глав-

¹ Монгольский фонд, G 71.

² Эти персонажи имеются в „Сокровенном сказании“, где они выступают несомненно в качестве тотемов. Ср. „Бурый Волк“ и „Сивая Лань“ у П. Кафарова (Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 23); „серый волк“ и „пестрая лань“ в рукописи того же автора (русская транскрипция монгольского текста „Сокровенного сказания“ — Архив Института востоковедения, раздел I, оп. 3, № 2, стр. 1); „пегий волк“ и „прекрасная маралуха“ у Б. Я. Владимирцова (ук. соч., стр. 53). В переводе С. А. Козина (ук. соч., стр. 79) Буртэ Чино и Гоа Марал даны как имена собственные, вследствие чего смысл этих наименований остается не вскрытым. В летописях XVII в. — памятниках историографии более позднего этапа развития монгольского феодализма — Буртэ Чино представлен как сын тибетского царя (см.: Алтан тобчи, стр. 3—4 (текст) и стр. 119—120 (перевод); Саган Сэцэн, стр. 24, 56).

нейшие даты (рождения, вступления на престол и смерти). О других же (кроме основных дат) рассказывается, что они всемерно покровительствовали буддизму и, объединяя духовную и светскую власть, „распространяли всеобщее счастье и благополучие“. Ввиду того, что фактические данные в этой истории являются очень скудными, изучать историю юаньской династии необходимо по „Юань-Ши“ и другим китайским первоисточникам.

Следует еще отметить, что в повествованиях об юаньских императорах последние всячески прославляются для создания „авторитета“ последующих ханов и крупных феодалов, которые после падения юаньской династии „в целом ряде уделов... провозглашают себя хаганами“ — как, например, тумэтский Алтан-хан и ряд других.¹

Авторитет юаньских императоров, созданный указанным выше путем, летописцы XVII в. считали настолько высоким и незыблемым, что объявляли императоров династии Мин „потомками“ монгольских хаганов и, следовательно, „премниками“ их власти. Наиболее подробно об этом рассказывается в анонимной „Алтан тобчи“,² из которой этот рассказ, повидимому, был заимствован Лубсан Дандзаном.³ Саган Сэцэн также сообщает об этом.⁴ Эта легенда имела чисто политическую цель — она должна была доказать, что монгольские хаганы и после изгнания их из Китая, продолжали свой род в этом государстве и сохраняли в нем свою власть.

Далее в летописях XVII в. излагается история так называемых „малых ханов“. В этой истории сообщаются очень подробные сведения о происхождении как этих ханов, так и некоторых других феодалов — представителей отдельных родов и племен; тщательно прослеживаются их родословные — в некоторых случаях через целый ряд поколений; выясняются их родственные связи; рассматриваются взаимоотношения различных ханов и феодалов; сообщается о разного рода событиях в их жизни, о феодальных войнах, которые они вели; о дроблении их уделов; об их участии в борьбе за гегемонию между ханами восточных и западных монголов; о стремлении некоторых ханов к политическому объединению монгольских племен и т. д. и т. п.

¹ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 154.

² Алтан тобчи, стр. 51—53 (текст) и стр. 155 (перевод).

³ „Алтан тобчи“ Лубсан Дандзана, лл. 1386—1396.

⁴ Саган Сэцэн, стр. 290, 292.

Все эти вопросы представляли наиболее значительный и непосредственный интерес для правящего класса монгольского общества XVII в. Поэтому авторы летописей в своих трудах уделяли им главное внимание.

С особым интересом этими вопросами занимался Саган Сэцэн, который с большими подробностями сообщает много сведений, относящихся к своему собственному роду и к самому себе. Очень подробно события XV—XVI вв. изложены также в анонимной „Алтан тобчи“. Такого же рода сведения имеются также в „Шара туджи“, где они, однако, даны в значительно более кратком виде.

Вместе с тем авторы летописей продолжали начатое ими в предыдущих отделах летописей обоснование власти представителей правящего класса, сообщая о том, что более значительных из них далай-ламы объявляли „перерожденцами“ древних царей, жаловали им особые эпитеты и т. п.

Необходимо еще отметить, что термин „малые ханы“, принятый в монголоведении для обозначения монгольских ханов послеоюаньского периода, основывается на китайском наименовании их „сяо-ван-цзы“. Однако авторы летописей XVII в. именуют прямых потомков юаньских императоров „хаганами“, например, Буянту-хаган, Эльбэк-хаган, Даян-хаган и др.

Из всего сказанного выше видно, что в летописях XVII в. получили выражение интересы и стремления монгольской феодальной аристократии того времени. Еще начатки монгольской историографии — генеалогии, родовые записи и т. п. составлялись для представителей господствующего класса монгольского общества XII—XIII вв. В дальнейшем были созданы более крупные исторические произведения, из которых сохранилось только „Сокровенное сказание“. В этом памятнике в истории Чингис-хана и его рода показаны цели и стремления феодальной аристократии первой половины XIII в. Поэтому вполне закономерным явилось то обстоятельство, что это произведение, посвященное истории и прославлению Чингис-хана и его рода, оказалось созвучным интересам монгольской аристократии более позднего этапа развития монгольского феодализма. Для выражения этих интересов „Сокровенное сказание“ было использовано во всех летописях XVII в.

Все эти интересы и требования феодальной аристократии, ее различных слоев, групп и отдельных представителей получили выражение в летописях XVII в. Следует заметить, что

мнение Б. Я. Владимирцова о том, что „Шара туджи“¹ „написана для и в угоду монгольской степной аристократии“, и что „она отвечает ее требованиям и интересам“² необходимо отнести ко всем летописям XVII в. Авторы этих сочинений использовали разнообразные и обширные материалы и проделали большую работу, чтобы удовлетворить запросы, которые были обращены к ним. Саган Сэцэн определенно заявляет о том, что он составил свое сочинение по желанию и требованию тех, кто жаждет знаний в области истории. Таковыми несомненно являлись представители феодальной аристократии и вся она в целом.

Труды летописцев пользовались в среде феодальной аристократии успехом. Они не только читались, но с них также снимались копии, число которых, повидимому, было значительно. Об этом свидетельствует, например, то, что в Монгольском фонде Сектора восточных рукописей имеется несколько копий „Эрдэнийн тобчи“, анонимных „Алтан тобчи“ и „Шара туджи“.

Вместе с тем в списки этих сочинений вносились изменения и уточнения, делались добавления и т. п. Таким путем составлялись новые редакции этих трудов. Кроме того, различные сочинения привлекались в качестве источников для написания других летописей и т. д. Из всего этого видно, что летописи XVII в. удовлетворяли предъявлявшимся к ним требованиям, и интерес к этим сочинениям не ослабевал.

Кроме того, в летописях XVII в. получили выражение интересы буддийского духовенства.

Как известно, еще в XIV в. был установлен союз между юаньскими императорами и буддийской церковью, что получило выражение, например, в целом ряде эдиктов об освобождении буддийского духовенства (в числе духовенства других религий) от податей и повинностей. О том, что Хубилай управлял государством на основе союза светской и духовной власти подробно сказано в „Цаган тухэ“. Такую же политику осуществляли и все другие юаньские императоры.

С конца XVI в. началось усиленное проникновение к монголам так называемого „желтошапочного“ буддизма. Ханы и феодалы всеми силами содействовали его распространению.

¹ Как в этом, так и в ряде других случаев, Б. Я. Владимирцов говорит об „Истории В. В. Радлова“. Под таким названием „Шара туджи“ была впервые введена в научный оборот Б. Я. Владимирцовым.

² Б. Я. Владимирцов. Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи, стр. 1272.

нию среди народных масс, о чем очень подробно сообщает Саган Сэцэн.¹ Тесный союз светской и духовной власти получил выражение в их объединенных действиях, например в совместном утверждении тумэтским Алтан-ханом и третьим далай-ламой ряда законов о буддийском духовенстве.²

Пользуясь всемерной поддержкой со стороны светской власти, буддийская церковь со своей стороны всеми силами способствовала созданию и укреплению авторитета ханов и феодалов. Буддийские иерархи жаловали монгольским ханам и владетельным феодалам пышные титулы, высокие духовные звания и т. п. Буддийской церковью были „обожествлены“ древние цари Индии и Тибета и вокруг них был создан ореол святости, силы, величия и т. п.

На основе буддийского учения о „перерождениях“ буддийскою церковью был создан культ „перерожденцев“, который использовался ею для идеологического обоснования власти ее иерархов, являвшихся духовными феодалами, как, например, глава буддийской церкви в Монголии Джэбдзун Дамбахутухта и ряд менее значительных хутухт. Культ „перерожденцев“ всецело поддерживался светскими феодалами.³ Эта поддержка объясняется тем, что буддийская церковь дала ханам и феодалам возможность использовать этот культ для доказательства „преемственности“ их происхождения и власти от древних царей Индии и Тибета. Это религиозное обоснование власти ханов и феодалов со стороны буддийской церкви и летописцев, находившихся под ее сильным влиянием, имело большое и непосредственное значение для правящего класса монгольского общества XVII в.

Кроме того, буддийское влияние проявилось в легендах о принятии буддизма Чингис-ханом и Угэдэем, о Гунга Нимбо — буддийском духовнике Чингиса — и т. п.,⁴ что совершенно не соответствует историческим фактам, известным по „Сокровенному сказанию“, „Сборнику летописей“ Рашид-ад-дина, китайским и различным другим источникам, и представляет несомненно позднейшие добавления (они вписаны между строк „Шара туджи“ неизвестным автором). Такого же рода сведения имеются в „Алтан тобчи“ Луб-

¹ Саган Сэцэн, стр. 224—283.

² Там же, стр. 232—234.

³ Этот культ поддерживали также и маньчжурские императоры, которых буддийская церковь со своей стороны признавала „перерожденцами“ боддисатвы Манджушри, используя созвучие его имени с названием народа, к которому принадлежала правящая династия.

⁴ „Шара туджи“, стр. 50—53.

сан Дандзана.¹ Также и в анонимной „Алтан тобчи“ сообщается о том, что Чингис-хан родился по повелению Будды для усмирения неких двенадцати злых царей, „мучителей всех существ“.² Из сказанного видно, что буддийская церковь стремилась использовать имена Чингис-хана и Угэдэя в своих целях для пропаганды буддизма.

Следует еще отметить, что формулы поклонения в начале летописей XVII в. и благопожелания в конце их имеют буддийский характер.

Необходимо также иметь в виду, что в феодальной Монголии XVII в. в области идеологии буддизм занимал господствующее положение и буддийская образованность составляла существенную часть монгольской феодальной культуры той эпохи. Таким образом, в Монголии того времени создалось то же положение, как и в средневековой Западной Европе, где, по замечанию Ф. Энгельса, существовало „верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности...“³ и „образование приняло преимущественно богословский характер“.⁴

Этим объясняется то, что авторы летописей XVII в. обладали большой начитанностью в буддийской литературе. Так, например, Саган Сэцэн приводит названия нескольких буддийских сочинений, использованных им для написания истории тибетских царей и в связи с нею истории буддизма в Тибете. Однако монгольские названия этих сочинений не позволяют определить их тибетские оригиналы. С полной определенностью можно назвать только „Алтан гэрэл“ — сутру „Золотой блеск“, из которой Саган Сэцэн даже приводит небольшой отрывок.⁵ Кроме того, Саган Сэцэн ссылается на мнение Сакья-пандиты и Джу Атиши.

Следует еще отметить, что сведения об образовании вселенной, которые сообщает Саган Сэцэн, представляют изложение буддийской космологии. Они заимствованы из сочинения „Чихула хэрэглэгчи“.

Другой летописец XVII в. — Лубсан Дандзан — принадлежал к буддийскому духовенству, и его „Алтан тобчи“ является (судя по пометке на ее обложке) двадцать седь-

¹ „Алтан тобчи“ Лубсан Дандзана, лл. 1136—114а.

² Алтан тобчи, стр. 16 (текст) и стр. 129 (перевод).

³ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IV, М.—Л., 1930, стр. 128.

⁴ Там же.

⁵ Саган Сэцэн, стр. 10—11.

мым томом в собрании его сочинений, которые до нас не дошли.

По всем этим причинам монгольские летописи XVII в. в очень сильной степени проникнуты буддийскими воззрениями.

Как видно из всего сказанного выше, главная задача, которую ставили себе авторы летописей XVII в. заключалась в том, чтобы выразить интересы и стремления правящего класса, создать авторитет его представителей и идеологически обосновать их власть.

Большое влияние на содержание и характер летописей оказала также классовая принадлежность их авторов. В особенности это заметно в труде Саган Сэцэна.

В силу указанных причин летописцы XVII в. ограничивали содержание своих сочинений историей монгольских ханов. Как отмечает Саган Сэцэн, он имел в виду изложить историю ханов от первого индийского царя — «всемирного монарха» Олона Эргугдэгсэн-хагана (Махасамади-хана) до времени написания «Эрдэнийн тобчи». Лубсан Дандзан также считает свое сочинение историей ханов. То же самое следует сказать о других летописях XVII в.

Из изложения и характеристики содержания всех этих сочинений видно, что оно ограничено классовыми интересами их авторов.

В связи со сказанным следует отметить, что содержание летописей XVII в. получило выражение в их заглавиях.¹

По всем этим причинам история монгольского народа остается почти совершенно вне поля зрения авторов летописей XVII в.

Все же в этих сочинениях можно найти отдельные указания на то, что народ был обременен многочисленными повинностями и податями.²

Встречаются также сообщения о голоде, эпидемиях, падеже скота и т. п. Такого рода бедствия, всей тяжестью ложившиеся на народные массы, Саган Сэцэн объясняет «небесною карой»: в одном случае — за плохое отношение Эсен-хана

¹ Например, полное заглавие анонимной «Алтан тобчи» гласит: «Сочинение под названием «Золотой свод» — история происхождения ханов»; заглавие «Шара туджи» в его полном виде следующее: «Великая желтая история происхождения древних монгольских ханов». В научный обиход вошли сокращенные заглавия этих памятников.

² Саган Сэцэн, стр. 184, 236. Ср.: Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 164.

к взятому в плен китайскому императору,¹ а в других случаях — за вражду феодалов к представителям рода Борджигин (т. е. рода Чингис-хана).²

Тяжелым бременем на простой народ ложились также феодальные войны.³ В нескольких случаях отмечено, что при феодальных войнах добычей победителя являлся народ наравне со скотом.⁴

Отношение феодалов к народным массам получило яркое выражение в словах ордосского Баин-Цохор-дархана: „Как простой народ может жить без владыки“.^{4,5}

При всем угнетенном и совершенно бесправном положении, в котором находился монгольский народ, все же некоторые исключительные по своей жестокости требования феодалов толкали народные массы к сопротивлению.

Как сообщает Саган Сэцэн, одна из жен тумэтского Алтан-хана в связи со смертью своего сына велела для сопогребения с ним убить сто детей и сто верблюжат. Когда свыше сорока детей были перебиты, то во всем народе „готовы были начаться мятеж“. Однако об открытом восстании источник умалчивает. Дальнейшее избивание детей было прекращено только после того, как один тайджи оказал решительное сопротивление.⁶

Еще в одном случае тот же автор сообщает более определенные данные о тяжелом положении народных масс. Когда Эсэн-хан в борьбе со своими противниками совершал многочисленные убийства, то „меньшой народ“ (уухэн иргэн) увидел в этом угрозу для существования монгольского народа и стал массами уходить от своего хана. В условиях феодального общества это являлось одним из видов классовой борьбы.

Однако все эти сведения о монгольском народе являются очень краткими и отрывочными. Они встречаются в летописях только в связи с историей ханов и других представителей правящего класса, которых авторы этих сочинений стараются

¹ Саган Сэцэн, стр. 168.

² Там же, стр. 158, 170, 186. Ср.: Б. Я. Владимирцов, ук соч., стр. 147.

³ „Алтан тобчи“ Лубсан Давдзана, лл. 1096—110а.

⁴ Саган Сэцэн, стр. 168, 176. Ср.: Б. Я. Владимирцов, ук соч., стр. 159.

⁵ Там же, стр. 202. Ср.: Б. Я. Владимирцов, ук соч., стр. 158, 160.

⁶ Саган Сэцэн, стр. 248, 250. Ср.: Б. Я. Владимирцов, ук соч., стр. 173.

представить как благодетелей, неустанно заботящихся о счастье и мире всего монгольского народа.¹

Задачи, которые ставит перед собою советская наука в области исследования истории монголов заключаются в изучении не только их политической истории, но в первую очередь истории возникновения и развития строя монгольского общества, его экономической и социальной жизни, его культуры и т. п.

Занимаясь изучением одного из этих вопросов — общественного строя монголов, — Б. Я. Владимирцов уже указывал на то, что в исторических трудах Саган Сэцэна и других авторов «часто «фактические данные» играют меньшую роль для рассматриваемой темы; для нее более важным оказываются отдельные штрихи и упоминания, которых разбросано у авторов-степняков довольно много; только сведения эти часто приходится вскрывать путем анализа терминов»² и что «анализ феодальных терминов дает ключ к раскрытию многих событий».³ Применяя такой подход к источникам и к их оценке, Б. Я. Владимирцов представил общую картину развития общественного строя монголов в XIII—XVIII вв. что является первой попыткой исследования этой весьма сложной проблемы. Многие положения Б. Я. Владимирцова являются общепризнанными в нашем монголоведении. Однако некоторые его суждения (например по вопросу о степени развития феодализма в монгольском обществе) требуют пересмотра.

Тот метод изучения монгольских источников, который был применен Б. Я. Владимирцовым, дал весьма положительные результаты в виде целого ряда суждений об отдельных явлениях общественного строя монголов, а также его общей картины. Несомненно, однако, что советские историки-марксисты смогут дать исчерпывающий и единственно правильный анализ данных монгольских летописей и их синтез для изучения истории монгольского народа.

Использование Б. Я. Владимирцовым летописей XVII в. показало, что данные этих источников вовсе не являются такими небольшими, даже скудными, какими они представлялись на первый взгляд, вызывая иногда пренебрежитель-

¹ Саган Сэцэн о Даян-хане (стр. 194), о Лэгдэн-хане (стр. 202), о Бошукту-джиноне (стр. 266), о самом авторе сочинения (о нем говорится в третьем лице, стр. 282 и др.).

² Б. Я. Владимирцов, уч. соч., стр. 15—17.

³ Там же, стр. 147.

ное отношение к ним, против чего решительно возражал автор „Общественного строя монголов“.

Несомненно, что исторические сведения, которые содер­жатся в летописях XVII в., изучались еще совершенно недостаточно. Например, соби­рание и изучение данных о монгольских и ойратских племенах еще не начиналось. Из всего сказанного выше можно видеть, что эти сочинения содержат достаточно ценных и разнообразных данных.

Кроме того, эти летописи представляют большой интерес как памятники культуры феодальной Монголии XVII в. Они принадлежат к числу ее лучших образцов.

Необходимо еще отметить, что летописи XVII в. следует рассматривать как литературные памятники, поскольку свет­ская художественная литература (в современном нашем пони­мании) в условиях феодального строя Монголии и сильного влияния буддизма в сущности не развивалась.

Большой интерес представляет изучение летописей XVII в. с языковой стороны. Следует, например, обратить внимание на то, что в них содержится значительное количество слов и выражений, отражающих усложнившуюся структуру феодальных отношений в монгольском обществе того времени и влияние буддизма. Здесь имеются многословные титулы и эпитеты, витиеватые глагольные построения, служившие для выражения особого почтения по отношению к представителям правящего класса и высшего буддийского духовенства, большое число буддийских образов и сопоставлений и т. п. При­чины этого процесса были вскрыты И. В. Сталиным, который указал на то, что „люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой осо­бый лексикон, свои особые термины, свои особые выра­жения“.¹

Хотя представители правящего класса и буддийского духовенства внесли в язык летописей XVII в. свою специ­фическую терминологию и фразеологию, все же язык этих сочинений является общемонгольским литературным языком.

По определению И. В. Сталина, „Главное в языке — его грамматический строй и основной словарный фонд“.² И то и другое в языке летописей XVII в. является общемонголь­ским.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 13.

² Там же, стр. 28.

Ввиду всего сказанного выше летописи XVII в. заслуживают подробного и разностороннего изучения. Являясь памятниками монгольской феодальной историографии, эти летописи отличаются характером и особенностями, свойственными такого рода произведениям. Общий характер и наиболее существенные особенности летописей XVII в., показанные в настоящей статье, должны быть приняты во внимание при дальнейшем изучении этих памятников.

В. С. ВОРОБЬЕВ-ДЕСЯТОВСКИЙ

КОЛЛЕКЦИЯ ТИБЕТСКИХ ДОКУМЕНТОВ НА ДЕРЕВЕ, СОБРАННАЯ С. Е. МАЛОВЫМ

Среди рукописных сокровищ, привезенных русскими путешественниками и исследователями из Центральной Азии и хранящихся в Секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР в Ленинграде, имеется коллекция тибетских документов на дереве. Она была куплена членом-корреспондентом Академии Наук СССР С. Е. Маловым 15 июня 1914 г. в селении Миран в районе озера Лоб-Нора и происходит из Миранского городища, находящегося недалеко от селения Миран. Миранское городище представляет развалины тибетской крепости, построенной тибетцами и охранявшейся их гарнизоном во время господства тибетцев на территории современного Синь-Цзяна с конца VII до середины IX века н. э. Приблизительно в середине IX в. крепость эта была разрушена. Настоящая коллекция представляет часть архива тибетского гарнизона этой крепости.

Миранское городище было нанесено впервые на карту знаменитым русским путешественником и исследователем Центральной Азии Н. М. Пржевальским под названием „Развалины старого города“ на реке Джаянсай-Дарья.¹ О. Стейн производил раскопки в Миранском городище во время второй и третьей его экспедиций в Восточный Туркестан в 1906—1907 и 1913—1914 гг. и нашел там некоторое количество тибетских документов на дереве, аналогичных документам описываемой здесь коллекции. Тибетские документы на дереве, относящиеся к VII—IX вв., имеются только в собрании Института востоковедения Академии Наук

¹ Н. М. Пржевальский. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. Известия Русского географического общества, т. XIII, СПб., 1878, карта и стр. 32.

СССР и в коллекции О. Стейна.¹ Изучением коллекции О. Стейна занимался А. Х. Франке² и Ф. В. Томас, который и издал многие документы этой коллекции.³

Тибетские документы на дереве, относящиеся к этой эпохе представляют определенный научный интерес. Как неоднократно указывалось,⁴ бумага была довольно редким материалом в то время в Восточном Туркестане и ею пользовались для переписки главным образом высокопоставленные лица. Ежедневная военная и хозяйственная переписка и документация велась тибетцами преимущественно на дереве. Эти документы содержат хотя и отрывочные, но совершенно достоверные и конкретные сведения по истории и географии Восточного Туркестана, Тибета и иногда сопредельных стран. Часть этих сведений может быть извлечена только из таких документов.⁵ Столь же важны эти документы и для изучения истории тибетского языка и тибетской палеографии, так как их язык максимально приближается к разговорному, о чем свидетельствуют многочисленные нарушения орфографии. С этой стороны тибетские документы на дереве почти не изучались. Об их языке имеются лишь несколько замечаний А. Х. Франке в статьях, приведенных ниже. Ф. В. Томас, издавший тибетские документы коллекции О. Стейна, исследовал их преимущественно с исторической стороны. Все это говорит о ценности настоящей коллекции, целесообразности ее изучения и публикации отдельных ее документов.

¹ Aurel Stein. *Serindia*. Oxford, 1921, стр. 348, 460—462, 468—470 (миранские документы); стр. 162, 1279—1280 (другие документы) и табл. CLXXII; он же. *Innermost Asia*. Oxford, 1929, стр. 127, 1055 (миранские документы); стр. 92, 101, 173, 1084—1087 (другие документы) и табл. CXXX.

² A. H. Francke. Notes on Sir Aurel Stein's Collection of Tibetan Documents from Chinese Turkestan. *Journal of the Royal Asiatic Society (JRAS)*, 1914, стр. 37—59. Aurel Stein. *Serindia*. Oxford, 1921, стр. 1460—1466; он же, *Königsnamen von Khotan (A. ma. ca) auf tibetischen Dokumenten der Turkistansammlungen von London und Berlin*. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, philologisch-historische Klasse, 1928, XXXI, стр. 671—676.

³ F. W. Thomas. Tibetan Documents concerning Chinese Turkestan. *JRAS*, 1927, стр. 51—86, 807—844; 1928, стр. 63—98, 555—596; 1930, стр. 47—94, 251—300; 1931, стр. 808—836; 1933, стр. 379—400, 537—568; 1934, стр. 85—112, 249—282, 457—504; он же. *Tibetan Literary Texts and Documents concerning Chinese Turkestan*. London, 1935.

⁴ Ср., например: A. H. Francke. Notes on Sir Aurel Stein's Collection of Tibetan Documents from Chinese Turkestan. Aurel Stein. *Serindia*. Oxford, 1921, стр. 1464.

⁵ Примеры таких сведений из документов настоящей коллекции см. ниже, а из коллекции О. Стейна — в приведенных выше публикациях Ф. В. Томаса.

འཕགས་ལྷན་པོ་

འཕགས་ལྷན་པོ་

འཕགས་ལྷན་པོ་

འཕགས་ལྷན་པོ་

འཕགས་ལྷན་པོ་

འཕགས་ལྷན་པོ་

འཕགས་ལྷན་པོ་

Тибетские документы на дереве. Лоб-Нор. VIII в. н. э.
Сверху вниз — ТД 12, ТД 4, ТД 1, ТД 11, ТД 10; слева — ТД 3; справа — ТД

Для более точной датировки документов настоящей коллекции необходимо принять во внимание следующее. Ф. В. Томас сличил тибетские документы коллекции О. Стейна, найденные в Миранском городище, с тибетскими документами той же коллекции, найденными в других местах. При сличении оказалось, что ни одно лицо, упоминаемое в первых, не упоминается в последних, и наоборот. На этом основании Ф. В. Томас пришел к заключению, что миранские документы относятся к более раннему времени, и датировал их первой половиной VIII в.¹ Хотя это положение и не является строго доказанным, оно представляется, однако, весьма вероятным. Так как настоящая коллекция составляет часть архива того же гарнизона, то ее можно датировать предположительно первой половиной VIII в.

Настоящая коллекция хранилась первоначально в Музее антропологии и этнографии Академии Наук и была 20 марта 1925 г. передана в Азиатский музей Академии Наук, который впоследствии был реорганизован в Институт востоковедения Академии Наук СССР. Она состоит из 57 единиц, из которых 54 являются либо целыми документами, либо их фрагментами. Из трех остальных единиц одна представляет гадальную (или игральную) кость, а две другие дощечки без текстов. На одной дощечке написан начальный знак σ ; употребляющийся перед началом текста в других документах; а одна из граней другой покрыта красной краской и на ней нанесено несколько насечек.

Все эти 57 единиц заинвентаризованы под шифрами ТД 1—ТД 56 б. Кроме того, имеется несколько очень мелких фрагментов без шифров.

Гадальная или игральная кость представляет не совсем правильный деревянный кубик размерами $1.5 \times 1.5 \times 1.2$ см, на каждой из шести граней которого нанесены черной тушью от 1 до 6 точек. находка гадальной кости такого образца представляет некоторый интерес. В берлинской туркестанской коллекции имеется несколько листов тибетской гадальной книги. Отдельные предсказания в этой книге отделяются друг от друга различным числом кружков, в которых А. Х. Франке, издавший эти листки, видит передачу количества очков гадальной кости, после выпадения которого отыскивалось каждое из этих предсказаний. В связи с этим А. Х. Франке полагал, что у тибетских гарнизонов на тер-

¹ F. W. Thomas. Tibetan Documents concerning Chinese Turkestan. JRAS, 1931, стр. 811—812.

ритории Восточного Туркестана в VII—IX вв. употреблялись гадальные и игральные кости того же типа, которые сейчас употребляются в Западном Тибете.¹ На четырех гранях такой кости нанесены от 1 до 4 очков, на пятой грани крест, шестая грань пустая. Наличие в коллекциях О. Стейна и других игральные и гадальные кости, аналогичных по типу имеющейся в настоящей коллекции, заставило А. Х. Франке внести поправку в свое первоначальное предположение.²

Документы ТД 1, ТД 4, ТД 7, ТД 8, ТД 10, ТД 11, ТД 12 представляют дощечки с отверстием для шнура с правой стороны. Их средний размер 9×1.5 см. На одной стороне каждой из них черной тушью написано двусложное слово, по всей вероятности, собственное имя.³ Документы эти являются, вероятно, чем-то вроде прототипов современных удостоверений личности. Среди собственных имен на этих документах встречаются как тибетские, например Gsor-bo (ТД 4), так и нетибетские, например He-pe. Очевидно, это имена воинов гарнизона. Сохранность всех этих документов хорошая. В них наблюдаются различные палеографические особенности, свойственные также и остальным документам настоящей коллекции. О них будет сказано ниже. К этому же классу документов может быть отнесен документ ТД 2, представляющий обрезок деревянного бруска, размерами $3.5 \times 2 \times 1.5$ см с надписью Yünpin на одной из граней.⁴

Другой тип документов представлен дощечками, размером 11×1.5 см с отверстием для шнура справа, на них на одной стороне имеется надпись в одну строчку, содержащая имя собственное и, повидимому, географическое название (ТД 5, ТД 6). Документ ТД 18 является дощечкой размером 11×2.5 см. Ее толщина 3—4 мм. Левый конец на протяжении четырех сантиметров имеет толщину около 1 см и в нем вырезано круглое углубление, имеющее диаметр около 2 см и глубину 8 мм. В выпуклых краях этого углубления по диаметру, перпендикулярному к длинным краям дощечки, про-

¹ А. Н. Francke. *Tibetische Handschriftenfunde aus Turfan. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse, 1924, стр. 12.*

² А. Н. Francke. *Drei weitere Blätter des tibetischen Losbuches von Turfan. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse, 1928, стр. 110—118.*

³ Ср.: F. W. Thomas. *Notes on the Tibetan Manuscripts illustrated in Plates CXXX—CXXXIII. Aurel Stein. Innermost Asia. Oxford, 1929, стр. 1084.*

⁴ Может быть, правда, это географическое название.

резаны выемки для шнура. На внутренней шершавой поверхности углубления сохранились следы белой глины. На тонкой части дощечки имеются три строки текста, содержащие имя и звание адресата, название места его пребывания и имя отправителя. Очевидно, настоящий документ представляет крышку письма, которое было привязано к ней шнурком. Шнурок этот завязывался во впадине слева, которая затем замазывалась глиной. После того на нее накладывалась печать. Сохранность этого документа хорошая. Надпись сохранилась хорошо. Выломана только небольшая часть нижнего края надписи, благодаря чему имя отправителя читается не полностью. Документ ТД 15 представляет, судя по надписи на нем, такую же верхнюю крышку прошения, только на нем отсутствует углубление для печати. Размеры дощечки 23,5—25,5 × 3 см. Правый конец (без надписи) обломан. Толщина дощечки 5—6 мм.

Затем имеется еще один тип документов. Это — палочки приблизительно квадратного сечения. Одна из их граней покрыта красной краской и на ней написаны отдельные слова на некотором расстоянии друг от друга (ТД 16, ТД 20). На одном фрагменте (ТД 21) был, очевидно, связный текст. Его сохранившаяся часть говорит о присылке приказа. Назначение этих документов, особенно двух первых, не ясно.

Остальные документы, которых в настоящей коллекции большинство, представляют собою письма. Некоторые из них сохранились полностью, другие в виде фрагментов. Отдельные документы представилось возможным собрать из фрагментов. Ряд документов этого типа выкрашен красной краской. Содержат эти письма преимущественно сообщения военного и хозяйственного характера.

Так, документ ТД 23 содержит сообщение о военной экспедиции тибетского отряда из крепости Малый Ноб (см. ниже), в результате которой было захвачено продовольствие и собраны сведения о том, что произошло в пройденных ею местностях. Далее в нем сообщается о двух лицах, вероятно тибетских лазутчиках, из которых один вернулся без сведений, а другой не прибыл, но прислал письмо. В заключение приводится просьба о присылке овощей в связи с тем, что ячмень был не весь получен и уже кончился. Письмо это написано на дощечке размером 20 × 2,5 см. Толщина ее 3—4 мм. Текст расположен по 3 строки на лицевой и обратной сторонах. Сохранность хорошая.

Документ ТД 24 содержит письмо, отличающееся от предыдущего весьма вычурным слогом. После обращения и

комплиментов в нем содержится просьба прислать распоряжения в местность Нэу (см. ниже) и предложение выслать донесение зрителя местности с подписями и печатями. Размер документа 27×1.8 см, толщина дощечки 2—4 мм. Справа отверстие для шнурка. Текст расположен по две строки на каждой стороне дощечки. Документ весь цел, но сохранность надписи хуже, чем на предыдущем, хотя и здесь она почти вся восстанавливается. Настоящее письмо адресовано, судя по его стилю, к высокопоставленной особе, но написано оно довольно небрежно и на плохо обструганной дощечке. Это дает основания предполагать, что это или черновик письма, или же его копия, написанная для сохранения в архиве. Это второе предположение кажется более вероятным, так как в тексте отсутствуют исправления и писался он, очевидно, быстро.

Ряд писем настоящей коллекции, аналогичных описанным выше, еще окончательно не дешифрован. Их прочтение осложняется как плохой сохранностью некоторых из них, так и тем, что их язык и стиль отличаются от классического тибетского языка рядом особенностей. Так, например, в описанном выше документе ТД 23 во всех тех случаях, где в классическом языке употребляются придыхательные глухие *ch*, *ph* и *tsh*, встречаются простые глухие *c*, *p* и *ts*. В документах ТД 24 и ТД 33 существующие в классическом языке частицы в форме *pa* и *po* имеют вид *pha* и *pho*, например: ТД 24 — *rad-pha* (в классическом языке *rad-pa*), ТД 33 — *pañ-rje-pho* (при *pañ-rje-po* в документе ТД 15 и в классическом языке).

Далее в документе ТД 24 широко употребляется глагольное построение, представляющее глагольный корень с частицей *shin* и вспомогательным глаголом *mchi-ba*, например *skur-shin-mchi-ba* 'если будет послан, чтобы был послан', оно отсутствует в ряде других документов настоящей коллекции и коллекции О. Стейна. Эти два примера далеко не исчерпывают всех особенностей языка документов настоящей коллекции (их будет целесообразнее разобрать не здесь, а при публикации текстов этих документов), но эти примеры свидетельствуют о том, что отдельные документы настоящей коллекции писались тибетцами, говорившими на диалектах, отличавшихся как от того диалекта, на основе которого сложился классический тибетский язык, так и друг от друга. Вывод этот подтверждается также рядом других языковых фактов и может иметь интерес для историков, так как он говорит в пользу того, что тибетский гарнизон в крепости,

развалины которой представляет Миранское городище, в VIII в. состоял из лиц, принадлежавших к различным тибетским племенам.

Документы настоящей коллекции представляют также определенное разнообразие и с палеографической стороны. Так, например, на одних документах слоги разделяются двоеточиями (ТД 1, ТД 23 и многие другие), на других — вертикальными штрихами (ТД 8, ТД 14). В документе ТД 26 слоги разделяются одной точкой, что является нормой для поздней орфографии, хотя изредка в этом документе встречаются и двоеточия как слогоразделительный знак. Все документы написаны письмом *dbu-sap*, но в написании его знаков наблюдаются определенные различия. Так, например, в документе ТД 10 *г* имеет написание, которое А. Х. Франке сравнивает с перевернутым \hat{p} .¹ В документе ТД 24 оно имеет написание, обычное для позднейших рукописей. В других документах встречается ряд переходных форм, стоящих между двумя описанными выше. Систематическая сводка и публикация всех особенностей письма документов настоящей коллекции может принести пользу в разработке тибетской палеографии.

В документах настоящей коллекции содержится некоторое количество собственных тибетских имен, например: *Hbrin-bzañ*, *Stag-sña* (ТД 25), *Khlu-sbyin* (ТД 23), *Ña-gsen* (ТД 15), *Stag-rma* (ТД 18), а также имена по своему происхождению нетибетские, например *Sam* (ТД 23). Почти все они, как и собственные имена в тибетских документах коллекции О. Стейна, являются небуддийскими и в настоящее время вышли из употребления.²

Встречается здесь также и некоторое количество географических названий. Например, из названий стран встречаются *Shuñ-yul* (ТД 51) и *Neñu-sa* (ТД 24). Их локализация требует специального исследования. Относительно последней можно отметить, что князь *Neñu* упоминается в тибетском документе из Дунь-Хуана.³

¹ А. Н. Франке. *Tibetische Handschriftenfunde aus Turfan. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse, 1924, стр. 5.*

² Ср.: А. Н. Франке. *Notes on Sir Aurel Stein's Collection of Tibetan Documents from Chinese Turkestan. Aurel Stein. Serindia, стр. 1461.*

³ J. Vacot, F. W. Thomas, Ch. Toussaint. *Documents de Touen Houang relatifs à l'histoire du Tibet. Paris, 1940—1946, текст, стр. 80, французский перевод, стр. 84.*

В документах настоящей коллекции упоминаются также несколько городов-крепостей, занятых тибетскими гарнизонами, например Малый Ноб (Nob-cuñu, ТД 23 и Nob-chuñ-ñu, ТД 17) и Большой Ноб (Nob-c[ed]-pho, ТД 25). Первый из них О. Стейн отождествляет с Миранским городищем, а второй — с Чархлыком.¹

Встречаются также и различные звания как военные, так и гражданские. К первым, например, относятся со 'воин' (ТД 23), dar-myi, очевидно, 'знаменосец' (ТД 19). Ко вторым можно отнести, например: yul-gzigs 'областной смотритель' (ТД 18)² и близкое к нему по значению sa-zigs (ТД 24); Chags-rop 'главный весовщик' (ТД 36), pañ-rje-po (-pho) (ТД 15, ТД 33). Это последнее слово А. Х. Франке, а за ним и Ф. В. Томас переводят как 'министр внутренних дел',³ но так как лицо с таким званием было в каждой области Восточного Туркестана, где тибетцы осуществляли в VIII в. не только военное, но и гражданское управление, это слово лучше переводить 'высший гражданский сановник'.

Следует отметить также, что документы настоящей коллекции являются памятниками тибетского эпистолярного стиля того времени, отличающегося от позднейшего буддийского, и до сих пор совершенно не изученного.

Все приведенные данные говорят в пользу того, что настоящая коллекция представляет несомненный научный интерес, и ряд ее документов безусловно заслуживает опубликования с развернутым анализом их языка и палеографических особенностей. Из документов должны быть также извлечены все содержащиеся в них сведения по истории Центральной Азии.

¹ Aurel Stein. Serindia, стр. 322 и 469.

² Ср.: F. W. Thomas. Tibetan Documents concerning Chinese Turkestan. JRAS, 1930, стр. 73; 1934, стр. 100.

³ A. H. Francke. Notes on Sir Aurel Stein's Collection of Tibetan Documents from Chinese Turkestan. Aurel Stein. Serindia, стр. 1461. F. W. Thomas. Tibetan Documents concerning Chinese Turkestan. JRAS, 1934, стр. 91.

Н. Д. МИКЛУХО-МАКЛАЙ
РУКОПИСЬ „‘АЛАМАРА-И-НАДИР“

Труд Мухаммеда Казима — важный источник по истории Ирана, Средней Азии, Закавказья, Афганистана и Индии первой половины XVIII в. — стал известен в науке сравнительно недавно; востоковедная наука обязана знакомством с ним русскому ученому. В 1919 г. была напечатана статья акад. В. В. Бартольда, которая впервые познакомила науку с двумя томами (II и III) этого сочинения.¹ Оно было представлено тогда двумя уникальными рукописями, хранившимися в Азиатском музее (ныне Институте востоковедения Академии Наук СССР). В. В. Бартольд был не только первый, кто ввел в науку труд Мухаммеда Казима, но и первый, кто дал ему надлежащую оценку, подтвержденную всеми дальнейшими исследованиями.

Следующим крупным шагом в изучении труда Мухаммеда Казима явилось издание Института востоковедения Академии Наук СССР в 1938 г. сборника материалов по истории туркмен и Туркмении; в этом сборнике был дан перевод тех частей труда Мухаммеда Казима (из II и III томов), которые касались истории туркмен и Туркмении.²

В 1949 г. вышла работа И. П. Петрушевского по социально-экономической истории Азербайджана и Армении, в которой довольно широко было использовано сочинение Мухаммеда Казима в частях, относящихся к истории названных стран.³

¹ В. В. Бартольд. О некоторых восточных рукописях. Известия Акад. Наук, сер. VI, 1919, стр. 927—930.

² Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. Под ред. акад. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова, Труды Института востоковедения, VIII, Источники по истории народов СССР, М.—Л., 1938.

³ И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949.

Первому тому труда Мухаммеда Кāзима, обнаруженному позднее, посвящены две небольшие статьи пишущего эти строки.¹ В этих статьях, носивших предвзятый характер, было установлено точное название труда Мухаммеда Кāзима и время его составления, что было невозможно сделать В. В. Бартольд, ввиду отсутствия у него первого тома.

Благодаря советским ученым с трудом Мухаммеда Кāзима познакомилась и мировая востоковедная наука. Второй и третий томы этого сочинения по фотокопиям с наших рукописей были использованы Локартом в его монографии о Нāдиршāхе.²

Несмотря на наличие всех этих работ в настоящее время еще нельзя считать труд Мухаммеда Кāзима изученным и использованным нашей наукой в той степени, какой он заслуживает. Причины этого ясны. Труд Мухаммеда Кāзима пока не издан и представлен только уникальной рукописью, что, естественно, сильно затрудняет более широкое использование его специалистами. Особенно мало изучен и использован первый том сочинения Мухаммеда Кāзима, позднее других томов вошедший в науку. Содержание этого тома известно только в самом общем виде; отсутствует даже его научное описание. Настоящая статья ставит задачей дать полное научное описание рукописи первого тома сочинения Мухаммеда Кāзима, которое может облегчить специалистам-историкам изучение и использование этого ценного источника.

Рукопись первого тома труда Мухаммеда Кāзима по своим внешним данным вполне схожа с рукописями второго и третьего томов того же сочинения, описанными в свое время В. В. Бартольдом. Размер рукописи 33 × 20,8; количество листов — 337. Своей (восточной) пагинации рукопись не имеет; существующая в настоящее время европейская пагинация — позднейшего происхождения; первоначально порядок листов в рукописи определялся кустодами. На каждой странице рукописи 19 строк. Размеры полей в рукописи — средние. Бумага — русская с водяными знаками различных заводов. Текст писан тушью, названия глав — кинovarью; причем в отдельных случаях названия глав от времени настолько стерлись, что с трудом поддаются чтению; в некоторых местах названия глав опущены, но для

¹ Н. Д. Миклухо-Маклай. Труд Мухаммеда Казима и его значение для истории туркмен. Известия Туркменского филиала Акад. Наук СССР, 5—6, Ашхабад, 1945; он же. О первом томе труда Мухаммеда Казима. Советское востоковедение, V, М.—Л., изд. Акад. Наук СССР, стр. 128—136.

² L. Lockhart. Nadir Shah. London, 1938.

них оставлены белые места в тексте (например на лл. 33а, 36б, 38б).

Рукопись писана крупным и четким наста'лй̄зом, отдельные места (например лл. 33—38) другим, более крупным и грубым почерком, но, повидимому, той же рукой, что и вся остальная рукопись.

Текст рукописи заключен в рамки из красных, синих и желтых линий. В начале рукописи имеется небольшой 'унвāн (заставка), сильно попорченный. 'Унвāн этот грубо выполнен и весьма посредствен по своим художественным достоинствам. Текст рукописи иллюстрирован 44 миниатюрами; исполнены они очень живо и красочно без каких-либо следов европейского влияния, столь характерного для многих индийских и иранских миниатюр XVII—XVIII вв. Сюжеты большей части миниатюр — батальные сцены и эпизоды из жизни Надира или других представителей высшей феодальной знати тогдашнего Ирана. Исключение в этом отношении составляют только отдельные миниатюры, в которых, наряду с представителями феодальной знати, изображаются и представители народа. Таковой является, например, миниатюра на л. 329б, изображающая строительство Мервской плотины.

Несмотря на узость своей тематики, миниатюры, помимо художественного значения, могут представить известный интерес и для историка как дополнительный материал для изучения некоторых реалий XVIII в. — вооружения, одежды, украшений и т. д. Не все миниатюры одинаково хорошо сохранились, некоторые из них сильно повреждены временем и сыростью. Полный список миниатюр с указанием сюжетов, которые они изображают, дается в конце статьи в особом приложении.

Рукопись имеет переплет; переплет этот восточный (среднеазиатский) кожаный, темнокрасного цвета, с тремя вытисненными посредине медальонами.

Рукопись дефектна; как явствует из указания переписчика (л. 337б), первоначально рукопись имела 340 листов, в настоящее время в ней всего 337 листов; в связи с этим в рукописи в трех местах обнаруживаются лакуны в 1 лист после лл. 29, 43 и 77. Кроме того, после л. 243 листы в рукописи перебиты: л. 243 должен следовать за л. 248.

Заключительные строки рукописи (л. 337б) попорчены, отдельные слова в них с трудом поддаются чтению, однако общий их смысл достаточно ясен; в них сообщается, что настоящая рукопись переписана (тахрйр) „по указанию (хасабул-ишāрә)... мирзы Мухаммеда Кāзима везйра Мерва Шāхи-

ان لاجی را که خاک رسم است خراب کرده کال میگرد و جمعی کعبه از مدتی در آبادی
ان می میگردد بنحاشاک مسدود می نمودند رفته رفته خرابی بسیار در آن کاره
برویدیم سیه و چوپه خلفای بنی عباس ارادمان نمودند که از پانین تریا بالانتر
بنده ذکر بسته است را بر و برزند میگردید تا در ایام سلطان ملک شاه سلجوقی
خرابی بسیار در بنده بسیار که بوقوع آنجا میداد از آن باله قطع شد و اشیاء باقی
خساک شد و پادشاه عدالت کبته مقرر فرمود که بقرب کعبه هزار عمارت از ولایت
ایران و توران و عرض شش ماه حاضر نمودند و جمعی را مقرر فرمود که ایک از انوی
ور بنده ارض اقدس سوزانیده در بارستان گردوی آوردند و بر خیر امقر نرسید
که بخت نالیدن مشغول شدند و در هزار نفر متصل ایک می آوردند و در هزار
پوارق سپدن قرار دادند و در هزار نفر بجز نون خانه مامور گردیدند و بایل صلح نمود
که پانصد هزار خانوار بودند مقرر فرمود که هر جا اروا نه باشد شیران را گرفتند
ر بنده حاضر نمودند و ایک که میا صفت باشد کاه و مخرج می نمودند ر ستمه عمل باورن
خاشاک مشغول بودند و بقول کثر علیه بنده فرمودند که اولاد و اولاد شینده ام که
در الح میریاب رده که مرد و لسا ر دولت مند با بروی تمام بود موی لیه میگوید که در
مکل بسجی که مردم اراده خاشاک آوردن میگردند شتر و اسب و الاغی که پیش
انداخته میرفتند شاره کردم که موازی شش هزار الاغ قاتقه پیشانی در آن
میان الاغان بازمیکشیدند و بدین قیاس عقل از تصورین عاجز و قاهر است و
در حکام ساختن و من از سمت جنوبی ان را خراب نمود که جمیع اب رود در آنجا
مرفتنه در مدت سه ماه ان و من با تمام رسید و روانی که نسبت مرد و خجی است

джана", причем имя мирзы наделяется всевозможными почетными эпитетами, вроде „Собрание добродетелей и совершенств“ и др. Следовательно, наша рукопись была выполнена по заказу самого автора, — обстоятельство, придающее ей исключительную ценность и значение. Ниже стоит дата переписки рукописи (1166/1752-1753 г.). Та же дата переписки указывается в трех приписках одинакового содержания, имеющих на полях рукописи на лл. 2346, 2646 и 3136. Эти приписки гласят: „Пишущий эти строки мирзә Мухаммед Казим везир мервский назвал эту замечательную книгу (наме) «Аламара-и-Надирй» („Книга об украшателе мира Надире“) и разделил [ее] на три тома (джилд); для памяти переписано 1166 г. х.“.

Эти приписки (за исключением указания даты переписки) почти буквально повторяют фразу из предисловия Мухаммеда Казима к своему труду и несомненно оттуда заимствованы (см. л. 36). Как было уже установлено, Мухаммед Казим начал свое сочинение примерно в 1163/1749-1750 г.,¹ следовательно, не более трех лет отделяют нашу рукопись от начала составления самого труда.

На полях рукописи имеется еще несколько приписок (лл. 266, 1116, 116а, 1176, 1246, 1476, 1496, 1706, 190а, 224а, 279а, 3046). Приписки эти, за одним пожалуй исключением (приписка на л. 266), сделаны одной рукой. Почерк их весьма схож с почерком основного текста; по своему стилю они ничем не отличаются от стиля основного текста, по своему содержанию — дополняют текст часто в весьма существенных деталях. Все это позволяет заключить, что эти приписки не являются позднейшими вставками, а сделаны переписчиком основного текста, иначе говоря, восходят к оригиналу или сделаны по указанию автора.

Содержащаяся в конце рукописи и в трех приписках на полях дата переписки первого тома очень важна. Дело в том, что второй и третий томы рукописи сочинения Мухаммеда Казима даты переписки не имеют. Находящаяся в конце третьего тома дата переписки может быть прочтена как 1201 или 1210 г. х., но отнюдь не как 1171 г. х., как ошибочно прочел эту дату Локарт.² Однако она не может служить для датировки третьего тома; она датирует только переписку двух последних листов третьего тома. Эти листы писаны другим почерком, чем вся остальная рукопись, и на другой бумаге; кроме того, они по размерам меньше остальных

¹ Н. Д. Миклухо-Маклай. О первом томе труда Мухаммеда Казима, стр. 130.

² L. Lockart, ук. соч., стр. 293.

листов. Нет сомнений, что эти листы позднейшего происхождения и что они восполняют лауну, образовавшуюся со временем в тексте. За исключением этих листов, все три тома писаны одной рукой; внешние их данные (количество строк на странице, рамки, в которые заключен текст, характер миниатюр и т. д.) одинаковы. Из этого следует, что они принадлежат к одному списку, — обстоятельство весьма важное, поскольку оно позволяет датировать второй и третий томы, не имеющие своей датировки, по первому тому, т. е. примерно 1166 г. х.

Здесь необходимо указать еще на одно важное обстоятельство. Во всех трех томах рукописи в тексте встречаются мелкие поправки (вставки отдельных слов и т. д.), которые сделаны другим почерком, чем основной текст. В. В. Бартольд, первый обративший на них внимание при анализе второго и третьего томов, высказал мнение, что они принадлежат автору. Действительно, поправки эти очень характерны и имеют вид авторской правки, особенно в некоторых случаях (см., например, поправку на л. 330б в первом томе). Теперь, когда установлено, что наша рукопись была выполнена по заказу самого Мухаммеда Казима, сомневаться в принадлежности этих поправок автору не приходится.

Таким образом, все три тома рукописи несомненно являлись как бы авторским экземпляром Мухаммеда Казима, куда он вносил свои поправки. Этим самым наша рукопись, не будучи автографом, по своему значению вполне может быть приравнена к последнему.

В этой связи следует отметить еще одно важное обстоятельство. Как известно, В. В. Бартольд считал, что окончание третьего тома (с л. 195а) принадлежит не самому Мухаммеду Казиму, а его сыну, иначе говоря, что Мухаммед Казим не является автором всего труда. Это мнение В. В. Бартольда (кстати сказать, повторенное вслед за ним всеми писавшими о труде Мухаммеда Казима), основано на неправильном прочтении им одного слова в тексте. В рукописи третьего тома на л. 195а имеется фраза: مسود این اوراق دلپذیر

محمد کاظم وزیر معروض میدارد

‘Пишущий эти приятные листы Мухаммед Казим везир сообщает’: В. В. Бартольд прочел эту фразу: مسود این اوراق ولیدذر محمد کاظم وزیر معروض میدارد

‘Пишущий эти листы сын Мухаммеда Казима везира сообщает’: и заключил из нее, что окончание сочинения Мухам-

меда Кāзима принадлежит не ему, а его сыну.¹ Вышеприведенное показывает, что это мнение В. В. Бартольда основано на недоразумении и что нет никаких оснований считать, что Мухаммед Кāзим не является автором всего труда.

Место переписки нашей рукописи не указано; судя по ее внешнему виду, можно предполагать, что она была переписана в Хорасане, вполне возможно — в городе Мерве, свою связь с которым Мухаммед Кāзим неоднократно подчеркивает, уделяя значительное место Мерву в своем сочинении и неизменно добавляя к своему имени и название своей должности „везир мервский“. В дальнейшем рукопись попала в Бухару, о чем свидетельствуют две надписи на последнем листе первого тома. Одна надпись, помеченная Бухарой, содержит дату — месяц мухаррем 1265/ноябрь-декабрь 1848 г. и имя сеййид Улуг хōджа, другая надпись без даты, — только имя, — сеййид Абд-ар-рахман ибн сеййид Ахмед хōджа нақиб Бухары.

Повидимому, рукопись попала в Бухару еще в конце XVIII в. В пользу такого предположения говорит реставрация рукописи, произведенная в 1201/1786-1787 г.; судя по бумаге и почерку двух последних листов третьего тома, долженствующих восполнить лакуну, образовавшуюся в тексте, эта реставрация была произведена в Бухаре или Самарканде.

Несколько позднее, вероятно одним из владельцев, были сделаны надписи на некоторых миниатюрах первого тома (см., например, миниатюры на лл. 9а, 14б, 42б), поясняющие их содержание. Эти надписи сделаны кинноварью и сильно потускнели от времени. Одна из надписей (на л. 42б) датирована 1225 г. х. (1810 г. н. э.). Таково наиболее существенное, что можно сказать, на основе анализа самой рукописи, об ее внешних данных, происхождении и истории.

Что же касается ее автора, т. е. Мухаммеда Кāзима, то о нем, его происхождении и жизни, мы располагаем только теми сведениями, которые он сам сообщает о себе в своем труде. Сведения эти, очень краткие и отрывочные, разбросаны по всем трем томам сочинения Мухаммеда Кāзима. Они уже известны в литературе, и здесь нет необходимости их повторять. Мы приведем только те сведения о Мухаммеде Кāзине, которые находятся в первом томе его труда

¹ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 927. — Разрядка наша, — Н. М.-М.

и которые до сих пор не вошли в научный оборот. Эти сведения не лишены интереса.

В своем труде Мухаммед Казим подробно рассказывает о страшном погроме, произведенном в 1138/1725-1726 г. в Мерве захватившими его кочевниками из племени тātār (л. 47а). Во время этого погрома едва не погиб сам Мухаммед Казим и его семья. По словам Мухаммеда Казима, ему тогда было всего 5 лет от роду и он жил в Мерве с семьей, имевшей там свой дом (л. 47б). Эти факты, нам кажется, могут служить бесспорным доказательством мервского происхождения Мухаммеда Казима, которое и объясняет особое внимание, уделяемое нашим автором Мерву.

Отец Мухаммеда Казима (имя которого в рукописи нигде не названо), как известно, находился на службе Нāдира. Когда и при каких обстоятельствах он поступил на службу к Нāдиру, Мухаммед Казим не сообщает.

Во всяком случае, уже в 1141/1728-1729 г. отец Мухаммеда Казима участвовал в первом походе Нāдира на Герат и, следовательно, состоял у него на службе (л. 71а). О походе на Герат и о борьбе Нāдира с афганским племенем абдāли, владевшим тогда Гератом, Мухаммед Казим, со слов отца, сообщает много интересных сведений.

В 1145/1732-1733 г. отец нашего автора занимался по приказу Нāдира восстановлением мазара в городе Каине (Хорасан), разрушенном землетрясением (л. 154б).

В 1147/1734-1735 г. отец Мухаммеда Казима находился на работах по строительству, вернее, восстановлению знаменитой Мервской плотины (Бенд-и-Султāн), разрушенной в результате феодальных смут и междоусобий в 20-х годах XVIII в.

Нāдир решил восстановить Мервскую плотину и поручил это дело своему брату Ибрāхīm-хāну, бывшему тогда правителем Мешхеда. После того как основные работы по восстановлению Мервской плотины были закончены и Ибрāхīm-хāн уехал из Мерва, отец Мухаммеда Казима был оставлен для продолжения работ на плотине, причем в его распоряжение была дана одна тысяча рабочих. В дальнейшем отца нашего автора вызвали в Мешхед к самому Нāдиру для отчета о своей работе по восстановлению Мервской плотины. Его деятельность получила одобрение, и он даже был награжден Нāдиром 50 туманами (лл. 330б—331а).

Что же касается самого Мухаммеда Казима, то он о себе кратко упоминает в главе, повествующей о попытке афганского правителя Герата Зульфакār-хāна захватить

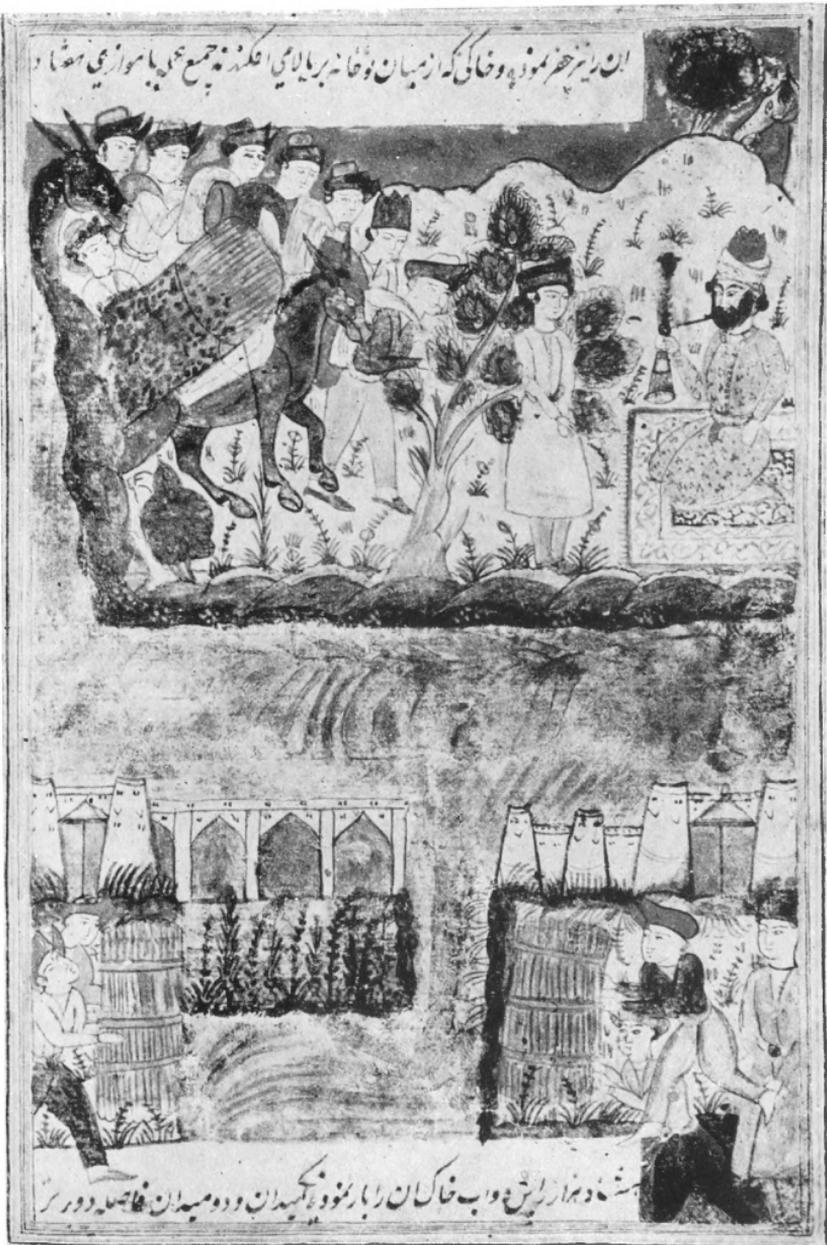
в 1143/1730-1731 г. Мешхед. Из этой главы мы узнаем, что Мухаммед Казим в месяце мухарреме 1143/июле—августе 1730 г. находился в Мешхеде, где учился в медресе у некоего сеййида Мир Шемс-ад-дина 'Али Мазендерани (л. 115а). Учеба, повидимому, была недолгая, и Мухаммеду Казиму не удалось получить хорошего образования, о чем он сам сожалеет в предисловии к первому тому своего труда (л. 26). Очень скоро, по примеру своего отца, Мухаммед Казим поступил на службу к Надиру. Но когда это произошло — он не указывает. Во всяком случае, Мухаммед Казим еще жил в Мешхеде, когда прибыл Надир после завоевания Герата в 1732 г. В этот свой приезд в Мешхед Надир сделал распоряжение о восстановлении некоторых старых зданий в городе и постройке нескольких новых. Мухаммед Казим рассказывает, что он ежедневно ходил в квартал (махалл), где по приказу Надира строили минарет и айван. Эта работа, по словам Мухаммеда Казима, продолжалась год и была закончена в 1145/1732-1733 г. (л. 153а). Однако уже в 1149/1736-1737 г. Мухаммед Казим выполнял весьма ответственное поручение Надира (л. 238б): ему было поручено наблюдение за переселением части курдского племени мукадам из района Мераги (Азербайджан) в Келат (Хорасан).

Мухаммед Казим еще в нескольких местах в первом томе своего труда упоминает о себе и своем отце (лл. 118б, 181а, 263а, 272б), но эти упоминания дают очень мало для пополнения наших сведений о его биографии.

Автобиографические данные, содержащиеся во втором и третьем томах (уже известные в научной литературе) позволяют нам, хотя и вкратце, проследить за ходом служебной карьеры Мухаммеда Казима вплоть до занятия им ответственного поста везира Мерва.

После падения державы Надир-шаха в 1747 г., Мухаммед Казим скоро (как это можно заключить из его предисловия к своему труду) отошел от служебных дел и посвятил себя литературной работе, результатом которой и явилось настоящее сочинение (лл. 26—3а).

Как видно из всех этих данных, Мухаммед Казим принадлежал к бюрократическому сословию, составлявшему в тот период, наряду с оседлой и кочевой знатью, а также высшим духовенством, одну из основных групп господствующего феодального класса. Мухаммед Казим принадлежал к тем представителям этого сословия, которые перешли на службу к новому властителю Ирана, Надиру, ликвидировавшему в 1736 г. окончательно власть Сефевидов, правивших

Мухаммед Казим. „Книга об украшателе мира Надире“.
 Восстановление мервской плотины. XVIII в.

Ираном свыше двух столетий (1502—1722) и положившему начало новой династии. И классовая принадлежность, и политические симпатии автора проявились вполне отчетливо в его труде.

Главное внимание в своем сочинении Мухаммед Казим уделяет представителям господствующего феодального класса и прежде всего Нāдиру. Положение народа интересует автора только поскольку оно имеет отношение к тем или иным действиям представителей класса феодалов и к их судьбам.

Мухаммед Казим безусловно отрицательно относится ко всякому рода народным движениям. Так, например, он резко осудил народное движение, происходившее в Мешхеде в начале 20-х годов XVIII в. и направленное против шахских властей. Участников движения в Мешхеде Мухаммед Казим по примеру других феодальных хронистов именуется обычно: „разбойники“ (лузд), „подонки“ (аубаш), „чернь“ (аджāмирэ), „невежды“ (аджлāф), „гуляки“ (лūtī) и т. д. О руководителе движения, на время захватившем власть в Мешхеде, Мухаммед Казим писал: „Он воображал, что дела султаната и падишахства (т. е. верховной власти) подобны предводительствованию чернью и подонками“ (л. 276). Примеров подобного отрицательного отношения Мухаммеда Казима к народным движениям можно было бы привести множество. Во всем этом несомненно сказался в авторе представитель господствующего феодального класса.

Политические симпатии автора наложили не менее яркий отпечаток на его труд. Сочинение Мухаммеда Казима носит явно панегирический характер по отношению к Нāдиру; последний рисуется автором как спаситель страны от внешних и внутренних врагов. Нāдир наделяется Мухаммедом Казимом всякого рода почетными прозвищами, в том числе и прозвищем „сāхиб-кирāн“ („обладатель счастливого сочетания звезд“), которое в свое время носил знаменитый Тимур. Имя Нāдира неизменно сопровождается различными хвалебными эпитетами вроде „победоносный“, „гордый“ и т. д.

Не менее тенденциозной была и трактовка Мухаммедом Казимом противников Нāдира, только с той разницей, что для них он не жалел черных красок. Политические враги Нāдира — отдельные феодалы и представители кочевой знати, стремившиеся сохранить свою независимость, обыкновенно изображаются Мухаммедом Казимом как „мятежники“ или „бунтовщики“, а их действия как „бунт“ и „мятеж“. Именно так, например, автор рисует борьбу кочевой знати ряда

курдских, лурских, бахтиарских и других племен за свою самостоятельность против Нәдира. Не менее тенденциозно и изображение внешнеполитических врагов Нәдира, например афганцев и турок.

Все эти моменты следует учитывать и при использовании труда Муҳаммеда Кәзима, подходить к нему критически. Однако, несмотря на указанные недостатки (свойственные, впрочем, всем сочинениям, отражавшим интересы феодального класса на Востоке), труд Муҳаммеда Кәзима является важнейшим историческим источником, заключая в себе богатейший фактический материал. Он дает возможность с достаточной полнотой выявить классовое лицо Нәдира как представителя интересов военно-феодальной знати кочевых племен Хорасана, являвшихся основной социальной опорой его власти.

Отводя первое место в своем труде (как уже отмечалось) политическим и военным событиям, Муҳаммед Кәзим, тем не менее, попутно сообщает много сведений социально-экономического характера, в чем и состоит основная ценность его труда. В этом отношении Муҳаммед Кәзим выгодно отличается от своего современника Мехдй-хана Астерәбәдй, который в своем известном труде о Нәдир-шәхе дает почти исключительно только военно-политическую историю его царствования.¹

Труд Муҳаммеда Кәзима охватывает всю историю Нәдир-шәха от его рождения до гибели в 1747 г. Первый том содержит историю Нәдира до 1736 г., точнее, до момента созвья представителей феодальной знати в Муганской степи, собранных туда для „избрания“ Нәдира шахом Ирана.

Наиболее ценным в первом томе следует признать обильный фактический материал, который позволяет проследить в деталях постепенное превращение Нәдира из мелкого феодала-авантюриста в ставленника и признанного главу кочевой военно-феодальной знати хорасанских племен, а затем фактического властителя всего Ирана.

Не менее важными являются также многочисленные факты, содержащиеся в первой части труда Муҳаммеда Кәзима, которые (вопреки воле автора) дают возможность вполне отчетливо выявить характер войн Нәдира, обусловленный хищническими стремлениями кочевой военно-феодальной знати, видевшей в войнах основное средство обогащения. Этот характер войн Нәдира с полной определенностью проявив-

¹ Мйрзә Муҳаммед Мехдй-хан Астерәбәдй. Тәрих-и-джихән-кушә-и-Нәдирй“. Литограф. изд., Бомбей, 1309 г. х. [1891—1892 г. н. э.]. (В дальнейшем цитируется: Мехдй-хан).

шийся после „избрания“ его шахом, дает о себе знать уже на ранних этапах его карьеры, когда Нāдир объективно выполнял задачу освобождения Ирана от афганцев и турок. Как показывает ряд фактов, приводимых Мухаммедом Кāзимом (см., например, лл. 62а, 103б, 110б, 119б, 192а и многие другие), грабительские мотивы войн Надира можно обнаружить и в начальные годы его деятельности.

Заслуживают внимания и сведения (правда, немногочисленные), сообщаемые Мухаммедом Кāзимом в первом томе о налоговых мероприятиях Нāдира (лл. 150а, 264а—264б).

Наконец, исключительный интерес представляют те главы и страницы первого тома, которые посвящены описанию событий, происходивших на территории современной Туркмении. Можно, пожалуй, без преувеличения сказать, что рассматриваемый нами том сочинения Мухаммеда Кāзима является основным источником для истории Туркмении, и в особенности — города Мерва, в первые три десятилетия XVIII в. Особую ценность здесь представляют главы, посвященные Мерву и, в первую очередь, глава, содержащая подробный рассказ о работах, предпринятых по приказу Нāдира, по восстановлению знаменитой мервской плотины (лл. 327б—331б).

Сказанным далеко не исчерпывается значение первого тома труда Мухаммеда Кāзима как исторического источника. Каков круг вопросов, затронутых в сочинении Мухаммеда Кāзима, лучше всего может показать более детальное ознакомление с содержанием его первого тома.

Этот том труда Мухаммеда Кāзима состоит из предисловия автора и 82 глав. Перечень этих глав даст наиболее полное представление о содержании этой части сочинения Мухаммеда Кāзима и главное облегчит для специалистов-историков ее использование. Главы (за редким исключением) носят весьма цветистые названия, например: „О высоком движении обладателя счастливого сочетания звезд времени [т. е. Нāдира] в округах и области Хорасана, об упорядочении некоторых рубежей с помощью милости божьей и о возвращении в город Абиверд“ (л. 43б) или: „Движение сверкающих подобно солнцу знамен обладателя счастливого сочетания звезд [т. е. Нāдира] с помощью бога в сторону Луристана“ (183а).

Естественно, что такая цветистость названия глав несколько не способствует более полному раскрытию их содержания. Поэтому ниже мы вместо перевода названия глав даем перечень глав с кратким указанием их содержа-

ния, в некоторых случаях отмечая в сносках отдельные важные факты, содержащиеся в них. Многие из приводимых в сносках фактов отсутствуют в других известных нам источниках.

В тексте нумерации глав нет, но мы ее вводим для удобства читателя.

Предисловие автора (15).¹ Краткие данные об авторе и обстоятельствах составления его труда.

1 глава (4а). Переселение Сефевидами кочевых племен в Хорасан для укрепления своей власти в этой области.² Происхождение Нәдира³ и его жизнь в ранние годы вплоть до поступления на службу к правителю Абиверда Бабә 'Али-беку.

2 глава (86). Военные действия и грабительские походы Нәдира в качестве военачальника правителя Абиверда Бабә 'Али-бека против туркменских племен, живших в районе Абиверда.⁴

3 глава (116). Поездка Нәдира в район Келата по поручению правителя Абиверда. „Чудесное видение“ Нәдиру с предсказанием его будущей судьбы.

4 глава (136). Освободительное движение афганских племен против владычества Сефевидов — племени гильзай в Кандахарской области и племени абдәли в Гератской области. Захват гильзаями Кандахара и абдәли Герата. Неудачные попытки шахских властей подавить эти восстания.

¹ В скобках указаны листы рукописи.

² В этой главе содержатся интересные сведения, не имеющиеся в других источниках (например: „Тәрих-и-‘әлемәрә-и-‘аббәси“ Искандера Мунши), о переселении шахом 'Аббәсом I (1589—1629) некоторых кочевых племен из Азербайджана в Хорасан с целью защиты этой области от узбеков; в том числе было переселено 4500 семейств (хәнвәр) из племени афшәр из Урмии в район Абиверда и Дереджеза, около 30 000 курдских семейств в район Хабушана и Аладага и некоторое число кәдждар из районов Тебриза и Ганджи в районы Мерва и Астрабада (4а—4б).

³ Об имущественном положении семьи Нәдира Мухаммед Кәзим сообщает, что она имела 700—800 голов баранов и 10—15 кобылиц (5а).

⁴ По свидетельству М. Кәрима, однажды Нәдир специально был послан в Исфахан к шахскому двору с извещением о большом сражении правителя Абиверда с туркменами йомудами. В этом сражении йомуды понесли большие потери, до 1400 человек убитыми и пленными и бежали к Теждену. За это известие Нәдир был награжден шахом Султан-Хусейном 100 туманами (9б). В других известных нам источниках, в том числе и у Мехдй-хана, нет никаких известий об этой поездке Нәдира в Исфахан (Мехдй-хан, стр. 29—30).

5 глава (176). Поход главы племени гильзай правителя Кандахара Махмуда на Иран к столице Сефевидов — городу Исфахану.¹

6 глава (196). Разгром Махмудом шахской армии под Исфаханом.² Осада афганцами Исфахана.³ Капитуляция Исфахана. Низложение Сефевидской династии в лице шаха Султан-Хусейна (1694—1722). Воцарение Махмуда в Исфахане.

7 глава (226). Правление Махмуда в Исфахане и его убийство. Воцарение Ашрафа и его правление.

8 глава (23а). Борьба сефевидского принца Сефй-мирзы против турецких войск, вторгшихся в Хамаданскую область. Гибель Сефй-мирзы.

9 глава (246). Походы Нāдира против туркменского племени теккэ в районы Несы и Дуруна. Укрепление положения Нāдира при правителях Абиверда Курбан ‘Али-беке и Хасан ‘Али-беке.

10 глава (26а). Народное движение в Мешхеде⁴ и захват им власти в городе после падения Сефевидского государства. Разгром феодальным владетелем Табаса Мелик Махмудом Сеистāй народного движения в Мешхеде.⁵ Укрепление власти Мелик Махмуда в Мешхеде. Стремление Мелик Махмуда к распространению своей власти на весь Хорасан.

¹ Численность войска Махмуда, принявшего участие в походе на Иран, М. Кāзим определяет примерно в 30 000 человек (176).

² Численность шахской армии, разбитой афганцами под Исфаханом, М. Кāзим определяет в 60 000 человек (20а).

³ Обороной осажденного афганцами Исфахана руководил шахский двор, придерживавшийся бездеятельной, трусливой и даже предательской тактики в деле защиты города от внешнего врага. Такая позиция шахского двора была обусловлена его страхом перед собственным народом, а отсюда — его нежеланием и неспособностью опереться на народ в борьбе с иноземными завоевателями. Население, страдавшее от голода в осажденном Исфахане и прекрасно понимавшее, какие ему грозят бедствия в случае захвата города внешним врагом, естественно было возмущено поведением шахского двора. В городе неоднократно возникали стихийные волнения, имевшие главной целью побудить шахский двор к решительным действиям против внешнего врага; в одном из таких волнений, по свидетельству М. Кāзима, приняло участие 30—40 тысяч человек (21а).

⁴ Руководителем народного движения в Мешхеде, согласно М. Кāзиму, был некий Хбджа Мухаммед (26б).

⁵ По словам М. Кāзима, около 4—5 тысяч человек объединилось вокруг руководителя движения Хбджа Мухаммеда для борьбы с Мелик Махмудом Сеистāй (276). Содержащиеся в труде М. Кāзима интересные подробности о разгроме Мелик Махмудом Сеистāй народного движения в Мешхеде у Мехдй-хāна отсутствуют (Мехдй-хāн, стр. 12).

11 глава (29а). Признание феодальной знатью Абиверда верховной власти Мелик Махмұда. Назначение Мелик Махмұдом правителя Абиверда. Борьба между Нәдиром и враждебной ему группировкой абивердской знати за [власть в Абиверде. Укрепление власти Нәдира в Абиверде.

12 глава (31а). Начало вооруженной борьбы между Нәдиром и Мелик Махмұдом. Притязания Мелик Махмұда на верховную власть во всем Иране. Враждебное отношение феодальных кругов Хорасана к притязаниям Мелик Махмұда.

13 глава (33а). Вторжения сәин-хәновских туркмен в Хорасан.¹ Захват власти в Ширване дагестанскими феодалами во главе с Ходжа Даўдом и Сурхәем. Вторжения турецких войск в Грузию, Армению, Азербайджан и Западный Иран (Хамадан). Выступление под видом сефевидских принцев различных самозванцев в ряде областей Ирана, с притязаниями на власть. Общий хаос в стране.

14 глава (366). Отправка послов правителем Хорезма Ширгәзй-хәном к Нәдиру в связи с разграблением каравана хорезмских купцов. Продолжение борьбы Нәдира за укрепление своей власти в северных районах Хорасана.

15 глава (386). Борьба за власть в Мерве между кызылбашскими феодалами и кочевой знатью племени тәтәр. Опустошение Мерва вследствие феодальных смут и болезней.² Обращение кызылбашских феодалов за помощью к Нәдиру. Поход Нәдира на Мерв.

16 глава (41а). Борьба Нәдира с племенем тәтәр за владичество в Мерве. Разгром Нәдиром племени тәтәр.³ Переселение Нәдиром части населения в район Абиверда. Борьба Нәдира за подчинение курдских племен района Хабушана.

17 глава (436). Поход Нәдира к Джувейну и Исфараину и подчинение им этих округов. Набеги афганцев на округ Хаф. (Окончание главы отсутствует вследствие лакуны в тексте, но, судя по названию главы, в ней шла речь о военных действиях Нәдира в Хорасане).

18 глава (44а). (Нет начала главы из-за лакуны в тексте). Положение в Азербайджане. Неудачная попытка претендента на шахский престол Сефевида Тәхмәспа II упрочить

¹ Местами поселения сәин-хәновских туркмен М. Кәзим называет области Мерва, побережья Дзейхуна (Аму-Дарья), Джурджана (Астрабада) и Дешт-и-Кыпчака (33а).

² Эпидемия чумы в 1126/1723-1724 г. в Мерве, по свидетельству М. Кәзима, унесла около 30—40 тысяч жертв (40а).

³ Число воинов, выставленных племенем тәтәр против Нәдира М. Кәзим определяет приблизительно в 12 000 человек конных и пеших, что может служить и для определения численности самого племени (41а).

свое положение в Азербайджане. Прибытие Тахмасапа II к правителю Астрабада Фатх 'Али-хану Каджару.

19 глава (456). Поход Фатх 'Али-хана Каджара и шаха Тахмасапа II в Хорасан. Присоединение Надира к шаху Тахмаспу II. Распри в шахском лагере и убийство Фатх 'Али-хана Каджара. Осада и взятие Мешхеда шахскими войсками.

20 глава (47а). Разграбление Мерва племенем татар.¹ Поход брата Надира Ибрахим-хана на Мерв в 1139/1726-1727 г. Разрушение Ибрахим-ханом по приказу Надира Мервской плотины (Бенд-и-мубаракэ-и-султани).²

21 глава (496). Распри среди феодальной верхушки племени татар в Мерве (Мухаммед Риза-хан и Казим-бек). Подчинение Мерва Надиром.

22 глава (506). Поход Надира на курдские племена Хабушана.³ Борьба Надира с курдами. Победа Надира и подчинение курдских племен Хабушана.⁴

23 глава (546). Брак Надира.

24 глава (566). Поход Надира к Сенган-и-Хафу. Борьба Надира с афганцами. Покорение Надиром крепостей Файзабад и Сенган-и-Хаф.

25 глава (62а). Набег Надира на туркмен йомудов в районе Теджена. Восстание против Надира Зульфикар-хана в Мазендеране и Мухаммед 'Али-хана в Гиляне (Решт, Лахиджан). Карательная экспедиция Надира против туркмен йомудов Астрабадской области.

26 глава (66а). Поход Надира против афганцев-абдали.⁵ Борьба Надира с афганцами в районе Сенгана и поражение

¹ Численность этого племени, жившего тогда в Мерве, М. Казим определяет в 1—2 тысячи семейств (ханвар) (47а).

² Судя по рассказу М. Казима, разрушение плотины произошло в конце 1139 г. х. Мехди-хан дает ту же дату 1139 г. х., однако никаких подробностей не сообщает и только указывает, что Ибрахим-хан по воле Надира разрушил Мерв и Бенд-и-Султани (Мервскую плотину) (Мехди-хан, 54).

³ Численность курдов Хабушана М. Казим определяет в 30—40 тысяч семейств (ханвар) (51а).

⁴ За свое поражение курды, по свидетельству М. Казима, заплатились тяжелой контрибуцией в пользу Надира, состоявшей из 100 рабынь и рабов, 1200 лошадей, 120 000 баранов и 400 верблюдов (54а).

⁵ В походе Надира на Герат, по свидетельству М. Казима, приняло участие около 20 000 войск, составленных преимущественно из курдов, афшар, мервцев и других, при 50 больших пушках (туп) и 400 маленьких (занбурек). Согласно Мехди-хану, Надир выступил в поход на Герат 4 января 1141/4 мая 1729 г. (Мехди-хан, стр. 96). Однако Мехди-хан не сообщает никаких данных о численности войск Надира и их составе (Мехди-хан, стр. 96).

афганцев. Соглашение Нāдира с афганцами и отступление Нāдира из-под Герата в связи со слухами о походе афганского правителя Ирана Ашрафа на Хорасан.

27 глава (74а). Восстание против Нāдира курдов племени қарāчарлу в районе Несы и Дуруна. Карательная экспедиция против курдов Ибрāхїм-хāна (брата Нāдира) и его поражение. Посылка Нāдиром 6000 войска для подавления восстания курдов.

28 глава (78б). Выступление афганского правителя Ирана Ашрафа в поход в Хорасан. Поражение афганского войска Нāдиром в битве на реке Михмандуст (к северо-востоку от Дамгана).

29 глава (82а). Попытка соглашения Нāдира с Ашрафом и ее неудача. Битва при Мурчехуре и разгром Ашрафа. Занятие Исфахана войсками Нāдира. „Восстановление“ державы Сефевидов и „утверждение“ на шахском престоле Тāхмāспа II.

30 глава (88б). Поход Нāдира против Ашрафа в Фарс. Поражение Ашрафа в битве при Заргане (к северо-востоку от Шираза). Гибель Ашрафа. Подчинение войсками Нāдира Фарса и прилегающих районов.

31 глава (92а). Борьба Нāдира с Осмāн-пāшой, турецким правителем (вāли) Хамадана. Поражение турецких войск Нāдиром. Занятие Нāдиром Хамадана.

32 глава (98б). Борьба Нāдира с турецким военачальником Тимур-пāшой. Победа Нāдира над турецкими войсками в области Арделян (Синнē). Вступление Нāдира в Азербайджан. Завоевание Нāдиром Мераги и некоторых районов Азербайджана.

33 глава (104б). Поражение турецких войск в Азербайджане. Поход Нāдира на Тебриз. Восстание жителей Тебриза против турецких властей. Обращение Нāдира к турецким правителям городов и округов Азербайджана и Армении, захваченных турками, с предложением их добровольно очистить. Бегство турецкого правителя из Урмии.

34 глава (110б). Распри среди феодальной верхушки племени абдāли в Герате. Захват власти в Герате Зўльфикār-хāном. Поход Зўльфикār-хāна на Мешхед. Поражение войск правителя Мешхеда Ибрāхїм-хāна афганцами (муҳаррем 1143/июль—август 1730 г.).¹ Обращение Ибрāхїм-хāна за помощью к Нāдиру.

¹ Согласно Мехдї-хāну, 13 муҳаррема 1143/30 июля 1730 г. (Мехдї-хāн, стр. 144).

35 глава (116а). Возвращение Нәдира из Азербайджана в Хорасан¹ в связи с нападением афганцев на Мешхед. Восстание против Нәдира туркменских племен (әрсари, теккә, йомуд, сарык) в районе Теджена и Сарыкамыша.² Карательный поход Нәдира в Теджен против туркмен.³ Приказ Нәдира о строительстве крепости Келат. Торжества в Мешхеде в связи с женитьбой старшего сына Нәдира — Ризә кули-хана.

36 глава (124а). Поход Нәдира на Герат. Битва Нәдира с правителем Герата Зүльфигәр-ханом при Джуй-и Нукрә („Серебряный ручей“).

37 глава (130а). Второе сражение Нәдира с Зүльфигәр-ханом в районе Джуй-и-Нукрә и поражение афганцев.

38 глава (133а). Прибытие Нәдира к Герату. Борьба между афганцами и войсками Нәдира за Ферах. Обращение правителя Герата Зүльфигәр-хана за помощью к правителю Кандахара Хусейн-шаху.

39 глава (141б). Вылазка афганских войск из Герата. Продолжение борьбы за Герат.

¹ Во время пребывания Нәдира в Ираке Персидском и Азербайджане, по свидетельству М. Кәзіма, им было переселено в Хорасан 12 000 семейств (хәнвәр) из племени афшар, живших в Азербайджане, и 40—50 тысяч семейств (хәнвәр) из туркменских, бахтиарских, курдских, лурских и других племен (116а). Приписки на полях.

² М. Кәзім определяет число восставших туркмен приблизительно в 10 000 человек (118а).

³ Поражение стоило туркменам, по свидетельству М. Кәзіма, около 2000 человек убитыми и пленными (113а). Заканчивая свой рассказ о поражении туркмен М. Кәзім делает следующее любопытное указание:

از ان زمان الى حال در میان ترکمانیه چنین معمول شده که هر گاه از غازیان احدی را جماعه مذکورہ اسیر نمایند هر گاه ارن را صاحب مالدا داشته باشد بقیمت اعلی در معرض بیع در می آورده هر گاه خریدار نداشته باشد بسمت قزاق و قلماق میفروشند و از جانب غازیان قزلباش هر گاه احدی از ترکمانیه بدست در آید بقیمت اعلی بیع و شری می نمایند

„С того времени и поныне среди туркмен так повелось: если упомянутое сборище [т. е. туркмены] кого-либо из газиев [т. е. кызылбашей — шахских воинов] возьмут в плен и если у того есть богатый хозяин [начальник], они продают [ему пленного] по наивысшей цене; если покупателя нет [туркмены] продают [пленного] казахам и калмыкам. Так же кызылбашские газии, если кто-либо из туркмен попадет [им] в руки, [его] продают по наивысшей цене“ (119а—119б). Это замечание М. Кәзіма достаточно ясно вскрывает одну из причин войн, ведшихся между кочевой военно-феодалной знатью Ирана и Средней Азии.

40 глава (146а). Взятие Нәдиром Герата.¹

41 глава (148б). Подчинение Фераха Нәдиром. Возвращение Нәдира в Мешхед. Налоговые мероприятия Нәдира в Хорасане. Освобождение населения Хорасана от уплаты налогов на три года.

42 глава (150б). Строительство Нәдира в Мешхеде. Мероприятия Нәдира по заселению района Меручака.² Стремления Нәдира к восстановлению Мервской плотины. Распоряжение Нәдира о восстановлении мазара в городе Каине (Хорасан).

43 глава (156б). Дела шаха Ғахмәспа II. Поход шаха Ғахмәспа II в Азербайджан и его борьба с турецкими войсками.

44 глава (163а). Поражение войск шаха Ғахмәспа II в районе Хамадана в битве с Ахмед-пашой, турецким наместником Багдада. Возвращение Ғахмәспа II в Исфахан.

45 глава (167а). Положение в Ираке Персидском после разгрома турецкими войсками армии шаха Ғахмәспа II. Обращение в Хорасан за помощью к Нәдиру.

46 глава (169б). Нападение туркмен йомудов из района реки Гурган на Астрабад. Карательный поход Нәдира на йомудов. Прибытие Нәдира в Исфахан. Низложение Нәдиром шаха Ғахмәспа II.

47 глава (176а). Возведение Нәдиром на шахский престол малолетнего сына шаха Ғахмәспа II под именем шаха 'Аббәса II. Мероприятия Нәдира по укреплению своей власти в государстве.³

48 глава (178б). Рождение Шәхрух-мирзы, сына Ризә-кулй-хана и другие события.

49 глава (183а). Поход Нәдира в Луристан. Разгром Нәдиром бахтиарских племен, взятие Нәдиром на службу в армию бахтиарских кочевников. Мероприятия Нәдира по набору в армию арабских кочевников.⁴

¹ По свидетельству М. Кәзима, после занятия Герата знать племени абдәлй, по приказу Нәдира, была переселена оттуда в район Мешхеда. Кроме того, Нәдиром было взято на службу в армию 3000 человек из племени хазәрә, джамшйдй, кыпчақ и др. (148б).

² По словам М. Кәзима, во исполнение приказа Нәдира о заселении Меручака, около 1200 семейств (ханвәр), покинувших Меручак вследствие смут первых десятилетий XVIII в. и живших в Гератской области, были вновь водворены в Меручак (153б).

³ Нәдир, после возведения на престол шаха 'Аббәса II, принял меры для завербовки в свою армию 12 000 бахтиар (177а).

⁴ По словам М. Кәзима, Нәдир отдал приказ о наборе в армию 6000 человек арабов из районов Шуштера и Хувейзә (185а).

50 глава (185а). Поход Нāдирa к Хурремабаду (Луристан). Борьба Нāдирa с лурскими племенами и их подчинение.

51 глава (190а). Прибытие Нāдирa в Керманшах. Поражение турецкой армии Нāдиром. Пленение турецкого военачальника Ахмед-пāши. Переселение Нāдиром в Хорасан (в район Герата) некоторого количества кочевников из племени карāбайāt. Набор Нāдиром на службу кочевников из племени карāбайāt и др.

52 глава (192а). Поход Нāдирa к Киркуку.¹ Поражение войсками Нāдирa курдского феодального владетеля Кūх-бегй, союзника турок. Поражение войск правителя Киркука. Подготовка Нāдирa к походу на Багдад.²

53 глава (195а). Поход Нāдирa на Багдад. Борба с турецкими войсками. Поражение Ахмед-пāши — наместника Багдада.

54 глава (200б) Устройство понтонного моста через Тигр.³ Карательная экспедиция против арабских племен в район Куфы.⁴ Голод в осажденном Багдаде.⁵

55 глава (207а). Паломничество Нāдирa к шиитским святыням в Кербелу и Неджеф.

56 глава (209а). Сбор турецких войск под командованием Тўпāl-пāши для войны с Нāдиром. Отправка Нāдиром одного отряда войск для набега на Сирию и другого отряда под командованием Рахīm-хāна керāилй на крепость Сулейман-бебē.

57 глава (213а). Назначение ‘Алй Ризā-бека афшāра для подавления восстания в районах Хувейзэ и Шустера. Убийство ‘Алй Ризā-бека по подозрению в измене и непокорности по приказу Нāдирa.

58 глава (215а). Первое сражение Нāдирa с турецкими войсками под командованием Тўпāl-пāши. Поражение Нāдирa.

59 глава (223б). Прибытие Нāдирa в Хамадан. Мероприятия Нāдирa по укреплению своей власти после поражения нанесенного ему турецкой армией.

60 глава (226б). Поход Нāдирa на Киркук. Военные действия Нāдирa в районах Киркука и Сулейман-бебē. Перемирие между Нāдиром и турецким командованием (Пўлād-пāшā).

¹ М. Кāзим везде Киркук называет „Киркут“.

² В походе на Багдад, по свидетельству М. Кāзима, приняло участие 120 000 человек, не считая обозного люда — женщин, торговцев (195а).

³ Реку Тигр М. Кāзим называет „река Багдада“ или „Багдадская река“ (200б).

⁴ По свидетельству М. Кāзима, Нāдиром было получено с арабских племен в виде „дара“ („пйшкеш“) 12 000 лошадей и 100 000 баранов (206б).

⁵ По словам М. Кāзима, от голода во время осады Нāдиром Багдада погибло 30—40 тысяч человек (206б).

61 глава (232а). Поражение турецких войск в районе Тебриза военачальником Надира Лутф 'Али-ханом. Положение в Азербайджане после победы Тупал-пашы над Надиром.

62 глава (243б). Второе сражение Надира с Тупал-пашой. Победа Надира.

63 глава (252а). Второй поход Надира на Багдад. Победа Надира над турецкими войсками. Перемирие между Надиром и Ахмед-пашой, наместником Багдада. Паломничество Надира в Неджеф.

64 глава (255а). Возникновение в Фарсе мятежа против Надира Мухаммед-хана белуджа. Захват Мухаммед-ханом белуджем в плен Ахмед-хана Мерви, правителя Шираза. Неудачные попытки Надира подавить мятеж в Фарсе.

65 глава (258б). Поход Надира в Фарс для подавления мятежа Мухаммед-хана белуджа. Разгром Надиром войск Мухаммед-хана белуджа.

66 глава (262а). Прибытие Надира в Шираз. Мероприятия Надира по укреплению своей власти в Фарсе. Прибытие Надира из Фарса и Исфахан.¹

67 глава (264б). Отправка Надиром посольства во главе с Мервским куллār агасы Мухаммед-Мүмин-беком в Кандахар к Хусейн шаху.²

68 глава (269а). Отправка Надиром Тахмасп-хана дже-лаира на поимку Мухаммед-хана белуджа. Взятие в плен Мухаммед-хана белуджа. Расправа Надира над мятежниками в Фарсе.³ Переселение Надиром мятежных кочевых племен из Фарса в Хорасан (Меручак).

69 глава (277а). Расправа Надира с мятежниками в Мерваге (Азербайджан). Мероприятия Надира по восстановлению Мервской плотины.⁴ Прибытие Надира в Ширван. Первые столкновения войск Надира с дагестанцами.

¹ По свидетельству М. Казима, во время пребывания Надира в Исфахане было отдано распоряжение об освобождении населения Исфахана на три года от мālййāта (поземельного налога) и ихраджāта (чрезвычайные сборы) (264а—265б). Мехди-хан ничего не сообщает в своем труде об этих мероприятиях Надира, имевших целью укрепить его позиции в центре Ирана (Мехди-хан, стр. 247—248).

² Рассказ об этом посольстве М. Казим передает со слов самого главы посольства Мухаммед-Мүмин-бека (268а). У Мехди-хана нет никаких сведений об этом посольстве в Кандахар (Мехди-хан, стр. 248—249).

³ По свидетельству М. Казима, Надир распорядился собрать с восставших племен в Фарсе 300 000 туманов в наказание за непокорность (274б).

⁴ По словам М. Казима, для восстановления Мервской плотины, по приказу Надира, со всего Хорасана в течение 2 месяцев было собрано

70 глава (280а). Поход Нāдирā в Дaгeстaн к Дeрбeнтy (Дyмyр кaпй) для подчинения дaгeстaнцeв. Пoлoжeниe в Дaгeстaнe. Рaскoл срeди фeoдaльнoй вeрхyшки Дaгeстaнa. Пoхoд Сyрхāя,¹ фeoдaльнoгo глaвы кāзй кyмықoв, к Шeмaхe. Пoрaжeниe Сyрхāя вoйскaми Нāдирā.

71 глaвa (286б). Пoхoд Нāдирā в Кaрaбaг к Гaнджe. Oсaдa Нāдирoм Гaнджe.² Бeзyспeшнyю пoпыткy Нāдирā взятъ крeпoсть Гaнджe.³ Извeстие o движeнии тyрeцких вoйск из Кaрсa и oтстyплeниe Нāдирā из-пoд Гaнджe.

72 глaвa (294б). Пpибытиe Нāдирā к Eрeвaнy. Пoхoд Нāдирā нa Кaрс. Срaжeниe мeждy Нāдирoм и тyрeцкими вoйскaми пoд кoмaндoвaниeм ‘Абдaллāх-пāши. Вoзврaщeниe Нāдирā к Eрeвaнy.

73 глaвa (298a). Пpибытиe тyрeцких вoйск пoд кoмaндoвaниeм ‘Абдaллāх-пāши в Eрeвaнскyю oблaсть. Срaжeниe мeждy Нāдирoм и ‘Абдaллāх-пāшoй. Пoрaжeниe тyрeцких вoйск и гибeль ‘Абдaллāх-пāши.⁴

74 глaвa (305б). Пeрeгoвoры Нāдирā с тyрeцкими влaстями в Гaнджe и Eрeвaнe o дoбpoвoльнoй сдaчe этиx гoрoдoв. Нeудaчa этиx пeрeгoвoрoв. Пoхoд Нāдирā нa Кaрс и Эрвeрyм.

75 глaвa (308б). Пeрeхoд в рyкy Нāдирā Eрeвaнa и гaнджинскoй крeпoсти.

76 глaвa (310б). Oтнoшeния Нāдирā с армянaми. Oтнoшeния Нāдирā с Рoссиeй. Втoржeниe Нāдирā в Грyзию. Зaнятиe вoйскaми Нāдирā Тифлисa.

77 глaвa (314б). Вoенныe дeйствиe Нāдирā в Грyзии. Бoрьбa грyзин с зaвoeвaтeлeями.

78 глaвa (321a). Вoзврaщeниe вoенaчaлникa Нāдирā Амйрā Aслāн-хāнa из кaрaтeльнoй экcпeдиции в Грyзии в стaвкy (oрдy) Нāдирā. Зaхвaт в плeн вoйскaми Нāдирā дoчeри кaхeтинскoгo цaря Тeймyрaзa II.⁵ Утвeрджeниe Нāдирoм пpaviteлeм (вāлй) Грyзии Тeймyрaзa II.

10 000 рaбoчих (‘aмaлe), пpичeм „кaждoмy [из них] дaли пo тpи тeбpизских тyмaнa и oднoмy oслy“ (1786).

¹ М. Кāзим Сyрхāя нaзывaет Сyрхāб.

² Срeди писцoв кaнцeлaрии, бывших пpи Нāдирe пoд Гaнджeй, М. Кāзим нa пeрвoм мeстe нaзывaет извeстнoгo истoрикa и сeкрeтaря (мyвшй) Нāдирā — Мeхдй-хāнa aстeрāбaдй (292б).

³ Длa вeдeния oсaдных рaбoт пoд Гaнджeй, пo пpикaзy Нāдирā, с нaсeлeния Aзeрбaйджaнa былo сoбpaнo oкoлo 200 000 мeшкoв (тyбрe) (290a).

⁴ Нa пoлeх yкaзaнa дaтa срaжeния 26 мyхāррaмa 1148 г. х. — 19 июня 1735 г.

⁵ Кaхeтинскoгo цaря Тeймyрaзa II (yм. 1762 г.) М. Кāзим нaзывaет Тāхмyрaс-мйрзā.

79 глава (3246). Второй поход Нәдира на Дагестан. Борьба народов Дагестана (лезгин и др.) против Нәдира. Подчинение Нәдиром некоторых округов Дагестана (районы кейтаков, кумыков и др.).

80 глава (3276). Прибытие Ибраһим-хана в Мерв для строительства Мервской плотины. Ход строительства Мервской плотины.¹

81 глава (3316). Поход военачальника Нәдира Тахмәсп-хана джелaira для подавления восстания Деләвәр-хана, вождя племени тайменей. Покорение войсками Нәдира округов Гарджистана и Фирузкуха в Хорасане.

82 глава (335а). Прибытие Нәдира в Муганскую степь (Чул-и-муган). Приготовления к созыву совещания представителей феодальной знати по вопросу о престолонаследии. Устройство Нәдиром грандиозной охоты в Муганской степи.

Подробное изложение содержания первого тома сочинения Мухаммеда Кәзима, думается нам, достаточно ясно говорит о значении этого источника для изучения истории не только Ирана, но и наших советских республик Средней Азии и Закавказья в первую половину XVIII в. Необходимо широко ввести в нашу историческую науку этот ценнейший источник, сделать его доступным нашим историкам. Можно это сделать, только издав полный перевод сочинения Мухаммеда Кәзима или, по крайней мере, наиболее существенных разделов его труда. Советские востоковеды (историки и филологи) вполне могут выполнить эту задачу.

Приложение

СПИСОК МИНИАТЮР, НАХОДЯЩИХСЯ В РУКОПИСИ I ТОМА ТРУДА МУХАММЕДА КӘЗИМА „ЛАМАРӘ-И-НАДИРӢ“²

1. Сражение Нәдира с туркменами под Абивердом (9а).
2. Глава афганского племени гильзай Мйр Вейс и сефевидский шах Султан-Хусейн (14б).
3. Афганский правитель Ирана Махмуд на престоле (22а).
4. Сражение Нәдира с мервскими татарами (42б).
5. Сражение Нәдира с курдами Хабушана (52б).
6. Нәдир и его жена (55а).
7. Сражение Нәдира с афганцами племени абдәли (73б).
8. Сражение Нәдира с афганским правителем Ирана Ашрафом при Михмандусте (81б).
9. Сражение Нәдира с Ашрафом при Мурчехуре (85б).
10. Сражение Нәдира с Ашрафом при Заргане (89б).

¹ По свидетельству М. Кәзима, „из назначенных (для строительства Мервской плотины) рабочих около 3000 погибли от голода, отсутствия необходимого, холода и трудностей [работы]“ (330б).

² В скобках указаны листы рукописи, на которых помещены миниатюры.

11. Сражение Нāдирa в Хaмaдaнe с турeцким военачaльником Oсмāн-пāшoй (966).
12. Сражение Нāдирa с турeцким военачaльником Тимūr-пāшoй (102a).
13. Эпизод из сражения Нāдирa с турeцким военачaльником Тимūr-пāшoй (1026).
14. Сражение между Зӯльфикār-хāном абдāли, правителем Герaтa, и Ибрāхим-хāном (брат Нāдирa) под Мeшхeдoм (1136).
15. Пир Нāдирa в Мeшхeдe (1206).
16. Ризā-Кули-хāн (сын Нāдирa) на пиру в Мeшхeдe (1236).
17. Сражение Нāдирa с Зӯльфикār-хāном, правителем Герaтa, при Джуй-и-Нуқрӯ (127a).
18. Второе сражение Нāдирa с Зӯльфикār-хāном (136a).
19. Стычки войск Нāдирa с афгaнцaми под Герaтoм (140a).
20. Внутренний вид строения (мечеть?) с открытыми со двора помещениями и с беседкой у пруда (1576).
21. Юноша, сидящий перед деревом в обрамлении в виде портала, и садовник на переднем плане с лопатой в руке (158a).
22. Стычка войск шaхa Тāхмāспa II с турeцкими войскамии в Еревaнской облaсти (161a).
23. Сражение шaхa Тāхмāспa II с турeцкими войскамии под командoвaнием Аҳмeд-пāши бaгдaдского (1666).
24. Провoзглaшение шaхом ‘Аббāспa II (1766).
25. Нāдир в Луристaнe (1856).
26. Сражение войск Нāдирa с курдскими феoдaльным влaдeтeлем Кӯх-бeгī (193a).
27. Нāдир в сражении с турeцкими войскамии под командoвaнием Аҳмeд-пāши бaгдaдского (199a).
28. Нāдир в Кербeлe у мaзaрa имaмa Хусейнa (208a).
29. Стычка войск Нāдирa с турeцкими войскамии под командoвaнием Тӯпāл-пāши (217a).
30. Первое сражение Нāдирa с Тӯпāл-пāшoй (2216).
31. Стычка войск Нāдирa с турeцкими войскамии (2336).
32. Сражение войск Нāдирa с турeцкими войскамии в Aзeрбaйджaнe (2346).
33. Второе сражение Нāдирa с Тӯпāл-пāшoй (249a).
34. Пленный военачaльник Нāдирa перед Мухāммeд-хāном белуджем, мятежным правителем Фaрсa (2576).
35. Прием послов Нāдирa Хусейн-шāхом гяльзaем, правителем Кaндaхaрa (263a).
36. Сражение войск Нāдирa с мятежным Мухāммeд-хāном белуджем в Фaрсe (2736).
37. Нāдир в Дaгeстaнe: сражение с дaгeстaнцaми (2816).
38. Нāдир перед Гaнджинской крепостью в Aзeрбaйджaнe (2896).
39. Эпизод из сражения войск Нāдирa с турeцкой армией под командoвaнием ‘Абдaллāх-пāши (2976).
40. Нāдир во время сражения с турeцкими войскамии под командoвaнием ‘Абдaллāх-пāши (304a).
41. Войска Нāдирa в Грузии (3136).
42. Сражение войск Нāдирa с грузинямии (320a).
43. Строительство Мeрвской плoтинны (3296).
44. Охотничья сцена в Мугaнской степи (3366).

Н. П. ШАСТИНА

ПЕРЕВОД И. РАССОХИНА ИСТОЧНИКА ПО ИСТОРИИ МОНГОЛОВ КОНЦА XVII В.

В Архиве Академии Наук СССР в Ленинграде, в так называемых „портфелях Миллера“ хранится объемистая рукопись под названием „История о завоевании китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти частях. Переведена с маньчжурского языка на российский прапорщиком Ларионом Рассохиным. 1750 г.“.¹ Рукопись состоит из трех толотых тетрадей, в кожаных переплетах, общим объемом в 2963 страницы, писанные от руки типичной скорописью XVIII в. несколькими почерками, вероятно, академических переписчиков с исправлениями, сделанными рукою самого Иллариона Рассохина.

Известно, что Илларион Рассохин после возвращения из Пекина состоял при Академии Наук переводчиком с маньчжурского и китайского языков.² По поручению Академии им выполнялись различные переводы, в том числе и вышеупомянутая работа, представляющая в настоящее время интересный материал для изучения истории Монголии в последней четверти XVII в. Это время для Монголии ознаменовалось бурными событиями, окончившимися покорением ее маньчжурами, что повлекло за собой потерю самостоятельности более чем на двести лет. Одним из основных источников по этому периоду истории Монголии является написанная на китайском языке история завоевания Монголии маньчжурским императором Канси. Эта работа одновременно с названием переводилась на маньчжурский язык. Таким образом, существуют два параллельных текста: китайский и маньчжурский. Именно с маньчжурского текста и был сделан русский перевод

¹ Архив Академии Наук СССР, ф. 21, оп. 5, №№ 1, 2, 3.

² Сведения о жизни и деятельности Рассохина см.: В. П. Таранович. И. Рассохин и его труды по китаеведению. Советское востоковедение, III, 1941, стр. 225—241.

Илларионом Рассохиним в 1750 г. Маньчжурский текст датирован 1709 г. Сочинение написано на основании многочисленных подлинных документов, как то: текстов рескриптов, приказов и распоряжений по подготовке похода и формированию армии, воинских приказов во время похода, донесений военачальников и многочисленных послов, отправляемых Канси к монгольским князьям, к Галдану, в Тибет к далай-ламе и правителю его — дибе; на основании текстов указов и писем, отправленных к ним и полученных от них ответов. Документы эти почти всегда приведены в сочинении целиком, что чрезвычайно увеличивает ценность данного источника, так как в них полно и ярко отражаются непосредственно происходящие события, в них чувствуется биение живой жизни и по ним легко восстановить фактическую канву происшедшего.

Хронологические рамки данной работы не очень широки, они охватывают время с 1677 г. по конец 1698 г.

При изучении нашей рукописи не следует забывать, что „История завоевания калкаского и элетского народа“ писалась по распоряжению маньчжурского императора, что она отражает события так, как этого хотелось победителю, который желал дать событиям определенное, нужное ему освещение. Поэтому можно подозревать, что при подборе документов могли быть выпущены некоторые данные, сознательно не приведены какие-либо сведения. Мы можем высказать по этому поводу только предположения. В нашем распоряжении нет другого источника, дающего более полные сведения, по которому можно было бы корректировать сделанный подбор документов.

Китайский оригинал данного сочинения, носящий сокращенное название „Цин-чжэн“, был довольно широко использован еще в XVIII в. в обширной работе по истории Китая, написанной иезуитом Майя.¹ Одиннадцатый том этого сочинения посвящен царствованию Канси. В нем рассказана история завоевания Монголии и Джунгарии маньчжурами. Изложение фактической истории и идеологическое их освещение дано Майя в основном по этому источнику.

Маньчжурский оригинал под названием „Бейе дайиламе варги амарги бабе нечихийеме токтобуха бодогони битхе“ привлек внимание русского китаиста XVIII в. Алексея Леонтьева, который перевел из него краткие выдержки.²

¹ Houdier de Mailla. Histoire générale de la Chine, vol. XI. Paris, 1780.

² А. Леонтьев. Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 г. войне у китайцев с зенгордами. СПб., 1777.

Леонтьев не ставил перед собой задачи исследования, как он сам сообщает в кратком предисловии, обращенном „к любознательному читателю“, а лишь хотел познакомить русского читателя с событиями, происходившими в Монголии в конце XVII в.¹

Маньчжурский текст, впрочем в очень небольшом размере, был использован для работы по истории Халхи А. М. Позднеевым в его магистерской диссертации.²

Мы решаемся высказать предположение, что маньчжурский текст „Бейе дайиламе варги амарги“ был также использован при составлении некоторых разделов сборника посмертных списков монгольских князей „Илэтхэл шастир“, особенно второго его варианта, значительно расширенного.³ Весь ход событий, описанных в „Илэтхэл шастир“, документация и совпадение некоторых положений вполне соответствует изложению маньчжурского оригинала. Наше предположение требует дополнительных разысканий, более подробного анализа как монгольского, так и маньчжурского текстов.

Несмотря на то, что данное сочинение довольно широко использовано в востоковедной литературе, нам представляется целесообразным дать критическую оценку этого источника, так как использование его сводилось исключительно к переложению заключающегося в нем фактического материала. До сих пор не было сделано попытки оценить и критически пересмотреть позиции, с которых был написан этот обширный труд.

Прежде всего необходимо отметить доброкачественность перевода Иллариона Рассохина, бывшего превосходным знатоком маньчжурского и китайского языков. Несмотря на некоторую архаичность языка, на еще неустановившуюся терминологию, этот перевод вполне может быть использован для работы над историей Халхи в конце XVII в.

Рукопись перевода разделена переводчиком на три тома, видимо, исключительно в целях удобства хранения громоздкой и обширной работы.

Первый том рукописи состоит из 1033 страниц и содержит: 1) предисловие, написанное лично Канси, 2) донесение от

¹ Следует отметить то обстоятельство, что еще в XVIII в. с маньчжурского оригинала были сделаны два перевода в России, один краткий — Леонтьевым и другой полный и нигде не опубликованный — Рассохиним.

² А. М. Позднеев. Монгольская летопись „Эрдэнийн Эрихе“. СПб., 1883.

³ Второй вариант, или второе издание, „Илэтхэл шастир“ составлен по распоряжению Цяньлуна в 1779 г. Оно составлялось одновременно на трех языках: китайском, монгольском и маньчжурском.

министров для подношения „истории“, 3) краткое содержание предлагаемой „истории“ и, наконец, 4) подробное изложение „истории“ под названием „Премудрое предусмотрение, по которому его величество собственною персоною западные и северные земли оружием смирил“. В первом томе рукописи содержится перевод восемнадцати тетрадей маньчжурского текста.¹ Второй том состоит из 1264 страниц и содержит перевод тетрадей с девятнадцатой по тридцать восьмую. Третий том состоит из 666 страниц и содержит перевод с тридцать девятой по сорок восьмую тетрадь и дополнений, составленных Рассохиным и заключающихся в трех приложениях: 1) „Роспись титулов китайского хана, принцев и прочих должностных лиц“, 2) „Роспись в сей истории упоминаемых городов, местечек и гор“, 3) „Реэстр“ (так Рассохин называет хронологию событий).

Кроме указанных трех томов, в Архиве Академии Наук СССР есть еще две переплетенные тетради, имеющие прямое отношение к нашей рукописи. Первая из них называется: „Китайского хана и принцев его титулы и достоинства статских воинских и рядовых служивых людей названия и их должности, также и провинции их и всех тех знамен, в которых как маньчжурское, китайское, так и за великою стеною кочующих владельцев мунгальские войска состоят названия, собраны по алфавиту и против каждого титула и названия из достовернейших китайских и маньчжурских книг взятым описанием изъяснены“.² При сравнении содержания этого сочинения с росписью титулов китайского хана и принцев, помещенной в конце третьего тома, выясняется, что это не что иное, как именно эта самая роспись, только в ней дополнительно вписаны термины на маньчжурском и китайском языках очень аккуратным и красивым почерком. Количество терминов то же, что и в основной рукописи, всего 359. Эта работа представляет собой терминологический словарь маньчжурских наименований чинов, титулов и других административных названий. Словарь имеет вспомогательное значение при чтении не только рукописи, но и других маньчжурских текстов. Вот пример, взятый из этого словаря: „габшины“ (термин часто встречающийся в рукописи), по-маньчжурски „габшихянь“, по-китайски „цян фын“, что значит „лейбгвардии легкие солдаты или рейтары, которые из лучших

¹ Всего маньчжурский текст содержит 48 томов, или „бэней“.

² Архив Академии Наук СССР, разряд II, оп. 1, № 119. В тетради, размером в писчий лист, — 94 страницы.

и острых солдат выбираются. Они в военное время впереди армии следуют, присматривая неприятеля и примечают его движения, достают «языка», для армии прочищают дороги и в потребных местах делают мосты и прочее. Таких солдат каждая маньчжурская и мунгальская рота имеет по два, а всех восьми знаменах 1756 человек». Из приведенного примера ясно, что мы имеем дело не с простым переводом термина, а с довольно подробным его объяснением.

Вторая тетрадь носит название „Великие хулы преосудительные слова, касающиеся до оскорбления всероссийских августейших монархов величества и до презрения всего славного российского народа, выписаны из печатной истории, сочиненной на маньчжурском языке при китайском хане Канхи называемом о завоевании им калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии“.¹ Тетрадь содержит всего 14 страниц, переплетена в кожу, писана вся почерком И. Рассохина.

Содержание ее представляет собой выписки из переведенной им истории, касающиеся России и отношений маньчжуров к русским. К выпискам Рассохиным даны краткие примечания, в которых он объясняет, почему данное место в тексте кажется ему оскорбительным для достоинства российского подданного и гражданина. Так, он возмущается выражением „дань“, употребленным в тексте для обозначения подарков, присланных ко двору Канси с одним из русских послов (по видимому, речь идет о посольстве Николая Спафария). В другом примечании Рассохин пытается объяснить происхождение названия „цаган-хан“ по отношению к русским царям, причем видит умаление их достоинства в применении этого титула, писанного по-маньчжурски с точкой, что значит „хан, находящийся в подданстве“, в то время когда по отношению, к маньчжурскому императору в тексте употребляется написание слова „хан“ без точки, что значит „самодержавный хан“. Рассохин тут же обвиняет „пограничных безумных толмачей“, которые по незнанию и своему невежеству переводят термин „цаган-хан“ титулом русского императора, „а напротив того китайского хана именуют богдо-ханом“, не понимая истинного значения этого названия — святой хан, т. е. подчеркивая его божественность. Вся эта тетрадь была передана Рассохиным в запечатанном конверте секретарю Академии Наук с препроводительным письмом для секретного хранения.

¹ Архив Академии Наук СССР, разряд II, оп. 1, № 118.

Первый том рукописи начинается с предисловия (стр. 1—10), сочиненного самим маньчжурским императором Канси. В этом предисловии содержатся идеологические положения, с которых Канси рассматривает происшедшие события. Эти высказывания определяют маньчжурскую точку зрения на характер войны, происходившей между Галданом и маньчжурами. Предисловие написано с целью не только объяснить и оправдать свои действия, но и внушить читателю мысль, что военные действия маньчжуров были единственно правильным путем, который мог разрешить создавшуюся ситуацию, что виновниками открытия военных действий является исключительно только Галдан, вынудивший Канси выступить в поход для охранения границ своего государства. Канси, задумав покорение Северной Монголии, после того как им был покорен весь Китай, отлично отдавал себе отчет в том, что военные действия Галдана являются удобным предлогом для вторжения маньчжуров в Халху с целью ее завоевания, но он старательно скрывает свои истинные намерения и усиленно подчеркивает инициативу Галдана, напавшего на маньчжуров, — подчеркивает с целью выставить себя спасителем и умиротворителем Халхи.

На первой же странице своего предисловия Канси не жалеет слов, чтобы очернить Галдана, говоря, что „между элѣтами явился бешеной Галдан, который по природной своей суровости, злобе и великому коварству так бесчеловечно поступал“ (стр. 1). Кратко набросав схематический план происшедших событий, повлекших за собой военный поход маньчжуров в Халху, Канси объявляет, что организация этого похода была вызвана только стремлением установить мир, „чтобы ни один человек покоя своего не лишился“, для чего следует укротить бунтовщика Галдана, зараженного бешенством, великой суровостью объятого, лезть и всякою неправдою исполненного коварного врага“ (стр. 6). Установление мира в Халхе, охрана собственных границ — вот причины, вызвавшие решение совершить военный поход, — утверждает Канси в своем предисловии. „Возгоревший огонь великие поля поपालит, ежели он погашен не будет“ (стр. 7) — так красноречиво и высокопарно маскирует Канси свои истинные намерения завоевать Халху, что являлось очередной задачей захватнических планов маньчжурского императора. С типичной для него манерой Канси пытается свалить всю ответственность за войну на Галдана, оправдывая и обеляя в то же время свои собственные действия.

В предисловии неоднократно подчеркивается и упорно проводится мысль, что только забота о мире и безопасности

своего государства вынуждает Канси выступить в поход. Также подчеркиваются трудности и тяжести похода „в мунгалской степи“, которые все же не могут остановить Канси в выполнении принятого ими решения „установить мир“, а на самом деле завоевать Халху и уничтожить военные силы ойратов. „Наши пограничные земли от сего закоснелого бунтовщика до тех пор покою своего не получают, пока он истреблен не будет“ — лицемерно утверждает Канси.

Таковы основные положения, которые маньчжурский император хочет внушить читателям, маскируя ими свои истинные завоевательные планы и намерения.

Предисловие, написанное Канси, датировано 19-м днем 12-го месяца 48 года его правления¹ т. е. январем 1709 г. Оно было написано после окончания составления истории и после поднесения ее императору для просмотра.

За предисловием Канси в рукописи следует вступление от авторов, сочинителей „Истории“, названное „Доношение от министров для поднесения под титулом „премудрого промысла““. В этом вступлении, которое является как бы сопроводительной бумагой при поднесении Канси „со страхом и трепетом, с бесчисленными поклонами“ многотомного сочинения, авторы всячески восхваляют мудрость и величие „великого Хуанди“ (т. е. Канси), который один сумел увидеть опасность, грозившую от „бунтовщика“ Галдана, в то время, когда „министры по своему слабому уму никто сего приметить не мог, но все были в том мнении, что от сего маловажного бунтовщика никакой дальней опасности причиниться не может“ (стр. 14). Этим признанием авторы еще более подчеркивают агрессивность действий самого Канси.

Авторы, подкрепляя идеологические позиции маньчжурского императора, утверждают также „что внутреннее спокойствие без уничтожения внешней опасности восстановлено быть не может“ (стр. 15). В соответствии с религиозными представлениями и суевериями своего времени авторы подчеркивают также „божественность“ самого Канси, которому силы природы оказывают всемерную поддержку и помощь во время его похода в Монголию: „То всевышнее небо с землею свою помощь подавали, так что горы и реки чудеса творили, ибо оные на безтравных местах траву и на безводных воду чудесным и весьма удивительным образом приносили“ (стр. 16).

¹ Годы правления Канси по-маньчжурски называются „Элхе-тайфин“, по-монгольски „Энхе-амугулан“, что в том и другом случае значит „Спокойствие и мир“.

Описания подобных „чудес“ неоднократно встречаются в дальнейшем повествовании.

В конце вступления тщательно перечислены все авторы и составители истории, которых всего было 16. Четверо из них назывались „главными надзирателями при сочинении“, среди них находился Уньда — президент военной коллегии и верховный министр, носивший титул „алиха амбань“. При главных надзирателях состояло два помощника, шесть человек ученых „сводили текст“ и четверо из Академии состояли при этих последних. Судя по именам, большинство из них были китайцы и только некоторые, в том числе и Уньда, — маньчжуры. Кое-кто из них были непосредственными участниками военного похода в Монголию.

По окончании составления всей истории авторы поднесли ее Канси для просмотра. Канси „собственной рукою“ выправил работу и снабдил предисловием, после чего она была „набело переписана“.

Авторы в скупых, сжатых выражениях рассказывают о своей работе, указывая, что они „сию историю составили по порядку дел“, тщательно подбирая эти дела в хронологическом порядке, выверяя сведения о дорогах и местностях, „на каком расстоянии одно от другого отстоит“ (стр. 30), приводя подлинные тексты приказов, отношений, писем и т. д.

В самом конце вступления дано своеобразное оглавление всего труда, состоящего из 48 томов или „бэней“. Оглавление построено по хронологическому принципу и выглядит таким образом: „Первая книга начинается от 6-го месяца 16 года государственования маньчжурского хана Элхе-тайфин и продолжается по первый месяц 19-го года. Вторая книга начинается от 19 году 2-го месяца и продолжается по 12 месяц 22-го года“ и т. д.

За вступлением следует „Краткое содержание истории о походе Каи-хи“,¹ которое представляет реферат всего сочинения. И только после него начинается изложение самой истории.

Как уже было отмечено выше, большая часть фактических сведений из данного труда была использована при изложении истории Майя и после него А. М. Позднеевым, но далеко не весь материал исчерпан ими. Здесь уместно отметить, что Майя находится вполне под влиянием данного источника и совершенно не критически относится к использованному материалу, разделяя точку зрения Канси на его

¹ В рукописи содержание занимает 94 страницы.

„миссию“ в Монголии как умиротворителя вспыхнувшего там бунта.

А. М. Позднеев, находясь под влиянием монгольских и маньчжурских материалов, в том числе и данного сочинения, также разделяет высказанную в них точку зрения на Канси как на спасителя монголов от ойратского Галдана.

Благодаря богатству фактического материала, обильно приведенной документации, рукопись может служить еще источником новых сведений. Примером этого утверждения являются имеющиеся в рукописи материалы по вопросу русско-монгольских и русско-маньчжурских отношений. Отдельные замечания по данным вопросам разбросаны по всей огромной рукописи, но собранные вместе дают некоторый любопытный материал для понимания сложных отношений между Российским государством и Дайцинской империей в конце XVII в.

Известно, что в 1688 г. был подписан первый русско-маньчжурский договор в Нерчинске, чему предшествовали события, в которых некоторую роль играли и монгольские феодалы. Все сведения о русско-маньчжурских отношениях, имеющиеся в рукописи, можно условно разделить на два периода: сведения, относящиеся ко времени до подписания договора и сведения после его подписания. В первый период упоминаний о России и о русских очень немного и они носят случайный характер. Во второй же период подобных упоминаний больше и для них характерна боязнь маньчжуров, как бы Русское государство не оказало военной помощи монголам. Факт подписания договора и приезд на границу посла Федора (т. е. Ф. А. Головина) также отмечен в работе, где, хотя и кратко, но рассказано, что в связи с прибытием русского посла отправлено к нему для переговоров о размежевании границ особое посольство, члены которого перечислены. Для охраны их „взято от восьми знамен габишинов двести человек, бояр четыреста человек, да от корпуса огненного оружия двести человек. Для провианта направлено из г. Хуху-хотона тысяча мешков пшена. Поставлены особые станы от Великой Стены начиная“. (см. т. 4). Чтобы монголы не испугались движения столь внушительного посольства, было написано особое послание к Ундур-гэгэну, „чтобы он объявил всем калкам о сем, чтобы никакого страху не было“.

Только после подписания Нерчинского договора, когда были урегулированы отношения с Россией, маньчжуры почувствовали себя в силах начать завоевание Северной Монголии. Тем не менее страх перед могуществом Русского

государства внушал маньчжурам опасения, как бы русские не оказали военной помощи Галдану. Эти опасения неоднократно высказываются в рассматриваемой работе. Отправленный в разведку монгол Очир, вернувшись, доложил, что „Галдан состоит в двадцати тысячах своего и в шестидесяти тысячах взятого на вспоможения из России с огнестрельным оружием войска“ (т. 22). Военный совет настолько перепугался одного только этого известия, что предложил Канси прервать поход и срочно вернуться в Пекин. На что Канси в гневе доказывал необходимость продолжать поход и угрозил министрам, что „ежели кто будет трусить и не иметь радения, то оного мы без всякого упущения смертью казнить будем, ибо не надлежит показывать трусость пужливой бабы“ (т. 22). Но и на самого Канси сведения разведчиков произвели тяжелое впечатление, так как он объявлял свое решение продолжать поход „в крайней печали и с великим рыданием“. Конечно, в действительности никаких русских военных сил в Монголии не было, да и не могло быть. Российское государство не собиралось вмешиваться во внутренние дела пограничных государств. Галдан же, как и другие монгольские князья, спекулировал на распространении слухов о русской помощи. Галдан также усиленно распространял слухи о помощи со стороны куку-нурских князей и со стороны „владыки махометанского закона татар“ (т. е. владельца Хами). Галдан отправлял по данному поводу специальные посольства и к куку-нурским князьям, и в Хами и в Иркутск к воеводе Леонтию Кислянскому, о чем известно из русских архивных документов.¹ Слухи об этом посольстве в Иркутск дошли и до маньчжуров. О нем сообщил один из халхаских мелких князей—Чэмбэл-тайджи, рассказывавший, что его отряд поймал „пятерых женщин и трех ойратских мужиков, в допросе показавших, что Галдан недавно у России вспомогательного войска просил“. Кроме того „ойратские мужики“ рассказали, что в ответ на эту просьбу „приехал к нему (т. е. к Галдану) российский посол в двадцать человек, которой, как сказывают, обещал по новой траве своего российского войска с мелким огненным оружием тысячу человек и на телегах положенные большие пушки к восточному концу реки Керумен на помощь прислать“. Давая такие сведения „ойратские мужики“ доложили, что „они люди подлые (т. е. крепостные) и о сем деле слышали от людей, а сами подлинно не знают“ (кн. 22). Подобные слухи, распространяемые ойратами,

¹ Архив Акад. Наук СССР, ф. 21, оп. 4, № 28.

о возможности русской помощи весьма тревожили Канси. Поэтому, когда он убедился в отсутствии в пределах Монголии русских войск, то с явным облегчением заявил, „что сведения о войске россиян при Галдане все есть ложь“ (т. 22).

По поводу возможности русской помощи Галдану Рассохин в своих замечаниях на „великие хулы и предосудительные слова“, к которым он относит и сведения разведчиков и слова Канси, говорит, что „ежели бы подлинно тогда с российской стороны толикое число войска с огнестрельным мелким оружием и с пушками к Галдану на помощь прислано было, то б китайский хан в Великой Татарии так пространно не усилился, понеже у Галдана огнестрельного мелкого ружья токмо не с большим 1000 фузей было, а из пушек ни одной не имелось, однако же он и с тем армию китайского хана дважды с поля збивал“.¹

Маньчжуры боялись русского влияния на монгольские дела и старались всячески ограничить и вообще прервать какие-либо сношения между русскими и монголами. Этим объясняется крайняя жестокость, применявшаяся иногда маньчжурами по отношению к монголам, ушедшим в русские земли. Примером подобного жестокого отношения служит упоминание о судьбе дзасака Ханду, которого было велено „со всеми детьми казнить“ после того как он „под караулом прислан был от россиян“ (1694 г., т. 17). Впрочем, маньчжуры не всегда казнили перебежчиков. За год до упомянутого случая, в 1693 г., „выбежал“ из российского подданства халхаский тайдзи Цэрэнджаб, который был одним из шести дзасаков Тушэтэ-хана. Во время вторжения Галдана в Халху Цэрэнджаб со всеми своими людьми (600 человек) ушел „к россиянам“, а ныне (т. е. в 1693 г.) „забравши всех своих людей оттуда ушел и просит о принятии в подданство. Указано наградить его платьем, камками и выбойками. Делать же его дзасаком или нет о том особо представлено будет“. Так сообщает о нем документ, целиком цитируемый в рукописи. Через месяц Верховная коллегия утвердила его „дзасаком и тайдзи I степени, а пришедших с ним из России 600 человек его подданных распределила на четыре роты по 150 человек в каждой“. (т. 13).

Такие меры проводило маньчжурское правительство, чтобы привлечь на свою сторону монголов, неукоснительно стараясь при этом прервать связи между монголами и русскими.

¹ Архив Акад. Наук СССР, разряд II, оп. 1, № 118.

Представляют интерес разрозненные сведения, имеющиеся в рукописи по поводу истинного отношения Галдана к России, у которой он то просит помощи, то собирается грабить ее подданных. Когда Галдану пришлось отступить под напором маньчжурских войск, когда он понес поражение при р. Тэрэльджи, то для того, чтобы поправить свое положение, он на военном совете обсуждал возможность „пойти грабить российских харатов и бурятов, а затем с провиантом итти к горам Алтай“. Через шпионов это обстоятельство стало известно маньчжурам, которые настойчиво отнесли к подобной возможности для Галдана. В связи с донесением Асхани-амбана об этом, в Военной коллегии обсуждался вопрос о возможном намерении Галдана итти в Россию и было выяснено, что „итти в Российскую землю Галдану не можно, так как у него с россиянами дальней дружбы нет, а он только с торгом к ним посылает. К россиянам ведут две дороги, называемые Хан и Хонгорий. По дороге Хан живут миньгюты и теленгуты, которые имеют к нему сильную вражду“. (кн. 27).¹

Так отдельные замечания, находящиеся в рукописи, позволяют внести новые штрихи в анализ русско-монгольских отношений конца XVII в.

Ценность рукописи Рассохина как источника по истории монголов, конечно, не исчерпывается вышеприведенными сведениями. Ценность ее значительно больше, так как она содержит огромное количество документов, по которым можно установить весь ход переговоров между Канси и Галданом. Интересный материал содержится в рукописи о переговорах между Канси и Цэвэн Рабданом. Отрывочные сведения имеются также о куку-норских монголах, о которых известно так немного. По данным рукописи можно восстановить истинную картину казавшейся загадочной политики тибетского дикого, стремившегося скрыть от Канси смерть далай-ламы, прибегавшего для этого к прямому обману маньчжурских послов и помогавшего Галдану.

Тщательный просмотр рукописи убеждает нас в том, что перед нами один из основных источников по истории завоевания Халхи маньчжурами, из которого можно почерпнуть новые детали и сведения об отдельных событиях из истории монголов конца XVII в.

¹ Повидимому, „дорогой Хан“ назывался путь, шедший мимо Убсанор, через перевалы на хребет Танну-улы, путь, которым ездили русские послы к Алтын-хану в 1616 г. и в 1618 г., так как именно на этом пути им встречались мингаты и теленгуты.

А. С. ТВЕРИТИНОВА
ВТОРОЙ ТРАКТАТ КОЧИБЕЯ

Социально-экономической базой турецкого государства до конца XVI в., была феодальная собственность на землю, находившая свое основное выражение в форме военно-ленных условных пожалований. Эта форма землевладения в наибольшей мере отвечала задачам завоевательной политики первых турецких верховных правителей и военно-кочевой знати.

Система военно-ленных пожалований возникла у тюркоязычных кочевников-завоевателей, пришедших в Малую Азию, в конце XI в. из обычая распределять захваченные земли между ближайшими сородичами верховного бея с их большими патриархальными семьями и дружинами, а затем и между беями — предводителями более отдаленных племен и родов, которые, кормясь на отведенных пастбищах, обязаны были взамен этого выходить со своими воинами на поле брани по первому зову правителя. Так, еще сельджукский султан Кылыдж Арслан II в 1188 г. разделил все подвластные малоазиатские земли между своими 11 сыновьями, которые стали таким образом наместниками и военачальниками пожалованных областей.¹ Наряду с этим пограничные области отдавались вождям кочевых племен для содержания их военных дружин и для несения службы по охране внешних рубежей.² Таким же образом поступали и первые османские правители. Осман наделил первыми завоеванными у Византии областями только своих ближайших родичей, и лишь последующие завоевания стали раздаваться соратникам Османа, а позже — Орхана и других султанов.³

¹ I. H. Uzunçarşılı. Osmanlı teşkilâtına medhal. İstanbul, 1941, стр. 128—130.

² Там же, стр. 113.

³ Ашикпаша-заде. Теварих-и ал-и Осман. Стамбул, 1332 г. х., стр. 20; Орудж бен Адиль. Теварих-и ал-и Осман. Изд. Ф. Бабингера, Ганновер, 1925, стр. 12.

С течением времени и с расширением захвата новых областей наряду с вождями племен стали появляться отдельные воины-герои — алпы, бахадуры, газни и т. д., — которые за свои выдающиеся военные заслуги наделялись земельными пожалованиями — ленами. Как глава племени содержал на отведенных ему кочевьях свою боевую дружину из соплеменников и являлся военным предводителем (сюбаши) этой дружины, так и воины-ленники должны были содержать за счет доходов с земли положенное количество экипированных всадников и являться с ними для участия в походе по первому зову султана. Для кочевых племен, повидимому, в соответствии с установившейся традицией, уже законник Мехмеда II Фатиха (1451—1481) устанавливал такой порядок, что из каждых 24 человек один шел всадником в качестве очередного в поход, трое отправлялись во вспомогательное войско, а 20 остающихся дома обязаны были снабдить всадника одеждой, копьем и другим оружием и прочим снаряжением, необходимым для участия в походе.¹

Что касается владельцев ленов с оседлым населением, то они получали свой доход от сидящих на земле приписных крестьян-райя. Такой ленник выводил своих латников не от количества сидящих на его земле райя, а от суммы годового дохода. Так складывалась и развивалась одна из основных форм собственности в Османском государстве, которая легла в основу развития феодальных отношений между ленником и райя. Вместе с пожалованной землей у вассала-ленника оказывалось узаконенным право пользоваться трудом сидящих на земле земледельцев или кочевников-скотоводов как для военных целей, так и для собственных нужд. Под предлогом увеличения потребностей для военных походов ленники стали постепенно увеличивать поборы с непосредственного производителя. Это обстоятельство влекло за собой совершенно произвольный характер установленных в отдельных областях поборов и повинностей.

Покорившиеся с течением времени турецким султанам малоазиатские бей, становясь в вассальную зависимость к Стамбульскому двору, вместе с тем всеми средствами стремились сохранить и укрепить свои права в отношении местного населения. По установившимся с давних пор обычаям бей, помимо податей с урожая или с земли, получал

¹ Kanunname Sultan Mehmeds des Erobers. Hrg. Fr. Kraelitz-Greifenhurst. Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte, 1921/1922, вып. I, стр. 13.

с земледельцев множество всевозможных „добровольных“ даров и приношений. Из некоторых, сохранившихся до времен султана Сулеймана Кануни (1520—1566), старых законов мы узнаем, что существовало множество местных бейских поборов. Так, в санджаке Эргани,¹ согласно законам Узун Хасана,² сохранялся обычай, позволявший бею, после получения с райи-мусульманина 1/6 доли с урожая, взимать еще с каждого дома 1 вьюк дров, 1 вьюк сена, 1 вьюк соломы, 1 барана в качестве праздничного подарка, табачный сбор, сбор за железо, налог за невесту, заставляя отработывать несколько дней в году по своему усмотрению и т. д. и т. п.³ Местные обычаи взимания налогов долгое время использовали турецкие ленники и на Балканах. Подобные бейские поборы были обычным и весьма распространенным явлением.

Естественной формой протеста против возрастающих поборов явилось стремление крестьян к уходу от своих беев, участие в еретических и дервишеских движениях и, наконец, вооруженные выступления против богатых и сильных под различными религиозными лозунгами. Наиболее ярким выражением такого рода движений явилось восстание шейха Бедреддина — Мустафы Бёрклюдже в 1413—1417 гг. под лозунгами всеобщего равенства, раздела имущества и отказа от благ мирского существования.⁴

Такого рода крестьянские выступления вынуждали местных беев искать защиты у султана, в усилении власти которого они становились все более заинтересованными. Именно результатом такого рода обстоятельств появились в качестве основных пунктов в законодательных актах Мехмеда II и Сулеймана Кануни, во-первых, запрещение крестьянских уходов, а во-вторых, жесточайшее преследование участников еретических и иных движений, направленных против существующих порядков.⁵ Одной из главных задач законодательства

¹ Эргани — санджак в Диарбекирском вилайете.

² Узун-Хасан — правитель белобаранных туркменов в государстве Аккоюну, владения которого были завоеваны Мехмедом II в 1473 г.

³ O. L. Barkan. Osmanlı İmparatorlğunda çiftci sınıfların hukuki statüsü. *Ülkü*, 1937, т. IX, № 49, стр. 21 и сл.

⁴ Babinger. F. Schejch Bedr ed-din, der Sohn der Richters von Simav. *Der Islam*, вып. XI, 1921, стр. 1—106.

⁵ Все эти статьи содержатся как в известных законодательных актах Мехмеда II и Сулеймана Кануни, так и в многочисленных отдельных указах Сулеймана. См., например: A. Refik. *Osmanlı devrinde Rafizilik ve Bektaşılık. Darülfünun Edebiyat Fakültesi Mecmuası*, 1932, с. VIII, № 2, с. 21—59; в работе О. Баркана (ук. соч.) приведено много выдержек из документов, и др.

Сулеймана Кануни было юридически закрепить феодальное землевладение, узаконить зависимое положение сидящих на земле феодалов крестьян и обеспечить таким образом доходы феодалов-землевладельцев. Одновременно с этим законодательные акты преследовали цель укрепить политическую и военную организацию Османской империи, которая могла бы обеспечить сохранение господства турецких феодалов над покоренными народами, так как эти народы с каждым днем усиливали свое сопротивление турецкому игу.

Янычары и бюрократический аппарат в руках султанского правительства были важнейшим орудием как фискальной политики, так и политики угнетения народных масс и подавления народного недовольства.

Однако, как это видно из некоторых документов, Сулейману Кануни фактически далеко не всегда удавалось добиться того идеального порядка организации государственных дел, какое изображено в законодательном своде Абуссуда. Многочисленные указы, изданные в годы царствования Сулеймана, помимо названного свода, показывают нам, что на самом деле провинции продолжали жить своей патриархальной жизнью, не принимая во внимание указы, предписания и распоряжения, сыпавшиеся из Стамбула.¹

Все обстоятельства внутреннего кризиса, экономического упадка, политического неустройства и военной слабости, которые с полной очевидностью проявились в Османской империи к концу XVI в., были подготовлены исподволь, в течение всего предшествующего периода, закономерным ходом объективного исторического развития общественных отношений в империи, представлявшей собой лишь непрочное военно-административное объединение политически и экономически разобщенных между собой народов и племен.

По мере того как становилось все труднее воевать против крепнущих соседних государств и, следовательно, иссяк такой источник дохода, как военная добыча, — земля и труд крестьян, ставшие главным и почти единственным источником

¹ Об этом часто говорится в „Трактате Кочибея“, см.: В. Д. Смирнов. Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1873, стр. 171—176, 126. (В дальнейшем цитируется: Смирнов); а также в сборниках документов, изданных А. Рефиком (Anadoluda türk aşiretleri. İstanbul, 1930; Osmunli devrinde rafizilik ve beктаşılık. İstanbul, 1932) и в статьях О. Л. Баркана (ук. соч., т. IX—X, №№ 49, 50, 53, 56, 58 и 59).

наживы, превращаются в объект ожесточенной борьбы различных групп феодалов, феодального духовенства, чиновничества, ростовщиков и откупщиков. В связи с этим заботы о личной выгоде и личной казне постепенно вытеснили все прежние обязательства в отношении государственной службы. Как писал в своем „Трактате“ Кочибей: „Между ними (землевладельцами, — А. Т.) есть люди, имеющие по 20—30 и даже по 40—50 зеаметов и тимаров, плоды которых они пожирают, а случись августейший поход, то, говоря про себя: «только бы на смотре быть», дадут две тысячи акча на харчи; оденут вместо кирасы и лат в армяк да шапку, и пошлют в поход несколько носильщиков и верблютников, каждого на ломовой лошади; а сами в роскоши и удовольствиях в ус себе не дуют, хоть целый мир разрушья. Враг — чего оборони боже! — хоть весь свет заberi, а они не знают что такое война. Живут себе по-княжески; а чтоб подумать о вере и государстве — это совсем и в голову им не приходит“.¹

Такого рода факты были свидетельством начала конца ленной зависимости, ленной службы, ленной системы землевладения, которая, выполнив свою роль на известном историческом этапе, сходила со сцены. Номинально она еще долгое время продолжала существовать и имела своих приверженцев, но на деле ленные владения — тимары и зеаметы — превращались все более в полную собственность их владельцев. Так, с конца XVI в. надвигался период неукротимой феодальной вольницы, сепаратистских восстаний, период невиданной погоны за наживой и чудовищного произвола над народными массами. Центральное правительство — двор, армия — были необходимы крупным и мелким феодалам-землевладельцам постольку, поскольку нужно было держать в повиновении народ, заставлять его платить бесчисленные налоги, подавлять и уничтожать крестьянские восстания, вести внешние войны. Привилегиям сословия тимариотов и займов наступал конец. „Зеаметы и тимары, — говорит Кочибей, — сделались жертвою вельмож“.² Эти же и их фавориты, „расташив мусульманскую сокровищницу, довели государство до настоящего его положения. Мало того, открывши двери взяточничества, они начали занимать санджаки и бейлербей-

¹ Смирнов, стр. 123—124. — Некоторые турецкие термины восстановлены мною.

² Там же, стр. 24.

ства, а также и другие государственные должности. С жадностью набросившись на пададь посулов целой толпы негодных и недостойных людей, кому из них давали бейлики, кому бейлербейлики; тогда как множество достойных, опытных, деятельных, ревностных и храбрых слуг принуждены бесславно сидеть в углу презрения, повергнутые в бедность и уничтожение“.¹

Значительная часть ленников-тимариотов, не сумев приспособиться к новым условиям жизни, оказалась таким образом вытесненной из их владений и утратившей какие бы то ни было права и привилегии. Тогда, используя антифеодальные крестьянские восстания, тимариоты начали вооруженную борьбу против султанского правительства, стремясь силою завладеть целыми районами и восстановить свои права на землю.²

Одновременно с этим принимались всевозможные меры, чтобы воздействовать на султана и убедить его в необходимости возвратить добрые старые дедовские порядки, когда владельцы тимаров и зеаметов были главной военной силой и „опорой государства“. Результатом этого в XVII в. и появился целый ряд трактатов — „рисале“,³ в которых авторы на все лады превозносили старую систему организации государства и уверяли, что только восстановление этой системы может спасти Османскую империю от гибели.

Виднейшим выразителем подобных взглядов явился Кочибей, трактат которого давно привлек внимание исследователей истории Турции. Наиболее серьезное исследование этого трактата вместе с прекрасным переводом на русский язык было выполнено В. Д. Смирновым, вследствие чего „рисале“ Кочибея давно и прочно вошел в обиход русских туркологов.⁴

Как известно, „рисале“ Кочибея представляет собой подробное описание состояния государственных дел Османской империи, которое было подано султану Мураду IV в 1631 г.

¹ Там же, стр. 107—108.

² А. Тверитинова. Восстание Кара Языджи-Дели Хасана в Турции. Л., 1946, стр. 36 и сл.

³ Наиболее значительными из них являются „рисале“ Айни Али (1609 г.), Кочибея (1631—1648 гг.), Кятиба Челеби (1653 г.) и Хезарфенна (1672 г.).

⁴ В. Д. Смирнов. Кучибей Гөмюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873.

Исследователи „рисале“ Кочибея,¹ основываясь на указаниях некоторых источников, отмечали, что помимо этого, известного им трактата Кочибеем был составлен позже, по приказу султана Ибрагима (1640—1648), еще один документ, содержащий проект устройства государственных дел.² Однако до недавнего времени этот второй трактат считался утраченным и содержание его оставалось неизвестным. Лишь в 1937 г. он был обнаружен в турецких архивах и вскоре опубликован.³

С опубликованием этой второй части „рисале“ Кочибея исследователь истории Турции получает в руки еще один интереснейший документ, позволяющий получить более полное представление о процессах, происходивших в развитии этого государства.

Вторая, ныне опубликованная часть „рисале“, представляет собой 19 докладов, в которых уже не анализируются, как в первой части, причины, приведшие Османское государство в столь плачевное состояние, а даются рецепты, что и как нужно сделать, чтобы восстановить прежнее благосостояние Турецкой державы.

Идеолог и выразитель чаяний мелких и средних ленников-тимариотов, Кочибей считал, что стоит лишь восстановить привилегии „мужей меча“, как все само собой придет в нормальное состояние. „Пусть только зеаметы и тимары будут приведены в прежнее хорошее положение, — писал он, в первом трактате, — а состоящие на жалованьи солдаты по возможности уменьшены, и, волею всевышнего, порядок водворится в государстве; высочайшая власть получит прежний блеск свой; меч ислама сделается победоносным, и враги будут покорены“.⁴ Он старался убедить султана в том, что „воины по происхождению и сыны очага — вот настоящее войско; а с торгашами-шакалами никакого дела не сделаешь“.⁵

В соответствии с этим воззрением, Кочибей и в докладах султану Ибрагиму рекомендует основное внимание обратить на состояние казны и военных сил. Не случайно и то, что

¹ Издания „рисале“ Кочибея в Турции: Литография Атабей, 1860; изд. Вефика, 1862; Абуззани, 1887. Переводы: французский — Пти де ля Круа, 1725; немецкий — Бернауера, 1861, венгерский, 1896.

² В. Д. Смирнов, ук. соч., стр. 39.

³ Koçi Bey. Risalesi. Şimdiye kadar elde edilmemiş olan tarihî eserin tamamı. Eseri bulup tahşiye eden Ali Kemalî Aksüt. İstanbul, 1939.

⁴ Смирнов, стр. 149.

⁵ Там же. стр. 137.

вопросу об упорядочении организации придворной службы и войска, состоящего на жалованьи, об установлении твердых и умеренных расходов на содержание этих категорий султанских слуг, Кочибей более всего останавливается в своих докладах-советах. По его мнению, все дела пойдут хорошо, если каждый будет занимать только отведенное ему в иерархической лестнице место и придворные служки не будут вытеснять разными средствами потомственных и заслуженных тимарных сипахиев из их владений. Поэтому он старательно выписывает обязанности и права каждой категории придворных слуг, настоятельно подчеркивая, что не следует никому позволять большего, чем это предписано законом. Нарушение этих законов неизбежно ведет, как он убежден, к ущемлению прав военных сословий, от благополучия которых зависит и благополучие всего государства. Поэтому Кочибей настоятельно подчеркивает: „Мой великодушный падишах, ваши слуги состоят из янычар, сипахиев, займов и владельцев тимаров. Каждому из них оказывается благоволение в соответствии с занимаемым положением“.¹

Кочибей не предлагает каких-либо новшеств в ведении государственных дел; он является ревнителем старины. Восстановление дедовских законов и обычаев для него есть наивысший идеал. Предлагая осуществление тех или иных мероприятий, Кочибей мимоходом дает характеристику современного ему положения дел. Вот эти отступления и представляют собой наибольшую для нас ценность, так как они дают новый материал для суждения о некоторых сторонах жизни Османской империи. Наибольшую ценность, по нашему мнению, во втором „рисале“ Кочибея представляют сведения об административном устройстве государства и о доходах различных провинций. В сопоставлении с подобного же рода данными у Айни Али и Хезарфенна и других эти сведения рисуют нам картину того, как и в каком направлении изменялось экономическое значение отдельных областей в Османской империи и как это отражалось на общем бюджете государства. Наряду с этим в докладах содержатся весьма ценные сведения о налогах, о ценах, о состоянии чекана, о положении райи и т. д.

Из докладов Кочибея мы видим, как советники султана вполне уяснили себе ту основную истину, что при самой лучшей и многочисленной армии, при самой четкой организации ленного ополчения, одним словом, при всех прочих

¹ См. наш перевод, стр. 250.

обстоятельствах, — доходы с податного населения — крестьянства — играют решающую роль для благополучия господствующих сословий. Поэтому из доклада в доклад Кочибея подчеркивает, что хищническое пользование трудом крестьянина таит в себе огромную опасность. Крестьяне разорены и скоро с них нечего будет взять. Это более всего беспокоит Кочибея. „Так как, милостивый мой повелитель, — пишет он, — слуги твои, райя, крайне обеднели и разбежались из деревень, то случись в скором времени война, вести ее будет слишком трудно“.¹ Кочибея, отмечая крайнюю степень разорения крестьянства, под видом заботы о положении землевладельцев, рекомендует ослабить местные поборы, чтобы обеспечить доходы государственной казны. Говоря о том, как много нужно иметь различного рода припасов для того, чтобы сделать армию боеспособной, Кочибея настоятельно твердит: „Одним словом, мой могущественный государь, райя — есть казна падишаха. Если райя в хорошем состоянии и не подвергается притеснениям, — казна падишаха полна. Дайте-ка сегодня священный указ — собрать с райи по одному курушу, — сколько это будет сотен тысяч курушей? В настоящее время нужно оберегать райю и не позволять притеснять ее“.²

Эти неоднократные настоятельные напоминания Кочибея о райе как о единственном источнике материального благополучия султанской казны являются наиболее ярким свидетельством угнетения крестьян со стороны феодалов, стремления феодального государства найти более гибкие формы для преодоления нарастающего крестьянского сопротивления возросшим поборам и притеснениям. С этой точки зрения, второй трактат Кочибея является для нас еще одним свидетельством обострения классового антагонизма в турецком феодальном государстве XVII в. После кровавой расправы с крестьянскими восстаниями в царствование султана Ахмеда I (1603—1617) народные массы еще в большей мере стали прибегать к своему испытанному методу сопротивления феодалам — уходу со своих земель, и Кочибея неоднократно вынужден отмечать, что „райя побросали свои деревни и разбежались“.³

Такого рода показаниями второй трактат Кочибея и приобретает для нас особенную ценность. Этот документ убе-

¹ См. наш перевод, стр. 228.

² Там же, стр. 245.

³ Там же, стр. 237.

дительно показывает, что стремление к укреплению органов придворной и провинциальной, гражданской и военной организации вызывалось теперь не только и не столько потребностями внешних войн, сколько необходимостью улучшить аппарат господства и насилия над собственным и покоренными народами.

Для советских историков, изучающих турецкое средневековье, второй трактат Кочибя представляет несомненный интерес. Это соображение и побудило нас дать трактат в полном русском переводе, снабдив его настоящим введением и терминологическим словарем.

ДОКЛАДЫ КОЧИБЕЯ, ПОДАНЫЕ СУЛТАНУ ИБРАГИМУ

I. Реестры, которые надлежит востребовать от главного письмоводителя (серкятиба)

Да предохранит всевышний от ошибок милостивого к бедноте падишаха и да продлит пребывание его на троне!

Соизволено было спросить о делах наиважнейших. Первое, что есть наиважнейшее — это государственная казна. В настоящее время у главного письмоводителя хранятся реестр хараджа, реестр авариза и реестр мукатаа. Истребовав те реестры, сделайте их предметом августейшего внимания и осведомитесь, какова казна богохранимого государства. Второе, что необходимо — это войско. Войсковые реестры также хранятся у главного письмоводителя. Их называют главными реестрами (ана дефтерлери). Это — реестр сипахиев, реестр янычар, реестр мютеферриков и чавушей. Истребовав также и эти (реестры), соизвольте рассмотреть оные и осведомитесь, какова численность войска, каково его жалованье и сколько требуется в год на его содержание. Затем имеются приходно-расходные реестры, которые поступили от великого везира. Истребовав и оные от серкятиба, после августейшего обозрения опечатайте их священной печатью и храните в сундуке. Выполнив все это — соизвольте приказать слуге вашему, великому везиру: „Составь новые реестр сипахиев, реестр янычаров, а также на всю казну, что поступает с богохранимого государства, составь отдельные реестры по хараджу, аваризу, мукатаа и представь их [мне]“. Востребуйте реестры на всех до единого сипахиев, янычар, мютеферриков, чавушей, чашнигириков, капуджу, джебеджи и топчу. А затем издайте августейший указ о том, чтобы были составлены и присланы на высочайшее рассмотрение реестры

отдельно по каждому эялету, [чтобы можно было видеть], сколько тимаров и зеаметов в Румели и сколько кылыджей они все вместе составляют. В настоящее время на августейшее рассмотрение прислан один реестр. Елико возможно, я разъяснил содержимое его. Постепенно снизойдите вниманием ко всему. Все прочее — мелочь, не заслуживающая внимания. Сейчас же наиболее важным является вышеизложенное.

А еще был предложен вопрос о положении ичогланов. Это личные слуги августейшей особы. Им оказывается внимание сообразно их обязанностям и заслугам.

Мой могущественный падишах, для того, чтобы выявить сразу состояния вышеозначенных дел, дайте приказ слуге вашему, великому везиру: „Лала, покойный брат мой был осведомлен обо всем, что делалось на свете, таково и мое августейшее желание. Любым возможным способом ты обязан докладывать [обо всем] пред моим августейшим тронem“. А эту бумагу, мой милостивый государь, порвите и велите сжечь. Пусть все будет совершаться исключительно по вашему поину. Реестры, кои надлежит востребовать от серкятиба: главный реестр сипахиев, главный реестр мютеферриков и чавушей, реестр хараджа, реестр джизье, реестр авариза, реестр мукатаа, а также реестры, расположенных на той стороне¹ — Халеба, Диярбекира и тюркмен, приходно-расходный реестр великого везира, реестр Египта и реестр капуданов.

II. Об организации султанского гарема²

Да предохранит всевышний от ошибок священную особу могущественного падишаха и да продлит пребывание его на троне!

Мой благоденствующий падишах, не зазорно правителям [обо всем] расспрашивать и узнавать, наоборот, постыдно не спрашивать и не знать. Мой преуспевающий повелитель, начальником всего императорского гарема является ваш слуга капу-агасы. Его обязанность состоит в том, чтобы наблюдать за ичогланами и докладывать у подножия трона. Жалование слуг ваших в Султанской палате было по 20 акча, однако

¹ Öte уака 'та сторона'. Так называются часто в источниках владения Османской империи, расположенные в восточной части Малой Азии, а также Диярбекир, Багдад, Дамаск, Алеппо и др.

² Гарем выражает здесь не буквально понятие „султанский гарем“, женскую часть двора, а внутреннюю организацию придворной службы вообще.

покойный султан дал по пять акча прибавки и стало по 30 акча.¹ [Жалованье] слуг ваших в Казначейской палате было по 10 акча; им также была дана прибавка в 2 акча и таким образом стало по 12 акча. Слуги Кладовой палаты, а также Воинской, Большой и Малой палат получали по 8 акча; после прибавки 2 акча они стали получать по 10 акча. В отношении их закон таков: в Султанской палате количество слуг должно быть равно 40. Не допускать ни увеличения, ни уменьшения их. Как только умрет кто-либо из них, полагается по закону брать из Казначейской палаты гюгюм-баши. Служба его состоит в том, что он начальствует над ич-огланами в Казначейской палате. А когда повелитель отправляется сопутствуемый счастьем в поход, он поливает [султану] воду из кувшина (гюгюм). Потому его и называют гюгюм-баши. У гюгюм-баши имеется помощник, которого называют ключник (анахтар-огланы). Когда наступает время сна и гюгюм-баши идет спать, анахтар-огланы остается во дворце и наблюдает за Казначейской палатой и за ич-огланами. Его путь таков, что при освобождении места он принимается в Султанскую палату. Ич-огланами, находящимися в Кладовой палате, ведает главный салфеточник (пишкир-баши). Он также поступает затем в Султанскую палату. Слугами вашими в Воинской палате распоряжается чамашир-баши (главный бельевщик), который ведает бельем моего повелителя. Его путь также в Султанскую палату. И прочие слуги Большой и Малой палат имеют своих начальников. Когда освобождается место в Казначейской, Стольной и Кладовой палатах по закону полагается брать начальников тех палат. По представлению капу-агасы в Казначейскую, Воинскую и Кладовую палаты можно брать помощников начальника Большой и Малой палат. Из дворцов же Галата сарай, Паша сарай и Эдирне сарай прикажи брать лишь в Большую и Малую палаты. Слуг извне прикажите брать лишь во дворцы Галата сарай и в Паша сарай. А брать слуг непосредственно в Новый дворец (Ени сарай) закона нет. Правом представлять ич-огланов не располагает никто, кроме капу-агасы. Издайте повеление для капу-агасы: „Прилагай старание крепко держать в руках ич-огланов. Нет моего августейшего согласия на то, чтобы хоть в чем-либо нарушались древние установления. За хорошее и плохое спрошу с тебя. Каков предначертан

¹ Казалось бы, должно было быть 25 акча; противоречие это не оговорено издателем, так что трудно понять — ошибка это в тексте Кочибея или опечатка в издании.

им путь — тому и следуй. Кроме тебя чтобы никто не вмешивался. Что бы ни случилось — докладывай ты, с тебя спрошу“.

А деньги на одежду [выдаются в размере стоимости тканей], чатма и мянаккаш. Эти деньги получают [слуги] Казначейской, Воинской, Кладовой и Султанской палат. Большой палате не выдают ни разу в год.

В каждой палате имеется 12 ветеранов. Каждый из них, если он ветеран под названием „чатма“, получает 2300 акча, а если под названием „мянаккаш“ — получает 1600 акча, плата на кушак составляет 1600 акча, на тюбетейку — 200 акча. Всего в году на каждого ветерана выдается 10 600 акча. Аджем-огланы получают меньше ветеранов. Такие придворные сановники, как капу-агасы, хазинедар-баши, киларджи-баши, сарай-агасы, хассода-баши, даруссеаде-агасы получают [в год] по 50 000 акча под названием „дюльбенд“. Эта сумма выдается в четыре приема из расчета стоимости материй: чатма — 1300 акча,¹ мянаккаш — 1600 акча, кушак — 1600 акча, тюбетейка — 200 акча, подкладка — 120 акча. Все это оплачивается за счет дворцовых средств.

В соответствии с численностью огланов к августейшему трону представляется подлежащая оплате сумма в размере около 25 юк акча.²

Если соизволено будет спросить о том, какое количество огланов для каждой палаты достаточно, то для Султанской палаты — 40, Казначейской палаты — 60, Кладовой палаты — 40, Воинской палаты — 40, Большой палаты — 200, и для Малой палаты — 120 человек является пределом. Теперь же их слишком много. Постепенно следует уменьшить до положенного количества. В случае освобождения мест после смерти, нужно их не заполнять. В Галата сарае нужно иметь 300 огланов, в Паша сарае — 300 огланов, в Эдирне сарае — 300 огланов и специальной стражи (зюльфию балтаджи) — 120 человек. Обязанности их многочисленны.

Мой благоденствующий повелитель, начальнику слуг Кладовой палаты дайте строжайший указ: „Как следует смотри за своими очагами для того, чтобы они лучше охраняли то, что прибывает для моей священной особы из Египта и из моей богохранимой страны. Берегись, не уклоняйся от честного пути! В противном случае, спрошу с тебя!“.

¹ Повидямому, опечатка, в соответствии с тем, что показано выше стоимость чатма — 2300 акча.

² 1 юк = 100 000 акча.

„Смотри за тем, чтобы как можно лучше заготавливались продукты во внешних кладовых, не допускай никаких затруднений. Наблюдай также и за расходом и счетоводством начальника кухни, предостерегай их от расточительства. Обо всем плохом и хорошем в отношении всех 12 очагов я спрошу у тебя, тебя накажу“.

Мой могущественный повелитель, у слуги вашего капугасы имеются попечительства (тевлиейет), число которых семьдесят. Раз в году он сдает к августейшему трону в качестве излишков 13 юк акча, а также сдает моему повелителю 6 юк акча от воеводства Касандры в качестве „карманных расходов султана“.

Начальник казначейства (хазинедар-баши) ведает ремесленниками (эхли санааткяр). Если потребуется что-либо повелителю от скорняжника или портного, этот заказ передает хазинедар-баши. В его распоряжении также имеется несколько попечительств. Он докладывает повелителю о делах, относящихся к казначейству.

А таких очагов, как повара, халвовщики, ключники, пекари и приготовляющие кислое молоко, а также птичники, свечники, служители ледников, — всего 12. Жалованье их в соответствии с постановлением определяется в размере 820 000 акча, не более и не менее. Всего их 1350 человек. Ведает ими киларджи-баши. Подведомственные ему слуги подносят для августейшей особы падишаха некоторые шербаты: египетский хуммас-шербети, адрианопольский розовый шербет и дамасский дибасы-шербет; такова их служба. Эти очаги обращаются с заявлениями по всем вопросам к китабджи-баши, так как это является его компетенцией. Он имеет несколько попечительств и ежегодно сдает султану излишки (дохода). Дворцовый кетхуда ведает вашими слугами Большой палаты и теми, что ходят в поход. Он раздает жалованье всем придворным. Но не является владельцем земли. О делах, подведомственных капугасы, докладывает он.

Кетхуда кладовых ведает кладовщиками, набом которых является также пишкир-баши.

Мой могущественный повелитель, помимо денег на платье, агам дворцовых палат и прочим выдается бахшиш под названием мевлюдие.¹ Всякий раз во время чтения мевлюду шериф² ода-баши докладывает к августейшему порогу и

¹ Мевлюдие — день рождения пророка (Мухаммеда).

² Мевлюду шериф — жизнеописание Мухаммеда в стихах, читаемое в день рождения пророка.

мевлюд бахшиши выдается: ода-баши в размере 400 алтын, сияхдар-аге — 170 алтын, чокадар-аге — 170 алтын, рикябдар-аге — 150 алтын, тоганджи-баши — 120 алтын, дюльбейд-оглану — 120 алтын, анахтар-оглану — 110 алтын и еще пяти огланам по 100 алтын, слугам личных султанских покоев по 80 алтын, кетхуде казначейства, кетхуде Большой палаты и кетхуде кладовых по 80 алтын, кетхуде Малой палаты — 40 акче. Начальнику дильсизов внешних покоев, начальнику дильсизов внутренних покоев, начальнику дильсизов Казначейства, начальнику карлов Казначейства — по 30 алтын, ветеранам Казначейской, Кладовой и Походной палат выдается по 1500 акча, сокольничьим выдается по 2000 акча. Таким же образом поступают и в другой большой праздник, когда одаривают всех церемониальными халатами. Ага каждой палаты одаривается тремя кусками шелковой материи и тремя кусками камки — все шесть получают таким образом; ветеранам, стоящим ниже ключников, выдается каждому по три готовых халата и по три куска шелковой материи, стоящим ниже выдается по три лучших халата с длинными рукавами; ветеранам Казначейства и Кладовой выдается каждому по церемониальному халату. Каждому музыканту, сколько бы их ни было, зурнистам, барабанщикам и литаврщикам выдается по халату. Карлам, если они находятся в Казначейской палате выдается: главному карлу — три куска шелковой материи, а остальным по два куска, дильсизам Казначейской и Походной палат — по три куска шелковой материи.

Мой могущественный повелитель, с давних пор установлено, чтобы при выходе в собственные палаты вы одаривали каждого дильсыза и карла тугрою в виде одного алтына. Временами они беднеют — доставьте им радость. Каждому из придворных по шесть алтын, а прочим хоть по одному, окажите милость. А прочее зависит от повелений всемилоственного и могущественного падишаха.

III. О пожалованиях

Да предохранит всевышний от ошибок могущественного и милостивого падишаха и да продлит его пребывание на троне.

Мой благородный падишах, если кому-либо даешь звание янычара, назначай ему жалованье три акча. Народ говорит про того человека: „Он стал слугой султана, сделался владельцем дирлика“. Будь то должность сипахи, мютеферрика, чавуша или зеамет, тимар — все они называются „дирлик“.

Каждого, получает ли он жалованье 1 акча или 1000 акча, называют „дирлик сахиби“ („владелец дирлика“).

Мой могущественный повелитель, исключительное право раздавать дирлики, даже в 1 акча, принадлежит только падишаху и ни в коем случае ни великому везиру, ни ага янычаров не дозволено выдавать дирлик хотя бы в 1 акча. Таков древний закон. А когда появится августейшее желание дать [дирлик] и потребуются янычары, то соблаговолите дать священный указ янычарскому ага [пусть наберет их] из бостанджиев, из аджеми-огланов при султанских усыпальницах (Тюрбе), из балтаджиев Старого дворца (Эски сарай), из кладовщиков, а также из детей служилого люда, прислуживающих в янычарских ода. Сколько вы прикажете, столько янычаров он и наберет.

В настоящее время, мой могущественный государь, имеется 161 янычарских ода. В некоторых из них 500 янычар, в некоторых 300, а в некоторых 100. В настоящее время насчитывается около 35000 янычар. В каждой ода имеется один чорбаджи, один ода-баши. Те, кого называют „люди очага“, и есть чорбаджи. В каждой ода есть инвалиды и ветераны, которые по закону за их верную службу освобождены от участия в походах, они молятся за моего падишаха.

Вступившие в янычары первоначально имеют ежедневное содержание в размере трех акча, затем за выслугу и усердие оно увеличивается до 12 акча. Инвалиды и ветераны могут получать и более того.

Первая ода очага называется „ода кетхуда-бея“. Следующие 60 ода называются „бёлюками начальников“, прочие 100 ода — пехотные бёлюки. Кроме этого имеется 34 ода ловчих (секбанов), которые также причисляются к янычарам. Еще имеется 4 ода „солаков“, по 100 человек в каждой, они в походах не участвуют, число их неизменно, ибо освободившее место тотчас заполняется.

В состав янычар по закону входят сипахи. В каждую ода назначается определенное количество мяса. Коюн-эмини присылает то мясо на янычарскую площадь и отпускает по 3 акча за вакийе. От этой дешевой цены происходит ущерб.

Садятся они один ниже другого [в следующем порядке:] сперва ага янычар, затем секбан-баши, ниже — кетхуда-бей, еще ниже — загарджи-баши, затем...¹ баши, турнаджи-баши, баш-чуваш. При вступлении в августейший Диван исполняется очаговский закон, называемый „запечатывание“ (мемхур).

¹ Слово не прочитано издателем.

Когда появляется необходимость принять нескольких аджеми-огланов, [они] записываются в реестр, составляется тезкере, ага прикладывает печать. Имеется янычарский писарь, и все янычарские реестры находятся у него. Ага передает их со своей печатью, и писарь заносит в реестр.

Наконец, мой могущественный повелитель, соблаговолите дать слуге вашему ага [янычар] строгий указ: „Нет моего согласия на то, чтобы утверждать в звании янычара без представления 3 акча. А если об этом дойдет до моего августейшего слуха, ты подвергнешься моему гневу“. И пока нет падишахского указа, представлять новый дирлик не разрешается. На это есть законы очага. Имеется 300 акча для увеличения от полочки к полочке и [из них] выдается по 1 акча.

IV. Снаряжение в поход и состояние чекана

Пусть всевышний содействует во всем моему могущественному повелителю. Пусть он, совершая походы, завоеует множество крепостей. Однако прежде соблаговолите дать указ слуге вашему, великому везиру: „Мое августейшее желание — совершить великий поход. Отныне начинай подготовку похода, не допусти недостатка в военных припасах“. Прежде всего необходим провиант — ячмень, мука, сухари, а также верблюды, мулы: 100 раз по 100 000 киле ячменя, 100 000 кынтаров сухарей, 10 000 кынтаров пороху, 40 штук больших пушек, 3000 пар буйволов, караван в 1000 верблюдов и караван в 2000 мулов, а кроме того в казне необходимо иметь 2000 юк акча для раздачи бахшиша янычарам и сипахиям по 1000 акча на душу. Владельцам тимара бахшиш не выдается. Эти приготовления могут быть произведены только в течение 5 лет. Так как, милостивый мой повелитель, слуги твои, райя, крайне обеднели и разбежались из деревень, то случись в скором времени война, вести ее будет слишком трудно.

Если три-четыре года войны не случится, они снова придут в себя и в случае похода не будет затруднений.

Всевышний дал моему повелителю столько войска, что с одного его края до другого можно пройти только в течение дня. С правой стороны вашей ходят отряды слуг ваших сипахиев под красным знаменем, а слева от вас идут отряды сияхдаров под серым знаменем. Впереди шествуют слуги ваши — янычарская пехота в 20 000 ружей. С одного крыла идет румелийский бейлербей с 30 000 румелийского войска и их знаменами, анатолийский бейлербей с 15 000 анатолий-

ских войск, а с другого крыла сивасский бейлербей, карманский бейлербей, диарбекирский бейлербей, эрзурумский бейлербей, халебский бейлербей, сирийский бейлербей вместе с санджак-беями, которые сами в счет не идут. Мой могущественный повелитель находится в центре, а позади него ич-огланы, знаменосцы и музыканты.

Мой благоденствующий повелитель, для столь великого войска необходимы большие припасы, дабы не возникло затруднений. Мой могущественный государь, по сравнению с временами славных предков теперь количество ваших воинов и слуг умножилось. Если поход предстоит в Румелию, то собранные припасы должны быть заготовлены в Румелии. Если поход будет в Иран, припасы надлежит сосредоточить в Анатолии. В настоящее время для всемилостивейшего правителя наиважнейшим является собрать подати с подданных (райи) и издать указ о произведении переписи по богохранимому государству. А также необходимо воспрепятствовать вмешательству бейлербеев и санджак-беев в дела переписи и отменить взимание ими поборов под названиями: „стоимость кафтана“ (хафтан баха), „поздравительные“ (селямийе), „стоимость подковы“ (нал баха).

Всемиловитый повелитель, состояние слуг ваших, райи — плачевное. Настоятельно прикажите слуге вашему, великому везиру: „Обязательно пошли хороших, верующих мусульман, пусть они как следует составят опись и обследуют мое богохранимое государство. Не ослабляй усилий для того, чтобы уничтожить притеснение бедной райи“.

Всесильный государь, наиважнейшим делом является забота о чекане. Монета испорчена; по этой причине весь народ в волнении. Как райя, так и слуги ваши обнищали. Дайте священный указ слуге вашему, великому везиру: „Надлежит заботиться о состоянии чекана“.

V. О необходимости читать [историю] и знать обстоятельства дела

Могучий повелитель, имеется история династии Османа, да продлит аллах царствование ее. Она [история] хранится у дюльбенд-оглана или в казначействе. Востребуйте ее и прочтите. Да будет известно августейшему уму, сколь много походов во имя веры совершили ваши предки. Как следует обращаться с вашими слугами. Имеются и другие повествования о правителях, в которых рассказывается о падишахах. Необходимо их прочитать.

Могучий государь, необходимо знать всех ваших слуг бейлербеев поименно; даже по возможности следует знать [имена] санджак-беев и ага очагов. Соизвольте спросить у янычарского аги, кто сейчас секбан-баши, кетхуда-бей, загарджи-баши, самсонджу-баши, турнаджи-баши, башчавуш, хасеки, деведжи-баши, о каждом из 16 ага, которые надевают украшенные „рыбацкие“ колпаки. Для начала соизвольте спросить у аги: „Кто таков секбан-баши, хороший ли он начальник, а кто загарджи-баши?“.

Могущественный повелитель, в янычарских ода имеется 34 ода секбанов. Когда янычарский ага отправляется в поход, секбан-баши остается в Стамбуле и начальствует вместо янычарского аги. Все ворота Стамбула охраняют янычары, которых называют ясакчи. Они меняются каждые три месяца. На смену одних приходят другие и сторожат. В некоторых местах сидят чорбаджи. Если кто-либо подымает скандал, его хватают и ведут к чорбаджи, где наказывают палками. Они строго охраняют [покой]. Субаши и асесбаши ночью и днем обходят Стамбул, они хватают пьяных, плутов и воров и бросают их в тюрьму. Они ведают охраной Стамбула.

Не должно быть ни одного города и ни одной касаба, где бы не было янычар-ясакчи. На всех границах имеются янычары и пушкарки, как, например, в Будуне, Багдаде, Эрзуруме. А в Багдаде в настоящее время имеется 8000 янычар. Их называют очередные (нёбетчи). Когда пройдет три года, они возвращаются, а на их место другие становятся очередными.

В настоящее время янычарским кетхудою в Багдаде является бекташ-ага. Это ваш верный слуга. Багдадского бейлербея зовут Дервиш Мехмед-паша. Бейлербея Шехризора зовут Джафер-паша. Бейлербея Мосула зовут Сулейман-паша. Бейлербея Диярбекира зовут Ахмед-паша. Бейлербея Вана зовут Хасан-паша, бейлербея Эрзурума зовут Хюсеин-паша, бейлербея Рума зовут Сеявуш-паша, бейлербея Карамана зовут Хасан-паша, бейлербея Халеба зовут Мехмед-паша, бейлербея Дамаска зовут Осман-паша, бейлербея Анатолии зовут Мустафа-паша, бейлербея Египта зовут Мехмед-паша, бейлербея Кипра зовут Хюсеин-паша, бейлербея Хабеша зовут Мустафа-паша, бейлербея Румелии зовут Шахин-паша. Таким образом, когда вы поименно будете знать всех бейлербеев и санджак-беев, вы увидите, кто из них достоин и кто негоден; в соответствии с этим необходимо к ним и относиться. Когда, мой повелитель, вы узнаете всех ваших слуг, любое дело станет легким. Они, будучи связанными с райею,

жертвуют собою во имя служения падишаху. Необходимо, чтобы воля падишаха не изменялась без нужды. Вся страна успокоится. А прочее подвластно повелениям государя.

VI. Об организации янычар

Да предохранит всевышний от заблуждений особу все-милостивого падишаха и да продлит он пребывание его на троне! Всесильный повелитель, мютеферрики есть слуги достойные наибольшего уважения; это старые слуги. Некоторые из них вышли из личных покоев, некоторые являются сыновьями пашей. Всего их 300—400 человек. Когда [падишах] выходит на счастливую прогулку по городу, — они шествуют впереди. Если среди них есть обладатели зеаметов, их называют гедикли. Когда повелитель отправляется в поход, и они следуют за ним.

Однако, если вы не отправляетесь в счастливый поход, то и они, как получающие жалование, так и обладающие зеаметами, в поход не идут. Жалование их бывает: 100 акча, 80 акча и 40 акча [в день]. Выходящие из личных покоев получают 60 акча. Если повелитель соизволит пройтись по городу, — они шествуют впереди. Их начальником является мютеферрика-баши. Они получают свое жалованье по Малой счетной книге и в праздничные дни отдельно подходят целовать [вашу] руку. Когда они приходят к слуге вашему — великому везиру, он приветствует их стоя. А обращаются к ним с титулом „ага“. Ваших слуг чавушей имеется 500—600 человек. Этих также как владеющих зеаметами, так и состоящих на жалованье называют гедикли. Они становятся чавушами из ветеранов бостанджи, из которых выходят с жалованием в 60, 40, 20 акча. Нет закона брать [в чавуши] из султанского дворца. Когда падишах отправляется на прогулку в город или в поход, они шествуют впереди с палицей на плечах. А когда султан прибывает в конак, они приветствуют его и хлопают в ладоши. Они стоят в Диване, скрестив на груди руки; на головах они носят колпак с перьями. Если возникает необходимость, их посылают в другие страны. Их начальником является чавуш-баши и от него они получают жалованье. Вступать с ними в разговор [султану] обычай не позволяет. Ваших слуг чашнигиров — 40, но может быть больше и меньше. Они выходят из [слуг] султанского гарема. Брать в чашнигиры из посторонних людей обычая нет. Жалованье им — 40 акча и не более и не менее. Их служба

состоит в том, чтобы в дни Дивана нести золотые подносы с кушаньем падишаха. Чашнигир-баши стоит впереди. Они носят [подносы] в личные покои [падишаха] и ставят их на тахты возле фонтана. Закон не позволяет и с ними вступать в разговор.

Имеется еще четыре охотничьих ага. Первым ага является чакырджи-баши, вторым — шахинджи-баши, третьим — атмаджаджи-баши, четвертым — ав-агасы. Каждый из этих ага как чакырджи-баши, так и шахинджи-баши во время охоты сопровождают (падишаха) и, поцеловав землю у августейшего подножия, подают добычу. Тогда, подзвав его ближе, соизвольте сказать: „Молодец ага, хорошо охотиться“ и, одарив его 20—30 алтынами, отдайте повеление: „Смотри, как следует обучай соколов“. Этой благосклонности достаточно. Закон допускает только это; и только во время охоты, не иначе.

У сипахив имеется 6 ага и 6 бёлюков. Старшим из них является ага сипахи-огланов, которых называют сипахиями красного знамени. Вторым является ага сипахидаров, которых называют сипахиями серого знамени. Третьим является ага [сипахив] зеленого знамени, которых называют улuffedжияни-йемин. Четвертым является ага сипахив белого знамени, которых называют улuffedжияни-йесар. Пятым является ага сипахив красного с зеленым знамени, которых называют гуребай-йемин. Шестым ага являются ага сипахив зеленого с белым знамени, которых называют гуребай-йесар. Каждый из них несет то знамя, к которому [бёлюк] принадлежит. Всего сипахив 13 000. Каждый бёлюк имеет особого кетхуда и чавуша.

Если в каком-либо бёлюке чавуш схватит провинившегося сипахия, то он ведет его к ага сипахи-огланов, сажает перед ним на красный ковер и, связав ноги, крепко наказывает палками. А если вина его слишком велика, то после вечернего намаза его, задушив, бросают в море. [Поэтому] они очень боятся своих ага, кетхуда и чавушей. Сипахив красного знамени 300 бёлюков, а в них 5000—6000 воинов. Сипахидаров, которые с серым знаменем, 265 бёлюков, а в каждом бёлюке 20—30 человек. Всего их 4000, но может быть больше и меньше. С зеленым знаменем — 120 бёлюков, 1500 человек. С белым знаменем 100 бёлюков, 1200 человек. С пестрым знаменем 100 бёлюков, 700—900 человек.

Эти перечисленные категории сипахив не все находятся в Стамбуле, но и размещены в богохранимом государстве кто в Эдирне, кто в Бурсе, кто в Дамаске, кто в Халебе.

Когда в три месяца раз им выдается жалованье, они прибывают и, получив его от ага-капысы,¹ снова отправляются в вилайет. Когда вы отбываете в счастливый поход, то справа от вас идут со свернутыми знаменами — сипахии, слева — сияхдары, позади — с зелеными знаменами. А с белыми знаменами идут рядом с казной. А когда прибывают к месту расположения падишаха, то сипахи-огланы и сияхдары поочередно несут ночное охранение вокруг августейшей стоянки.

Могучий государь, когда это необходимо, соизвольте вызвать агу бёлюка и передать ему священный указ: „Ага, будь внимателен и хорошенько смотри за рядовыми. Если произойдут какие-либо беспорядки, — наказан будешь ты“.

По закону, в сияхдары берут достойных из ич-огланов и бостанджиев, для чего пишется ваш августейший указ, предписывающий внести их имена в дефтер сипахи-огланов. Когда сипахи умирает, то тому, кто об этом принес известие регистратору, по старому закону дается надбавка в жалованье на 2 акча в день. Во время выдачи жалованья регистратор представляет великому везиру список умерших сипахий и вакантных мест, а последний докладывает к подножию падишаха: „Имеется столько-то вакантных мест сипахий, жалование которых осталось в государственной казне“.

Время от времени слуге вашему, великому везиру, отдавайте повеление о том, чтобы он строже следил за ведением учета освободившихся вакансий и правильностью ведения реестров регистраторами и нес за это полную ответственность.

Вашим слугам, агам бёлюков, должен быть предпослан священный указ: „Вы, являющиеся агами шести бёлюков, когда придет сей августейший рескрипт, пусть будет вам известно, что необходимо приложить заботу о наилучшем управлении моими слугами сипахиями. Моя высочайшая воля предписывает вам следить, чтобы они не производили каких-либо безобразий. Если будут иметь место с их стороны провинности, то наказание последует агам. Будет обращено внимание на то, как вы блюдете дисциплину“.

Благодествующий повелитель, начальниками янычарских очагов являются еничери-ага, секбан-баши и кетхуда-бей. Как указано выше, из них 160 чорбаджи, а всего янычар со сторожами и солаками до 30 000 человек. Их жалованье в год превышает 1000 юков. Каждая из отдельных групп янычар в три года раз, по очереди, отправляется для несения

¹ Повидимому, капу-агасы (?).

службы по охране крепостей в Багдад, Ван, Эрзурум, Будун и других крепостей. Точно так же янычары по очереди несут службу по охране стамбульских ворот и башен, задерживают негодников; если это из янычар, то их доставляют к янычарскому аге, если это сипахи, — его доставляют к аге сипахивев и наказывают.

Могущественный повелитель, слуг ваших джебеджиев 78 000 человек, а их начальником является джебеджи-баши, который носит зеленый колпак. Они также, становясь чорбаджиями и одабаши, охраняют арсенал и оружейные склады. Во время похода у них особая обязанность. В их ведении находятся все боеприпасы: оружие, порох, патроны, мечи и ружья. Они получают жалованье 8 акча в день. Джебеджи несут службу и на кораблях. Последние составляют особый очаг со своим начальником. Количество ваших слуг топчу вместе с джебеджи-баши,¹ кетхудою, кятибом, чавушем и чорбаджиями 2—3 тысячи человек. Их обязанность — следить за состоянием пушек. Во время походов они тянут пушки, а их начальниками являются топчу-баши, кетхуда, чавуш и чорбаджи. Они отливают пушки в артиллерийском арсенале, где и находятся их помещения и работа. Среди них имеются искусные мастера, в которых большая нужда на войне. Им, литейщикам и другим работникам арсенала жалованье выплачивается в три месяца раз.

Мой благоденствующий повелитель, ваших слуг михтеров до 2000 человек. Их начальником является михтер-баши. Когда возникает высочайшее желание отправиться в поход, то одна из двух групп михтеров отправляется за день вперед и ставит шатер для падишаха так, что когда государь прибывает со славными слугами и свитой, то шатер уже готов в виде дворца, где он соизволит отдыхать. Соизвольте, падишах мой, дать приказание через слугу вашего, великого везира, чтобы михтер-баши построил в дворцовом саду походный шатер для султана и чтобы великий везир проверил и донес к подножию трона, нет ли каких-либо недостатков в постройке.

Мой могучий государь, имеется другая группа михтеров, называемых михтаран-и алем, которые являются музыкантами, играющими на зурне, барабане, трубе и других инструментах. В ведении мир-и алама находится до 200 музыкантов, во главе которых стоит сазенде-баши. Во время похода, при церемониальном марше и по прибытии в султанский шатер

¹ Топчу-баши?

они играют. Точно так же и после полудня во время смены караула они играют развод караула.

Мой могучий государь, ваших слуг привратников (капуджу) при средних покоях до 2000 человек. А в Порте еще других 400. Они по очереди несут постоянную охрану. Если появляется какое-либо дело за пределами двора, с поручением посылают их. Привратники набираются из бостанджиев, придворных поваров, халвовщиков, булочников. Они находятся под началом у капуджу-баши. Их посылают иногда с поручениями к бейлербеям. Мой всеильный государь, количество ваших слуг капуджу-баши не постоянно: их бывает больше, бывает меньше. Среди них находится сейчас известный Исмаил-ага, затем — Ахмед-ага, кятиб Мехмед-ага, Сулейман-ага, Шехбаз-ага, Хюсейн-ага, сын Давуда-паши, сын Мустафы-паши, сын Муртаза-аги. Когда на аудиенцию к падишаху прибывают послы, то ваши слуги капуджу-баши вводят их под руки в приемный зал и падают ниц перед тронем. Если появляется необходимость ехать по важному делу от Порты к бейлербеям, то с поручением посылают капуджу-баши. Точно так же их посылают и с посольствами. Их используют для сопровождения везиров, для посылки в эялеты, для церемониальных шествий. Их жалованье — 150 акча в день. Обычная их служба состоит в несении охраны Больших ворот во Дворце.

Мой благоденствующий падишах, имеется несколько везиров и беев, не занимающих должностей и являющихся мялязимами. Как только появятся вакантные места, то в соответствии с их способностями они получают назначение. Ваших слуг солаков 400 человек и 4 солак-баши. Их обязанность — итти у стремени моего повелителя. Соизвольте однажды спросить: „Ну-ка, старые солаки, какво живется? Не притесняют ли вас?“. И если они скажут: „Хорошо! Утеснений нет“, — соизвольте сказать: „Смотрите, говорите правду. Если узнаю [что лжете], — накажу“. [Так спросить необходимо] потому, что они начнут всем рассказывать, что „всемиловитый падишах спрашивает о нашем положении и проявляет заботу“, и тогда народ будет заниматься только своими делами.

Глашатаев имеется 20—30 человек. Это очень старый очаг и у них имеются бинбаши. Когда мой повелитель благополучно выходит в город, они украшают его шествие, идя перед солаками. Главный мирахор-ага является ведающим всеми лошадьми и верблюдами (падишаха). В его распоряжении находится и вся сбруя. Во время августейшего выхода

в город, он идет среди солаков. Позади него идут конюхи и седельники. Сколько есть конюхов и седельников — все под его началом. Все дела, относящиеся к конюшным, подведомственны ему. Все, что необходимо, он докладывает великому везиру. Таков древний закон. В его ведении числится до 1000 верблюдов, до 200 муллов, а также ему подведомственны все погонщики верблюдов, погонщики мулов, погонщики ослов. Их начальниками являются сарбан-баши и харбенде-баши, которые подведомственны главному мирахору. Под названием „доход с пастбища“ он в определенное время передает к подножию трона 25 юков акча. Он продает пастбища бейства и сдает деньги к подножию трона. А слуга ваш, младший мирахор-ага, ведает малыми конюшнями. Он начальник кучеров. Когда всемиловитая султанша-мать едет куда-либо, он, вместе со всеми седельниками, шествует перед экипажем. Он дает лошадей слугам вашим ич-огланам, когда они отправляются в поход; других обязанностей у него нет. Кетхуда капуджиев ходит рядом с августейшим стремением и, когда жалобщик протягивает заявление, он его берет и приносит повелителю. А если падишаху надо куда-нибудь послать, он соизволит сказать: „Поди, кетхуда, позови великого везира“ или: „Пойди скажи великому везиру то и то“. Все это его дело. Он связан с повелителем. Самый близкий к нему.

Мой великий и милостивый повелитель, этого низжайшего раба вы подняли с земли и возрадовали вашими всеобъемлющими речами. Да ниспошлет всевышний моему повелителю тысячу лет жизни и определит ему господство над всеми судьбами. Аминь.

VII. О том, как писать султанские указы и что в них должно содержаться

Да предохранит всевышний от ошибок священную особу падишаха и да продлит он его пребывание на троне! Мой могущественный повилитель, когда великий везир донесет относительно жалованья и спросит: „Раздавать ли жалованье?“. Скажите: „Выдай“ и на донесении великого везира начертайте священную надпись. А прежде, за неделю до выдачи жалованья составляется „язы“. „Язы“ — есть список всех имеющихся в очагах янычар, а также списки всех других имеющихся очагов, которые приносят слуге вашему, великому везиру. Всякий раз, когда он доложит к подножию трона и спросит „составлять ли язы“, — начертайте священное пове-

ление: „Составлять. Записать вакансии“. Этого достаточно для надписи на донесении. А когда спросят: „Выдавать ли жалованье?“. — Достаточно написать: „Пусть выдают“.

Мой могущественный государь, когда жалованье будет выдано и слуга ваш дефтердар, придя в палату для докладов, зачитает реестр и доложит, что выдано столько-то жалованья, соизвольте грозно сказать: „Эй, хорошо, честно исполняй службу, а не то знаешь, что будет!“.

Мой повелитель, состоянию императорского чекана следует уделить больше внимания. В монетный двор нужен справедливый мусульманин в качестве управляющего. Один куруш равен $9\frac{1}{2}$ дирхемам. Если из одного дирхема вычеканить 10 акча, 1 куруш будет равен 95 акча, а если дирхем разделить на 12, то акча будет слишком мелкой. А теперь куруш доходит до 125 акча.

В настоящее время акча похожа на яркокрасный мангыр. Между тем, мой могущественный повелитель, если монеты не будут улучшены, произойдут затруднения при расчетах с райей и при уплате жалованья войску. Это обстоятельство требует серьезного обсуждения. Следует действовать осторожно. Мой Всемилостивый повелитель, у падишахов есть чекан и хутба, и то и другое веселит народ. Тотчас издайте повеление слуге вашему, великому везиру: „Присмотрись к положению чекана. Пусть монетный двор действует и моим августейшим именем чеканит монеты. Если необходимо серебро, — я дам куруши из собственной казны, заставь нарезать акча. А когда они снова научатся, — сдай [начеканенное] к моему августейшему порогу.“ Аяр есть полновесность серебра; когда отходит медь и свинец, остается чистое серебро и тогда говорят: „Стало аяр“.

Мой могущественный государь, чрезвычайно необходима перепись населения. Из-за войн райя побросали свои деревни и разбежались. Например, в какой-нибудь деревне значилось 10 домов, затем райя разбежались, и осталось только один дом. Является сборщик авариза и на основании того, что в деревне числится 10 домов, он и берет авариз со всех 10 домов. С каждого дома берет [еще] по три куруша в пользу бея. А есть деревни, в которых во время переписи был отмечен один только дом. Теперь же ее заполнили райя, пришедшие со стороны и [значит] здесь стало 10 домов. Если будет произведена перепись — восстановится справедливость. Если в деревне много народу, то соответственно имеющемуся количеству и записывать. Если в деревне три дома и в каждом доме по одному человеку, то записать,

что в деревне один дом, если 6 домов, то записать два дома. Если еще больше, то больше и определять. Это и значит производить перепись (тахрир). И по этому поводу слуге своему великому везиру прикажите: „Пошли в мою богохранимую страну хороших мусульман и умных людей. Пусть они справедливо и честно произведут перепись. Да пусть поберегутся брать взятки и никого не притесняют! Смотри же, это служение делу общины Мухаммеда, исполни его наилучшим образом“.

Мой всеильный повелитель, когда придет необходимость написать указ бейлербею, то главный секретарь должен его составить следующим образом: „Ты везир мой Мехмед-паша, являющийся управителем Египта, когда прибудет сей мой счастливый августейший указ, да будет тебе известно, что к августейшему трону пришло твое письмо, в котором ты сообщаешь, что прилагаешь усилия и старания собрать казну, стережешь мое богохранимое государство и установил полный порядок и смирение среди моих слуг. Будь счастлив! Закона для тебя моя милость. За эту твою службу, от моей возросшей падишахской милости и доверия я подарил тебе меч с украшенной драгоценностями рукоятью и покрытую сверху донизу соболями шубу. Достигнув успеха всевозможными мерами, ты теперь, опоясавшись мечом и надев мой кафтан, в благодарность за эту милость не давай себе покоя и прилагай еще более прежнего стараний на службе, и стремись приобрести мою молитву за тебя. А теперь посмотрим, как ты обеспечишь своевременную присылку того, что принадлежит государственной казне и сможешь ли без затруднений выполнять все положенное в отношении священных городов и прислать [в казну]. Не допускай небрежности и нерадения. Знай это“.

Могучий повелитель, на заготовленном благословенном указе достаточно сделать надпись: „Быть по сему“. А если имеется еще поручение, то главному секретарю вашим благословенным пером предпишите: „Составь письмо бейлербею Египта, чтобы он ускорил присылку казны, о его обязанностях в отношении наших священных городов, о наилучшем наблюдении за моим богохранимым государством. Приложив печать к письму, доставь его к моему трону“. И отправьте этот приказ с посыльным. Мой всеильный повелитель, и снова, прочитав [это письмо], если оно соответствует вашей воле, надпишите: „Быть по сему“. А если оно не отвечает вашему желанию, то, вычеркнутые неугодные слова, отметьте: „Это слово не пиши“. И так до тех пор, пока письмо не

станет таким, как надо. Тогда сказав: „Быть по сему“, — велите положить письмо в сумку, которую завертывают в бумагу и надписывают: „Моему великому везиру Мехмед-паше, являющемуся управителем Египта“. И если, государь мой, окажется необходимым составить письмо бейлербею Египта, или бейлербею Багдада, или бейлербею Эрзурума, то оно пишется таким же образом.

Мой могущественный повелитель, священный указ слуге вашему капудану-паше пишется таким образом: „Ты, мой везир, морской капудан Мехмед-паша, когда прибудет сей мой, насущий справедливость, священный указ, да будет тебе известно, чтобы ты не давал себе покоя и отдавал все силы и все внимание охране Черного и Средиземного морей, чтобы военные суда кяфиров не причиняли в них никакого ущерба торговым кораблям и чтобы лодки казаков не приставали к берегам. Если же они, пристав, нападут на жителей, то отвечать будешь ты. Со вниманием относясь к службе по моему соизволению, ты заслужишь мою падишахскую милость. Да будет с тобой моя всеблагая молитва. Не допускай небрежности [в делах]. Будь бдителен к делам в отношении врагов“.

Мой всесильный государь, когда возникнет августейшее желание сделать прием в янычары, то производится запись в очагах бостанджиев и аджеми-огланов. Слуге вашему аге [янычар] напишите следующий указ: „Ты, янычарский ага, когда прибудет сие мое августейшее повеление, приложи усилия в отношении янычарских дел. Смотри за их дисциплиной и воспитанием. Чтобы никто из них не получил ни одного акча сверх жалованья. Если до моего царственного слуха дойдет известие о том, что кому-либо выдано хоть одно акча жалованья без предварительного доклада к подножию августейшего трона, ты подвергнешься моему шахскому гневу. Берегись, не совершай поступков, противных моему августейшему желанию“.

Мой могущественный повелитель, по случаю августейшего отправления в поход слуге вашему везиру посылается священный указ следующего содержания: „Ты, мой везир, Ибшир-паша, являющийся управителем Очакова, как только прибудет сей благословенный мой августейший указ, да будет тебе известно, что в связи с предстоящим по моему шахскому желанию походом в такую-то сторону, тебе надлежит собрать владельцев тимаров и зеаметов и быть готовым к исполнению моих указов и следовать с войском в нужное место. Будь внимательным и бдительным. Не допускай в делах никакой не-

брежности. Знай, что если хоть на один день опоздаешь, с тебя спросят“.

VIII.¹ Относительно распределения владений и количества хассов

Мой всесильный государь, хасс бейлербея Румелии имеет доход в 11 юк акча. В эялете 223 санджака: Костендия, Мора, Искендерийе, Тырхала, Яния, Охри, Дукакин, Силистра, Нигболу, Видин, Авлонья, Эльбасан, Дельвина, Дельвино, Селяник, Визе, Кырккилисе, Чермен, Аладжахисар, Пизрен, Вулчетрин, Бендер, Аккерман. Во главе каждой ливы стоит санджак-бей, а их зовут румелийскими беями. Они [каждый из них] имеют знамя и музыкантов. Каждый из них выступает в поход с 200—300 джебелю. В Румелии 9274 кылыджа, из них 904 зеамета, а остальные тимары с тезкере и без тезкере. Да не будет сокрыто, что каждому заиму следует вывести на каждые 5000 акча [дохода] одного снаряженного латника (джебелю), а владельцу тимара — на каждые 3000 акча [дохода] одного снаряженного джебелю. По древнему закону тимар с доходом до 20 000 акча дает трех джебелю. Всего [в Румелии] 20 200 джебелю. Они выступают в поход совместно с владельцами тимаров и зеаметов. Число джебелю бейлербея и санджак-беев совместно достигает 8200 человек. Таким образом, всего румелийского войска до 30 000 человек. Годовой доход их 568 юк 57 000 акча.

Мой благоденствующий повелитель, бейлербеем Анатолии является Мустафа-паша, он имеет хасс с годовым доходом в 10 юков и 14 санджаков: Кютахья — санджак паши, Сарухан, Айдын, Худавендигяр, Кастамону, Ментеша, Болу, Анкара, Карахисарисахиб, Текели, Чанкыры, Хамидийе, Султанёню, Карасы. Этот обширный район имеет 7300 кылыджей, из которых 125 зеаметов, а остальные тимары. Количество их джебелю 9700 человек. А всего войска эмиров владельцев тимаров и зеаметов вместе с джебелю по закону 17 000 человек. Их годовой доход 338 юк 32 000 акча.

Мой благоденствующий повелитель, слуга ваш Хасан-паша является в настоящее время бейлербеем Карамана. Его хасс имеет годовой доход — 6 юк 60 000 акча. В эялете 7 санджаков: Конья — санджак паши, Нигдэ, Бейшехри, Кыршехир, Кайсери, Акшехир, Аксарай. В эялете 626 кылыджей, из

¹ Приведенное здесь административное деление не совпадает ни с данными Nataicülvukuat, ни с таблицей Ахмеда Расима, т. I. (Примечание издателя).

которых 116 зеаметов, а остальные тимары. Таким образом, эмиры, владельцы тимаров и зеаметов, по древнему закону вместе с джебелю составляют армию в 4600 человек. Их годовой доход 80 юк 5500 акча.

Мой великодушный повелитель, Шахин-паша сейчас является бейлербеем Боснии; его хасс имеет годовой доход 6 юк 50 000 акча. В эялете 8 санджаков: Босна — санджак паши, Герцеговина, Килис, Изворник, Позега, Рачна, Керка, Рахвица (Rahvice). В этих лива у владельцев тимаров и зеаметов 189 кылыджей. Вместе с джебелю они составляют полное[?] войско, а годовой доход их — 122 юка 13 580 акча.

Мой всемилостивый падишах, Мехмед-паша в настоящее время является бейлербеем Тамышвара. Он имеет хасс с доходом в 8 юк 6000 акча. В эялет входят 6 санджаков. Тамышвар, Либва, Гёле, Морава, Янова. Этот эялет обладает также полным комплектом войск, а годовой доход их — 85 юк 7330 акча.

Мой всеильный государь, Муса-паша является сейчас бейлербеем Будуна. Он имеет хасс в 880 000 акча. В его эялете 20 санджаков: Будун — санджак паши, Эгри — бейлербейство, Канижа, Печевы, Устюни, Белград, Устургон, Секдан, Хатван, Шимонторина, Серем, Кобан, Фелек, Зигетвар, Мохач, Озек, Новиград, Сечан, Сансар, Солтук. В этих лива у владельцев зеаметов и тимаров 2722 кылыджей.

Ибшир-паша сейчас является бейлербеем Очакова (Озю). К его санджаку присоединены некоторые лива.

Мой всемилостивый повелитель, бейлербейство островов Средиземного моря представляет собой эялет морского капудана.

Мой всемилостивый государь, слуга ваш Хюсеин-паша является бейлербеем Кипра. Он имеет хасс в 6 юков. А в его эялете 8 санджаков: Лефкоша — санджак паши, Ичэль, Тарсус, Алайе, Сис, Кирине, Бафи, Магоса. Последние три санджака отдаются в салияне. Владельцы зеаметов и тимаров этих лива имеют 2238 кылыджей.

Мой благоденствующий государь, слуга ваш Вели-паша в настоящее время является бейлербеем Зюлькадерийе и имеет хасс в 6 юков. В его эялете 5 санджаков: Мараш — санджак паши, Малатья, Айнтаб, Самсад, Карс, Зюлькадерийе. Заимы и владельцы тимаров имеют 2582 кылыджа.

Мой всеильный повелитель, Осман-паша является сейчас бейлербеем Сирии и обладает хассом в 10 юков. В его эялете 15 санджаков: святые города [т. е. Мекка и Медина], Газза, Сафед, Сайда вместе с Бейрутом, Наблюс, Аджелюн, Леджун,

Бука, Тедмюр, Акка, Керек и Шевьек и Дамаск — санджак паши. Заимы и владельцы тимаров имеют 846 кылыджей с годовым доходом в 65 юк 58 600 акча.

Мой всеильный государь, Осман-паша является бейлербеом Триполи в Сирии с хассом в 8 юков. В его эялете 5 санджаков: Хама, Хумус, Селимийе, Джебелийе и Траблус — санджак паши. Заимы и владельцы тимаров имеют 1263 кылыджей с доходом в 56 юк 8440 акча.

Мехмед-паша является бейлербеом Халеба с хассом в 800 000 акча. Имеется 10 санджаков: Адана, Курдский Килис, Биреджик, Маарра, Азиз Балиси, Мюнбюч, Тюркман, Халеп вместе с Азаз, Халеп — санджак паши. Заимы и владельцы тимаров этих лива имеют 878 кылыджей с доходом в 77 юк 13 120 акча.

Мой могучий государь, Мехмед-паша-заде является в настоящее время бейлербеом Рухи, с хассом в 6 юк 80 000 акча. В эялете 7 санджаков: Чамас, Хабур, Дейри Рухбе, Бени Ребиа, Сируч, Руха, т. е. Урфа вместе с Рака есть санджак паши.

Мой благоденствующий повелитель, слуга ваш везир Ахмед-паша в настоящее время является бейлербеом Диярбекира. Он имеет от хасса 12 юк в год. [В эялете] 24 санджака: из них 5 являются очагами правительства, 8 — санджаки курдских беев, а прочие 11 — османские санджаки: Харпут, Эргяни, Сиверек, Нусайбин, Хасанкиеф, Сирид, Мефаркын, Акгакале, Синджар, Хабур, Чемишкезек. Девять санджаков, отданные с изгнанием, следующие: Хакют, Газире, Джебел, Эгил, Генч, Пертек, Чабакчур, Чермек, Амид — санджак паши. Заимы и владельцы тимаров этих санджаков, имея 2992 кылыджа, составляют вместе с джебели...¹ человек. Их годовой доход 114 юков.

Мой всеильный государь, Сеявуш-паша является сейчас бейлербеом Рума и обладает хассом в 900 юк акча. Он имеет 7 санджаков: Амасья, Бозок, Диврик, Джаник, Арабкыр, Чорум...² и Сивас — санджак паши. Заимы и владельцы тимаров имеют 3100 кылыджей, а доход их — 131 юк 87 120 акча.

Мой возлюбленный падишах, Хюсеин-паша является сейчас бейлербеом Эрзурума и имеет хасс с доходом в 12 юк в год. В его эялете 13 санджаков: Карахисары Шаркы, Киги, Пасин,

¹ Не прочитано издателем.

² Тоже.

Улья, Испир, Хыныс, Малазкирд, Текман, Кузуджан, Бортум, Медженкерд, Намреван, Эрзурум — санджак паши. Заимы и владельцы тимаров этих лива имеют 3055 кылыджей. Годовой доход их — 59 юк 6920 акча.

Мой всесильный падишах, Сефер-паша в настоящее время является бейлербеем Чылдыра и имеет хасс с доходом в 9 юков 26 000 акча. В его эялете 115 санджаков: Олты, Хартуш, Ардануч, Ардахан, Безрек, Хачрек, Постхо, Махджил, Аджира, Пумбек; санджаки, имеющие оджаклыки: Пертекрек, Леване, Нисфи Леване, Шавшат, Чылдыр. Заимы и владельцы тимаров этих санджаков имеют 1380 кылыджей. Их годовой доход 92 юка 86 000 акча.

Мой возлюбленный падишах, Мехмед-паша является сейчас бейлербеем Карса. Его хасс имеет годовой доход в 8 юков 20 000 акча. Имеется 6 санджаков: Малый Рахдживан, Зарошад, Гечван, Кагызмаи вместе с Шюрегиль, Карс вместе с Пасином является санджаком паши. Заимы вместе с владельцами тимаров имеют 1206 кылыджей, доход которых равен 90 юков 4119 акча. Это войско находится в трех днях пути от крепости Ван, расположенной на границе Ирана.

Мой всемилостивый государь, Хюсеин-паша является сейчас бейлербеем Трабзона. Он имеет хасс в 6 юков. Два санджака: Трабзон и Батум.

Мой всемилостивый повелитель, Юсуф-паша является сейчас бейлербеем Кафы, а Мустарлы Мустафа — бейлербей Хабеша.

Сулейман-паша сейчас является бейлербеем Мосула и имеет хасс в 50 юков 81 000 акча. В эялете 6 санджаков: Мосул — санджак паши, Баджванлы, Текрит, Старый Мосул, Хорн и Бане. Заимы и владельцы тимаров этих санджаков имеют 274 кылыджа с доходом в 21 юк 40 000 акча.

Дервиш-паша является бейлербеем Багдада, в котором 14 юков сальяне и в эялете 18 санджаков. Только в 7 из них имеются заимы и владельцы тимаров: Хале, Зенги, Абад, Дживариз, Ремахийе, Ченгюле, Карадаг, Держенк, Семават, Баят, Дерне, Дебала, Эльайих, Васыт и Неренд, Демиркапу, Казанийе, Гилян, Багдад — санджак паши. Крепость охраняют — 8000 янычар и 4000 городского войска, которых называют Багдад куллары. У паши до 3000 вооруженного войска.

Мой могучий повелитель, Хасан-паша является бейлербеем Вана и имеет хасс с доходом в 11 юков акча. В эялете 14 санджаков: Ван — санджак паши, Адильджеваз, эрджиш, Муш, Баргити, Кяркяр, Кесани, Асиберд, Агакес, Эркады бени кутур, крепость Баязид, Берда, Оваджик, управление

Бидлиское. Заимы и владельцы тимаров этих имеют 1380 кылыджей. Их доход — 200 юков 79 [тысяч] акча.

Джафер-паша является бейлербеем Шехризора и имеет хасс с доходом в 10 юков. В эялете 21 санджак: Сюрючек, Эрбиль, Кешаф, Шехрибазар, Джебели Хюмрейин, Хазарменд, Толджуран, Меркаве, Аджур, Дженгюле, Якберле, Белкас, Ушни, Тел и Тави, Сейид Буренджин, Ирман, Дадан, Беренд, Харир вместе с Дудин, крепость Гази Кешан — санджак паши.

IX. Об аваризе и сюрсате

Да предохранит всевышний от ошибок священную особу могущественного падишаха и да продлит пребывание его на троне!

Мой благоденствующий повелитель, брать с каждого дома райи авариз по 5 курушей — много. Это обременительно для бедной райи. Мой милостивый государь, на основании древних законов следует взимать 300 акча. Сборщику, который ходит по дворам, достаточно 40 акча с каждого дома. Он является и берет с каждого дома 300 акча. Если соблюдать этот порядок, то и райя будет молиться за тебя и в стране наступит процветание и не будет насилия. Соизвольте спросить слугу своего великого везира: взимается ли до сего времени с каждого дома райи по 5 курушей или теперь стало больше? Мой могущественный государь, в вашем богохранимом государстве всего домов, подлежащих обложению аваризом, 120 000. 20 000 домов неплатежеспособны. А с 100 000 домов получится 300 юк акча.

Наконец, мой могущественный повелитель, месяц мухаррем есть начало года. В это время составляют реестры авариза и продают за деньги. Покупающий человек получает верные деньги. Начиная сбор денег в бейлике, он не только компенсирует уплаченную им взятку, но старается еще и получить несколько акча барыша. Поэтому на бедную райю обрушиваются всевозможные притеснения да и не может быть иначе [при такой системе]. Поэтому дайте указ слуге вашему, везиру: „Реестры авариза распределяй как подобает сам. Собирать авариз посылай мусульман, верующих людей. Пусть они берут в пользу казны с каждого дома 300 акча, а каждому сборщику назначь 40 акча и чтобы больше этого не брали. И нет моего августейшего согласия на то, чтобы реестры отдавать в руки торговцев. Если до моего августейшего слуха дойдет весть о том, что кто-либо из сборщиков берет более, чем я повелел — в ответе будешь ты, знай это. Стам-

бул переполнен райей с той стороны. Если я услышу, то ни одному слову твоему доверия не будет — знай это!“.

Мой могущественный государь соизволил задать вопрос о сюрсате. Сей налог (сюрсат) налагается на райю во время войны. Сюрсат вносится в виде ячменя, пшеницы, муки, дров в том размере, какой определен, и райя сами привозят его в место, назначенное милостивым государем. Пока не будет собрано необходимое количество, сбор производится и ночью и днем. Казна не берет это безвозмездно, а уплачивает деньги. Стоимость [этого] выплачивается из казны падишаха и, таким образом, право собственности не нарушается. Однако, если нет войны, то облагать райю сюрсатом нельзя, закона нет. Назначается еще налог, называемый „Незиль захиреси“,¹ в размере 5 киле ячменя, 1 киле муки с каждого дома; если имеется 200 домов, то всего 1000 киле ячменя и 200 киле муки; если падишах стоит во вражеской стране под какой-либо крепостью, то райя доставляют все это туда на верблюдах и сдают. Одним словом, мой могущественный государь, райя — есть казна падишаха. Если райя в хорошем состоянии и не подвергается притеснениям, — казна падишаха полна. Дайте-ка сегодня священный указ — собрать с райи по одному курушу, — сколько это будет сотен тысяч курушей? В настоящее время нужно оберегать райю и не позволять притеснять ее. А в остальном — воля моего могущественного повелителя.

Х. Относительно наставлений шейхульисламу

„Превосходительному шейхульисламу эфенди в соответствии с настоящим указом продолжать моление за наше государство и как следует заботиться в отношении порученных обязанностей издания фетв, что является делом религии у мухаммеданской общины. А также продолжать докладывать относительно положения улемов. Ожидается, что ты, служивший честно и старательно во времена моего покойного, пребывающего в раю, брата, в мое царствование будешь еще более заботлив“. Точно так же дайте [ему] знать запиской и о других делах. Вот и все!

Кадиаскерам предпишите, чтобы они, в соответствии с возложенными на них обязанностями, „прилагали старания в отношении законоположений Мухаммеда, дел наиславней-

¹ Вернее было бы транскрибировать „нюзюль захиреси“.

шей религии и молитв за мою державу". Чтобы они, донося о [поведении] сановных людей, не допускали их совершать что-либо противное чести султаната.

XI. Об организации судопроизводства

Да предохранит всевышний от ошибок священную особу падишаха и да продлит его пребывание на троне! Мой всемилостивый повелитель, румелийский кадиаскер представляет всех кадиев, имеющих в Румелии. Анатолийский кадиаскер представляет всех анатолийских кадиев. Румелийские кадии не могут стать кадиями в Анатолии, равно как и анатолийские кадии не могут стать кадиями Румелии, а могут оставаться только в Анатолии. Мой могущественный государь, когда в Анатолии какой-либо кадий будет смещен, он должен прибыть к счастливому порогу. Срок стажирования на должность кадиаскера Анатолии — два года. Раз в неделю, по четвергам, бывает день дивана кадиаскера. Тогда все отставные кадии надевают большой тюрбан, называемый ѓрф, и приходят приветствовать кадиаскера. Каждый из них просит должность кадия в касаба. Если просьбе кадиев исполнилось два года, то о каждом из них, сколько их есть, докладывается к подножию трона. Всего в Анатолии 700—800 кадиев. [Эта должность] через каждые два года распределяется среди стажеров. Когда назначенный получит отставку, то это называется „время приписки“, а когда из отставки получает должность, то это называется „время отлучения“ [от стажерства].

Мой великодушный падишах, когда кадиаскер зачитает реестр и доложит, что такой-то кадий назначается туда-то, соизвольте спросить: „Обучен ли и справедлив представленный тобой кадий“ — и прикажите: „Берегись, не предлагай того, кто окажется несправедливым, вся ответственность будет на тебе! Будь внимателен и не давай должности кадия невежде. Такому назначению не будет моего августейшего соизволения. А если такое дойдет до моего высочайшего слуха, — ты знаешь, [что будет]“. Однако такого закона нет, чтобы не смещать кого-либо до окончания двух лет. А когда исполнится два года, то не обязательно ставить другого, можно того же оставить на месте. Эти должности кадиев бывают с жалованием в 150 акча, 130 акча, 100 акча, 80 акча, 40 акча и 20 акча [в день]. Каждое первое назначение определяется только в 20 акча. 150 акча есть наибольшая ставка, которую превышать не положено.

Мой всемогущий государь, выше этих должностей есть звание „мевлийет“ с жалованием в 300—500 акча. Этим предстает муфти ислама. Делами мюдеррисов и мулл ведают муфти. Везир постоянно доносит об этом к подножию трона. Звание мевлийет бессрочно, оно остается и после отставки. Во все крупные ялеты богохранимого государства, такие, как Египет, Халеб, Диярбекир, Дамаск, Эрзурум, Салоники, Будун, София, Бруса, Адрианополь, Стамбул, назначаются муллы с жалованием в 500 акча. [Последовательность назначения]: из Брусы в Эдирне, из Эдирне — в Стамбул. Кадий Стамбула может стать кадиаскером Анатолии. Сколько ни есть в Стамбуле торговцев, булочников, мясников и прочих лавочников, — для всех их стамбульский кадий определяет таксу и наказывает. Ему подведомственны все стамбульские базары. Он наказывает тех, кто не доведывает. Соизвольте повелеть слуге вашему великому везиру: „Прикажи эфендию Стамбула, чтобы он как следует следил за соблюдением таксы, чтобы чаще делал обходы. Иначе за все ответит“. Такой строгий указ необходим. За халвовщиками всего города он наблюдает.

Мой всемогущий государь, в Румелии 450 должностей кадиев, однако стажеров еще больше. На каждую должность 15 стажеров. Они сдают испытание и если окажутся знающими, то получают право и по истечении срока им дается [должность]. Кадиаскерам, когда они будут делать представления, дайте священный указ: „Когда представляете на должность кадия, то не делайте этого по протекции или за взятку. Представлен должен быть тот, кто сдал экзамен и доказал свое право“.

ХII. Крымские ханы и организация церемониала

Да предохранит всевышний от ошибок священную особу падишаха и да продлит он пребывание его на троне.

Мой могучий повелитель, был один татарин по имени Тимур. По ту сторону от Ирана жил один из сыновей Чингиза, по имени Аксак Тимур, положение которого было ниже, чем страны, называемой *Озбек*. А теперь, мой повелитель, имеются твои слуги Татар-ханы, которые также происходят от потомков Чингиз-хана. Была страна под названием *Nata vü Nateu*,¹ где падишахом являлся кяфир. Падишахи ислама

¹ Значение этого названия уточнить не удалось.

победили его и отняли его владения. Ставшие мусульманами эти ханы от них происходят. В татарской породе не бывает правды и потому от того люда большого добра не было. Наконец, после смерти хана, когда его место освободилось, в столице находились ханские сыновья. Ханом становился тот, который во время праздника ранее других простерся ниц у подножия трона. Когда место [хана] освобождается и надо произвести назначение, следует повелеть: „Ты взращен нашей милостью и я дал тебе ханство. Ты должен быть готовым отдать голову и душу за султана. Я на тебя надеюсь“, — и при этом подарить ему собою шубу, украшенные драгоценностями меч и колпак, говоря: „Действуй только в соответствии с моим августейшим согласиeм. Остерегайся моего гнева. К тебе велико мое расположение. Всегда действуй по справедливости“. И еще, мой всеильный государь, до тех пор, пока не возникнет большой необходимости, не следует их сменять. Местом пребывания их является Крым. Это горная и дикая страна. Соседями ее являются русы, московиты и поляки. Ваши великие предки всегда относились с большим уважением к этим ханам и посылали им следующего содержания указы: „Вы, воспитанные нашей падишахской милостью, отмеченные знаком победы, возвышенные нашим монаршим благоволением высокие ханы, да будет вам известно, что избранные доблестными мирзами, вы во время войны должны быть посланы во главе татар против неверных. Наступайте на их области и подвергайте их разрушению“.

Мой всеильный государь, названный Тимурленк пришел некогда с большим войском из Ирана и вступил в сражение с вашим дедом ханом Йылдырым, падишахом у Энгюрю. По той причине, что войска Анатолии перебежали, Тимур победил и захватил Йылдырым-хана. [Тимур] имел наемное войско численностью в 280 000, а у Баязида было 90 000 войска. Вследствие численного превосходства он и одержал победу. Войску следует оказывать благоволение и тогда оно в нужный момент жертвует всем во имя падишаха. Если за ними не смотреть и не обеспечить их права, то и они не отдадут душу за дело. Жалованье следует выплачивать в три месяца раз, а также следует принять некоторые особые меры.

Мой могущественный повелитель, у вашего слуги, капудан-паши, в распоряжении 45 галёрных беев: Мора-бей, Родос-бей, Агрыбоз-бей, Систра-бей, Сакыз-бей, Ментеша-бей, Инеболу-бей, Мидилли-бей, Айямавра-бей, Қарлыли-бей, еще бейлербей островов, бейлербей Туниса и бейлербей Магриба, —

всего 3000 кылыджей. Все они имеют галеры. Весной, когда капудан-паша выводит августейший флот и личный состав арсенала, они все идут в поход, куда им предписывает августейший указ. Кроме того, в государственном арсенале 40 снаряженных галер, которые также идут с капудан-пашой. На головной галере капудан-паши имеется 7 рядов гребцов, а на остальных — 4—5 рядов. Всего имеется 78 галер. Капудан-паша начальствует над Черным и Средиземным морями. Выполнив все свои дела, он присылает к подножию трона 50 юк акча, которые взимаются с владельцев тимаров и зеаметов, не участвующих в походе. Если имеющий зеамет в 40 000 акча не идет в поход, то с него и следует взять 40 000 акча под названием „бедель“ („замена“).

А сейчас соизвольте послать слуге вашему капудан-паше священный указ: „Ты должен как следует охранять Черное и Средиземное моря. Смотри, чтобы неверные казаки не совершили нападения на какое-либо место! Отвечать будешь ты. Прилагай больше забот для наблюдения за состоянием галер, арсенала и беев, но никому не чини притеснений. Не проявляй жадности к деньгам. Голова и душа твои должны быть отданы на наши августейшие дела“.

Мой всемогущий государь, когда вы счастливо выходите на церемонию целования руки, вам не подобает смотреть вправо и влево, а только на тех, кто подходят целовать руку. В то время, когда вам целуют руку, не следует разговаривать с великим везиром. Первыми целуют руку сыновья хана, а тот, который станет ханом, — ранее других. Потом целуют руку по степени знатности. Вы встаете только тогда, когда скажет великий везир. Слишком большого почета оказывать не следует. Соизвольте повелеть слуге вашему, великому везиру, чтобы он называл по имени каждого, подходящего к руке, дабы вы знали слуг ваших. Мой доблестный падишах, сидеть следует грозно, чтобы у каждого появился страх. Повелителя приходят смотреть и друзья и враги. Я написал бумагу и отправил, дабы не было недостатка в вашем благословенном языке в отношении тех имен.

Мой могучий повелитель, когда после счастливого целования руки, вы выходите к намазу, то, приветствуя стоящих справа и слева, не наклоняйте слишком вашей благословенной головы, достаточно незначительного кивка. Когда вы спуститесь в сад, то всевозможные мастера — акробаты, борцы на палицах и врукопашную, стрелки из лука, будут показывать вам свое мастерство и вы одаряйте каждого по его способностям. Когда целовать руку явятся морские беи, то прика-

жите капудан-паше: „Старательно исполняй государственную службу. Будь бдителен в отношении врага. Не жалея своей жизни. Остерегайся небрежности и халатности! С тобою мои всеблагие молитвы“.

Мой всемогущий государь, не прогневайтесь, что низайшему рабу вашему пришли на ум такого рода мысли. Потому что, мой милостивый падишах, ваше благословенное сердце нуждается в выяснении истины.

Всевышний повелел своему пророку: „О, мой возлюбленный, советуйся со своими приближенными!“. Советы чрезвычайно необходимы. Моему повелителю нисколько не зазорно спрашивать. Учиться и расспрашивать у знающих не стыдно. Покойный повелитель, ваш брат, бывало, в течение дня шесть раз спросит. А ведь он был падишахом около 18 лет. И всегда, когда что-либо недостаточно знал, он тщательно готовился. И моему падишаху постепенно следует все необходимые дела познать.

Мой могучий повелитель, татарский хан подобен другим вашим слугам, однако от него такой же службы требовать не следует. Эта отдаленная страна является выходом к неверным. Они защищают границу и других дел у них нет. Иногда от них даже бывает вред, так как они не являются нам в полной мере дружественными.

Мой великодушный падишах, ваши слуги состоят из янычар, сипахиев, займов и владельцев тимаров. Каждому из них оказывается благоволение в соответствии с занимаемым положением.

Когда сопутствуемые счастьем, вы выходите, чтобы дать поцеловать руку сыновьям хана, то достаточно того, что вы делаете это стоя, больших почестей не требуется.

XIII. Разъяснение [значения] мухафаза, салияне, мукатаа и др.

Мой милостивый повелитель, „мухафаза“ называется служба, которую несут войска на границах и в крепостях, охраняя их от врагов. Салияне — называется налог, уплачиваемый эминами беям по 3—4 юк акча; взимается раз в год. У капуданов имеются галеры, но санджака у них нет. Вот раз в году с эминов и берется налог под названием „салияне“, что значит „годовой“. А мухасебе есть учет того, сколько в году бывает дохода и расхода. Записывается ежегодно. Как только закончится год, производится подсчет — каковы прибыль и убыток. Эта операция и называется мухасебе (счетоводство). А „мукатаа“ означает следующее: когда, на-

пример, кому-либо дается на один год за 100 или 500 юк акча таможня или рудники, их [тогда] называют „макту“ и получившему их выдается священный указ с тугрою. И пока не истечет год, назад не отнимается. Эта и называется „мукатаа“. „Беввабами“ называют привратников (капуджу). „Умера“ — называют беев. „Кылыдж зеамети“ называют те [пожалования], за которым значится [более] 20 000 акча [дохода].¹ „Кылыдж тимары“ называется надел с доходом от 3000 до 19 999 акча. А если доход на 1 акча больше, т. е. с 20 000, то название его будет уже „зеамет“. А от 100 000 акча [доход] называется „хасс“.

Мой могущественный падишах, о положении райи и в целях проявления заботы об этом дайте указ слуге вашему, великому везиру: „Отправляющимся собирать авариз крепко-накрепко прикажи, чтобы производили сбор только в соответствии с реестром и излишка денег с райи не брали“. „Аваризом“ называется подать, собираемая с мусульман по 300 акча с дома. „Хараджем“ называется подать, взимаемая с неверных в размере 285 акча с человека (с головы). Сборщикам хараджа, как и сборщикам авариза прикажи не брать более, чем указано в реестре.

Всякий раз, когда выходите на прием в Диван, дайте священный указ слуге вашему, великому везиру: „Как следует следи за делами мусульман. Нет моего августейшего согласия на то, чтобы чинилось притеснение хотя бы одному человеку. Ответственным за это являешься ты, как на этом, так и на том свете“. Этот указ сделает ваше имя известным всему миру. И еще пожалуйста священный указ кадиаскерам, чтобы они не давали должности судий невеждам и притеснителям, а пусть представляют только тех, кто старателен, знающ и является верующим. Укажите, чтобы более всего остерегались брать взятки. Также соизвольте повелеть слуге вашему, янычарскому аге: „Смотри, больше прилагай забот в отношении очагов, блюди дисциплину, иначе ты ответишь. Об освободившихся местах сперва доложи к подножию трона, а уж потом их распределяй. Я жду от тебя хорошей службы. Проявляя рвение и заботы, ты сохранишь мое к тебе благо-расположение. Содержи свой очаг в хорошем состоянии,

¹ После этого следует фраза, смысл которой не ясен, ввиду невозможности определить значение терминов „icmallu demek derenti olmayip ta evvelce öyle yazılmış zeameti olana derler“. Условно можно было бы предложить такой перевод: „Реестровым называют владельца зеамета, который не обладает определенного размера доходом (?) и в такой форме зарегистрирован с давних времен“.

наказывай дурных и уничтожай мятежников. Принимай все меры к наилучшей охране Стамбула". Райя Валахии и Молдавии являются плательщиками хараджа моему повелителю. Их харадж прибывает в Стамбул в год раз. [Харадж] собирают воеводы моего повелителя. Ни один из них не поступает дурно. Не было такого случая, чтобы кто-либо из них хоть раз польстился на деньги.

XIV. О государственной таксе и о султанских кладовых

Да предохранит всевышний от ошибок священную особу падишаха и продлит его пребывание на троне!

Мой благоденствующий повелитель, такса (нарх) это есть назначенная вашим слугою везиром цена, когда он дает указ, чтобы мясники продавали баранину по 1 акча за вакийе, пшеницу по 60 акча за киле и рис по 50 акча за киле. Во всех городах, где производится торговля, определяют всему цену и тогда говорят: „Назначена такса“.

Мой всемогущий государь, когда возникает августейшее желание пожаловать указ, то соизвольте заставить написать следующее священное предписание: „Ты, великий везир, прикажи мясникам установить таксу в 12 акча. Знай это“. Также в отношении хлеба соизволь повелеть: „Ты, великий везир, установи таксу для булочников в размере 150 дирхемов хлеба за 1 акча. Знай это“. Установление таким образом стоимости различных вещей называется „таксой“ (нарх).

Киле называется мера сыпучих тел, равная 20 вакийе пшеницы. 20 вакийе пшеницы называют 1 киле. 1 вакийе равен 400 дирхемам. 1 дирхем равен весу 16 зерен сладкого рожка.

„Фырката“ называется небольшая галера с 15 сидениями для 15 рядов гребцов. [Так] наказываются воры, закованные в цепи. „Кальон“ — большой корабль с парусом. Ходит из Стамбула в Египет и привозит из Египта съестные припасы, предназначенные для моего милостивого падишаха. Ежегодно следует по закону приходить в кладовые и осматривать их. Например, имеется 400 корзин с сахаром, они должны содержать 45 000 вакийе сахару. В султанскую кухню выдается ежедневно 20 вакийе сахару. В халовне главному приготовителю компота (башхошапчи) для приготовления компота выдается 21 киле сахару. Во все кушанья, компоты и шербеты как для вашей собственной персоны, так и для внутренних и внешних [слуг] в день расходуется 110 вакийе

сахару. И еще расходуется 6000 киле риса, перец, гвоздика, имбирь; все это сдается в кладовые и поступает в султанскую кухню и в халовню.

И есть один дьявольский кяфир-капитан, который известен тем, что водит большой галион (кальон) и постоянно действует в Египте. Идя из Стамбула, он везет строевой лес вроде досок, балок. Из Египта он привозит продукты: рис, кофе, сахар, лен, лавзонию (хна) и т. п. Корабли островов заполнены левендами. Они постоянно совершают походы на франкские страны, а встретив франкские корабли, вступают с ними в бой и, одержав победу, захватывают. Этим они и живут.

Мой всеисильный государь, я не знаю точно, сколько баранов ежедневно прибывает на дворцовую кухню. Однако пошлите Максуда-агу к вашему главному кладовщику, пусть он как можно скорее пойдет и скажет, чтобы составили полный реестр, сколько ежедневно баранов расходуется на дворцовой кухне, и пришлет его [реестр] к подножию трона. Таков закон. Главный мясник, начальник кухни и ведающий баранами (коюн-эмини) подведомственны главному кладовщику (киларджи-баши).

Мой всеисильный государь, я отправил на высочайшее рассмотрение хлебец с надписью. На нем имеется тайная искусная надпись из семи имен. За ваше драгоценное здоровье вы должны съедать ежедневно по маленькому кусочку, но более никому не давайте, так как на нем молитвы одного благочестивого старца. Подарив его мне, [он сказал:] „Пусть мой наипрекраснейший повелитель съест сам и никому не даст ни кусочка“. Пусть [мой падишах] не имеет пристрастия к лечению у множества лекарей. Пусть почаще прогуливается на лодке по морю, а также гуляет в саду или ездит верхом на лошади. Пусть будет благополучно ваше здоровье. У меня нет к моему могущественному падишаху другого дела, кроме райи. А прочее подвластно повелениям моего государя.

XV. Описание обязанностей шехран-эмини, терсане-эмини, дефтердаров, рузнамеджи, мухасибов, тимаров...

Да предохранит всевышний от ошибок священную особу падишаха и да продлит его пребывание на троне! Мой всеисильный государь, шехран-эмини ведает всеми постройками, которые бывает необходимо выполнить в султанском дворце;

все расходы [на это] идут через него. Он приходит в Диван и берет ту сумму, которую израсходовал. Он получает в Диване и раздает жалованье ич-огланам внутренних покоев, Паша-сарая и Галата-сарая. Всеми делами [строительства?] в султанском дворце ведает он. Раз в год он представляет отчет великому везиру. Он может израсходовать 200 акча и более, однако ни на что другое не разрешено. Он находится в ведении слуги вашего дворцового аги (сарай-агасы). Если возникает необходимость что-либо построить, то пошлите за дворцовым агою и прикажите ему: надо построить то-то и то. Дворцовый ага позовет шехр-эмини и прикажет: „Падишах повелел отделать комнату, пойди, скажи великому везиру“. Шехр-эмини приходит к великому везиру и говорит: „Благоденствующий падишах повелел сделать постройку“. Великий везир: „Раз есть повеление падишаха, то теперь иди повидай мимар-агу и спроси, что нужно, а сколько потребуется израсходовать денег,— пусть даст Диван“. Сарай-агасы (дворцовый ага) стоит над шехр-эмини, и последний является для него вроде рядового. Матбах-эмини уполномочен вести счет продуктам, выдаваемым на султанскую кухню.

Мой великий государь, терсане-эмини обязан вести учет расходам на морское войско в Стамбульском арсенале.

Кагыд-эмини взимает расход на бераты и указы, выдаваемые кадиям, займам и владельцам тимаров. Он получает также за высочайшие указы и прочие распоряжения бейлербеям; раз в шесть месяцев он подводит итог собранным суммам и сдает деньги в государственную казну.

Мой благоденствующий повелитель, когда высочайше выдается бейлербею священный берат на пожалование эялета, то сумма сбора может достигать 15 000 акча. Сумма сбора за берат займу равна 800, а за берат владельцу тимара — с каждых 3000 акча — 120 акча. Обновление берата есть установленный издавна порядок обмена бератов с восшествием на престол [нового султана].

Все владельцы тимаров обязаны возобновить свои бераты и при этом кагыд-эмини взимает с тимаров также от 3000 акча дохода 120 акча канцелярского сбора (калемийе) и от зеаметов в 20 000 дохода — 800 акча. Берет он также и за бераты на должность имамов, хатибов, муэдзинов и прочих служителей культа хотя бы в 1 акче дохода по 30 акча канцелярского сбора. Все, что собрано, он сдает в казну.

Мой всесильный государь, слуга ваш дефтердар ведает всеми делами казны. Приказы о размерах хараджа, авариза, мукатаа дает баш-дефтердар. Все взимания производятся

под его руководством. За всеми счетными делами эминов и сборщиков хараджа следит он. Сборы денег для казны моего могучего повелителя с райи целиком производятся дефтердаром. Через него производится и [учет] расхода. Без его разрешения никто не может ни взять, ни выдать ни одного акча. В его ведении находятся все слуги, производящие сбор казны падишаха. Он является распорядителем всех этих дел и никто другой не может вмешиваться. Он составляет реестр всех произведенных за год поступлений и расходов, записывает остаток и представляет слуге вашему, великому везиру. А великий везир представляет к подножию трона.

Мой всемогущий падишах, вся ваша казна находится в его руках. Когда он приходит для доклада в августейший Диван, то, ознакомившись с реестром, соизвольте издать священный указ слуге вашему дефтердару: „Исполни старательно свою службу по сбору государственной казны. Я надеюсь на твою честность“.

Мой великий государь, кроме баш-дефтердара, имеются еще три дефтердара: один из них румелийский дефтердар, другой анатолийский дефтердар и (третий) — дунайский дефтердар. У каждого из них сбор казны не велик; они находятся под началом у баш-дефтердара. У каждого из них особые хассы. Ниже дефтердаров идут нишанджи, реисэфенди, дефтер-эмини, составитель главной приходно-расходной книги, счетовод хараджа, счетовод вакуфов, начальник откупов, начальник стамбульских откупов. Всех их именуют ходжами Дивана. И еще, великий государь, [обязанность] начальника таможи состоит в том, чтобы со всех приезжающих в Стамбул кораблей и торговцев взимать с их товаров по 1 акча с каждых 10. Если берет с 10 юков акча, то следует 1 юк акча. Со 100 юков — следует 10 юков акча. Он сдает ежегодно в казну моего повелителя 8 юков акча. Потому что в его ведении очень много мюльтезимов. Мой всемогущий повелитель, мюльтезимом называют того человека, который, приходя к дефтердару, говорит: „Дай мне пристань Йемиш, она с давних пор давала доход 100 000 акча, а я дам 200 000 акча“. К концу года он должен или заплатить эту сумму, или, если он ее не заплатит, сесть в тюрьму. Еще берут деньги под названием „харбидже бейлик“. Их тоже называют мюльтезимами. Бывает и так, что один из эминов говорит: „Дай мне этот пост, сколько денег соберу, все привезу и дам в казну. И вот все, что он соберет, сдает в казну. Их называют эминами. Однако, ввиду того, что в народе

очень мало честных, это дело тоже отдают в ильтизам. Поэтому их и называют мюльтезимами.

Мой милостивый повелитель, имеются составители большой прихода-расходной книги и малой прихода-расходной книги. В ведении составителя большой прихода-расходной книги имеется дефтер. Когда прибывает казна моего благословенного государя и сдается в августейший Диван, тот записывает: в рузнаме столько-то хараджа прибыло из такой-то провинции, столько-то авариза прибыло из такой-то провинции. Называемый мною рузнаме и есть такой дефтер. Ежедневно сколько прибывает казны и сколько расходует, составитель рузнаме своею рукою записывает. Составитель малой рузнаме в период выдачи жалованья сидит в августейшем Диване в Порте и раздает жалованье мютеферрикам, чашнигирам, чавушам, капуджу-баши, мирахорам, кадиаскерам, янычарскому аге и шейхулисламу. Другого дела у него нет.

Мой всесильный государь, мухасебе называется канцелярия, где ведется запись и учет входящих в государственную казну и выходящих из нее денег. В августейшем Диване имеется несколько счетоводов (мухасебеджи): баш мухасебеджи, Румели мухасебеджи, Анадолу мухасебеджи, джизье мухасебеджи. В их обязанности входит вести учет дохода с вакуфов. Мукатааджи ведет годовой дефтер таможен и ильтизамов. Точно так же имеются мюльтезимы и мябаширь (судебный пристав). Когда кто-либо определяется на пост шехр-эмини, начальника кухни, начальника таможни, то им дается назначение, в котором говорится: „Иди и как можно лучше заботься о выполнении доверенной тебе службы“. Ведающий баранами (коюн-эмини) ежедневно определяет расход мяса в дворцовой кухне. Его годовой расход достигает 100 юков акча. Начальник арсенала выдает материалы для арсенала, руководит постройкой галер, восполняя их ряды.

Мой благоденствующий повелитель, в отношении построек, если возникнет необходимость в новом дворце, то соизвольте повелеть дворцовому аге: „Прикажи быстро сделать такую-то постройку“. А если потребуется в саду, то прикажите бастанджи-баши: „В таком-то саду прикажи сделать то-то“. Тот, позвав шехр-эмини, ему прикажет. Шехр-эмини скажет везиру. А если появится августейшее желание построить еще больший кёшк, то дайте священный указ слуге вашему, великому везиру: „Лала, в таком-то месте пусть построят кёшк“.

Мой всемилостивый государь, да продлит всевышний твою жизнь до 1000 лет. У меня нет другого желания на свете, как день и ночь исполнять августейшую службу во имя твоей

справедливой милости. Да предохранит всевышний от ошибок священную особу падишаха. Какое может быть дело у слуги твоего, если не служба? Мне достаточно, если я служу падишаху. Да не будет обделен один из ваших нижайших рабов благословенным взглядом вашим. А прочее есть воля моего всемогущего повелителя.

XVI. Относительно чекана

Да предохранит всевышний от ошибок священную особу падишаха и да продлит он его пребывание на троне! Мой всеильный государь, когда плавят серебро, — жгут уголь. Таких мастеров 200—300 человек. Из них одни плавят серебро, другие отбивают молотом, третьи чеканят монеты. Каждый человек зарабатывает в день кто 40, кто 20 акча. Им ведут счет. Мой могучий повелитель, если из внутренней казны выдаются куруши с повелением начеканить акча, то произведенные расходы пусть показывают по внешней казне. Затем, после переплавки из чистого серебра получается 1000 куруш 95 000 акча. Сколько будет нарублено — все сдается во внутреннюю казну, а вместо этого пусть будут выданы куруши и так до тех пор, пока не достигнет 3000 юк акча.

Мой всеильный государь, соблаговолите дать слуге вашему, везиру, священный указ: „Пусть ювелиры ничего не делают из серебра“. Украшения из серебряного галуна пусть также будут запрещены. Пусть не продают серебряные галуны моего повелителя в другие места. Все серебро должно быть привезено на монетный двор для обмена на акча. Пусть будет послан священный указ эминам рудников, чтобы вели как следует разработку и исправно посылали серебро. От них пусть не берут денег (акча), а требуют серебра.

Мой милосердный государь, если допустить хотя бы небольшой изъян в казне, то впоследствии он станет так велик, что на место одного появится десять изъянов. Мой могучий повелитель, с тех пор, как монета стала испорченной, ваши рабы — райя сделались бедняками. Ваш великий предок султан Сулейман-хан повелел постоянно заботиться о состоянии чекана. Никогда с рудников не брали деньгами, а только серебром. Монеты падишахов возвышают их имя как и хутба. Мой всеильный государь, не дозволено писать ваше славное имя на испорченном серебре. Повелите слуге вашему, везиру: „Достойно ли ставить мое имя на испорченном серебре? Отныне его следует ставить только на чистом серебре“. И еще повелите слуге вашему, везиру: „Дошло до моего

августейшего слуха, что эти негодные красные акча привезены в мой султанский Диван эмином таможни от евреев, которые испортили много курушей. Во имя славы моих предков я срублю ему голову. Крепко-накрепко прикажи, пусть не привозит испорченные монеты. Иначе ты ответишь! А проходящие с других сторон деньги, по прежним законам, пусть положат в мой августейший Диван. Отныне нет моего августейшего согласия на то, чтобы испорченные монеты шли из Порты во внутреннюю [казну]“.

Мой могучий повелитель, во имя благоденствия ваша государственная казна должна расти, а не скудеть. Немедленно соизвольте слуге вашему, великому везиру, дать накрепчайший священный указ: „Будешь ли волновать мое сердце, или успокоишь его? Во времена моего покойного брата твои старания были значительно большими, а теперь мало заботишься. Я поручил тебе все дела, оказал тебе такое доверие. Если ты хоть малость проявишь пренебрежение к делам, милости моей придет конец. Знай это. Я надеюсь на твою службу, более старательную, чем прежде. Не дай глазам твоим заснуть. Сердцем и головою трудись во имя моего августейшего блага. Не время сейчас для спокойствия“.

XVII. Крымские ханы и организация церемониала

Да продлит всевышний долголетие моего повелителя. Если во время шествия моего благословенного падишаха к нему подойдут люди в кандалах и будут просить: „О падишах, я пленный, освободи меня“, то достаньте щедрой рукой из благородного кармана несколько алтын и передайте кетхуде капуджиев с приказанием: „Передай этим пленным“. А если подадут прошение женщины, то прикажите кетхуде капуджиев: „Поступи по справедливости“ и пошлите его с этим к слуге вашему, великому везиру.

Мой могучий повелитель, когда протягивают заявление, прикажите кетхуде капуджиев: „Возьми это прошение“. Сколько бы прошений ни подавали, надо все собрать. По прибытии в августейший дворец все их прочтите. А потом, собрав все вместе и опечатав, отправьте к великому везиру. Составьте указ везиру: „Ты, великий везир, к моему августейшему трону подали несколько прошений, которые посылаю тебе. Найди подавших прошение, выслушай их жалобы и рассуди по справедливости, а потом доложи к подножию трона. Знай это“.

Мой всесильный государь, когда слуга ваш, великий везир, пришлет доклад и спросит: „Жалованье готово. Могут ли выдавать?“. То следует повелеть: „Да будет выдано“. Этой вашей надписи на докладе достаточно.

Мой милостивый повелитель, ваши слуги, находящиеся на той стороне и в Румелии во время выдачи жалования приходят в Стамбул и получают каждый у своего аги, а затем каждый уходит в то место, где проживает, до следующего прихода за жалованием. Однако слуги, находящиеся на границах, из крепостей не выходят и жалование везут туда. Ваши слуги, находящиеся в крепости Ван, получают из казны Диярбекира. А ваши слуги, находящиеся в Эрзуруме, получают из казны Эрзурума. Ваши слуги, находящиеся в крепости Будун, получают из казны Румелии.

Мой всесильный государь, вы соизволили спросить, что такое вакф? Вакф бывает разнообразным. Вот теперь, мой благоденствующий повелитель, вы пожелали построить святую мечеть или благотворительное учреждение или заставить прочитывать джуз (одна из 30 частей Корана). Все, что явится предметом августейшего желания [все будет вакф]. Или у вас возникнет желание сделать какую-нибудь деревню вакфом и вы повелите издать священный указ: „Такую-то деревню я сделал вакфом“. С того, что становится вакфом, казна не берет денег. Туда назначается мютевелли и он собирает деньги. Например, мой всесильный повелитель соизволит приказать, чтобы читали [за упокой] его усопшего брата и имеется хасс, оценивающийся в 8500 акча. Сделайте его вакфом. После этого он исключается из мира и становится вакфом. Или в таком-то месте, такую-то сумму решили сделать вакфом, — вы повелеваете: пусть отдадут. Так делается.

Мой могущественный повелитель, соблаговолите сообщить слуге вашему о состоянии августейшего здоровья. Одарите этой милостью вашего нижайшего раба. Да предохранит всевышний от ошибок священную особу падишаха и да продлит на долгие годы и упрочит его царствование. А прочее есть воля всеславного и благородного падишаха.

XVIII. „Быстро пришли книгу“

Да предохранит всевышний от ошибок священную особу падишаха и да продлит он его пребывание на троне! Мой милосердный повелитель, как только вы соизволили дать священный указ: „Ускорь присылку книги“, тотчас было написано некоторое количество и прислано. Сейчас, переписав

все те черновики в одну книгу, я прислал ее к подножию трона. Так она будет второй. Когда одна из них будет послана для переписки слуге вашему, другая пусть остается у вас. Мой великодушный государь, арабов, присланных сирийским бейлербеєм, зовут друзьями Куттаутарык. Друзы есть хабешские жители, которые не являются приверженцами ни одной религии. Куттаутарык означает „разбойник“, „грабитель“. Наказание для разбойников должно быть убийение (казнь), однако, мой почитаемый государь, вам пришла славная мысль посадить их в тюрьму. Когда, мой всеисильный государь, ваш покойный брат находился в Багдаде, а неверные островитяне и венецианцы начали войну, то венецианцы взяли 10 галер и кораблей и нанесли тем самым огромный ущерб. Тогда ваш покойный брат пришел в страшный гнев и послал венецианцам известие: отныне я разрываю с вами мир и перестаю дружить. Венецианцы испугались и согласились уплатить покойному 500 000 курушей. Мы не знаем прибыли ли эти деньги. Если возникает у моего могучего повелителя августейшее желание узнать, то соизвольте осторожно спросить у слуги вашего, великого везира: „Лала, когда мой покойный брат заключил с венецианцами мир, то они должны были 500 000 курушей. Те деньги пришли?“. В зависимости от того, каков будет ответ, вы известите слугу вашего, сказав ему таким образом: „Мне давно было известно это, да вот теперь вдруг вспомнил“.

А еще, мой милосердный государь, соизволил спросить о вакуфах. Ваши великие предки строили мечети и отдавали деревни в вакф. Все выморочные [деревни] брали в вакф. При каждой мечети был мютевели. Должности мютевели раздаются агою Порты. Всякому, кто пожелает этот мютевели, продает вакуфные деревни. Если он продает деревню за 100 000 акча, то из них 50 000 акча он берет в качестве стоимости сапог (чизме бахасы). Ваш покойный брат брал эту стоимость сапог во внутреннюю казну. Ежегодно от всех мютевели получается 57 юк акча чизме бахасы. Сколько есть в каждом вакфе деревень мютевели продает и полученные деньги расходует на всех, кто получает жалованье: имаму мечети, хатибу, муэдзину, и смотрит за другими расходами. Дефтердар записывает и ведет счет всем деньгам. В начале года он приезжает и производит подсчет. Если расход превышен [доходом], то его называют излишним, привозят и сдают аге Порты. Когда все соберут, то излишки в год достигают также 100 юков акча. Имеются также назначения в Мекку и Медину. 51 000 алтын собираются частью

из избытка, частью из вакуфов Мекки и Медины. Собирается и отправляется ко двору. Ваш покойный брат назначил жалованье женщинам. Каждый месяц им выдавалось по два юка акча, которые сдавались во внутреннюю казну. И это составляло в год 24 юк акча [на каждую]. Мой милостивый повелитель, книгу, которую я начал в черновиках писать, я прислал вам. После вашего августейшего просмотра пусть она снова будет прислана вашему рабу. Завершив все черновики, я пришлю ее к подножию трона, а прочее есть воля моего повелителя.

XIX. О порядке приема послов

Да предохранит всевышний от ошибок священную особу падишаха и да продлит он его пребывание на троне! Мой всеильный государь, когда прибудет посол и склонится у подножия трона, то пусть слуга ваш, великий везир, возьмет его грамоту и положит ее на священный престол. Тогда соизвольте обратиться к слуге вашему, великому везиру: „Спроси посла, для чего он прибыл?“. Когда он спросит и посол ответит: „Я прибыл с целью сохранения мира, ввиду того, что дружба, установившаяся между нами с давних времен, окрепла“. Тогда, мой великий государь, повелите слуге вашему, великому везиру, сказать: „Пусть по древнему обычаю в мою счастливую столицу прибывают послы для сохранения установившихся со времен моих славных предков дружбы и мира. Как и прежде, дружба и мир останутся нерушимыми“, — этого достаточно.

У них не положено спрашивать о состоянии страны. Грамоту затем прикажите отправить в Диван слуге вашему, великому везиру. Ее переведут. И с тем, что в ней написано, следует вам августейше ознакомиться. Ответ опять-таки составляется в августейшем Диване и вручается послу. Когда он отбывает, то снова приходит для поклона перед августейшим тронem и отправляется туда, откуда прибыл.

Мой милосердный повелитель, если кто-либо из райи подает прошение и ваша воля будет поступить по справедливости, то пусть приблизится к голове лошади и заставьте прочитать прошение. Если это будет жалоба на бейлербея или кадия, то передайте ее кетхуде капуджиев и пусть он пошлет великому везиру, даже можете послать и райю. Пусть эту жалобу быстро рассмотрят, истинна она или лжива? А потом так же быстро доложат к подножию августейшего трона. И если действительно бей или кадий чинил притесне-

ние этому райе, то в назидание другим прикажите сместить его и наказать, дайте ему то, что он заслужил. Тогда и другие беи и кадии, испугавшись, не будут утеснять райю. Если же будет августейшее желание поступить еще более справедливо, то прикажите привести райю перед вами и соизвольте спросить: „Каковы твои жалобы?“. Если скажет: „На нас наложили слишком много налогов, сил наших больше нет. Если будет ваша святая воля, то имеются налоги вследствие произвола притеснителей“. Приказав его простить, пошлите кетхуду капуджиев к слуге вашему, великому везиру, и прикажите: „С этого моего раба райи слишком много налогов, некоторые сними, пусть убедятся в справедливости моего правосудия“.

А слуги вашего миралема служба состоит в том, что во время августейшего похода он ведаёт аламадарами, сан-джакадарами и михтерами. Он их начальник. Он считается агою — распорядителем (Özengi agası). Если кому-либо из ваших слуг заново жалуете бейлик, то слуга ваш миралем несет ему от вас новое знамя. Тогда миралему полагается подарить лошадь, соболью шубу и 20 000 акча. А идущему рядом с ним михтер-баши — 2000 акча, а всем прочим музыкантам 5000 акча. У него имеется также жалованье и хасс, другой службы он не знает.

Мой великий государь, если вам понадобится спросить о чем-либо райю, то соизвольте обратиться: „Не чинит ли вам притеснений ваш бейлербей? Не угнетает ли ваш кадий? В чем причины гнета над вами?“. Разузнав все как следует, прикажите слуге вашему, великому везиру, чтобы он послал надежного человека для выяснения справедливости жалобы, и если она справедлива, то дайте указ о наказании бейлербея. Для совершения правосудия раз в месяц следует, сев на коня, выехать на дорогу и расспрашивать всех встречных путников, тогда хорошо будете знать о положении дел. Однако мой великий государь, словам одного человека доверять не следует, пока о том же не услышите из уст других. Мой всеисильный повелитель, следует сохранять государственные тайны. Да предохранит всевышний от ошибок священную особу падишаха. Если от кого-либо до августейшего слуха дойдет тайное известие, то никому не следует говорить: „Такой-то человек сказал мне такое-то слово“. Только надо сказать: „В моем священном сердце это слово закрыто, ничего ни от кого не слышал“. А если будете говорить всякому, то другие испугаются и, зная полезное для государства, из-за страха не скажут.

Мой всемогущий государь, то немногое, что я написал, было удостоено вашей благословенной памятью [т. е. то, о чем вы спросили]. Всякий раз, когда вы соизволили спросить — составлялся ответ. Мой великодушный повелитель, самое важнейшее для государства — сохранять тайну. Падишахам не следует открыто говорить о делах, относящихся к управлению. Когда слуга ваш, великий везир, придет доклад, прочитав и высочайше ознакомившись с ним, порвите его и сожгите. Ответа никому не раскрывайте. А слуге вашему, великому везиру, мой великий государь, соизвольте отдать священный указ: „То, что делаю я, — тебе запрещено. Что бы ни было, хорошо или плохо, если ты меня не уведомил — не делай“. Мой милостивый повелитель, для вашей благословенной особы этому рабу вашему пришла бумага, чтобы вы, августейше ознакомившись, соизволили дать указание о раздаче милостыни в честь вашей священной особы. Вам полезно послать значительные приношения поименно некоторым шейхам. А прочее есть воля моего всемогущего и великодушного повелителя.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И НЕКОТОРЫХ СОБСТВЕННЫХ НАЗВАНИИ

- А в - а г а с ы** — один из четырех султанских охотничьих ага (VI).¹
- А в а р и з** — название чрезвычайного налога, который первоначально взимался нерегулярно, лишь по особому распоряжению султана. С течением времени взимание его стало принимать регулярную форму: через 5 лет, 4 года, а иногда и ежегодно (IX, XIII).
- А г а** — звание начальников различных категорий придворных слуг. При дворе имелись две категории ага: 1) внутренние ага (яч агалары) и внешние ага (дыш агалары). Внутренние ага — капу-кетхудасы, хазинедар-баши, киларджи-баши, сарай-агасы, кызлар-агасы и др. Внешние ага — янычарский ага (еничери-агасы) и подвластные ему начальники отдельных категорий янычарского войска — ага азабов (азаб-агасы), ага сипахиев (сипахи-агасы), ага селяхдаров (селяхдар-агасы), ага улюфеджиев (улюфеджи-агасы), и др. (VI; также: А. Расим. Османлы тарихи, т. I, стр. 259—264).
- А д ж е м и - о г л а н ы** — „чужеземные мальчики“, учреждение для подготовки христианских мальчиков в янычарское войско, см. янычары.
- А к ч а** — мелкая серебряная монета (VII).
- А л т ы н** — золотая монета.
- А н а х т а р - о г л а н ы** — ключник Казначейской палаты, являвшийся помощником гюлюм-баши (II).
- А с е с с - б а ш и** — начальник ночной янычарской охраны в Стамбуле (V).

¹ Римская цифра в скобках обозначает главу трактата, в которой встречается данный термин или собственное название.

Атмаджаджи-баши — один из четырех султанских охотничьих ага (VI).

Аяр — проба серебра (VII).

Балтаджи — придворная охрана из янычар, вооруженная секирами (III).

Баш-дефтердар — главный казначей (XV).

Башмирахор-ага — главный конюший (VI).

Башчавуш — начальник чавушей (III).

Бейлербей — наместник султана и управитель провинции, называемой „аялет“ (VIII).

Берат — грамота на право владения земельным пожалованием (XV).

Бёлюк — одно из шести подразделений сипахив придворного войска (VI).

„Богохранимое государство“ („Мемалик-и махрус“) — одно из наиболее часто употребляемых в сочинениях турецких авторов и в официальных турецких документах наименований Турции.

Бостанджи — садовая охрана при дворе из числа янычар (III).

Будун — турецкое название Будапешта (VIII).

Вакийе — мера веса = 400 дирхемам (XIV).

Гедикли — привилегированные слуги султана, обладающие тимарами или зеаметами (VI).

Гюгюм-баши — начальник над ич-огланами Казначейской палаты (II).

Даруссеаде-агасы — один из дворцовых ага (II).

Деведжи-баши — главный верблюжатник (V).

Дефтердар — казначей (VII, XV).

Дефтер-эмин — начальник реестровых книг (XV).

Джебеджи — кирасир или оружейник; категория султанского, состоящего на жалованье войска. На обязанности их лежала охрана арсенала и оружейных складов, транспортировка и охрана боевого снаряжения во время походов. Другая категория джебеджи или, чаще — джебели (джебелю) представляла собой тех латников-воинов, которых содержали и выводили в поход владельцы ленных пожалований (VI, VIII).

Джизье — подушная подать с немусульманского населения (III).

Дяльсиэ — „без языка“, „немой“, так назывались придворные слуги, которым не давалось права разговаривать и приказания которым также отдавались молча, жестами. (В. Д. Смирнов. Кочибей. . . стр. 84, прим. 2).

Дирлик — „средство для жизни“, „кормление“, „иждивение“, общее название всякого вида государственного содержания — денежного (жалованье) или доход с пожалованного земельного владения (III).

Дирхем — 1) мера веса, равная, по определению Кочибей, весу 16 зерен сладкого рожка (XIV); 2) серебряная монета, равная в XVI в. 4 акча. 3 дирхема составляли 1 золотой динар (А. Расим. Османлы тарихи, т. I, стр. 258).

Дюльбенд — тюль (II).

Дюльбенд-огланы — хранитель тюля, но, повидимому, имел на хранении и другие вещи (V).

Еничери-агасы — янычарский ага, верховный начальник всего янычарского войска (III).

Заграджи-баши — начальник ловчих (III).

- Зеамет**—денное пожалование с годовым доходом от 20 000 до 100 000 акча (XIII).
- Зюльфу-балтаджи**—особый отряд придворной стражи, носивших длинные локоны („зюлюф“) (II).
- Ич-огланы**—личные и дворцовые слуги султана, занимавшие различные должности в зависимости от выполняемых обязанностей. Распределялись по соответствующим дворцовым палатам (Казначейская, Воинская и т. д.) (I, II).
- Кагуд-эмини**—„начальник бумаг“, в обязанность которого входило производить денежный сбор за все, выдаваемые султанским двором, грамоты (XV).
- Кадискер**—верховный судья провинции. Кадискеров было только два—румелийский и анатолийский (XI).
- Капу-агасы**—начальник всех придворных слуг (II).
- Капудан-паша**—адмирал, командующий турецким флотом (VII, VIII, XII).
- Капуджу**—„привратник“, категория придворных слуг, которые выполняли службу по охране внутренних покоев султанского дворца (VI).
- Капуджу-баш**—начальник дворцовых привратников (VI).
- Касаба**—небольшой город или большая деревня, имеющая мечеть (V).
- Кетхуда**—военное офицерское звание у сипахиев и янычар (VI).
- Киларджи-баш**—начальник султанских кладовых (II).
- Киле**—мера сыпучих тел, равная 20 вакийе (XIV).
- Китабджи-баш**—старший над книгами для ведения дел о придворных слугах (II).
- Коюн-эмини**—„начальник над баранами“, каптенармус (III).
- Куруш (гуруш)**—серебряная монета, равная в конце XVI в. 120 акча (VII; А. Расим. Османлы тарихи, т. I, стр. 258).
- Кылдыж**—„меч“, „сабля“, таково было общее название для всех категорий военно-денных пожалований (VIII).
- Кынтар**—мера веса = 44 окка (окка = 1 кг 225 г.) (IV).
- Лала**—дядька, воспитатель султанских сыновей (I).
- Левенды**—морское тимарное войско. С уменьшением морских корсарских операций турецкой армии с конца XVI в., левенды часто использовались в качестве отрядов личной охраны отдельных крупных сановников. С течением времени они превратились в банды грабителей, и были уничтожены в 1776 г. (История А. Девдета, т. II, стр. 40).
- Лива**—то же, что и санджак.
- Мангыр**—мелкая медная монета (VII).
- Матбах-эмини**—начальник дворцовой кухни (XV).
- Мевлайет**—высшая судебская должность и звание, которое давалось кадиям шейхульисламом пожизненно (XI).
- Мирахор**—конящий (VI).
- Мирялем**—начальник знаменосцев и музыкантов (XIX).
- Михтеран-и алем**—музыканты в янычарской армии (VI).
- Михтер**—музыкант в янычарской армии, часть их использовалась в качестве вспомогательной команды, которая должна была устанавливать походный султанский шатер (VI).
- Мукатаа**—земля и др. виды собственности султана и казны, налоги с которых отданы на откуп (XIII).

- Мухасебеджи — счетовод (XV).
- Мюлязим — кандидат или стажер на какую-либо должность (VI, XI).
- Мюльтезим — откупщик (XII).
- Мютевели — управитель вакфа (XV).
- Мютеферрика — высшая и самая привилегированная категория личной султанской гвардии (VI).
- Незиль захиреси — обложение, которому подвергается население того места, где остановилось на постой войско, „постоянный провиант“ (VIII).
- Нишанджи — один из высших султанских сановников, хранитель султанской печати (XV).
- Ода — янычарское подразделение, рота (VI).
- Ода-баш и — начальник ода в янычарском войске (VI).
- Оджаклык (или юртлук) — земли, которые в некоторых областях (например Багдаде) правительством передавались в наследственное владение с условием несения пограничной службы, охраны крепости, содержания местного войска и т. д. (VIII; А. Расим. Османлы тарихи, т. I, стр. 429—430).
- Пишкыр-баш и — главный салфеточник, начальник над ич-огланами Кладовой палаты (II).
- Реис-эм ини — начальник канцелярии, которой были подведомственны дела сношений с иностранными государствами (XV).
- Риякдар-ага — стремянный султана (II).
- Рузнаме — приходно-расходные книги, в которых ежедневно регистрировались государственные и дворцовые приходы и расходы (XV).
- Рум, или Малый Рум, — провинция (эялет) с центром в Сивасе (V, VIII).
- Румелия — основная провинция европейских владений Турции, в которую входили покоренные Греция, Сербия, Болгария, Фракия, часть Албании и Черногории. Центром был город София (VIII).
- Сазенде-баш и — начальник музыкантов (VI).
- Салияне — „годовой налог“ (по существу — дань), взимался с провинций, значительная часть земель которых не была разделена на тимары и зеаметы. Этот налог в некоторых областях шел в казну бейлербея на содержание местных гарнизонов („ерли кулу“). Из некоторых областей (например Египет) он целиком отсылался в Стамбул. На положении „салияне“ были следующие области: Египет, Басра, Йемен, Багдад, Хебес, Лахса, некоторые санджаки в Халебе и на островах (VIII, XIII; См. также: А. Расим. Османлы тарихи, т. I, стр. 431).
- Самсонджу-баш и — начальник отряда янычар, дрессирующих военных собак, с которыми они ходили на войну (V).
- Санджак — „знамя“, название областей, на которые разделялись эялеты (VIII).
- Санджак-бей — управитель области, называемой санджак (VIII).
- Сарай-агасы — имел в своем распоряжении 40 человек и наблюдал за внутренними покоями султана — Султанской, Большой и Малой палатами (II).

- Сарай-кетхудасы — (дворцовый кетхуда, начальник слуг Большой палаты. В его обязанности входила также выдача жалования всем придворным слугам (II).
- Сарбан-баши — начальник погонщиков верблюдов (VI).
- Секбаны — „ловчие“, одна из категорий янычарского войска (III, VI).
- Секбан-баши — начальник секбанов (псарей) (III).
- Серкятиб — главный писмоводитель, ведавший составлением и хранением важнейших государственных бумаг и реестров (I).
- Сияхдар — „оруженосец“; один из отрядов придворного кавалерийского войска сипахив (VI).
- Сияхдар-ага — ага бёлюка сияхдаров (VI).
- Сипахи — наименование воина-всадника. Сипахи были двух родов: 1) „улуфели сипахи“ — воин придворного, состоящего на жалование кавалерийского войска; 2) „тимарлы сипахи“ — воин на коне, ленник из числа военно-феодальной знати (VI, XVIII).
- Солаки — одна из категорий янычарского войска. Их обязанность — сопровождать султана в походе и итти у его стремени (III, VI).
- Субаши — главный блюститель порядка на улицах, рынках города. В его ведении были янычарские отряды, несущие охрану по городу (V).
- Сюрсат — чрезвычайные натуральные поставки, налагаемые на крестьян во время войны (VIII).
- Тевлийет — попечительство или обязанности управления вакуфом (II).
- Тезкере — официальный документ на право получения должности или пожалования (III, VIII).
- Терсане-эмни — начальник арсенала (XV).
- Тимар — ленное пожалование с годовым доходом от 3000 до 19999 акча (XIII).
- Тоганджи-баши — начальник сокольников (III).
- Топчу — пушкар, орудийная прислуга; одна из категорий султанского, состоящего на жалование войска (VI).
- Топчу-баши — начальник пушкарей (VI).
- Турнаджи-баши — начальник сокольников (III).
- Хабеш — эялет в Аравии, в который входили Неджа, Джидда (V).
- Хазинедар-баши — начальник султанского казначейства (II).
- Харадж — налог, дань с покоренного немусульманского населения (XIII).
- Харбенде-баши — начальник погонщиков ослов (VI).
- Хасеки — бостанджи, используемые при дворе для исполнения некоторых особых услуг султану (V).
- Хасс — земельное владение, определяемое в пользование государственным сановником взамен жалования. С утратой должности сановники утрачивали и право владения хассом (VIII, XIII).
- Хассода-баши — главный распорядитель в Султанской палате (II).
- Хутба — торжественное произнесение в мечети полного титула султана (VII).
- Чавуши — категория личной султанской гвардии, стоящая на ступень ниже мютеферриков. Вместе с тем чавуш есть военное офицерское звание у сипахив и янычар (VI).
- Чакырджи-баши — сокольников, один из четырех султанских охотничьих аг (VI).
- Чамашир-баши — главный бельещик, ведал бельем султана и являлся начальником над ич-огланами Военной палаты (II).

- Чатма** — род шелковой материи (II).
- Чашнигиры** — султанские слуги, обязанностью которых было подносить к столу султана подносы с яствами (VI).
- Чокадар-ага** — хранитель султанских кафтанов (II).
- Чорбаджи** — младший офицерский чин в янычарском войске (III, VI).
- Шахинджи-баш** — сокольничий, один из четырех султанских охотничьих аг (VI).
- Шехр-эмини** — начальник дворцовой строительной канцелярии (XV).
- Эялет** — так официально назывались до середины XIX в. наместничества, на которые были разделены владения Османской империи. По данным Кочибя, число их в его время было равно 25 (VIII). В 1864 г. они были переименованы в вилаеты.
- Юкакча** — денежная сумма = 100 000 акча (IV).
- Янычары** („ени чери“ — новое войско) — пехотное войско, состоящее на жалованье. Это войско было создано при султанине Мураде I в 1361—1363 гг. Первоначально для него отбирались пленные христианские мальчики, а затем этот набор был узаконен в качестве специального налога на христиан (девширме). Этих мальчиков (в возрасте от 7 до 12 лет) специально подвергали отуречиванию и омусульманиванию сперва в турецких крестьянских семьях, а потом обучали военному делу в особом учреждении, именуемом „аджеми огланы“ — „чужеземные мальчики“ (VI).
- Ясакчи** — янычары, несущие охрану в Стамбуле и других городах (V).

А. Н. КОНОНОВ

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

В Секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР, кроме многочисленных восточных манускриптов, имеется большой востоковедный архив, содержащий значительный материал, характеризующий славный путь нашего отечественного востоковедения.

Большой интерес для истории изучения тюркских языков в России представляют два рукописных словаря, хранящихся в названном архиве: „Русско-татарский словарь“ Сагита Хальфина (1785 г.) и „Турецкий лексикон“ (1793 г.)

„РУССКО-ТАТАРСКИЙ СЛОВАРЬ“ САГИТА ХАЛЬФИНА

В востоковедном архиве Сектора восточных рукописей хранится рукописный двухтомный „Русско-татарский словарь“ (разряд II, оп. 4, № 14/1034 и № 15/1034), составленный Сагитом Хальфиным и переписанный его сыном Исмаилом (1785). Прежде чем дать описание этого словаря, необходимо сказать несколько слов о его составителе.

Сагит Хальфин, полное имя которого по-татарски писалось ² سعید حسن اوغلی حلفی, был первым официально назначенным преподавателем татарского языка для русских.

Первым учебным заведением в России, в котором началось преподавание татарского языка, была 1-я Казанская гимназия, открытая по инициативе Московского университета; так как эта гимназия была призвана способствовать „размножению наук“ и „обучению дворян и разночинцев“, то, по условиям того времени, были организованы две отдельные гимназии, одна — для дворян, другая — для разночинцев. Занятия в первой из них начались в января 1759 г., а во второй — в мае 1759 г.

Екатерина II, имея в виду удовлетворить острую потребность в хороших переводчиках с татарского языка на рус-

ский и с русского на татарский, 12 мая 1769 г. подписала в Царском Селе указ, в котором повелела: „Учредить единожды навсегда при Казанской гимназии для охотников класс того языка и определить учителем оного Старой и Новой в Казани татарских слобод депутата и тамошней Адмиралтейской конторы толмача Сагита Хальфина, которого, пожаловав в переводчики с чином и жалованием против губернского переводчика, как его самого, так и детей его, исключая из податного оклада, дабы он с своей стороны к обоим ему порученным должностям прилежание, и дети его к изучению себя впредь годными к службе надежное одобрение иметь могли“.¹

Должность учителя татарского языка в семье Сагита Хальфина стала наследственной. Сагит Хальфин преподавал в указанных гимназиях с 5 октября 1769 по март 1785 г.; ему наследовал в этой должности его сын Исхак Хальфин, преподававший до 1800 г., которого сменил в этом году внук Сагита и сын Исхака Хальфиных — Ибрагим Хальфин, преподававший татарский язык до своей смерти (1828 г.).² Таким образом, Хальфины преподавали татарский язык в течение шестидесяти лет.

„Преподавание Хальфиных... по словам профессора Ковалевского, — было направлено к практическому изучению языка, посредством кратких грамматических правил о механическом составе языка, переводов, как с татарского на русский, так и обратно с русского на татарский, и, наконец, с помощью разговора. Из их школы вышли многие знатоки татарского языка, которые на разных ступенях государственной службы оправдали ожидания правительства“.³

Сагит Хальфин является автором первого по времени пособия для изучения татарского языка. В 1778 г. в Москве была издана „Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и складов, сочиненная Казанских гимназий учителем и Адмиралтейской конторы переводчиком Сагитом Хальфиным, и татарских в Казане слобод муллами в оных гимназиях рассмотренная и одобренная. Печатана при импе-

¹ В. Владимиров. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. XVIII столетие. Казань, 1867, стр. 45. См. еще: [Ковалевский]. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков при Казанском университете. ЖМНП, июль 1843, Отд. III, стр. 51.

² Ср.: Владимиров, ук. соч., стр. 46; [Ковалевский], ук. соч., 51; Н. И. Веселовский. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879, стр. 97.

³ [Ковалевский], ук. соч., стр. 51—52.

раторском Московском университете, 1778 года“ (52 стр. 8°).¹ Через двадцать три года эта примитивная азбука была заменена превосходным для того времени пособием: „Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованная. В Санкт-Петербурге, при имп. Академии Наук, 1801“ (187 стр. 4°).

Основным трудом С. Хальфина является рукописный двухтомный „Русско-татарский словарь“, на заглавном листе которого рукою первого директора (1818—1842) Азиатского музея Академии Наук Хр. Д. Френа (1782—1851) и за его подписью написано: „Vocabularium Russo-Tataricum, Juventuti in Gymnasio Kasanensi Linguae Tataricae studiosae composuita. 1785 Sa'id, filius 'Hasani, Chalfin ^{اوغلى خالفي} linguae Tataricae quondam in Gymnasio Kasanensi praecceptor atque in rei navalis curia, quae Kasani est, interpret. Isma'il, ejus filius, descripsit. Tomus 1“. Эта же надпись, той же рукою, в несколько сокращенном виде, приведена на первом листе второго тома.²

„Русско-татарский словарь“ С. Хальфина был приобретен Азиатским музеем в 1819 г.³ В первом томе (А—К) 662 стр., около 7300 слов, во втором томе (Л—Я) 899 стр., около 10 000 слов. „Словарь“ писан в три колонки, в среднем 11—12 слов на странице; первая колонка — русский словник, вторая — татарские соответствия в русской транскрипции, третья — татарские соответствия арабской азбукой. „Словарь“ писан черными, уже несколько выцветшими чернилами; русская часть и транскрипция писаны довольно разборчивым почерком, арабская часть написана очень посредственным насхом.

„Словарь“ в общем составлен довольно примитивно: против русского слова приводится только одно татарское. Русские прилагательные относительные, как правило, передаются описательно, способом толкования: Атаманский — атаманга кирякли нярся; Архиерейский — ахунга кирякли нярся; Драгунский — дарагунга кирякли; Журавлиный — турнанынгы; Кадетский — кадитнынг. Обращает на себя внимание один факт, —

¹ Об изданных трудах Ибрагима Хальфина см.: [Ковалевский], ук. соч., стр. 52.

² Краткое упоминание об этом словаре см.: В. Dorn. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. СПб., 1846, стр. 29, 115.

³ В. Дорн, ук. соч., стр. 29.

понятный тюркологам, — заключающийся в том, что в русской части С. Хальфин приводит глаголы не в форме неопределенного наклонения, а в форме 1-го л. ед. ч. прошедшего или, чаще, настоящего времен: *бракую, брал я, избираю, изношу, люблю* и т. п.

Труд С. Хальфина — первый дошедший до нас русско-татарский словарь; мы говорим — дошедший до нас, так как известно, что „словарные опыты возникают у нас или наших соплеменников — ранее XI столетия“¹ и, следовательно, татарско-русские и русско-татарские словари могли существовать и раньше. Это предположение находит себе подтверждение в том известном факте, что на Руси рано появляются „алфавиты иностранных речей“ и „азбуковники“, которые являлись словарями чужих и малопонятных слов; так, например, „Алфавит книга премудрая имея в себе 24 языка“ объясняет и некоторые татарские слова.²

„Словарь“ С. Хальфина представляет для нас двойкий интерес: с одной стороны, он дает точно датированный лексический материал (вторая половина XVIII в.), представляющий определенную ценность для изучения словарного состава татарского языка, с другой стороны, он является памятником татарской лексикографии. Этими двумя моментами, на наш взгляд, и оправдывается появление этой заметки, целью которой является напомнить татароведам об этом словаре.

Следует отметить также, что для истории изучения татарского языка, особенно для татарской лексикографии, имеют определенное значение и анонимный „Русско-татарский словарь“, приписываемый хранителями Архива условно Пашкову (?) и хранящийся в Архиве Сектора восточных рукописей ИВ АН СССР (разряд II, оп. 4, № 4—10).

Этот „Русско-татарский словарь“ написан на больших листах в две линейки черными, несколько порыжевшими чернилами, довольно разборчивым почерком; 1858 страниц. „Словарь“ начинается с „Введения“, в котором изложены „Некоторые грамматические сведения“ о татарском языке. „Словарь“ сохранился в двух экземплярах; один из них, по ряду признаков, является первой редакцией словаря. „Русско-татарский словарь“ (Пашкова?), по всей вероятности,

¹ М. И. Сухомлинов. О языкознании в древней России. Ученые записки Второго отделения Академии Наук, кн. 1, СПб., 1854, стр. 181.

² Там же, стр. 184. См. еще: А. Карпов. Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1878, стр. 174—175.

составлен во второй половине XIX столетия. В этом же разряде Архива хранятся „Материалы (Пашкова?) к русско-татарскому словарю“ (1 папка).

ТУРЕЦКИЙ ЛЕКСИКОН

Свидетельством того, что в XVIII в. в России были первоклассные знатоки турецкого языка, является „Турецкий лексикон“ — рукописный „Турецко-русский словарь“, — датированный 1793 г. и хранящийся в настоящее время в Секторе восточных рукописей ИВ АН СССР (разряд I, опись 7, № 18).

Левая половина страниц этого словаря, т. е. турецкая часть словаря, написана черной тушью очень четким насом; все слова огласованы харакатами и снабжены пометами, объясняющими происхождение слов: т = турецкое слово, а = арабское, п = персидское. При большинстве турецких слов, кроме огласовки харакатами, дана русская транскрипция; отдельные арабские и персидские слова, харакаты при которых не дают правильного турецкого чтения, снабжены также русской транскрипцией. Русские значения написаны характерным для XVIII в. почерком, черными, уже несколько пожелтевшими, чернилами. Почти каждое слово снабжено значительным иллюстративным материалом. На странице два столбца: число столбцов 1776. На оборотной стороне переплета внизу, в левом углу наклейка: „Библиот. Учебн. Отд. В. яз. № Инвент. катал. . . № систем. катал.“ (не заполнено). На первой странице круглая печать „П. библиотеки учебн. Отд. вост. языков МИД“. Следовательно, этот словарь принадлежал Библиотеке Учебного отдела восточных языков Министерства иностранных дел (Отдел был создан в 1823 г.).¹ На последней странице словаря, на столбце 1776, выведено слово „Конец“, под ним у самого края листа той же рукою, что и весь русский текст, красными чернилами написано „1793 году Август. 29“. Словарь переплетен в массивный полный кожаный переплет, на корешке которого на красном фоне золотом написано „Турецкий лексикон“. Этот первый турецко-русский словарь, содержащий около 30 000 слов, по качеству своему не уступает лучшим аналогичным зарубежным изданиям того времени.

Составителем этого словаря являлся, по всей вероятности, один из штатных переводчиков Коллегии иностранных дел;

¹ Материалы для истории Факультета восточных языков, т. I. СПб., 1905, стр. 529—536.

позднее, в связи с организацией в 1823 г. Учебного отдела, словарь был передан в библиотеку этого отдела, из которого после Великой Октябрьской социалистической революции в числе прочих книг и рукописей был передан в Азиатский музей Академии Наук, преобразованный в 1930 г. в Институт востоковедения Академии Наук СССР.

При внимательном рассмотрении „Турецкого лексикона“ обнаруживается определенная зависимость его от известного словаря Менинского (1623—1698).¹ Однако, это не простой перевод правой стороны словаря Менинского на русский язык, а творческая переработка его. Словарь Менинского для нашего анонимного автора являлся основой, которая переработана применительно к потребностям профессионала-переводчика. Примеры, приводимые Менинским, для более полного раскрытия значения того или иного слова, нередко дополнены (ср., например, слова *آب*, *آب* *آب* *آب* и др.) или уточнены, например, у Менинского *ال باشه اوردی* *el baše urdi*, в нашем словаре: *ال باشنه اوردی*, т. е. *äl* башына урду, что, конечно, лучше.

„Турецкий лексикон“ является важным памятником турецкой лексикографии в России и, в силу этого, заслуживает специального изучения.

Пользуясь словарем, хочу обратить внимание специалистов на наличие в указанном хранилище „Словаря азербайджанского и крымско-татарского языков“ (разряд I, оп. 9, № 3). Словарь на карточках; приблизительно 3000 карточек; транскрипция русскими буквами. Специального изучения заслуживает также рукописный „Армяно-калмыкско-персидско-турецкий словарь“.² Еще один рукописный словарь должен привлечь внимание специалистов; я имею в виду „Северовосточный словарь или Лексикон. С русским (!) якутского и тонгусского (!) языков, с чистыми грамматическими склонениями переведенный Санктпетербургской императорской Академии Наук — геодезистом Государственной Коллегии коллежским регистратором Иваном Кожевиным. Книга третья“. Словарь в переплете, по корешку которого на красном фоне золотом написано: „И. Кожевин. Русско-якутский словарь“, 224-+ 24 нумер. стр. (24 нумер. стр. заполнены

¹ Francisci à Mesgnien Meninski, Lexicon Turcico—Arabico—Persicum. 1—IV. Viennae, MDCCLXXX (второе издание).

² Б. Дорн, ук. соч., стр. 117. — С. А. Козин. Азиатский архив при Институте востоковедения Академии Наук СССР. Библиография Востока, № 5—6, 1934, стр. 65.

историческими заметками). Словарь не датирован, однако известно, что Кожевин „ездил по Сибири в 1807 и 1809 году по обязанности землемера и, по просьбе Аделунга, собрал образцы многих языков, из которых особенно богаты были образцы якутского и тунгузского [языков]. См.: Adelong. Catherinens der Grossen Verdienste um vergleichende Sprachenkunde, стр. 204“.¹

Все эти словари, и особенно Русско-татарский словарь С. Хальфина и Турецкий лексикон, свидетельствуют о глубоком знании тюркских языков и являются ценными памятниками тюркской лексикографии в России, заслуживающими специального исследования.

¹ О. Бётлингк. О языке якутов. Ученые записки Академии Наук. т. I, вып. 4, СПб., 1853, стр. 429.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Сабейские покаянные бронзовые таблички из Южной Аравии. VI—I в. до н. э.	5
Фузули. „Диван“. XVII в.	17
Иллюстрация к сборнику новелл Пу Сун-лина „Ляо-чжай чжи-и“. XIX в.	22—23
Свиток из Дунь-хуана. Буддийская сутра на китайском языке. VII—VIII в. н. э.	23
Тангутская энциклопедия „Море значений“. Рукопись из Хара- Хото. XIII в.	27
Иллюстрация к грузинскому переводу „Калилы и Димны“. XVIII в.	32—33
Ибн Мискавейх. „Опыты народов“, т. V. XII в.	61
Ал-Бируни. „Следы, оставшиеся от минувших поколений“. XIII в.	73
Ал-Харйри. „Мақамы“. XIII в.	90—91
Сборник математических и астрономических трактатов Ибн ал-Хайсама. XI в.	95
Ибн Сина (Авиценна). „Канон по медицине“. XII в.	99
Тибетские документы на дереве. Лоб-Нор. VIII в. н. э.	169
Мухаммед Казим. „Книга об украшателе мира Надира“. Лист из I т. XVIII в.	179
Мухаммед Казим. „Книга об украшателе мира Надира“. Восста- новление Мервской плотины. XVIII в.	184—185

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Д. И. Тихоно в. Восточные рукописи Института востоковедения Академии Наук СССР	3
Н. П. Журавлев и А. М. Мугинов. Краткий обзор архивных материалов, хранящихся в Секторе восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР . . .	34
В. И. Беляев. Арабские рукописи в собрании Института востоковедения Академии Наук СССР	54
Р. Р. Орбели. Собрание армянских рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР	104
Л. С. Пучковский. Монгольская феодальная историография XIII—XVII вв.	131
В. С. Воробьев-Десятовский. Коллекция тибетских документов на дереве, собранная С. Е. Маловым	167
Н. Д. Миклухо-Маклай. Рукопись „Аламәрә-и-Надирй“ . . .	176
Н. П. Шастина. Перевод И. Рассохина источника по истории монголов конца XVII в.	200
А. С. Тверитинова. Второй трактат Кочибей	212
А. Н. Кононов. Из истории отечественной тюркологии . . .	269

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *А. Н. Болдырев*
Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректоры *В. К. Загорская* и *Н. М. Шилова*

*

РИСО АН СССР № 45—57В. Подписано к печати 15/IV 1953 г. М.-24518. Бумага 60×92/16. Бум. л. 8³/₄. Печ. л. 17¹/₂. Уч.-изд. л. 17. + 4 вклейки (0.2 уч.-изд. л.). Тираж 3000. Зак. № 513. Номинал по прейскуранту 1952 г. в переплете 11 р. 90 к.

1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
40	21 снизу	Ханькоусской	Ханькоуской
74	12 „	в (1101/1689—1690 г.	в 1101/1689—1690 г.
74	11 „	D 169). ⁶	(D 169). ⁶
81	15 „	Абул-Фиды	Абу л-Фиды
94	2 сверху	Хадйзаде	Қадйзаде
104	8 снизу	они состоит	оно состоит
125	15—16 сверху	вырезаны из какой-то рукописи.	вырезаны из какой-то французской детской книжки.
126	5 сверху	содержится	содержатся
127	6 снизу	о самом раннем	о самой ранней
193	15 „	ارن را صاحب مالدا	ان را صاحب مالدار
194	21 „	'Аббаса II	'Аббаса III
194	4 „	'Аббаса II	'Аббаса III
198	18 „	„ЛАМАРА-И- НАДИРЬ“	„АЛАМАРА-И- НАДИРЬ“
199	22 сверху	'Аббаса II	'Аббаса III
202	11—12 сверху	посмертных	послужных
226	3 сверху	дюльбенд-	дюльбенд-
226	2 снизу	сипайи	синахи

